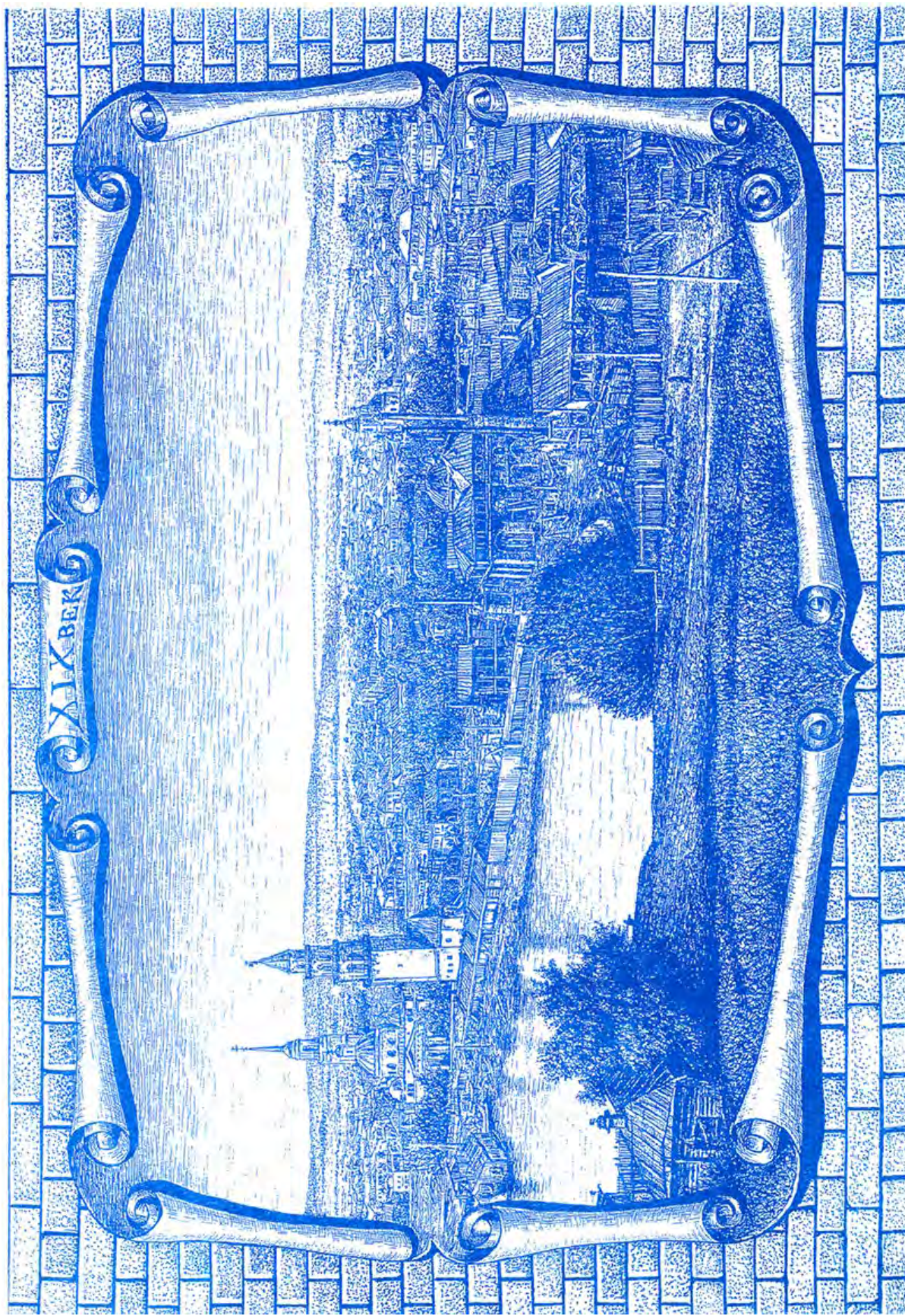

В.Ф. КОЗЛОВ

НЕВЬЯНСК
И ТАЙНЫ
ПРАДРОЩЕИ
БАШНИ

1201~2016

Невьянск. 19 век. Рисунок В. Ф. Козлова. Перо, синяя тушь

Авторское право

на историческую поэму «Невьянск и тайны падающей башни» (стихи, иллюстрации и оформление книги) Козлову Виктору Фёдоровичу выдано Фондом интеллектуальных и информационных ресурсов Удмуртской Республики 21 мая 2016 года.

Никакая часть данной публикации не может быть репродуцирована, сохранена в информационнопоисковой системе или передана любым электронным, механическим или другим способом без предварительного получения письменного разрешения владельца авторского права.

В. Ф. Козлов

НЕВЪЯНСК И ТАЙНЫ ПАДАЮЩЕЙ БАШНИ

Историческая поэма

*Издание 3-е, дополненное
и переработанное для Интернета*

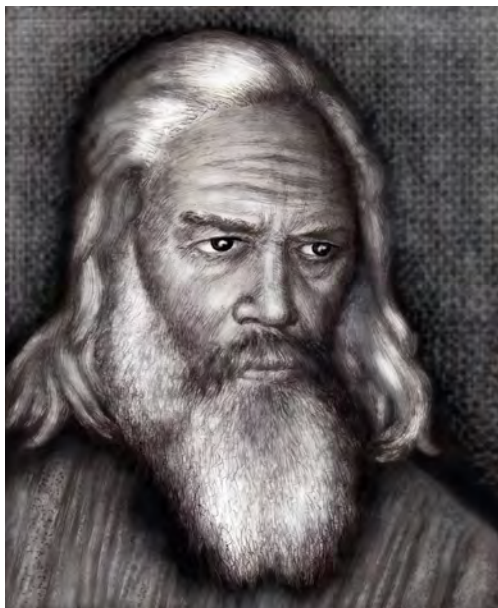

ИЖЕВСК

2016

НЕВЬЯНСКУ —
РОДИНѢ МОЕЙ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОБ АВТОРЕ

1. В. Ф. Козлов. Автопортрет

Козлов Виктор Фёдорович родился 8 февраля в 1938 году в г. Невьянске Свердловской области в семье рабочего и служащей. Отец Вити Фёдор Васильевич работал сварщиком на заводе, имел бронь, на фронт не взяли; умер от вредной, изнурительной работы в 1944 г., не дожив год до Победы над фашистской Германией. Мама Вити Валентина Павловна – секретарша в Невьянском Совете, стала лучшей цветочницей в городе. Витя крещён. Мать одна вырастила пятерых детей: Геннадия, Тамару, Зинаиду, Витю и Ни-ну. Все дети ей помогали по хозяйству, она научила их и Витиных друзей делать искусственные цветы. За работу давала им денег на кино. Ещё Витя с друзьями летом в каникулы подрабатывал на погрузке кирпича. Вместе с мамой дети собирали ягоды и грибы; она продавала их, но оставляла и для семьи; варила варенье, солила грибы, капусту, огурцы...

С пяти лет Витя стал рисовать и участвовал на выставках в Доме пионеров с портретом Пушкина, этюдом «Берёзки», рисунком «Невьянская башня»...

В 1955 г. окончил Невьянскую среднюю школу № 1. В этом же году поступил в Нижнетагильский горно-металлургический техникум (ныне – Нижнетагильский горно-металлургический колледж имени Е. А. и М. Е. Черепановых). Работая на практиках скреперистом, бурильщиком, крепильщиком, набирал опыт в карьере Нижнего Тагила, в рудниках Кривого Рога на Украине. Довелось добровольно от техникума поднимать целинные земли Казахстана, его наградили Почвальным листом Пешковский РК ЛКСМ Казахстана

Кустанайской области за уборку урожая зерна. После окончания техникума в 1958 году трудился в руднике Темир-Тау Кемеровской области крепильщиком, скреперистом, взрывником, горным мастером.

3 года в Советской Армии отслужил радиомехаником ВВС в Красноярске, закончив с отличием военную школу, в Астраханской области на аэродроме.

Поступил в 1961 году при большом конкурсе в г. Свердловске в Уральский политехнический институт (нынче – Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в городе Екатеринбурге). Козлова обучали опытные художники Уфимцев Николай Васильевич, Мильчаков Владимир Алексеевич, ставший Почётным профессором; Игошев Владимир Александрович, ставший профессором, Народным художником СССР. 6 лет Козлов учился архитектуре у Алфёрова Николая Семёновича, ставшего профессором, доктором архитектуры, Народным архитектором СССР, создавшего первый на Урале архитектурный ВУЗ. Изучал Козлов там также и военное дело, и стал командиром взвода средних танков, лейтенантом, шофёром. Окончил институт по специальности «Архитектура» в 1967 году.

Направлен в г. Ижевск в проектный институт «Ипромашпром» (ныне – «Прикампромпроект»), работал старшим инженером, руководителем группы, не раз исполнял обязанности главного архитектора этого института.

Здесь запроектировал заводы, промышленные корпуса, военные городки, жилые, общественные, сельскохозяйственные здания, памятники...

С 1970 по 1994 год трудился в проектно-институте «Удмуртгражданпроект» главным архитектором проектов. Для Удмуртии выполнил проекты жилых районов, микрорайонов, коттеджных посёлков, баз отдыха, пионерских лагерей, жилых домов, клубов, домов культуры, кинотеатров, школ и детских садов, больниц, спортивных сооружений, памятников, других зданий. Вёл авторский надзор. Многие из этих объектов построены.

От Удмуртской АССР зодчий Козлов участвовал в трёх Всероссийских смотрах Госстроя РСФСР на лучшие жилые комплексы, гражданские здания, выстроенные в России; дипломант этого смотра.

В конкурсе «Монумент на воинском кладбище в Ижевске» архитекторы Козлов В.Ф., Пономарёв Г.С., Мифтахов А. Г. и художник Холмогоров А. П. получили 1-ю, 2-ю и 3-ю премии.

В конкурсе на памятник «Узникам баржи смерти в Гольянах» зодчий Козлов и скульптор Цыбульник В. А. получили первое место.

Козлов, а также архитектор Лагунов Р. А., скульптор Аникин А. Е. в кон-

курсе на монумент «Строителям железной дороги Ижевск – Балезино» получили 1-ю премию.

Переводом Козлов принят в Управление вневедомственной экспертизы проектов при Госстрое Удмуртской Республики на должность главного специалиста, там исполнял обязанности и начальника экспертизы.

Козлов В.Ф. член Союза архитекторов СССР и России. Награждён за заслуги в области архитектуры и строительства Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР, Почётной грамотой Правительства Удмуртской Республики, Почётными грамотами Удмуртского Обкома профсоюзов, Почётными грамотами проектных институтов «Ипромашпром», «Удмуртгражданпроект», Грамотами Удмуртского отделения Союза архитекторов России и другими. Также награждён за долголетний добросовестный труд медалью «Ветеран труда СССР».

По совместительству Козлов 17 лет учил студентов в Ижевском механическом институте (ныне – Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова) черчению, рисованию; истории архитектуры, живописи, скульптуре; архитектуре гражданских и промышленных зданий преподавателем, ст. преподавателем, и. о. доцента. Участвовал в становлении строительного факультета, разработал методические указания по курсовым и дипломному проектам; написал курс лекций по истории зодчества, живописи, ваяния; архитектуре гражданских и промышленных зданий; читал лекции, принимал зачёты, экзамены; был членом Государственных Экзаменационных Комиссий.

Козлов женат. Жена Алла Павловна – выпускница Уральского политехнического института, инженер-теплотехник; успешно трудилась руководителем группы по отоплению и вентиляции в институте «Ипромашпром», затем главным специалистом в «Удмуртсельпроекте». Она с мужем воспитала двух дочерей; Катя Русских окончила среднюю и художественную школы, два ВУЗа: Ижевский механический институт и Петербургский государственный университет, работала: инженером-теплотехником в институте «Удмуртсельпроект»; психологом в учреждении «Семья и брак», снискав благодарность у посещавших её; Ныне – социальный работник в Ижевском «Центре социального обслуживания». А это очень трудная, нервная, даже опасная деятельность. У неё – сын Данилушка-школьник. Дочь Аня Гамм закончила среднюю и музыкальную школы; вместе с сестрой Катей окончила два ВУЗа: Ижевский механический институт и Петербургский государственный университет. Трудилась инженером-теплотехником в «Удмуртсельпроекте», бухгалтером в Комсомольске-на-Амуре. Нынче работает добросовестно ведущим инженером

в институте «Удмуртгражданпроект». У её – муж инженер Гамм Владимир Александрович и сын Вова – студент Ижевской государственной сельскохозяйственной академии.

Перед пенсией Козлов занялся писательской деятельностью. Писал стихи для детей и легенды; начал писать поэмы «Микеланджело», «Невьянск и тайны падающей башни».

В 1998 году Козлов вышел на пенсию. Продолжил писать стихи, рисовать, изучать литературу о Невьянске.

Издal историческую поэму «Невьянск и тайны падающей башни» на ГОУП «Невьянская типография» в Невьянске в 2001 году к 300-летию Невьянска; эта же книга (2-ое дополненное, переработанное издание) напечатана в издательстве ООО «Знак» г. Ижевска в 2005 году.

Издal книгу «Микеланджело» в 2010 г. Эта же поэма (2-ое переработанное и дополненное издание) издана Удмуртским отделением Союза архитекторов России в 2012 г. Козлов на эту книгу получил авторское право в 2013 г.

Козлов В. Ф. стал Государственным стипендиатом Российской Федерации 2012 года.

Предлагаемое читателю 3-е издание поэмы «Невьянск и тайны падающей башни» переработано и дополнено; оформление поэмы, обложка, форзацы, иллюстрации, компьютерная вёрстка выполнены автором.

Нынче эту поэму можно прочитать, изучить в Интернете.

Книгу Виктор Фёдорович написал не обычно, а словно бы сказ. Ведь он родился в Невьянске, его полюбил, там учился и часто туда приезжал. Познал историю Невьянска, судьбы династии магнатов Демидовых, жизни невяянцев; изучил Урал, жизни знаменитых уральцев. И, конечно, красочно, с душой о башне Невьянской наклонной рассказал. И написал о родных, о себе, о друзьях брата и о своих, внёсших вклад в историю Невьянска, Урала, страны. Иллюстрации нарисовал чёрной тушью кропотливо, отлично пером.

Поэма интересна, имеет успех, о ней много хороших отзывов, будет полезна специалистам: архитекторам, художникам, скульпторам, дизайнерам, поэтам; рекомендую её прочесть и широкому кругу читателей.

Почётный архитектор России

В. А. Высочанский

ОТ АВТОРА

Для написания книги о родном городе к его 300-летию изучал книги, журналы, газеты, документы, кинофильмы. И вспомнилось то, что сам видел, слышал, читал. С большим желанием узнавал и о Невьянской башне – всемирно-известном памятнике архитектуры.

С детства башня меня звала, вдохновляла, её рисовал. Участвовал на выставках в доме пионеров с портретом Пушкина, этюдом «Берёзки», со цветным рисунком «Невьянская башня» и другими. Азы рисунка, живописи познавал у известного в Невьянске художника-самоучки Карандашова. В школе для кабинета физики я нарисовал портреты учёных. Получал призы за стенгазеты. Рисовал и в техникуме, и в армии. Основы рисунка, живописи получил в УПИ г. Свердловска, учась на архитектора. Нас учили профессиональные и опытные художники. Любили ездить на этюды с Игошевым. Он за каких-нибудь минут 15 схватывал самое главное, творил быстро, энергично. Преподаватели вдохновляли нас, мы старательно учились, учились рисовать. Здесь в институте мне довелось учиться архитектуре у Алфёрова – известного в стране зодчего.

Приобретя опыт в рисовании и архитектуре, мы стали подрабатывать, чтоб получше питаться и одеваться. С Сашей Собиным я на обувной фабрике оформил цех и красный уголок. Коля Ефремов, Саша Шмаков, Саша Соби́н, Женя Устинов, Толя Дубровский и я сделали настенные росписи на заводе «Пластмасс», с фотографиями с этих работ мы участвовали в выставке наглядной агитации Свердловска.

Хотя учёба в институте была очень трудной, но по вечерам с друзьями я снова, как и в техникуме, разгружал вагоны с фруктами, овощами, мукой, крупой, рыбой, водкой, углём. Старостой группы, в которой учился я, был коммунист Володя Высочанский, возглавлявший бригаду по разгрузке.

Бывало, что наряд на эти работы начальник не подписывал и занижал стоимость работ. Тогда мы устраивали сидячую забастовку часа на два.

Приходила в это время бригада из лесотехнического института. Володя им рассказывал ситуацию, и студенты садились рядом с его бригадой.

А простой транспорта был нежелателен; и начальство было вынужденно заключить наряды по существовавшим расценкам. Высочанский добился так своего, и мы (две бригады) выполнили успешно работу.

После окончания института Саша Шмаков и я оформили интерьеры профилактория «Строитель» в Ижевске. С художником, ваятелем и архитекто-

ром Володей Маркеловым я написал панно в актовом зале Ижевского монтажного техникума.

Работал я в институтах «Ипромашпром» и «Удмуртгражданпроект».

А по совместительству преподавал 17 лет в Ижевском механическом институте.

Стихи начал писать в 27 лет. Это поздравления с праздниками и днями рождения, стал писать стихи о животных для внуков. Сперва с трудом удавались строки поэмы. Постепенно при старании постигал сочиненье стихов.

Писал с желанием об истории Невьянска, о наклонной башне. Посчитал необходимым дать сведения и об Урале, об уральцах, и о наших невянцах, и о Демидовых, прославивших Невьянск, Урал, Сибирь и Россию. Написал в поэме и о моих родных, друзьях брата Геннадия, о подругах старших сестёр, о моих друзьях, внёсших вклад в развитие Невьянска и Урала. Немного написал и о себе.

И всё-таки отвлёкся от многих мрачных описаний исторических событий изображением суровой, но красивой природы родного, могучего, древнего нашего Урала.

Признателен авторским коллективам книг «Невянск» 1982 года издания и «Старый Невьянский завод» 2001 года издания, интересно изложившим исторический материал. Часть этих документов воплотил в стихи и применил в своей книге.

Благодарен редакции Невьянской районной газеты «Звезда» и авторам, опубликовавшим в ней много статей об истории Невьянска, его замечательных людях. Переработал частично ряд статей и в стихотворной форме вписал их в свою поэму.

Огромную помощь мне оказала и вдохновила меня старшая сестра, проработавшая много лет учителем русского языка и литературы, Тамара Фёдоровна Наумова, держала меня в курсе событий в Невьянске, мне высылала литературу о нём, написала воспоминания.

Поделились воспоминаниями и мои сёстры инженер Зинаида Фёдоровна Бородина и архивариус Нина Фёдоровна Долгова.

Много мне помогала, советовала жена Алла, понимая и поддержи-

вая необходимость осуществить задуманное в это трудное время.

Советовали и помогали мне дочери Катя Русских и Аня Гамм.

Вдохновил и мой наставник, друг, Почётный архитектор Удмуртии Митрошин Николай Павлович, проработавший многие годы Председателем Госстроя Удмуртской Республики. Когда-то ему подарил я книгу и всё же спросил: – Подписать? – Николай Павлович ответил: – Когда ты сам напишешь книгу, то тогда и подпиши. – Мне это запало в душу. И ещё он к моему дню рождения написал мне страницы стихов, в них напомнил так красиво, образно о Невьянской наклонной башне, на которой он бывал.

Пожелания зодчего Митрошина, моих сестёр, жены, дочерей вдохновили быстрее писать поэму.

Вспомнил ещё и трудолюбие Алфёрова Николая Семёновича – Народного архитектора СССР, нашего преподавателя. А он ведь однажды на лекции нам, студентам, рассказал, как занимается научным трудом: – Рано утром прихожу в архив, беру тома и сажусь изучать их... Поднимаю голову – вечер! – Стараюсь и я, воодушевлённый его примером, всегда упорно трудиться.

С женой и дочерьми осваивал в болоте сад-огород, строил там по моему проекту деревянный дом, похожий на теремок, с резьбой, с треугольными, восьмиугольными окнами, со цветными витражами, с видовой площадкой, с солнечными часами и декоративным флюгером-петушком. Рядом с домом создал железобетонный, маленький плавательный бассейн.

До пенсии писал детские стихи, героическую поэму «Микеланджело» и поэму о Невьянке, написал легенду «Златокузнец Зенон», стихи: «За грибами», «Пишу стихи для внука», «Хорошо, хорошо»...

Выйдя на пенсию, в 2001 году к 300-летию моего родного города Невьянска издал в Невьянской типографии историческую поэму «Невьянск и тайны падающей башни» на свои деньги от продажи гаража и старого мотоцикла.

Для 2-го исправленного и дополненного издания прислали воспоминания А. А. Ряков, Б. И. Булатов, А. С. Овчинникова, В. А. Козлова и другие.

Книгу напечатали на деньги мои и жены в Ижевске в издательстве ООО «Знак» в 2005 г. Подарили поэму родным, друзьям; в Невьянке: властям, библиотекам, музеям, школам; отзыв написала там лишь Лянсберг. Обещанной помощи в Невьянке в издании и переиздании книги никто не оказал.

Издаю и переиздаю героическую поэму «Микеланджело»; с дочерью Катей Русских готовлю 3-ю дополненную, переработанную редакцию книги «Микеланджело» для Интернета.

Интересные сведения о Невьянске, падающей башне написали мне председатель Удмуртской организации Союза архитекторов России Яковлева Рау-Рауза Хайбулловна и зодчий, мой друг Фёдоров Валентин Фёдорович.

Эти известия переработал в стихи и включил в поэму.

В 3-е переработанное издание включены новые сведения о Невьянске, Урале, которые почерпнул в литературных источниках, в Интернете. Ещё нарисовал и новые иллюстрации в поэму.

Вписал в поэму несколько стихов поэтов, эти стихи выделил курсивом.

Высказывания, легенды, документы переработал в стихи.

Часть отзывов о поэме родных, друзей, учителей, известных людей я воплотил в стихотворную форму.

К некоторым своим стихам книги я сочинил музыку.

Большое спасибо всем, кто помогал мне в создании книги.

С некоторыми фактами, высказанными в книгах, газетах и т. д. не согласился. Выразил и своё отношение к событиям.

Эта книга «Невьянск и тайны Падающей башни», – наверное, первая в мире поэма о городе Невьянске.

Написал поэму как художественное произведение, не претендуя на точность всех событий. Но всё же основные вехи истории Невьянска попытался отразить. И в книге же к Невьянской башне обратился, как к живой. Ведь она многое видела и видит, слышала и слышит; знает, как завод и посёлок рождались, при Демидовском роде укреплялись, лучшие в мире железо, чугун выплавлялись; пока не все тайны, легенды раскрывает; указывает время всем поколениям; курантами подбодряет на успехи.

Вдохновляет башня поэтов, писателей, зодчих, художников и других; к себе приглашает; а склонилась, может, в признаньи успехов людей.

Время башню прочно испытало; стала символом города Невьянска.

С БАШНЕЙ НЕВЬЯНСКОЙ ВСТРЕТИЛСЯ ВНОВЬ

1

орога мне память об отчизне моей,
Вновь большая жажда знать всё о ней.
Юбилей города враз меня вдохновил,
Писать про Невьянск родной я решил.

И поддержку жены моей ощущаю,
Дочери тоже мне помогают.
И сыграли роль сестёр воспоминанья,
Также их участие, вниманье.
И документы про наш Невьянск изучал,
Почаще опять его посещал.
Писать я стал с очень дерзким желанием,
Приложил сполна лишь старание,
Чтобы убедительней всё пересказать,
Свои мысли так людям передать.
Историю башни, Невьянска, Урала
Написать мне смелей помогала
И любовь к местам всем с детства близким, родным,
А сейчас далёким, но дорогим.

От суеты уйти попытался порой,
Но ведь жизнь не обойдёшь стороной.
Благодарно о родине я написал,
Так ей лишь скромную лепту отдал.
А писать старался. Выношу всё на суд.
И надеюсь, что удался мой труд.

2

древнем Невьянске – городе родины моей,
Вскоре пройдёт большой трёхсотлетний юбилей.
Мне Тамара-сестра о нём пишет немало,
Это долгом её пред отчизною стало.
А она вблизи от Невьянска, в Быньгах, живёт,
Всегда держит в курсе любых городских забот.

О Невьянске стихи есть поэтов своих,
И здесь Юрий Паромов – один лишь из них,
А в стихотвореньи задушевном, простом
Так он написал всем нам о граде родном:

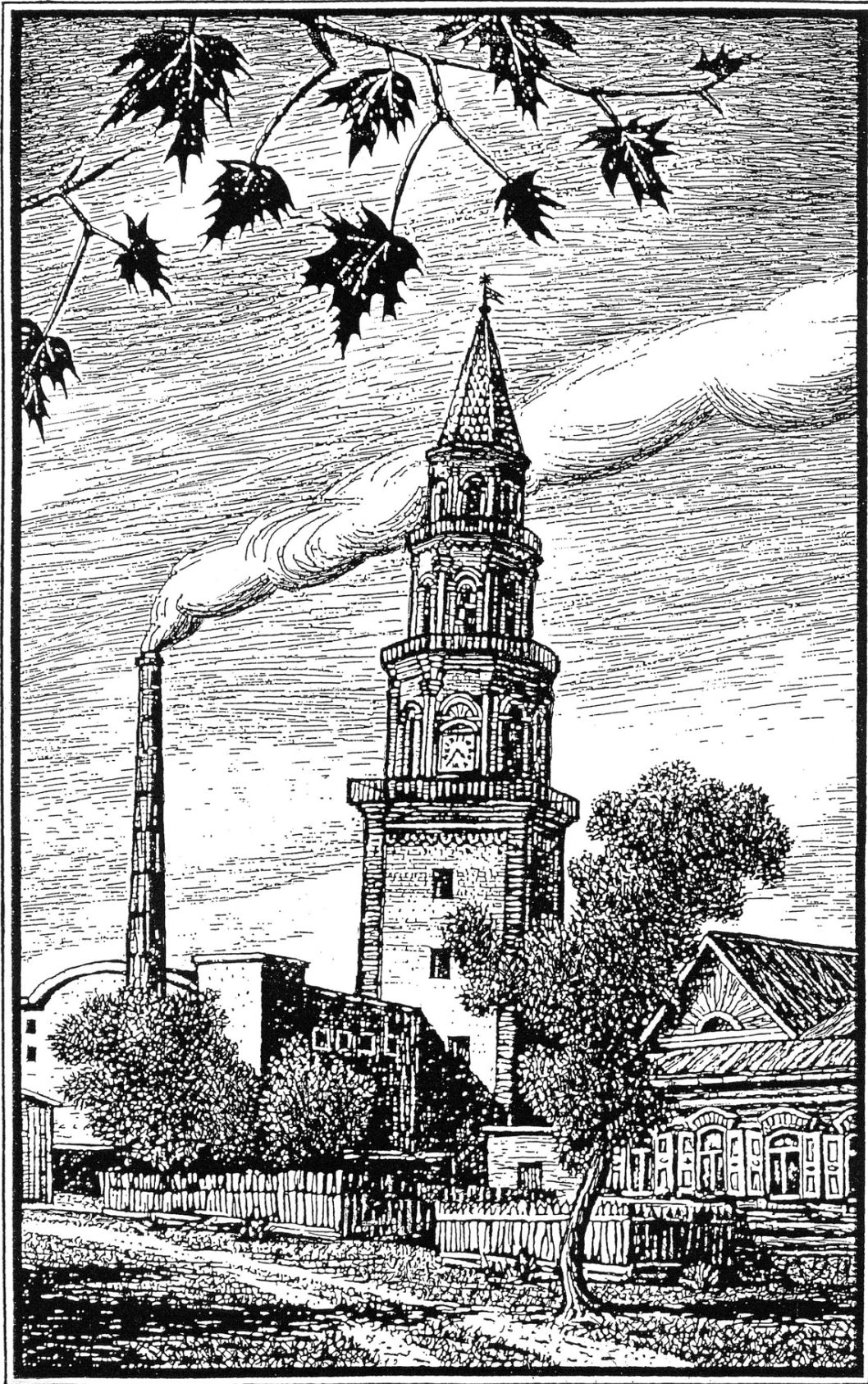
*«... Городок старинный,
С песней соловьиной,
С древней чудо-башней
у седой реки.
Как Вы ни судите,
Как Вы ни рядите, –
Ничего мне краше
в мире не найти».*

Ведь Невьянск всей металлургии Урала
Дал воистину ярчайшее начало.
Века самый лучший на Планете металл
Во многие страны наш завод поставлял.
Впервой в мире лишь он городом-заводом стал;
Его центром туристическим Урал назвал.
Город близится к дате своей знаменитой.
Также ждёт иностранных гостей именитых.
Но, конечно ж, в Невьянск россиян пригласили,
И на славный тот праздник они покатили.

3

недавно ведь из Франции далекой
Представитель из ЮНЕСКО, гость высокий

2. Невьянская башня в 1965 году

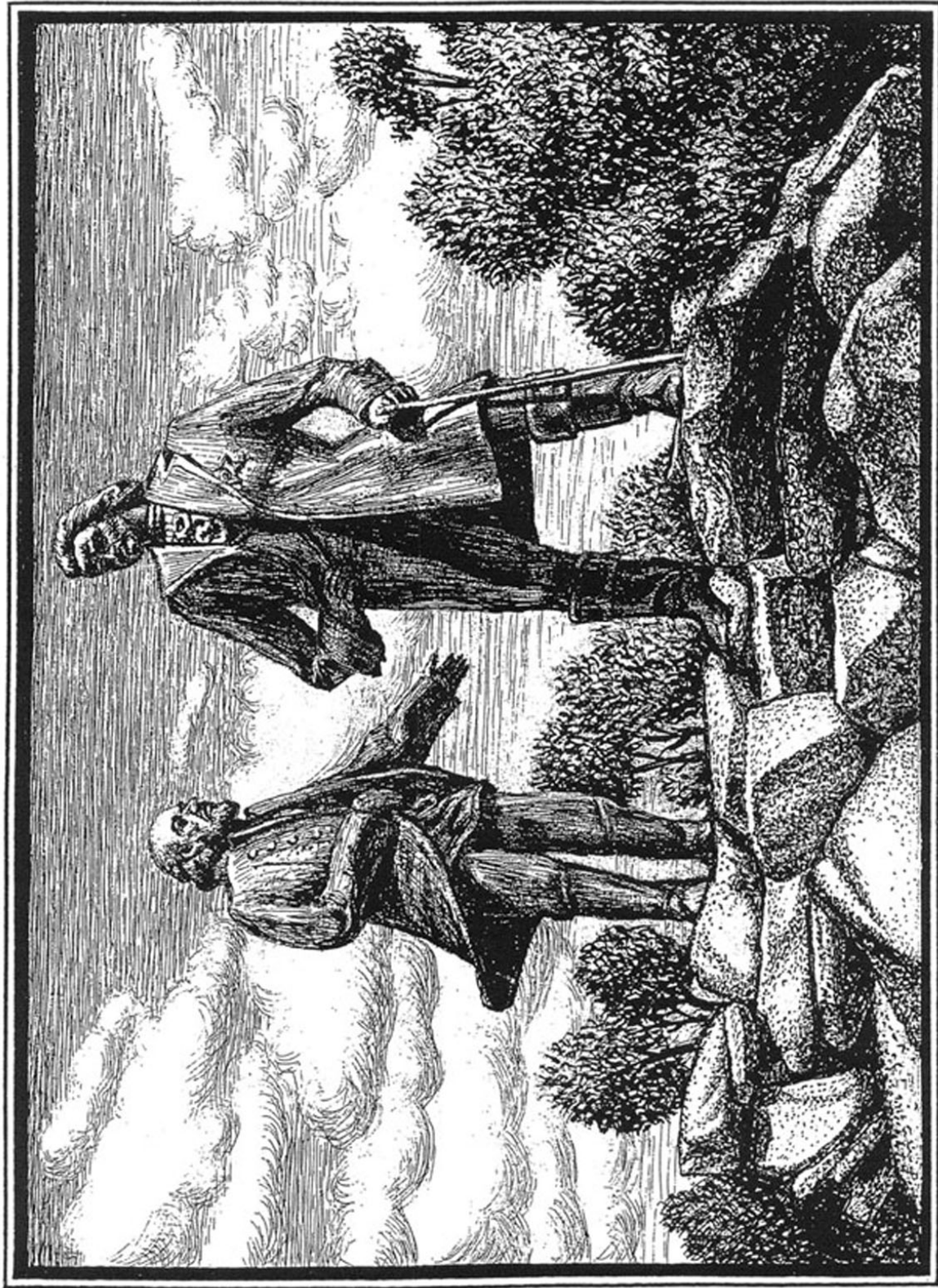
Патрик Галло с супругой с визитом приезжал,
Старый город-завод, реку Нейву повидал.
И Глава Невьянского района Назаров
Всех гостей встречал, им всё рассказывал с жаром;
Город, постройки Демидовых, пруд показал.
Вскоре пред взором гостей на заводе предстал
Враз памятник русским: царю Петру Первому
И другу Никите Демидову верному.
Сам Галло ленту разрезал на монументе,
Людей поздравил с историческим моментом:
– Вздонован очень и рад здесь статуи открыть,
Мир вечно будет дела Демидовых ценить. –
Сей монумент – невянца Надтоки творенье,
Ведь его мастер создал с завидным уменьем.

Гости башню, музеи, завод посетили,
Сразу тут все они в изумлении были.
И в церкви Никольской в Быньгах побывали,
А там у староверов житьё познавали.

За труды хвалил невянцев Галло с душой:
– И уже добились славы здесь мировой
Башня старинная, многие здания.
Я подтверждаю свои обещания:
Башня – объект культурного наследия,
Верится мне, что будет жить столетия;
В почётный список ЮНЕСКО она войдёт.
И пусть торжественно Ваш юбилей пройдёт. –

Посетил и Урал, и Невьянский район
Гость высокий французский Луи Бержерон.
В ЮНЕСКО Комитетом он руководит.
– Понравился Невьянск мне, – так там говорит.

Премьер Киргизии Бакиев Курманбек –
Посол известный и достойный человек,

3. Памятник Петру I и Никите Демидову в Невьянске. Скульптор А. Надтока

Приезжал в Невьянск древний с кратким визитом,
Побывал на башне всегда знаменитой.

Здесь же трудились иностранцы с давних пор,
Да и в торговле ведь для всех них был простор.
Издревле все гости вновь из-за границы
Могли на Невьянск порою подивиться.

Сэр Томас Аткинсон – в статьях специалист,
Большой английский архитектор, публицист
Оценил Невьянск старый, башню в паденьи
Не одной страницей в трудах восхищенья.

Невьянцы ждут иностранцев и в юбилей,
Достоинно примут их на земельке своей.

4

Также люди России часто здесь бывают,
Древний наш Невьянск они не забывают.
Многих невянская земля привлекает
И равнодушными их не оставляет.

И Виниус – главный в Сибирском приказе,¹
Тогда на Невьянском заводе был сразу;
Завод Демидова осмотрел он с тоской,
Когда приехал тот на Урал наш впервой.

Геннин – глава заводов уральских тут был,
Трудяг, заводик Невьянский ценил.
Невянск неоднократно опять посещал,
С тех пор и весь металл знаменитейший знал.

¹ **Сибирский приказ** – центральное государственное учреждение в 1637 – 1710 и 1730 – 1763 годах для управления всей Сибирью.

Вяземский – сенатский генеральный прокурор,
На Урале он вёл следствие, надзор;
Видный деятель, князь и Невьянске побывал,
Бунтовавших да беглых наказал.

Здесь академики Гмелин и Паллас были,
Завод сей в глуши высоко ценили.
Они писали подробно в своих всех трудах:
О здешнем заводе, посёлке, церквях
И о доме хозяйском да башне наклонной,
Также о крепости там возведённой.

«Невьянск есть дедушка всех заводов уральских», –
Писал, посетив завод наш Невьянский,
Сам Василий Жуковский – знаменитый поэт.
Знает Планета тот завод триста лет.

Писатель Мамин-Сибиряк в Невьянске бывал
И множество страниц ему посвящал.
Написал о Демидовых он интересно
В разных своих книгах, миру известных.

Бажов школьников в Невьянском районе учил,
Сказы об Урале позднее сложил.
Музей в Шайдурихе открыт был недавно
И его основателем главным
Лишь Зинаида Девятайкина была.
И видно в нём историю села,
Сведения о природе края родного;
И экспонаты есть про Бажова.
Высоко он Демидовых первых ценил;
Пишут, Невьянск наш не раз посетил.

Алексей Толстой работал студентом здесь,
Про Невьянск страницы его книг есть.

Строки для книг в «Старой башне», в «Самодуре»
В «Петре Первом» списаны с натуры.

А Луначарский – нарком просвещения,
Был во времена посещения
Уральского края в Невьянске древнейшем
И считал весь его вклад ценнейшим.

Тут в войну выступал Утёсов Леонид,
В те времена певец был знаменит.

Здесь зодчий, академик Алфёров бывал,
Он и о городе в книге писал;
Оценку высокую дал здесь заводу,
Процветавшему многие годы.

На самолёте фашистском улетает
Из плена наш лётчик Девятаев;
Его, Героя Советского Союза
Сумели невянцы всё ж послушать.

Ведь и не так давно, в день исторический,
Обозреватель политический
Публицист и драматург Генрих Боровик
Ведь для города в знаменательный лишь миг
На башне толкнул часов маятник древний,
Вновь пошли – для чреды поколений.

Давно Поскрёбышев и Сорокин – поэты,
Побыли в старинном городе этом.
И писатели после Невьянск посетили,
Сред них Липатов, Алексин здесь были...
Были тут и артисты Олег Табаков,
Кваша, Ефремов Олег, Коренёв...
Также в городе выступил Лиэпа Марис,
И знаменитым стал в балетах артист.

Известный гроссмейстер Геллер в Невьянск приезжал,
Он сеанс игры шахматистам давал.

5

а страницах районной газеты «Звезда»
Можно увидеть заметки всегда
О юбилее и людях всех достойных,
О стройках да буднях беспокойных.

А пишут Моисеева, ещё Ветошкин
Да Иванова, Константин Чайковский
И Назаров Степан, Александрова Ольга,
Алла Кравцова; других среди них столько...

Писали, что в Невьянске продолжают всё ж опять
Иконописную школу возрождать.
И для неё народ иконы собирает,
Ей в этом нынче церковь помогает.
Всё ж воссоздать соборы невянцы собрались,
Все службы в Троицкой церкви начались.

И в городе когда-то были фонтаны,
Но о них помнят лишь ветераны.
Силина, когда наш музей возглавляла,
Про фонтаны красиво писала.
А, может быть, и сделают их к торжествам,
Ведь в этом деле и опыт был там.

Тут Валерий Язев – человек всем известный,
Всюду делает добро безвозмездно.
Помощь Невьянску теперь в юбилей оказал
И средства на комплекс Демидовский дал;
В Быньгах начнут реставрировать Никольский храм,
А деньги из фонда выделял он сам.
Мыслит храмы в других местах восстановить,
В Новоуральске – церковь возводить.

Ведь православной церковью русской он
За все благие дела награждён.

Написали, что в городе жизнь обретёт
Весь проект «Старый Невьянский завод»;
Его создали здесь Лянсберг и Устьянцев
С огромным желаньем для невянцев.

6

нахлынули вновь воспоминания;
Я с сокровеннейшим желанием
Часто стал о Невьянске, про башню писать,
Снова отчизну свою вспоминать.
Промчались тут детство, юность дорогие.
Так близки те годы все бывшие!
А позднее в городе всё реже бывал,
Но по-прежнему его рисовал.
Видятся, словно бы сон, родительский дом,
Душистой сирени куст под окном.
Смутно помню отца: он себя надорвал,
Даже с постели уже не вставал.
Он нас всех оставил на матушку одну
И скончался в суровую войну.
Нам так ясно запомнилась милая мать,
Ведь пятерых нас смогла воспитать.

В грёзах башенный мрачный, большой силуэт.
А колокольный звон давних всех лет
Мне порой так жутко в ушах отдаётся;
Тайной башня века остаётся.
Вдруг утром будили гудки все завода,
Созывали так толпы народа,
Спешившего вновь по булыжным мостовым
К корпусам и конторе заводским.

Не забыл дорогих учителей, друзей,
Старенькой школы мне родной, своей;

Поля всех колхозов, куда посылали,
Там картошку на них собирали.

И останутся в памяти с Нейвой-рекой
Скверы, парк, улицы, пруд городской,
Дворец, дома, так давно возводимые;
С церковей купола все сносимые.

7

Как-то мой Невьянск жене, дочкам показал;
Всё, что помнил о нём, им рассказал.
Вот так о городе все воспоминанья,
Моих сестёр письма, пожеланья
Меня вдохновили поэму написать
И смелей документы изучать.

Работа вся эта – кропотливая,
Родных помощь – ощутимая.
И увлѣк мой замысел только сильней.
Я пишу строки книги моей.

Но мне снова надо Невьянск посетить,
Там, на месте, лишь всё уточнить.
Ведь по родине ныне так скучаю.
Скоро ли башню увидаю?

Вновь в Ижевске я вечером в поезд сажусь
И на восток быстро ночью в нём мчусь.
С Екатеринбурга утром, в это верю,
Километров сто опять на север
Два часа проеду в электричке скорой,
Всё ж увижу край родной, суровый.

8

тучат да стучат колёса;
Видны, сѣла, лес, откосы.

Расставанья с родными мне жаль;
Везёт поезд меня быстро вдаль.
Но по делу в пути я опять,
Предстоит вновь судьбу испытать.

Вперед, вперёд поезд мчится,
Тропинка вдали клубится.
А ведь скачет лишь всадник по ней,
Пробежал зайка вдруг среди полей.
И вот в небе летят журавли,
А суда по реке тихо шли.

Ведь с детства люблю просторы,
Долины, леса и горы.
Сейчас змейкой дорога бежит,
А по ней скорый поезд спешит.
Увидал я холмы и пруды,
Перелески, деревни, сады.

Деревья кругом мелькают,
Свой пёстрый наряд бросают.
Промчал поезд вблизи городов
И высоких, скалистых хребтов.
Вечереет, блестят огоньки;
Вновь закончились лета деньки.

А звёзды к ночи мерцают,
День ясный, видать, вещают.
Совсем рядом завод промелькнул,
Он так быстро во мгле утонул.
И проносится всё стороной;
И мне не вернуть жизни былой.

Гляжу да гляжу в окошко
И даже устал немножко.
Так хочу Невьянск видеть быстреей,
Цель близка всей поездке моей.

Необъятна вся наша страна.
И ведь ты у меня лишь одна!

Утром вижу все горы дальние,
Скоро там предстоит свидание
С Невьянском – родиной мне дорогой,
И с башней древней, далёкой, родной.
А про Невьянск продолжаю писать,
Ведь стал своим долгом это считать.

И к отчому дому сейчас подъезжаю,
Взор на башню сквозь лес устремляю.
Она в городе гордо возвышается,
Быстро ко мне вдруг приближается.

9

я опять в Невьянске через много лет,
Позвал меня далёкий детства свет.
На башне били куранты вековые,
Мне тут дни почудились былые,
Когда громко гудок заводской завывал
И народ в первую смену вновь звал.

А Невьянск наш – древний городок Урала,
Вечно гордостью в нём башня стала.
Но ныне на родине редко бываю;
Как живую, здесь башню встречаю.

Когда на могилу я к папе иду,
То ведь рядом у башни пройду.
Для всех таинственной бывала всегда;
Но нас и не пускали туда.
Подойти тогда к башне ближе хотел
И на неё так долго смотрел.
Фотографировал, много изучал,
Тайком и с натуры рисовал.

На башне не раз бывал, ... но только во сне...
Довелось на склоне жизни всё ж мне
Тут прикоснуться вдруг к невянской старине –
К вечно холодной каменной стене.

10

вот я впервые в сей башне побывал,
Помню, трепет меня одолевал.
Звала, звала вдаль неведомая сила
И мне неизвестность приоткрыла.
Солнца лучи робко в башню проникали,
Пугаясь, в углах все замирали.
Помнит преступлений тайны страшнейшие,
В поколения наши дошедшие.
Долго башня и подземелья все молчат.
Ну когда же они заговорят?
Не спешат раскрыть все загадки старины,
Тем волнуют умы вновь всей страны.

И вошёл в башню древнюю, только мрак там,
Но он внушил страх вошедшим всем нам.
Мы знаем о скрытых в ней преступлениях;
И тут на цепях, к изумлению,
Рабы изнурённые сразу предстали,
А надсмотрщики плети держали.
Загубили, может, не одну жертву здесь,
Крыс в холодных подземельях не счесть.
Пареньки у наковальни наклонились,
Лица их понурые светились
От пламени горна; и стоял тут мужик,
Хоть не старый, но безвременно сник.
А в углу на нарах сидел сумасшедший,
Он, видать, испытал ад кромешный.

Экскурсанты-дети, смотря злодеянья,
В страхе были, теряли сознание.

Нам представшая эта сцена жестока;
Создал фигуры скульптор Надтока.
Искусству ваятеля можно дивиться.
Как живые, рабочих тех лица,
Ведь в огненной работе «запечённые»;
Здесь работяги измождённые.

На башню по ступеням крутым поднялись,
Вблизи от нас облака пронеслись.
И мне показалось, плыву вместе с ними
В так далёкие горные сини.
И сквозь тучи солнца лучи пробивались,
Слабо грели, хотя и старались.
Нас холодом ветер осенний обдувал,
Сейчас тоже меня он взволновал.

И увидел я город наш трёхвековой,
С детства всегда мне так близкий, родной.
Всё, что явилось, было так знакомо,
Но с башни смотрелось по-иному.
И весь Невьянск, словно на ладони лежал,
Казалось всё близко: парк и вокзал;
Пруд, скалы, сады, корпуса заводские
И река, и кварталы жилые;
Могилы, где на вечном покое отец;
И площадь города, скверы, дворец.
Увидал: наш домик родительский старый
С храмом Троицким, ветхим базаром;
Магазины, клубы, кинотеатр «Урал»;
Школу, где давно ведь я не бывал;
И в центре застройку многоэтажную,
Стадионы, вышку пожарную;
И деревянные дома; огороды;
Цементный, Кировградский заводы;
Леса, поля, холмы да горы седые.
Мне стали ближе годы былые.

Детство и юность вспомнились с новой силой,
Прошли они в стороне родимой.

11

Нрипомнил башни все, о которых читал,
А видел часть лишь из них, изучал.

Вавилонскую башню мир первой считает
Из всех тех, что человечество знает.
Её захотели построить до облаков,
Но ведь это был вызов против Богов;
По молве, Боги к небу всех не подпускали,
Башню высокую строить мешали.

Был чудом света – башня-маяк на Фаросе,
Его, колосса, весь мир превозносит;
Он давно Александрийским вечным наречён,
Даже и до нашей эры возведён.

Пагоды древних буддистов ввысь устремились,
В Корее, Китае все появились.

В замках старинных Франции башни-донжоны
Лишь прочно строили для обороны.

Ведь так хороши в Самарканде минареты
И повсюду – поэтами воспеты.

А небоскрёбам-башням в Чикаго и Нью-Йорке
Так тесно всё ж в окружающей застройке;
И четырёхсотметровой всей высотой своей
На психику давят, рушат покой людей.

В Дубае колосс-небоскрёб возвышается,
Везде Бурж-Халифой называется;

А повыше всех построек на Земле в строй введён,
И восемьсот двадцать восемь метров ведь он.
Скорее постройку небоскрёба хотят свершать,
Все его Бионик Тауэр стали звать;
Тысяча двести двадцать восемь метров высотой.
Ведь будет на Планете самый пребо́льшой;
В Объединённых Арабских Эмиратах зданье
Красой, высотой привлечёт вниманье.

И на Руси, конечно же, башни строили,
О том известно ведь из истории.

Так суровостью веет от башен Соловков
На протяжении множества веков.

Как корабль державный, стихиям непокорный,
Встал собор Петропавловский огромный.

Звонницы нарядны в Ростове Великом.
А в Московском кремле знаменитом
Величаво так все башни вверх взлетают,
Вечно красотой всех поражают.

Башня есть в Москве телевизионная,
В наше время сооружённая
Высотой больше пяти сотен метров,
На десятки вёрст башню заметно.

Есть много различнейших башен на свете,
У них общее можно отметить:
У всех только вечная ввысь устремлённость
И от жизни земной отрешённость.

12

устремилась вверх башня Невьянская,
Одна из древнейших, уральская.

По архитектуре не схожа ни с какой,
Отличается строгой простотой.
Больше семи десятков лет башню знаю,
Но, как впервые, её встречаю.

И ведь во все времена всё ж изменяется,
То старится, то преобразуется.
А, быть может, и наклоннее стала стоять?
Или мне так вдруг показалось опять?
Почему давно эта башня наклонилась,
Или же лишь такую возводилась?
И, наверно, тут и ошибка в стройке была?
Но удача на этот раз подвела.

Видать, всё же пригнулась от тяжких страданий
Иль от демидовских злостных деяний?
Склонилась, возможно, от древности своей
И на радость успехам всех людей?
Или её наклонила вдруг, хлынув вода,
Все беды жестокие скрыв навсегда?
Даже, быть может, ещё от каких-то причин?
То ведает, видимо, Бог лишь один...

И про башни вновь книги, журналы читал,
Много схем и чертежей изучал.
Ясно, что наклонными их не строили,
Подтверждается то в истории.

Давно в Невьянске, может быть, так случилось,
Что башня лишь тогда наклонилась,
Когда подвалы все вдруг в ней затопили,
Фундаменты водою подмыли.

К чему же молчит башня долгие века?
И молчат все архивы в ней пока.

Они таинственно исчезнуть сумели,
В пожарах всех премногих сгорели.
Но ведь учёные башню изучают
И тайны её приоткрывают.
Радуюсь, узнав что-то новое о ней;
Хочу видеть вновь башню поскорей.

13

Нашу башню Невьянскую мир не забыл,
Много ей книг и стихов посвятил.
Также кинофильмы о башне создали
И в картинах опять рисовали.
А есть её фотографии, чертежи,
Макеты и вышивки – хороши.

Привлекает башня из России людей,
Даже видных зарубежных гостей.
Она поражает суровой простотой,
Так зовёт и неброской красотой,
Также стариной величавой, седою,
Интереснейшей, яркой судьбою,
Архитектурой в камне уникальной,
Построенной смело, гениально.

Манит легендами и сказаньями,
И взлётами неслучайными.
В себе многие сказы башня хранит,
Только молчит, как вечный гранит.
И жутким колокольным боем, видать,
Ей суждено в веках вновь стонать.

В той башне все подземелья глубокие
Кому ж хранят тайны жестокие?
Но на долгие века замуровали
Эти злодеяния в подвалы.

А ведь прошло уже очень много лет.
Легенды всё это или нет?
Сотни страниц вновь о башне я прочёл
И всё ж расхожденья в них нашёл.
Пытался всё взвесить и сопережить
И сегодня это оценить.
Но и на гуще пока не гадаю,
А что-то своё излагаю.

На Урале всемогущем, седом, в Невьянске
Башня так древна, мудра, словно в сказке.
Завсегда гордая смело возвышается
И в будущность дерзко устремляется.
В десятке самых знаменитых в мире она,
В бессмертие стезя шедевр дана;
Теперь стали слышны о том информации.
Башням Планеты – наши овации!

И ведь в Невьянске башня в почёте, крепка,
Куранты в ней отбивают века;
Но под ударами судьбы устояла,
А ныне красивее предстала.
И всегда глядит башня вдаль так упорно –
В грусти ждёт всё ж кого-то, бесспорно.
– Поведай нам тайны свои да надежды,
Не таи их от нас, как и прежде. –

И верит она, слава в город придёт –
Так упорно творит здесь народ.
А Невьянску известность башня несёт.
Пусть же она лишь вечно живёт!

СЕДОЙ УРАЛ

1

о башню на время всё ж оставляю,
И я ещё расскажу о ней, обещаю.
Ведь башня, Невьянск – Урала частицы;
И лишь пока напишу о крае страницы.

2

то ж означает «Урал» – слово привычное?
Слышал о том версии различные.
И здесь скажу о финно-угорской – об одной,
А только после о тюркской – о другой.

О первой гипотезе всё же сначала:
А у манси лишь в слове «урала»
Вечно слог «ур» – только «гора» означает,
Слово «ала» – «хребет» – завершает,
Но в слове «Урал» последней буквы «а» нет;
И ведь это значит – «горный хребет».
А по-татарски (в версии уже второй)
«Урал» – в ней «пояс» – перевод такой.
И, вероятно, что версия первая
Предстала всем более верная.

3

а Земле про седой Урал много известно;
Он россиян волновал повсеместно.

А Менделеев знаменитым учёным стал,
Пророчески про край дорогой писал:

«Вера в будущее нашей России бескрайной,
Жившая вечно во мне не случайно,
Теперь только выросла, окрепла немало
Лишь от близкого знакомства с Уралом».

И его всюду писатели прославляют,
Поэты, художники воспевают.
А инженеры мыслят об Урале своём,
Свои задумки закрепляют трудом.
Вновь определяют его всё развитие
И учёные столь именитые.

Издревле известен миру Урал Седой –
Середина нашей Руси большой.
Сей край недрами своими богатейший,
А экономически – мощнейший.
Он выковал силы, закалил дух людей,
Чтоб стать символом Отчизны своей –
Символом мощи, величия, богатства,
Красот, веры, воли государства!

Он часть третью всего мирового железа давал
И в восемнадцатом веке его поставлял;
Агрегаты и машины из уральской стали
Ездили, рубили и пахали, жали;
Всюду применяют металл для железных дорог,
А суда и станки наш Урал создать смог.

Ограды кружевные, столы, игрушки
И чугушки, ступы, ядра, пушки
Отлить сумели уральцы из чугуна.
Умельцев тех дивных помнит страна.
Колокола с Урала знают повсюду,
Творили там из меди посуду.
Кресты только медные люди носили,
Медяки всё ж в карманах их были.

Сия медь тоже была с Урала опять;
Её всем, везде хватало, видать.

В Америку, Азию медь продавали
И Европу всю ею снабжали.
Медь для бронзовых деталей применяют,
С бронзы и скульптуры отливают.

И полагают, изваянье Свободы
Французы вдруг в далёкие годы
Из меди уральской добротной создали
И Америке в дар отослали.

Лишь в пятнадцатом веке сыскали с лихвой
Русскую соль на Урале впервой.
Ведь своей поваренной соли не знали,
За границей её покупали.

Часть большую платины в мире выдавал
В девятнадцатом веке наш Урал.

А в Меднорудянке, близ Нижнего Тагила,
Малахитная жила проходила.
Блок от неё монолитный в одиннадцать тонн
На выставку в Лондон тогда привезён.

Драгоценные камни Урала гранили,
Промысел этот пока не забыли.

Близ Калаты (Кировград там теперь) золото добывали,
Много тогда деревянных статуэток откопали.
Лишь здесь в мире самую древнейшую скульптуру нашли
И «Шигирским идолом» в честь озера её нарекли.
А было ведь под Калатой в торфе это изваянье,
К нему нынче в мире, в Руси, на Урале вновь вниманье.

Деревянный идол постарше Египетских пирамид,
Сей факт о высокой культуре далёкой нам говорит.
На Земле впервой тогда Урал цивилизованным стал,
А уже почти десяток тысяч лет с тех пор миновал...

И побольше двух пудов самородок золотой
(Лишь во всей России он самый пребольшой)
На Южном Урале, там от Миасса близенько,
На поверхность с шурфа достали давненько.

Легендарные в мире «катюши» поставлял
Фронтам срочно в войну так жестокою Урал.
Больше, чем всяк край страны, снарядов выпускал,
Он ей металла и танков большую часть дал.

Про древний, седой Урал так в стихах известных
Написал Твардовский – поэт советский:

*«Урал! Завет веков и вместе –
Предвестье будущих времён,
И в наши души, словно песня,
Могучим басом входит он –
Урал!
Опорный край державы,
Её добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец».*

Урал – сердце России – необъятной страны;
Края успехи на Планете видны.
Огромнейши на Урале достижения;
И всё ж не сумеешь без удивления
Всю продукцию разную его представить;
Ведь большой перечень она составит.

Это: гигант-экскаватор шагающий,
Размерами всех поражающий;
Танки и пушки, винтовки, автоматы,
Вагоны да пилы, агрегаты,
Катера, лодки, суда, яхты речные
И автомобили легковые,
Комбайны, тракторы, мосты, грузовики,
Подшипники, редукторы, станки;
Лазер, для производства бумаг машины,
Электротехника и турбины;
Нефть и руда, газ, телеаппаратура;
Прокат из стали и арматура;
Творенья ювелиров несравненные
И камни, и металлы драгоценные;
Мопеды, мотоциклы современные;
Нанотехнология вновь внедрённая;
Электроника применённая,
Трубы, литьё всё чугунное, цветное;
Шали, ковры и вязанье кружевное,
Мебель, посуда и многое другое...

– Ценят уральцы край, всяк его полюбил;
И делают всё, чтоб мощным он был.
В Отчизне надо, чтоб Урал сильным предстал,
Русь будет вновь крепка, – так всем сказал
Алексий Второй – патриарх и Московский,
И России, узрев философски,
Когда посетил Уральский наш регион,
Он назвал его великим спокон.

4

ысочанский Владимир зодчим, художником стал;
И поэт также видный он, про Урал так писал:

*«Урал – державная опора –
России становой хребёт...»*

*От освоенья и поныне
Живёт упорный здесь народ...
Хоть под землёй, хоть на земле
Богаты клады у Урала...
В любой борьбе ... в кромешной тьме
Рука врага их не достала...*

*Красою дикою ... суровой
Сия земля одарена...
Для процветанья жизни новой
Душой Небес озарена»...*

5

Имеет в стране признание уникальный
Весь Уральский округ федеральный.

Создан в Нижнем Тагиле военный полигон,
Техникой, лучшею в мире, оснащён.
Выставляет планете Русь её напоказ,
Видят Урала всю мощь там каждый раз.

А эта выставка Международная
Становится тут ежегодною.
А Путин – России Президент, на ней был,
Когда снова наш Урал посетил.
Смотрел её экспонаты внимательно,
Приехать хотел обязательно.

6

Урал весь системой гор называется,
С севера он на юг простирается
Даже на тысячи две с лишним километров.
А если ж говорить о том конкретно,
То впредь между Азией и Европой – Урал,
И границею он естественной стал.

Все Уральские горы – древнейшие,
Были миллионы веков богатейшими.
Когда-то их и могучими знали,
Сильно разрушились, нам такие предстали.

Века Урал спокойно поживал,
Но всё же тот период в бездну миновал.
Наш старейший Урал покоряют
И в противоборство с природой вступают.

Ураганы, жара и морозы,
Солнце, снегопады, дождь, ветер и грозы
Уральские горы разрушают,
Люди стихиям тем в этом помогают.

7

Несметные горные богатства
В себе хранили подземные все царства.

Росли и леса тут дремучие,
Жили в них быстрые звери могучие.
Здесь же стаи диких птиц летали
И весь край суровый криком оглашали.
Озёра, реки рыбой кишели,
Орехи и грибы, и ягоды спели...

Русь Каменный Пояс открыла,
Когда захваты земель проводила.
Но издревле Урал изучали,
А древние греки – Рифеем назвали.

Урал гордостью России считают,
Среди всех древнейших в металлургии знают.
Ведь снабжал металлами разными он
От Азии до Балкан весь огромный район.

А срок больше пяти тысяч лет составляет,
Как край Оренбуржский всё ж добывает
Лишь медные руды в Каркалинских рудниках.
Нашли золото во многих волостях;
О нём написали нам и древние греки;
Оно кануло, казалось, навеки.

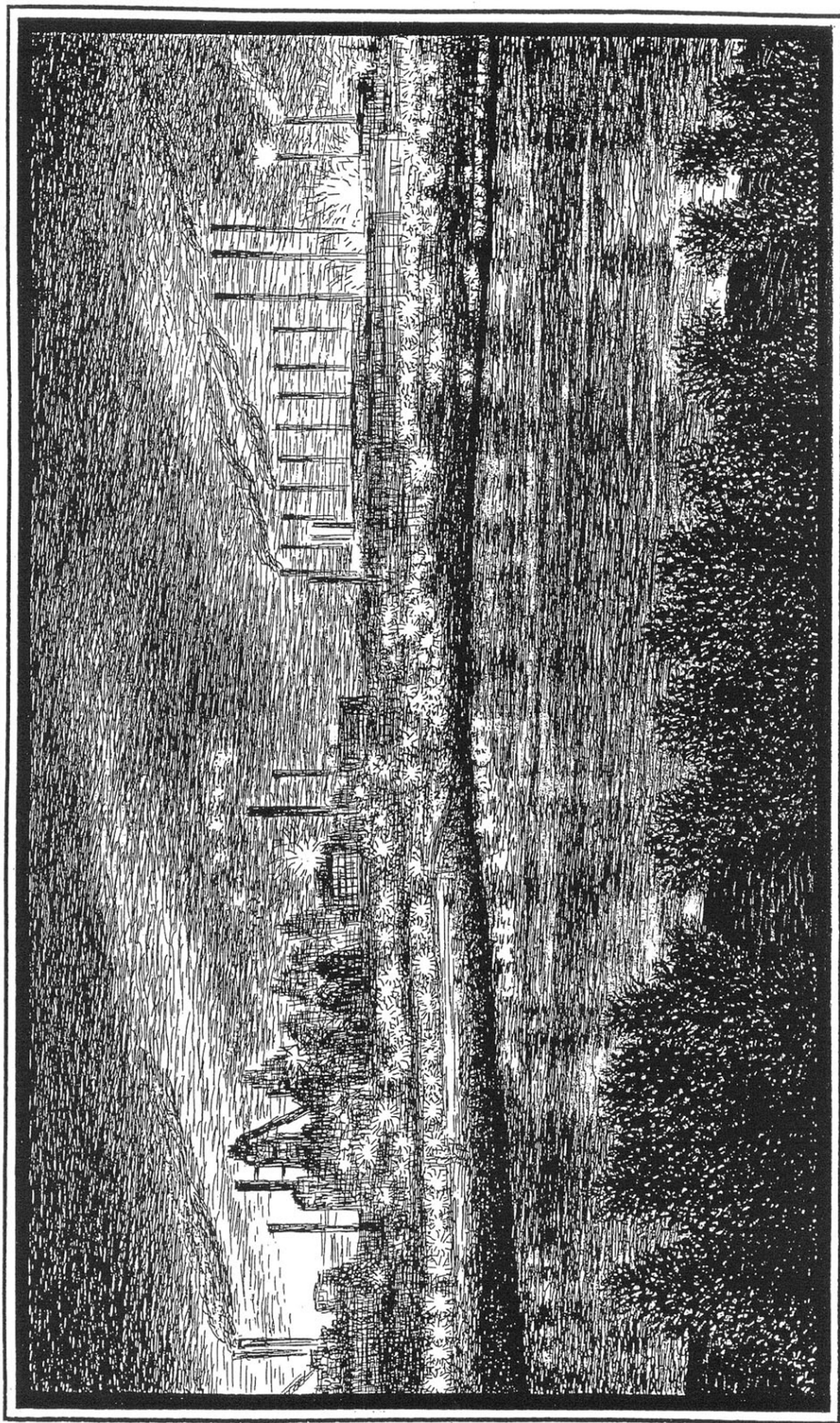
Но в восемнадцатом веке, в середине,
Здесь золото нашли, есть – и поныне.

Сразу в индустрии освоенье Урала
Пошло с Камского Усолья сначала;
Калинниковы соли городок создали
И так давненько тут его продали
Всем купцам Строгановым знатным с землёй окрест,
А те соль добывали из этих мест.

«Чудские копи» узнали в средневековье,
Для рудной добычи было приволье.
Но не стали ведь они известны широко,
Хоть железняки все плавилась легко.
Они на поверхности так часто встречались,
И следы тех разработок остались.

В строй старейший завод в Нице без домен введён,
С горном сыродутным вёл выплавку он.
А крицы первые все выдал, плавя руду,
Ведь в тысяча шестьсот тридцатом году.
Долго горное дело было в забвении,
Всё ж началось его возрождение.

В стране заметный расцвет металлургии был,
Когда восемнадцатый век наступил.
Лишь с Невьянского завода успех тот идёт,
Также и России всей – подлинный взлёт,

4. Город Магнитогорск

Становленье новейшего производства,
Это и в мире всём превосходство.

Магнитогорск позднее преемником предстал,
Когда Советский период процветал;
Назван флагманом всей металлургии чёрной
И стальным сердцем России огромной.
А чугуна побольше он тогда выплавлял,
Чем весь старейший заводской наш Урал.

Трудностей в стране наш край не смог избежать,
Мощь былую ныне стал возрождать.

8

Ведь так давно про Урал Вселенная знает,
Народ мансийский о нём легенды слагает.

Но постараюсь всю суть одной передать
И в стихотворной форме её рассказать:
«Миллионы лет назад случилось это,
Океаном лишь была и вся Планета.
Над ним гагар стая тогда же летала;
Весна долгожданная снова настала.

Всё ж птицам пришла пора птенцов выводить,
Но гнёзда им, бедным, негде вовремя свить.

И стали гагары нырять постоянно
Во тьму глубоко, лишь на дно океана.
Тот грунт на поверхность воды поднимали,
Тяжкие труды все напрасными стали.
Земля та быстро на дно же погружалась,
Да стоном жалобным местность оглашалась.
И гагар тех стон душераздирающий
Всё ж услышал на небе пребывающий

Сам Бог Торун – создатель нашей Вселенной,
А обладал всегда он властью безмерной.

Лишь со дна птицы землю подняли опять,
То волшебство своё Бог решил показать.
Землю удержал на поверхности воды,
Сразу на её рост направил все труды.
И ворон землю только за год облетел,
На ней леса и горы увидеть сумел.

Стали на суше гнёзда пернатые вить,
Малых своих пушистых птенцов выводить.

Но плавала земля, на месте не стояла,
Гагар – птиц осторожных, это всё пугало.
Они гнёзда теряли, их найти не могли,
Тогда снова стон жалобный был слышен вдали.

Понял Торун-Бог всё это и жалобам внял,
Быстро на землю вдруг новое чудо послал.
И опустил на сушу враз пояс огромный,
А он камнями разными сплошь укреплённый.
Так украшен бриллиантами, алмазами,
Малахитом, изумрудами, топазами...

В поясе дивном камней драгоценных не счесть,
В нём серебро, золото, платина, также медь есть.

Ко дну тяжёлым поясом землю прижало,
С грядою мощных гор – неподвижною стала.
Обрели все гагары со времён тех покой
И летали с птенцами над надёжной землёй.

В мире стали Каменным Пояс тот называть,
А ещё название Урал ему так под стать».

амоцветы, уран, изумруды,
Шпаты и сапфиры, железные руды,
Асбест, нефть, металлы Уральских гор –
Это людей привлекало с давнишних пор.

А добывают тут малахиты
И золото, бокситы и лазуриты,
Яшмы и агаты, и топазы,
Кобальт, никель и цинк, слюды и алмазы.
Серебро, гипс, тальк на Урале есть,
Платина, титан и марганец, уголь здесь.
И тут есть торф, газ, ванадий, гранит,
Соль, хром, мрамор, орлец, аметисты, самшит...

Но не сдавался могучий Урал,
И богатства свои он с трудом отдавал.
А всё ж чахнут всех руд кладовые...
Срубили на уголь леса вековые...
А горы в отвалы разбирают,
Реки мелеют, озёра высыхают.
Зверя, птиц, рыбы мало осталось.
Это ради наживы всё разорялось...

Охоту на птиц, зверей пора запрещать,
Мы по книгам их начнём изучать.
Водоёмы не чистят, но отравили,
В них и купаться всем запретили.

А, может, с лицензией в лес будут пускать,
Чтоб там ягоды, грибы собирать.
Власти поощряют проходимцев, дельцов,
За аренду вод всем будет улов;
Частники озёра, пруды оградили,
Чтоб за деньги там рыбу ловили;

И, наверняка, почистят они воду там,
Разрешат за деньги купаться пловцам.
– Любишься природой за забором бетонным
Из хоромины бандит награждённый. –

О будущем власть не думает, одним днём живёт;
И теперь сырьё вновь за рубеж продаёт.
Продаёт и заводы ведь иностранцам страна,
Лишь сырьевым придатком стать может она.

А так уже индустрия вся захирела;
И пьянствуют в скуке люди без дела.
Перекупщики и торгаши процветают,
Все на Канарах пожить так желают.
Есть миллиардеров кучка, роскошно живёт;
Но далёк ей бедный, голодный народ.

Хотя промышленность где-то всё ж укрепляли,
Но воздух с землёй, водой отравляли.
И хватит сейчас природу опять разрушать!
Наступило время её охранять!

10

Климат Урала: суровый и континентальный;
Запасы сырья, руд в недрах – уникальны.
На севере снежном и климат суров, холодней;
А на юге же климат сухой и теплей.

Ещё много озёр, прудов, рек отмечают;
Хвойные лишь леса преобладают.

Пока живут звери: лоси, волки, лисицы,
Бобры, зайцы и медведи, куницы...
Птицы есть: воробьи да синицы, кукушки,
Утки, скворцы и грачи, трясогузки...

Обитают рыбы: щука, налим, карась,
Ёрш, пескарь, плотва, сом, лещ, окунь, язь...

А ведь так необъятны Урала просторы!
Тут ледники, лес, хребты, холмы, горы.
Ясно с них видятся дали живописные,
Поля, степи, реки серебристые,
Деревни, посёлки да небо голубое.
И всё это извечно так родное!

Здесь есть река Чусовая – красавица,
Лишь бурно средь скал извивается.

А Кама-река широка и глубока,
И несёт свои воды далёко.

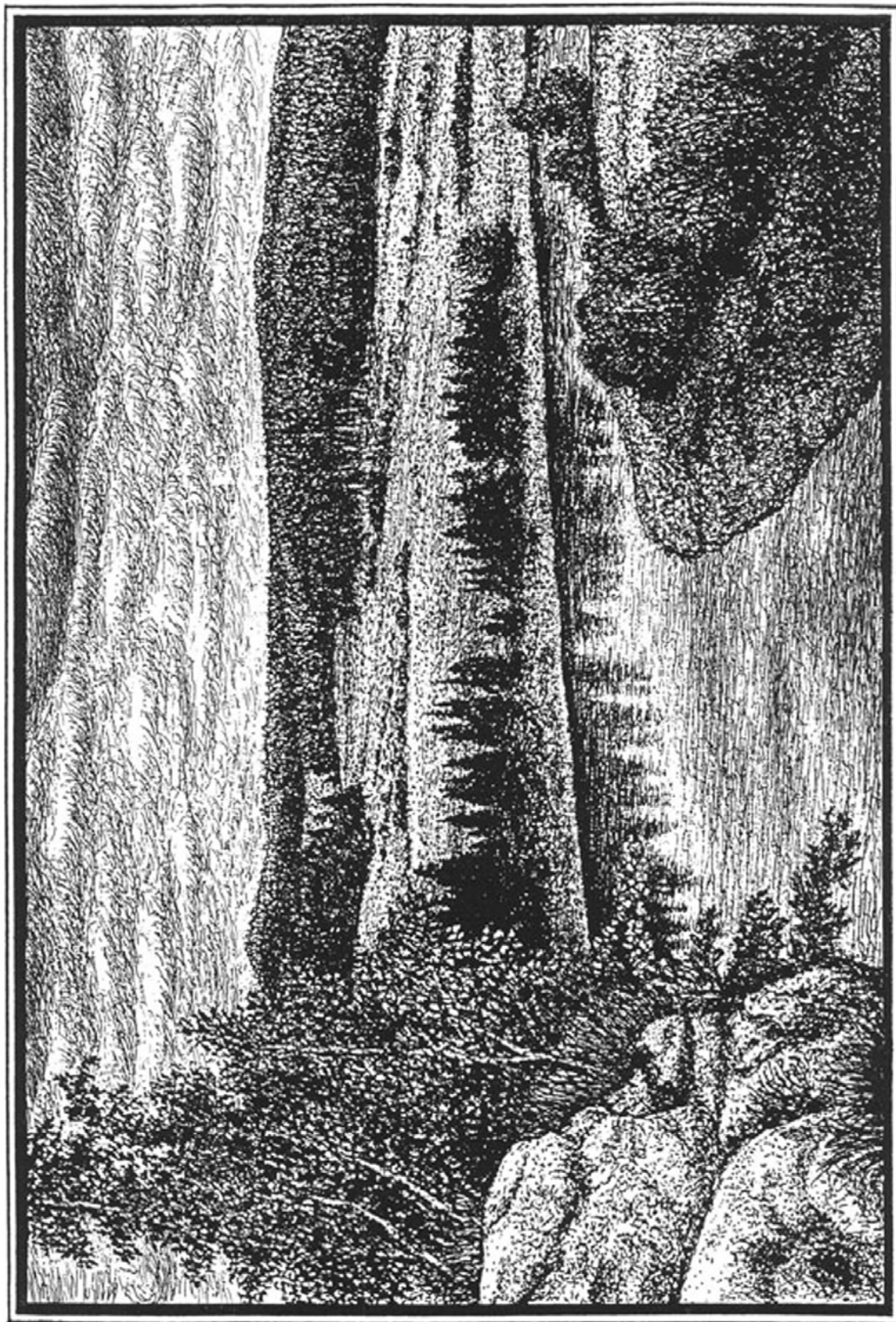
А на реках прудов рукотворных не счесть;
Всюду озёра прозрачные есть.
Ведь это – Таватуй, Шарташ, Касли, Шайтан;
И порыбачить славно можно там.

Давно скалы Семь Братьев и Сестра вознеслись,
Близ Таватуя все они родились.

И городище Чёртово, словно приснилось,
Как весь разрушенный замок явилось.

А Ильменский заповедник интересен,
Ведь он минералами известен.
Не только природный мир тут сохраняют,
Но и недра земли охраняют.

И Кунгурская пещера ледяная –
Гордость для всего нашего края.
Гроты, озёра в ней спокон изучают;
Здесь многие туристы бывают.

5. Река Чусовая

Вот на Белой реке Южного Урала
Капова пещера нам предстала.
Нынче она – в известняках, доломитах;
И стала на Руси знаменита.
Лошадей, мамонтов там изображенья –
Наскальные древние творенья.

Имеет Урал и леса дремучие,
Перелески, овраги с кручами.

Хожу с большим желаньем за грибами в лес;
Красив осенний лес – страна чудес.
Клёны золотые стоят у тропинки,
И дрожат тут багрянцем осинки...

Ведь так богаты Урала леса грибами:
Маслятами, белыми и груздями.
Здесь сыроежки, обабки, лисички растут;
Есть и шампиньоны, и рыжики тут;
А опята все дружно сидят на пенёчках.
И созревает здесь клюква на кочках.
В лесах смородина, рябина да брусника,
Малина, голубика и черника...

Землянику душистую там собирать
В детстве далёком учила нас мать.
Ягод места на Карпушихе мы знали,
Большие корзины набирали.
Заготавливали семьёй много ягод впрок,
И выжить нам этот запас помог.

Ведь нам красоты природа щедро дарит
И вновь на свои просторы манит.
Но сказочной, дивной порою бывает,
А контрастами нас поражает.

Красотища Урала неброска, сурова;
Тут побывать захотите Вы снова.

11

Наш Урал – и города, и посёлки большие,
Также деревеньки и сёла глухие.
Екатеринбург главным на Урале считают,
Одно время Свердловском всё ж называют.

12

А когда Маяковский Свердловск посетил,
То он стихи там ему посвятил:

*«У нас
на глазах
городище родится
Из воли Урала,
труда
и энергии...»*

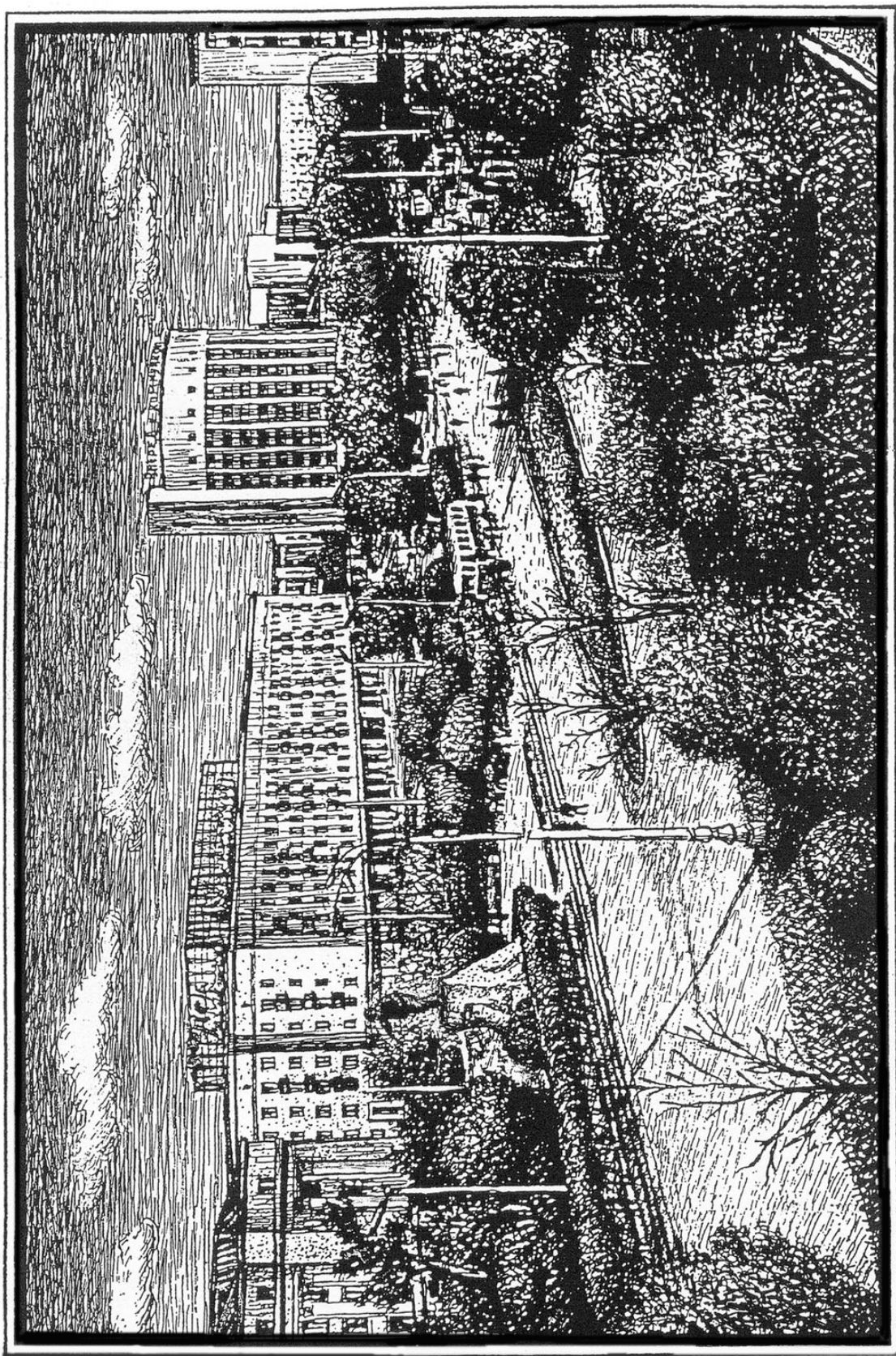

13

Стремительно растёт городской Урал спокон,
Многоэтажным уже сейчас стал он.

И новостройками ведь теперь не удивить,
Но вновь продолжают зданья возводить.
Новые селенья, города вырастают,
И уральцы так свой край украшают.

И природе уральской всей суровой под стать
Стали промышленный пейзаж создавать.
А там, где леса лишь стояли вековые,
Вдруг взметнулись трубы заводские.
Выросли гиганты-заводы и музеи,
Дворцы, школы, дома и галереи...

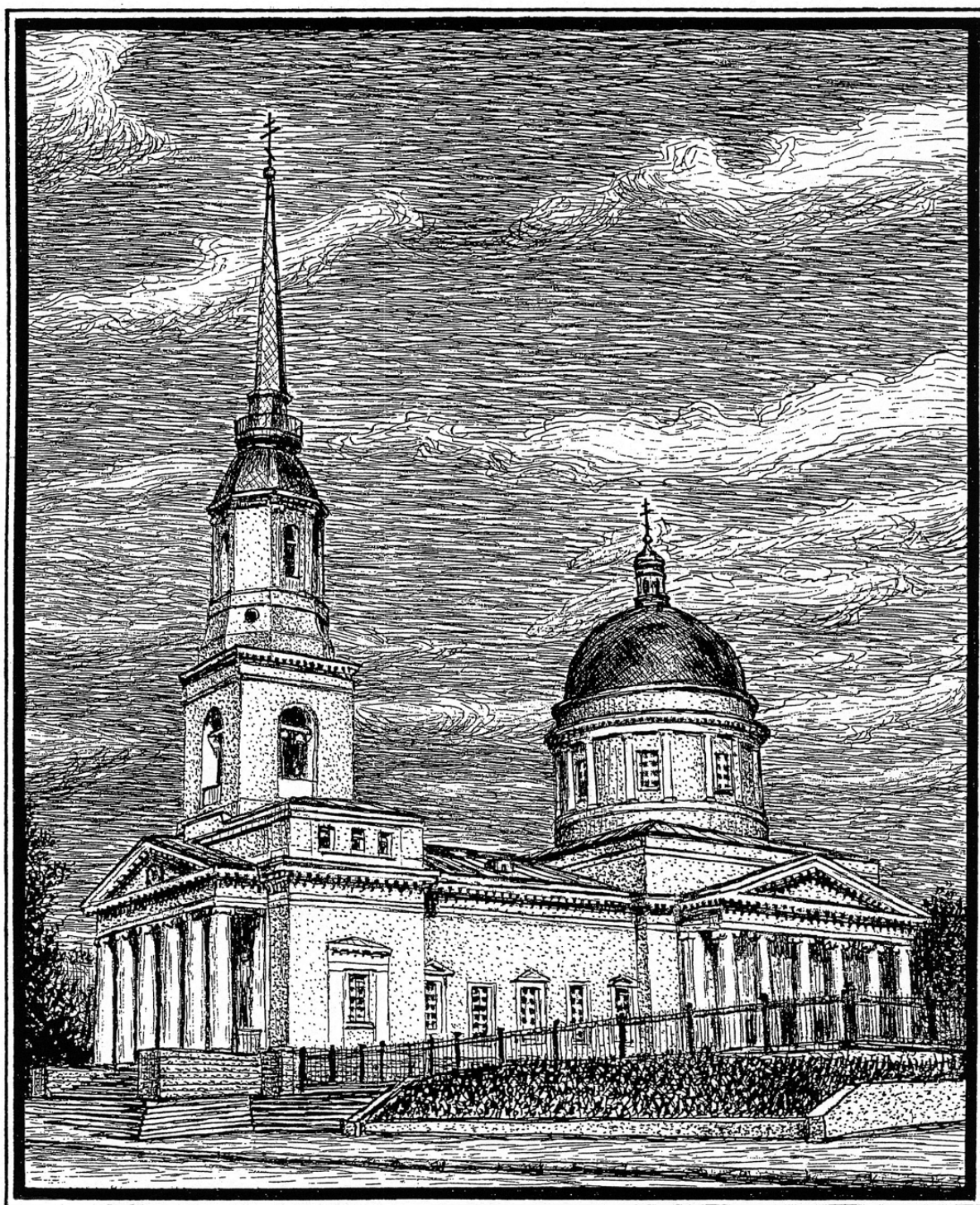
6. Проспект Ленина в Екатеринбургe

Творцы создали зодчество дивное это;
И знают то всё Урал и Планета.
Архитектурой дивной восторгаемся,
Гордимся мы ею, вдохновляемся.
Новгородцы строят первые поселенья,
Чтоб собрать дань с местного населенья
В четырнадцатом веке на Урале средь гор;
И есть там крепости, остроги с тех пор.
А в летописях Хлынов порой вспоминали
И Верхотурье, Сарапул узнали.

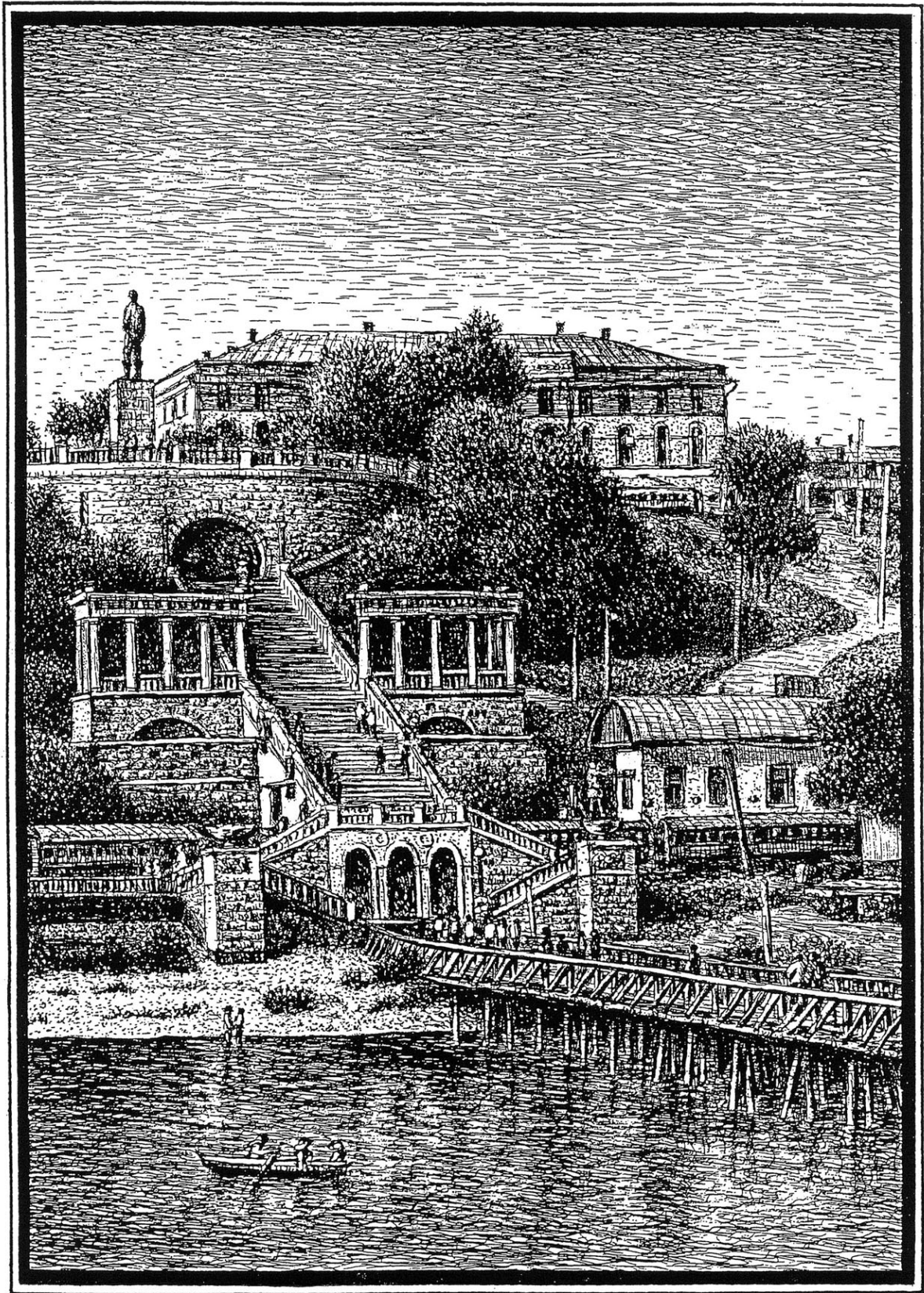
Верхотурье – город древнейший Урала;
И духовной столицей стало;
Центром христианства осталось и ныне,
Реставрируют снова святыни;
Памятники зодчества вместил город-музей,
Состоит он из кремля, монастырей.
Известны Троицкий собор, храмы большие,
Амбары и палаты приказные.

Есть башня в Невьянске, древна, уникальная,
Во всём мире достойна внимания.
В монументе стиль древнерусский замечают,
Сразу в нём же суровость отмечают.
И архитектор той башни в руднике сгноён,
Но ведь полагают, что Батманов он.

А в Екатеринбурге плотина введена,
И перекрыла Исеть быстро она.
Леонтий Злобин – с Невьянска мастер плотинный;
Он памятник строил прочный старинный
С артелью надёжных, удалых мастеровых.
И талантлив вновь в работах всех своих.
На Урале и плотинной той гордиться стали,
Сквер исторический² при ней создали.

7. Александрo-Невский собор в Ижевске. Архитекторы А. Захаров, С. Дудин. Проект реконструкции – архитекторы С. Макаров, И. Лошкарёва

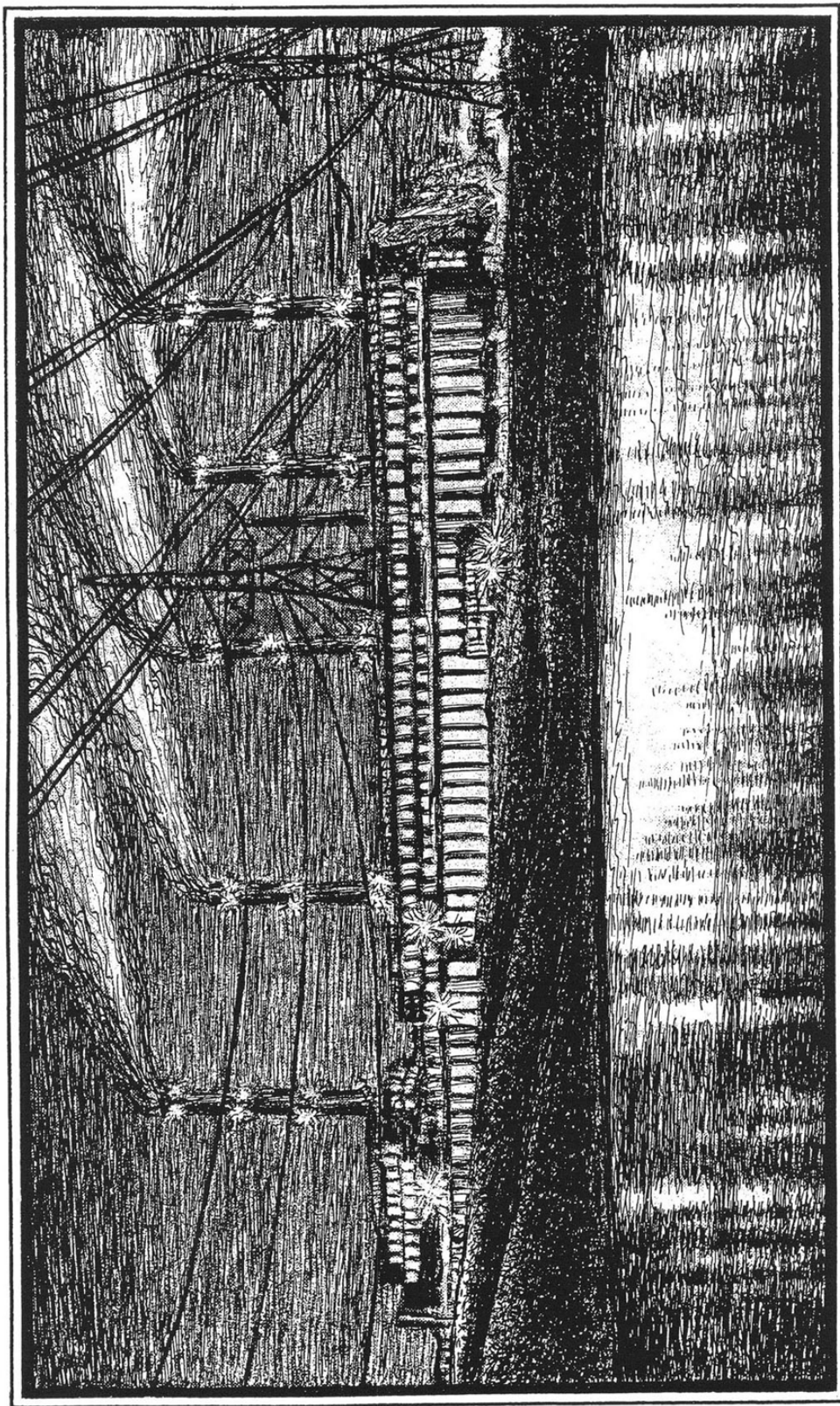
8. Город Оренбург. Спуск к реке Урал от памятника Чкалову

Там архитектурный музей разместили,
Пород горных аллею открыли.

В Перми есть собор интересный кафедральный
С колокольнею стройной уникальной.
У реки Камы их на берегу высоком
Творили в классическом стиле строгом.
Зодчие этой стройки, как и полагают,
Баженов и Казаков. Но и знают,
Что Васильев, Свиязев лишь через много лет
Той колокольни создали свой проект.

А в Ижевске оружейный завод возведён,
Всё же весь проект создал Дудин Семён.
Вот так городу акцент дал до нынешних дней
Только основной корпус с башней своей.
Он в стиле классицизма и неповторимый,
Монументальный, строгий и красивый.
Ведь давно многоэтажный объект заводской
Был создан в стране, на Урале, впервой.
Башню эту символом города считают.
На заводе и строить продолжают.

Но пришли и век двадцатый, тридцатые года;
Стали выпускать в Руси тракторы тогда.
Также в Челябинске тракторный завод в строй введён,
Там опыт стран западных сполна применён;
Здесь завод сборный железобетон смело внедрил,
И технику разную он производил.
Перед войною танки, самоходки выпускал,
В войну фронтам всем их так много поставлял.
Миллион триста тысяч тракторов выпустил он,
А на Планете всюду завод оценён.
Фисенко, Швецов – зодчие, авторы проекта,
Интересного, новейшего объекта.

9. Южно-Уральская ГЭС в Челябинской области.
Архитектор И. Малыц, инженер С. Ракига

В Екатеринбурге стройка цирка свершена,
Новизной конструкций ценится она.
А в нём на тросах подвесное покрытие –
Снова в жизни науки открытие.
Творец Николай Никитин его здесь создал,
Вновь конструктор в мире известность снискал.
Архитекторы цирка Шарбрем, Коробова
Смело вписали в пейзаж объект новый.

14

Урал – это и тяжёлая индустрия,
Химия и нефть, газ, металлургия.
И энергетика развита на Урале,
Машиностроение тут создали.

Всегда, везде здесь промышленность: лесная
И лёгкая, также пищевая.
Урал – рудники, карьеры широкие;
Тут разрезы, шахты глубокие.

На Урале есть пашни, луга заливные,
Также уголья, поля овощные.
Здесь птичники, фермы, склады животноводов
И участки садов, и огородов.
Кстати, сады те Урала, в России родной,
Вблизи от Свердловска возникли впервой.

15

Урал наш известности достиг мировой,
Её выковал народ трудовой.
И ещё в полной мере он не осознал,
Что сам так значимым в мире предстал.

Люди ложную скромность проявляют порой,
Это вредить может в работе любой;

Провинциалами себя часто считают,
Так и способности свои все занижают,
Но о творениях их доблестных узнают.

16

Трудно об уральцах всё главное сказать,
Но слова попытаюсь подыскать.
И на истину даже не претендую,
Искренне, от души повествую.

Мудрых, сильных, смелых, видных людей воспитал
Наш седой, древнейший, могучий Урал.
Тут не было частного землевладения,
Но к свободе – всегда устремления;
Ведь знает цену сей свободы гордый народ,
И движется он смело только вперёд.

Люди – главное богатство Урала в веках;
Вновь их воспевает Отчизна в делах.
И с давних пор народ здесь – труженик великий,
Преобразил свой древний край и дикий.
И основа его поныне – рабочий класс,
А горожане лишь – в большинстве у нас.

Уральский характер тут столетьями куют,
В повседневном дерзком подвиге – живут.
Людям всегда по силам творенья благие
И даже ратные, и трудовые.

Ярко начертаны золотом их имена,
И помнит своих всех героев страна.
О геройстве уральцев и в мире узнали,
Храбро они на фронтах воевали.

В работе стар и мал, словно на посту боевом,
Победу приблизили над лютым врагом.

А рабочий Глебов воспел весь тыла накал,
Он, поэт «Уралмаша», так написал:

*«Снарядами, танками, тоннами стали
Уральцы священную клятву сдержали».*

Не раз ковали оружие новых побед.
Так славьтесь, уральцы, на тысячи лет!

В Магнитогорске в бронзе монумент возведён,
И «Тылом, фронтом» называется он.
Его Головницкий, Белопольский создали,
В нём рабочего, бойца показали.
А в делах вдохновит горожан без сомненья
И грандиозное это творенье.

Памятников много Урал войне посвятил,
Всю историю прошлых лет воскресил.
Но и слава земляков никогда не затмит,
А успокоенье им только претит.
И во все времена для уральцам свойственны
Уравновешенность и спокойствие.

И уверенность в грядущем хотят утвердить,
Снова лишь решительно жизнь изменить.
А счастье, как и руду, умеют добывать,
Они за себя всё ж могут постоять.
Непреклонность, мужество людей отмечают,
А по духу их могучими знают.
Именем своим гордятся уральцы всегда,
Ведь не бросят Вас и в беде никогда.
И щедры, простота, скромность их отличают
Всюду живинку в делах проявляют,
В искусствах, науках видно всё их уменье.
Не забудет мир уральцев творенья.

Делают всё лишь со вкусом и внушительно,
Люди здесь борются за своё решительно.
Урал суровый да труд не дают расслабленья,
Присущи многим выносливость, стойкость, терпенье.

17

тит Высочанский Владимир Урал свой родной;
Вот об уральцах пред Вами его стих такой:

*«Наш уральский горный край
Для людей хороших рай...
Столь пространства ... красоты...
Многотысячны версты...
От бескрайней широты
В душах море доброты
И народам всем на зависть
Женский пол – с одних красавиц...
Заворкуют ... околдуют...
В мир волшебный привлекут...
Вас до хмеля очаруют
И свободу ... украдут...
Обаяют так в неволе,
Не захочешь лучшей доли...*

*Потому с Урала люду
В мире рады все повсюду...
С ним, что сеять, что пахать,
Песни петь, али плясать,
Век не будешь уставать...
А тем паче, унывать...»*

18

ральцы край любят, им кризисы не страшны,
На ногах всегда крепко стоят они.
Об их успехах так многих приятно сказать.
А в деле упорства им не занимать.

Всё же достигают и расцвета былого
Лишь с героическим напряжением снова.
И так будущность прекрасную приближают,
К этому усилия направляют.

Всегда русские тут – население основное,
А в меньшинстве только манси – коренное.
Также башкиры, татары, удмурты здесь живут,
Казахи, евреи, чувашаи, немцы тут...

И окающий говор часто наблюдают;
Ведь нам и книги это извещают.
Здесь особую речь, диалекты слышали
И самобытный язык отмечали.
Тут много слов, что в различных весях не знают;
А смесь языков – давно изучают.
А ведь в большинстве поселились русые здесь;
Всё ж брюнеты, шатены, рыжие есть...

Но теперь всё реже усы да бороды растят;
Только лишь староверы ими дорожат;
Они ж – кержаки, все одеты просто, нравы чтут;
Самобытны, не курят и вино не пьют;
И всегда почитают память всех предков своих.
Нам поучиться надо бы ныне у них.

И уральцы скрытными всё-таки бывают,
А окошки на ставни закрывают.
Ещё и прижимистость кержацкая живёт,
Ведь из прошлого далёкого идёт.
Сдержанность до угрюмости доходит порой;
У них уверенность – в работе любой.

Давно отмечено, что много поколений
Так любят и картошку, и пельмени.

Хлеб, соль, квас, каша, блины – основные продукты;
На праздничный стол – караваи да фрукты...
А в стране гостеприимство уральцев все знают,
Многих добротой они подкупают.
Также, как и в России всей, так любят погулять,
А в гостях водочку порою попивать.
Но и грустные песни теперь петь продолжают,
Ведь пока трудных времён не забывают.
И всё реже гулянки, для них не те времена;
Снова обязана выжить наша страна.

Всё прошлое своё земляки свято чтут,
И всю природу они берегут.
А об индустрии заботятся всегда
И вновь строят посёлки, города.
Все богатства Урала: стали умножать,
Веру в большой успех вновь укреплять.

В нашем крае церкви, храмы возрождают,
Люди веру в Бога не теряют.

Стараются так патриоты Урала,
Чтоб мощней, краше Родина стала.
Почин творческий свойственен многим во всём
И отличаются – здоровым умом.

Так энергичны, настойчивы в делах своих,
Всегда добиваются побед больших.
Ведь уральцы в России обновлённой живут,
Смело ответственность свою сознают.
Горят они в вечном огне вдохновения
И лишь к лучшему их устремления.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ УРАЛА

1

Могучий, суровый Урал наш – спокон;
Также и сильных людей создавал вечно он.
И только делами народ трудовой
Гордо всегда крепит славу Отчизны родной.

Молодёжь вся и старцы седые,
Великие люди и даже – простые,
И заводчики, и фабриканты,
Врачи и поэты, певцы, музыканты,
Чудо-художники, писатели
И морей, земель первооткрыватели,
Класс рабочих, а также – крестьяне
И купцы, и ссыльные, и каторжане;
Да инженеры и учёные,
Все всюду лишь к вершинам устремлённые;
Солдаты, старшины, генералы,
Матросы, мичманы, вице-адмиралы;
Судьи, меценаты, бизнесмены
И герои, и артисты, и спортсмены... –
Ведь в строках этих – люди Урала,
Их всех судьба страны всегда волновала.

А ценят уже так много веков
Труд, силу, дух, ум, талант уральских творцов.
Мир о людях Урала всё знает,
О них книги пишет, поэмы слагает.
Песни, фильмы про них интересны,
Об уральцах сказы, преданья известны.

Им в стране посвятили балеты,
Ярко в монументах уральцы воспеты.

2

Наш Урал Руси служит восемь столетий,
Вынес край миллион лихолетий.

Его сперва новгородцы посещали,
Но только пушнину добывали.
Смелые и сильные здесь ведь селились
И успехов в том крае добились.

Регионы все России-государства
Доброй солью Строгановых «царства»
Шестьсот лет поныне надёжно снабжают
И «пермянкой» ту соль называют.

Казака Ермака – уроженца Урала,
Жажда открытий всегда волновала.
И землепроходец давно Сибирь покорила,
А народ о нём песни, сказы сложил.

3

Нервым славу уральскую прочно куёт
Весь знаменитый Демидовский род.
С Невьянска отсчёт достижениям повели
И в честь этого башню возвели.

Поднимали её ярусы-ступени
Значимость «царьков» для поколений.
И так лишь по ступеням к власти шагали
Те «короли» железа и стали.
И хотя все они не коронованы,
Но их успехи обоснованы.
Ведь каждые два года завод воздвигался,
Так Демидовский род прославлялся.

А постройки в стране вели энергично –
И всех заводов новых, различных
Ведь побольше пятёрки десятков возвели
Эти «железные» все «короли».
Из них сорок заводов Урал заимел,
Ими богатства умножить сумел.

4

Татищев давно Екатеринбург основал,
Он заводами всей казны управлял.
Известен как и губернатор, и учёный,
А деятель виднейший, просвещённый.
Также написал книги по этнографии,
По истории, по географии.
В стране монументы Татищеву создали,
Его именем улицы назвали.

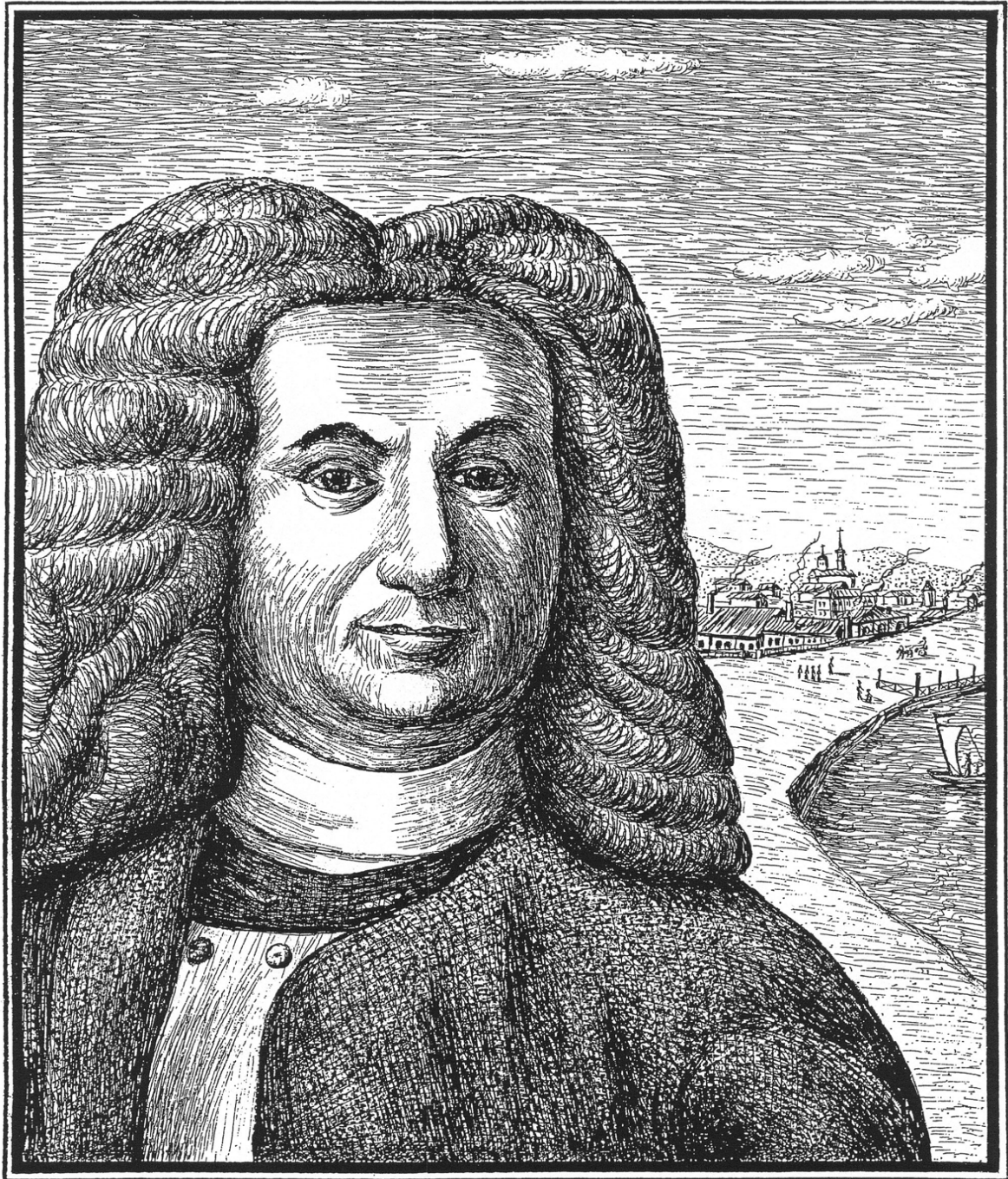
5

Свиязев зодчим Урала старого стал,
Он немало заводов в строй там пускал.
Академик создал и научные труды,
И успехи в педагогике видны.

Уралец Артамонов-крепостной умело
Велосипед прочный в Туре сам сделал.
Быстро придумав диковинный свой самокат,
Вдруг смело на нём прикатил в Москву-град.

Ползунов знаменитым теплотехником был,
Много больших изобретений внедрил.
Вскоре стал создателем машины паровой;
А ведь не было и в мире таковой.

Новым изобретателем в горном деле
Был и Фролов – пребольшой умелец.

10. Татищев Василий Никитич – основатель
Екатеринбурга

Он автор гидроустановки подземной
И лишь в те времена – современной.

Только Черепановы в России впервой
Паровоз всё ж разработали свой;
Первую и на Руси, и на Урале
Дорогу железную в строй сдали.

В честь их колледж назвали в Нижнем Тагиле,
Памятник им там в центре открыли.
В музеях страны паровоза макеты;
О них созданы книги, буклеты.

6

Казак Пугачёв царём Петром назвался,
А с Урала на борьбу поднялся.
Против властей шёл, талантом он наделён;
Предали его; в Москве был казнён.

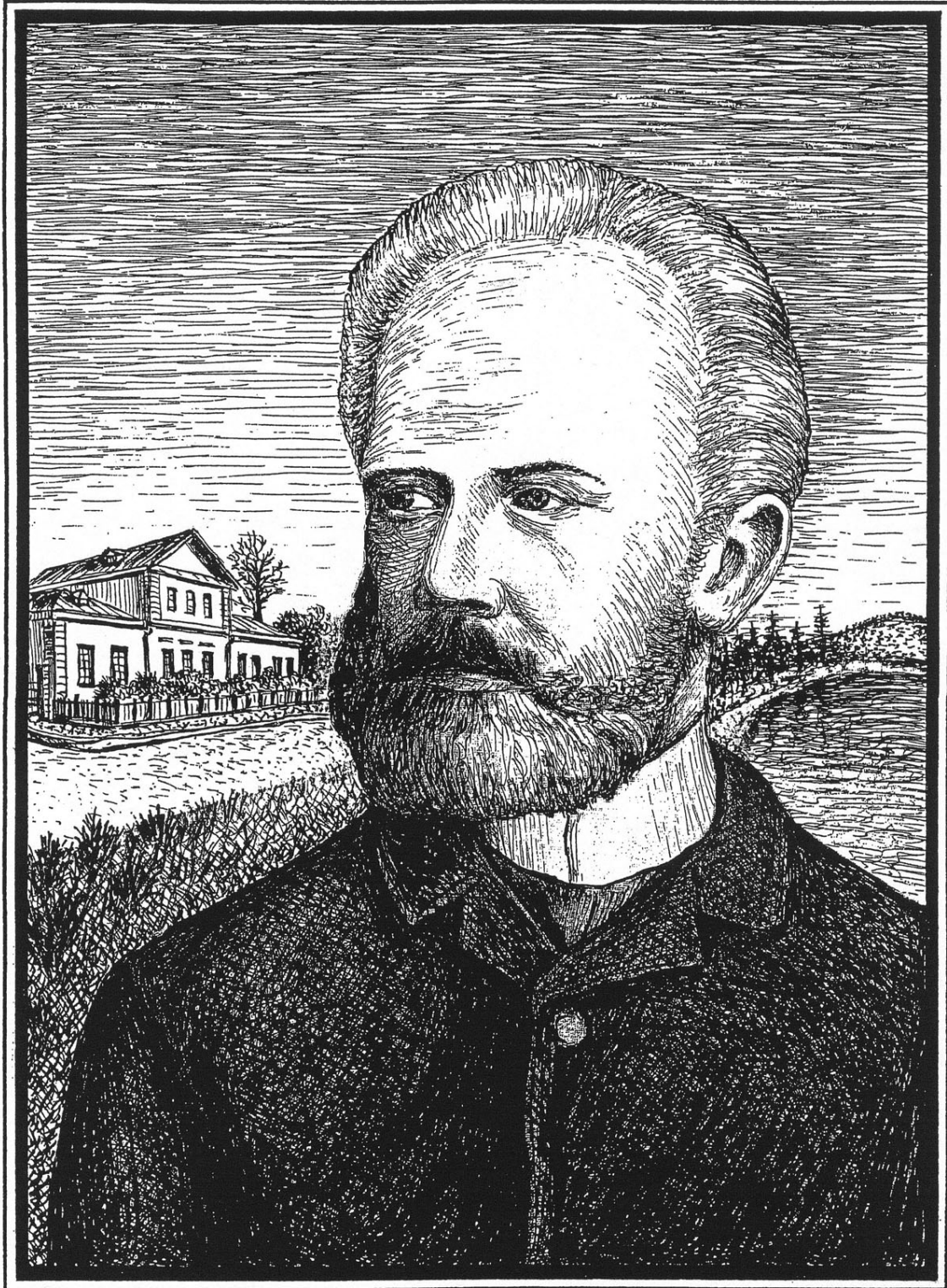
7

Аурова – Георгиевский храбрый кавалер,
Средь всех женщин в стране первый офицер.
В Сарапуле в семье городничего жила,
На фронт сбежать враз решение приняла.
От родни воевать пришла против французов,
А ординарцем к себе взял Кутузов.
И кавалерист-девица Русь защищала,
За мужчину ведь себя выдавала.
Все мемуары написала интересно,
Сам Пушкин оценил их, как известно.

8

Павел Аносов – учёный знаменитый,
Ведь им россыпи золота открыты.
И корунд лишь впервые на Руси добыл он,
Как металлурга знают с давних времён.

11. Чайковский Пётр Ильич – великий русский композитор

И раскрыл булатной стали древнейший секрет,
Те труды научные знает весь свет.

9

Композитор Чайковский всегда величайший,
Он – наш уралец, талант так ярчайший.
Сперва в Воткинске, потом в Алапаевске жил,
Музыке учился, её полюбил.

Даже читал по-французски, немецки лет в пять,
Уже и мелодии смог сочинять...
Правоведенье в Санкт-Петербурге изучал,
И титулярным советником он стал.
Также в консерватории учиться решил,
А в ней с отличием диплом получил.
Затем в консерваторию Москвы приглашён,
Там назначается профессором он.
Дирижировал, потом на рояле играл,
Музыку с душевным подъёмом писал.

Создал оперы, балеты, романсы, сюиты...
Вечно, всюду и поныне они знамениты.
А в оперы «Евгений Онегин», «Иоланта»,
«Мазепа», «Черевички»... вложил всю мощь таланта.
Балет «Лебединое озеро» – трагический,
Спокон веков самый прекрасный, фантастический...
Гений музыку в стране, за рубежом сочинял
И друзей, и композиторов известных встречал.
Пётр Ильич – творец, дирижёр неподражаемый,
Покорил мир музыкой самой исполняемой.

10

Попов, Карпинский – учёной мысли родники,
А родина их – в Турьинске рудники.
Александр Попов – физик, радио изобрёл,
Так он известность в мире всё приобрёл.

Карпинский Александр в горном деле преуспел
И возглавлять Академию сумел.

11

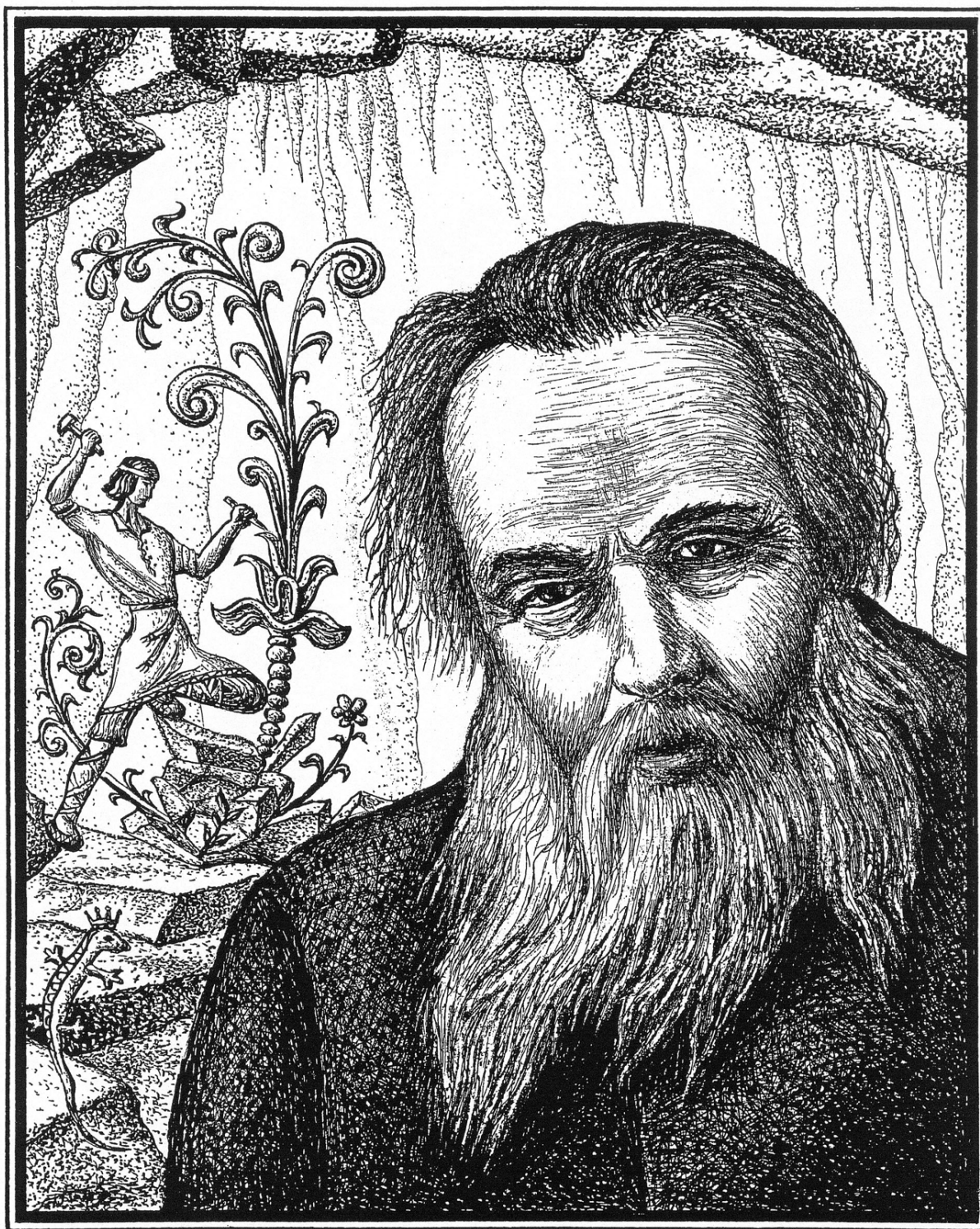
авно писатель Мамин-Сибиряк про Урал
Так ярко, смело и правдиво писал.
Романы он про Сибирь и Урал сочинил,
Его лишь народ трудовой вдохновил.
А в них всех картины жизни горнозаводской:
Богачи, дельцы, рабочий наш простой.
Много ведь улиц именем его назвали,
В стране по книгам – кинофильмы сняли.

12

Бажов Павел Петрович в Сысерти родился,
Там же в заводской школе в детстве учился...
Окончил в Перми семинарию духовную,
Не была здесь учителя жизнь вольною.
А у рабочих рассказы, былины познавал.
В училищах русский язык преподавал.
В каникулы летом Уральский край изучает
И сказания, и фольклор собирает.

Он женат на ученице – Валечке своей;
А у них родятся семеро детей.
В Казахстане боролся за Советскую власть,
Там им с подполья пропаганда велась.
Но тяжело болел, в Камышлов возвращается,
Журналистским трудом занимается.
И навечно лишь Урал свой родной полюбил,
Дивные сказанья о нём он сложил.
Автор «Малахитовой шкатулки» знаменит,
И по-прежнему упорно он творит.
Гордых уральцев с живинкой в делах показал,
Талант, трудолюбие их воспевал.

12. Бажов Павел Петрович – автор сказов
«Малахитовая шкатулка»

А народными сказами – мир изумляет,
В старости тоже дерзать продолжает...

Прочитал я, что вот так дочь про Бажова писала,
Лишь когда отца её на свете не стало:
«Мне сказал бы он: – Не надо, доченька, унывать;
Но знай же и ты, продолжится жизнь опять». –
И ведь, действительно, вновь продолжается она,
Повсюду и в книгах его сохранена,
Та же жизнь в людской памяти, твореньях искусства,
По всем сказаньям создаваемых с чувством.
Всегда продолжится также жизнь Павла Бажова
В его детях, внуках и правнуках снова...

13

Вердлов, Малышев и Вайнер известность обрели,
Смело вклад свой важный в историю внесли.
Свердлов коммунистом главнейшим Урала предстал,
Его именем город – народ называл.

14

Знаменитость Чапаев и Азин снискали
Быстро в гражданской войне на Урале;
Мир покорила «Чапаев» – фильм так популярный.
Владимир Азин – комдив легендарный;
И Екатеринбург да Ижевск освободил,
Как и Чапаев, он голову сложил.

А в Челябинске Блюхер ревком возглавлял;
И полководцем, и маршалом стал.
Заслужил орден Красного Знамени он,
Сразу им первым в стране награждён.

15

Летский писатель Гайдар с судьбой интересной,
Творенья его в России известны.

Ярко в повести «Тимур и его команда»
Вновь он проявляет всю мощь таланта.
В войне гражданской – герой, командир боевой;
Погиб добровольцем в войне мировой.

16

земляк наш уральский – Кузнецов Николай;
Так полюбил он страну, отчий свой край.
Рано отлично немецкий язык изучал,
А перед войною в посольствах бывал
И там выполнял порученья секретные,
Они дали успехи заметные.
Мог важные документы добыть поскорей,
Смог расположить к себе нужных людей.

А в войну он был направлен к немцам – пленным врагам,
Говор и привычки все осваивал там.
Вскоре же к партизанам, в тыл врага, прилетает,
Против фашистов там борьбу продолжает.
Под именем Пауль Зиберт был направлен в Ровно
И знакомства с немцами ведёт упорно.
Так узнал, что будет под Курском наступление,
Все места сбора войск, их продвижение.
Десять генералов, много чинов высших убил,
Документов уйму секретных раздобыл.
О подготовке покушенья на глав стран писал,
О бункере для Гитлера в штаб сообщал.
Служил беззаветно, за Родину жизнь он отдал.
Так Героем Советского Союза стал!

О нём и книги, и фильмы, стихи всюду есть.
Скульптур и портретов Героя не счесть!
И многие музеи ему посвятили,
Мемориальные доски – открыли.
В монументах разведчик дерзновенный живёт.
Вечно ему так благодарен народ!

уков – полководец прославленный да удалой,
И стал маршал легендой в войне мировой.

Был от Калуги вблизи в крестьянской семье рождён,
В церковноприходской школе учился он.
Уже работал в восемнадцать лет, стал скорняком,
Но только всё ж и в армию призван потом.
Там, пройдя курс ученья, стал унтер-офицером –
Был для бойцов кавалерии примером.
А ведь он два Георгиевских креста получил:
В войне Первой мировой лишь храбро служил...

Изучению военных наук отдавался.
И никогда, никого не боялся.
Смелый и решительный, целеустремлённый,
Проницательный, мудрый, одарённый...

В Монголии армию японцев Жуков разгромил,
В боях первую Звезду Героя получил...

Руководил подготовкой к важнейшим сраженьям,
В войне применяя все знания, уменье.
Москву защищал, а под Ельней фашистов громил,
Ленинград отстоял, Сталинград окружил.
А на фронтах возглавил Жуков контрнаступление,
Затем ускорил он Берлина паденье.

Летом на Красной площади в Москве Парад проходил,
Там тот день памятный, дождливый радостным был.
Жуков Парад Победы принимал на белом коне,
Был праздник всюду и в огромной нашей стране...

Лишь его Орденом Победы дважды наградили.
Главкомом Сухопутных Войск всё ж утвердили...

13. Жуков Георгий Константинович – маршал,
четырежды Герой Советского Союза,
кавалер двух орденов «Победа»

Но решили вдруг в должностях Героя понижать:
Стал Одесский военный округ возглавлять,
А потом возглавил Уральский округ военный.
Проявлял заботу о людях он непременно.
Всегда честен, смелый да бодрый, служит отменно...

Панфилов – подполковник и ветеран войны,
Он в ней – ракетчик; отчим моей жены.
И по службе у Жукова бывал нередко,
Ведь написал о том в своих заметках...

Жуков в немилости снова; хоть бодрым был, но болеть стал;
Редким был отдых: с бойцами пел и на баяне играл...
Маршал два раза женат, четырёх дочерей воспитал...

Сталин, Хрущёв, Брежнев держали в опале его,
Стали снимать все с должностей высших прежде всего.
Подло кончину полководца так приближали.
Эти вожди-трусы за шкуру только дрожали.
Боялись те правители, что власть Жуков возьмёт,
Ведь Маршала Победы и ныне любит народ...

Министром Обороны наш Жуков всё ж в стране утверждён,
Четырежды Героем Советского Союза стал он.

Жуков в отставке лишь написал «Воспоминания...»,
Всюду добилась сразу же книга та внимания.

Жукова портреты создали, монументы – открыли;
Много орденов и медалей стран Герою вручили.
Его именем планету, город, улицы назвали;
Ему книги, кинофильмы, музеи посвящали...

Наш народ Жукова Маршалом Победы назвал.
И в мире всё славу Полководец снискал!

Подвиги Жукова во все времена не затмить.
Герой наш на планете Земля будет жить!

18

Конструктор российский Калашников Михаил
Лишь оружию много лет посвятил.
И всюду автомат Калашникова знают.
Ведь его лучшим в мире называют!

Он в селе Курья Алтайского края родился;
И девять лет только там в школе учился...
А перед войной танкистом он в армии стал.
Командиром танка потом воевал.
В госпиталь попал после тяжкого раненья
И решил вдруг внедрять изобретенья...

В Казахстане сперва делал пистолет-пулемёт.
Затем в конкурсе стал первым, автомат создаёт.
Давно лучший автомат тот «Калашом» мир зовёт!
На знамёнах, гербах разных стран его автомат,
Всюду Героя, творца народы так чтят...

Командирован на Урал, на Ижевский завод;
Стремился он всегда в делах только вперёд.
Академиком многих академий избрали,
Звание доктора наук ему дали.

Создавал тут пулемёты танковый, ручной,
Вновь передавал и опыт свой большой.
И три Звезды Героя генерал заслужил,
Их все за тяжкие труды получил.
Медальями и орденами наградили
И различные премии – вручили.

Ведь в Ижевске и в честь его улицу нарекли
И оружейнику памятник возвели.

14. Калашников Михаил Тимофеевич – создатель автоматов АК, генерал, дважды Герой Социалистического Труда, Герой России

Даже Калашников с нами-зодчими встречался,
И с ним же проект музея обсуждался.
Так недавно ведь и музей в его честь открылся;
Здесь архитектор Пётр Фомин отличился.

Калашников великий снискал признание в делах.
И его имя живёт, жить будет в веках!

19

ерентий Мальцев – знатный полевод-агроном,
Достиг успехов он в призвании своём.
Почвы обработку безотвальную всё ж ввёл,
Так известность мировую приобрёл.
Даже две Звезды золотых Героя Труда
Всё ж вручили за все работы тогда.

20

ркадий Воробьёв – многократный страны чемпион,
Достиг уйму успехов в тяжёлой атлетике он.
Мира, также и Европы чемпион пятикратный,
В ярких Играх Олимпийских побеждает двукратно...

Он родился в области Тамбовской в селе Мордово,
А у мальчика всё детство тогда – сурово.
Отец и дяди у него – все были силачами,
Так лихими в борьбе кулачными бойцами.
Аркаша в Татарии учился в начальной школе,
Ведь хотелось так военным стать с сильной волей.
Окреп к десяти годам, хотел мощным быть, как отец;
Таскал воду в баню, колол дровишки малец.

Читал о Суворове и, как он, стал закаляться,
В сенях на полу спать, водой ледяной обливаться;
В тринадцать лет весной Волгу уже переплывает,
В футбол играл, всегда в драках мальчишек побеждает.

И поднимает гантели, гири атлет удалой;
Бегал на лыжах часа по три в мороз лютой зимой.
И все эти его увлечения пугали так мать.
Но в округе Аркадия стали теперь уважать.

Вырос сильным, но на войну по возрасту не взяли,
Срочно всё ж его в водолазной школе обучали.
Ведь на фронт попал, служил в десантной пехоте морской,
Смело там повёл в атаку роту матрос молодой.
Моряк после войны с предписанием в Одессу отбыл,
И в порту водолазом он, жизнью рискуя, служил,
Разминировал бомбы, почти вес любой с тонну был...
Вдруг в Одессе Аркадий увидел штангу впервые;
Тренируется месяца три, успехи большие.
И на первенстве Черноморского флота выступал,
Так неожиданно он уже победителем здесь стал.
Чемпион Вооружённых сил – через месяцев шесть;
А значок «Мастера спорта» и у штангиста ведь есть.

Кончена служба, в Свердловск только дороги все зовут,
Успешно закончил медицинский институт.
Но он штангу не забыл, тренировался упорно,
И привело это к достижениям бесспорно.
Росли результаты, так вера в себя возрастала,
И сразиться с сильнейшими время настало.
Вот и мечта его сбылась: стал чемпионом страны;
А нынче сразу снова тренировки нужны...

Всё шло прекрасно, и много лет он всегда побеждал...
На Спартакиаде мышцы бедра вдруг порвал.
Тренеры и спортсмены поставили враз крест на нём;
От всех замкнулся штангист тихо в горе своём.

Но только Юрий Власов – великий тяжелоатлет,
Тогда бывал в больнице, не стал утешать, дал совет:

– Хоть со счетов ты списан, но должен подняться, дать бой! –
Лишь смело вскоре же бой такой Воробьёв даст с лихвой...
Так наконец тут с постели сам всё-таки поднялся...
И, терпя адскую боль, с трудом штангой занимался...
Вот Рим Олимпийский, там медалью золотой награждён;
В борьбе явил волю, веру, силу огромную он...
Но ещё тяжелоатлет-ветеран спорт не бросал,
А теперь он многих штангистов сполна тренировал,
И спортсмен так быстро «Заслуженным тренером» предстал.

Всё ж на занятиях мне его удалось увидеть...
В штанге призы, грамоты, книги я стал получать,
Только по первому разряду сумел выступать...

Атлет Воробьёв – физиолог спортивный крупнейший
И внёс в тренировки вклад веский научный ценнейший.
Опять весь свой опыт богатый в подопечных вложил,
Ведь так и плеяду штангистов знаменитых взрастил.

Вечно в труде доктор медицинских наук, писатель,
Сотен монографий и учебников, книг создатель.
Он и Московский институт физкультуры возглавлял,
А там студентам интересные лекции читал.
Воробьёв – величайший спортсмен, профессор, учёный,
Орденами, медалями много раз награждённый.

21

Достичь славы Лемешев и Козловский сумели,
Ведь в театре Свердловском оперном пели.
Там петь Архипова и Штоколов продолжали
И значимость театра так умножали.

22

из Ижевска лыжница Галина Кулакова
Добилась в спорте достижения большого:

Предстала чемпионкой мира да Игр Олимпийских
И Всесоюзных первенств, а также Российских.
Лишь у неё из медалей всех сорок три золотых!
Всё ж есть – и медали достоинств также иных.
А имеет многие ордена и медали.
Видный тренер, те достижения признали.

Ведь созданы книги и песни, и фильмы о ней;
Так давно её именем назван музей.
И гражданином Почётным Ижевска назвали.
Затем в честь её комплекс лыжный создали.

Ей уже «Олимпийский серебряный орден» вручили
И её все успехи спортивные так оценили.
Лучшая спортсменка Удмуртии двадцатого века!
Ценят Кулакову – великого спокон человека!

23

Успех огромный Карпова Анатолия
В века вписала шахматная история.
В шахматах он – чемпион двенадцатый мира!
Множество раз – чемпион в стране; чтят кумира.

Карпов родился в Златоусте, в школе учился,
Там в шахматы юнец играть научился...
А в Туле закончил школу с медалью золотой.
Поступает в ВУЗ – МГУ передовой.
На олимпиадах стал юноша не превзойдён,
Тогда «Мастером спорта» становится он.
И на каникулы вновь к Ботвиннику приезжал;
Кумир его в школе шахматной обучал.
Всё же перевёлся в Ленинград, в университет;
А в нём – на экономический факультет.
О причине приезда после всё ж стал говорить,
Так хотел ближе к тренеру Фурману быть.

Средь юниоров на первенстве мира победил,
Прекрасною тактикой сразу покорил.

На Планете ныне его достижения видны:
Стал уже чемпионом России, страны,
Теперь трёхкратным чемпионом мира является,
По версиям двум только это считается.

Девять раз лучшим шахматистом года называли,
А также и призами «Оскар» награждали.
Побеждал по блицу и на турнирах различных.
В спорте он достиг результатов отличных...

Технично подготовлен шахматист универсальный;
Психологически устойчив, гениальный!
Ему кубки и ордена, и медали вручали.
Депутатом Госдумы России избрали.
Он и Почётный гражданин Златоуста – отчизны.
Гроссмейстера учебники, книги отличны.
И Карпов – великий шахматист на все времена!
Им гордятся зарубежье, наша страна.

24

наш гроссмейстер из Ижевска Чижов Алексей
Ведь стал известен давно в мире, в отчизне своей.
Он по международным шашках стал не превзойдён –
Одиннадцатикратный ныне в мире чемпион!

Уже с двенадцати лет шашками стал заниматься,
Тогда так быстро и успехов сумел добиваться.
Всё ж в пятнадцать лет звание «Мастера спорта» дали,
Чемпионом среди юниоров его признали.
И в механический Ижевский институт поступил,
А там лет через пять механика диплом получил...

Так кино, компьютером, музыкой, бегом увлечён,
Языки познал, а играет он в теннис, бадминтон...
Но и стал всё-таки спортсменом профессиональным,
А ведь своё предназначенье он понял реально...

Много раз чемпион мира и в матчах, и также по блицу,
И в турнирах, в команде, а Планета им стала гордиться.
Заслуженным работником культуры Удмуртии стал он;
Наш гений и Почётным гражданином Ижевска утверждён...

Не раз в чемпионатах России, страны побеждает;
А Чебышев как тренер таланты его развивает.

25

Вгений Родыгин родился в Чусовом –
В Уральском любимейшем городе своём.
Чтеньем и математикой занимался,
Фотографией, музыкой увлекался.
И в Нижней Салде вновь играл на баяне,
А к этому были талант и старанье...
В конце страшной войны ранен он тяжело.
Призванье в консерваторию привело.

После там, в Свердловске, учась, композитором стал
И с Уральским хором народным в стране выступал.
Вновь создал мелодии он, за рубеж выезжал...
В общежитии всё ж у нас, студентов, бывает,
Задушевно поёт и на баяне играет.

Тогда музыка к песне известной им создана,
И «Уральской рябинушкой» стала зваться она,
Ведь народной зовёт её сразу наша страна.
Родыгина яркие песни замечательны,
Они популярные все, что примечательно.

И музыку к фильмам, опереттам создавал.
Давно и признание всемирное снискал.
Народным артистом России возгласили,
Медалями, и орденами наградили.

26

Ваятель Иванов псевдоним сам себе взял,
Ведь так долг Шадринску-родине отдал;
Он – Шадр Иван, наш скульптор уральский, известный
Творил во время эпохи Советской.
Статуи Ленина, Горького часто ваял.
Портреты лишь смелых людей создавал;
Эти скульптурные образы – люди труда
И сильные, верой полны все всегда.

27

Ерзкий монументалист, скульптор Эрнст Неизвестный,
Он сам обрёл в мире достойное место.
Родина Эрнста – Свердловск, Урал индустриальный.
Шедевры создаст ваятель гениальный.

Но прежде пишу о его жизни с юных лет.
Лишь так больше о нём вновь узнает свет.
В начале блокады учился в Ленинграде,
Затем – в школе художеств в Самарканде.
А с детства был Эрнст бесшабашным хулиганом,
Приписав себе лишний год с обманом.

Волонтёр – в войне, настроение отменное,
Ведь закончил училище военное.
Вскоре ему расстрельный приговор подписали,
За это даже и судить там не стали,
Но всё же направили сразу в штрафной батальон,
Он раненья имел и не раз награждён.

И опять в конце войны ранен был Эрнст тяжело,
Но его тогда мужество только спасло.

Смог ведь возглавить взвод, шестнадцать фашистов убил,
За подвиг орден «Красной Звезды» заслужил.
И снова в бою тяжелейшие ранения,
А трудились врачи без промедления.

И операции сделали, и загипсовали,
Быть может, они безуспешными предстали.
И всё же наступила тогда смерть клиническая,
Но вдруг явилось чудо магическое.
Сбросили труп санитары по лестнице в морг-подвал;
Разбился гипс, ожил от боли Эрнст и кричал...

Сразу с войны на костылях инвалидом вернулся,
Но снова теперь в мирную жизнь окунулся.
И в училище в Свердловске он черченью обучал,
В Рижской академии художества познал.
И закончил Московский институт Сурикова он,
А в МГУ и философией увлечён.

Изваянья из бронзы только творить предпочитал,
Но всегда монументы все из бетона создавал.
В скульптурах: своеобразие и стилизация,
Трагизм, пластичность, экспрессия и деформация.
Монументы, скульптуры его – в Руси, за рубежом
И участник на выставках, дерзок в творчестве своём.

Эрнсту на выставке Хрущёв нанёс оскорбленье,
Чинуши поддержали то без сомненья.
Творить Эрнсту не дали, унижали да били,
Даже вели часто допросы, травили...
Время прошло, с постов сняли внезапно Хрущёва.
Работать, ваять Неизвестный стал снова...

Хрущёв был не прав, это лишь позже всё же признал,
Он и надгробие для себя заказал.

Генсек бывший года на пенсии жил и почил.
Снова Эрнст ныне так напряжённо творил.
Но ваятель о просьбе Хрущёва не забывал
И ему памятник на могилу создал.

Вновь для Эрнста настали года беспокойные,
Ведь возбуждали дела уголовные,
Избивали, обвиняли не раз в шпионаже,
Нынче не давали трудиться вновь даже.
Теперь таланты новатора не признавали.
Его в зарубежье жить не отпускали...

Но в Цюрих вырвался всё ж безработный с трудом,
Сполна он работал в искусстве своём.
Уехал в Америку, в Нью-Йорке стал дерзать,
Напряжённо лишь трудиться смог опять...

Но к Неизвестному клиническая смерть вновь пришла...
Так трудной операция на сердце была...
И всё-таки Эрнст снова смело ваять продолжает,
Он и рисует, книги писать успеваает.
Академик, профессор, философ лекции читал;
Бедным, больным скульптор очень много помогал...
А тех, кого били, защитить сразу он был готов;
Лишь так быстро разгонял всю толпу драчунов...

А вот Вам и такие его произведения,
Все везде, навсегда знаменитые творения:
Рельеф «Детям мира» в Артеке создал смело, с чувством.
В уральском Асбесте – скульптуры «Наука», «Искусство».
А в Москве «Древо жизни», достойное внимания.
И «Шахтёрам Кузбасса» творил он изваяние.

Ведь красив «Цветок лотос» так огромный в Асуане
И всем жертвам репрессий «Маска скорби» в Магадане,
Есть «Распятая» два известных миру в Ватикане.
И на выставке большой Международной – «Прометей»,
А для телевизионного сверхконкурса – «Орфей».
В Перми был памятник Сергею Дягилеву открыт...
Ещё в искусствах всех Эрнст – гений многое вновь свершит...

Его именем в разных странах музеи назвали.
Так богат щедрый спонсор, это повсюду узнали.
И премии, также медали, ордена получал.
По праву Народным Художником России он стал!
Чтит Земля вся скульптора и живописца, кумира
И творца картин, монументов России и мира!

28

Заслуженный художник России Александр Бурак,
Но знаменитость обрёл даже не просто так.
А сперва же в Новосибирске закончил институт,
Он ведь на архитектора выучился тут...

Сражался во Второй мировой жестокой войне.
Известным стал живописец в нашей стране,
Наш Бурак и популярен уже за рубежом.
Очень многогранен он в творчестве своём.
Все пейзажи заводские да, эпические;
Жанры: бытовые и лирические.

На выставках мастера мне удалось побывать
И порой вспоминать о них буду опять.
Так близкий с детства зовущий пейзаж мне вновь предстал
В чудесной картине «Нетронутый Урал».
В ней художник Бурак свой любимый Урал воспел,
Ведь хорошо край суровый узнать сумел...

В Свердловский архитектурный институт приглашён,
Учил там рисунку, стал профессором он.

29

орис Ельцин на всей Планете правитель известный,
Всегда смелый, умный политик с судьбой интересной.

Родился в Бутке-селении в области Уральской,
Тогда же он жил в семье раскулаченной, крестьянской.
Отец репрессирован, робил на стройках различных,
А мама Бориски трудилась портнихой отлично.
И в городке Березники прошли детские годы;
Дома в хозяйстве помогал, нырял в камские воды.
Хоть драчун, а в классе старостой он назначается,
Обученье в школе лишь хорошо завершается.

Он в армии только из-за травмы руки не служил,
Уверенно сразу в Свердловске в институт поступил.
И после успешно в том УПИ³ он окончил стройфак.
Пройдут годы, станет знаменитым в стране наш земляк...

Он в волейбол в городской сборной команде играл;
В тех играх успех: «Мастером спорта» предстал.
На стройках Свердловска обрёл опыт внушительный,
Возглавлял комбинат домостроительный.
Там, в Свердловске он главным в Обкоме партии стал,
После Верховный Совет страны возглавлял.
Первый Президент России, народом избранный;
Радикал-новатор, политик признанный.

О Ельцине в книгах, статьях, журналах писали,
О нём и различные кинофильмы создали.
Екатеринбург ему памятник открывает,
А там же и ВУЗ его именем называет.
Ведь так наш народ реформатора почитает...

30

Алфёров Николай на Украине родился,
Семь лет там в Компанеевке отлично учился.
Токарем в области Донецкой был на заводе,
Школу вечернюю закончил он в те же годы.
И стал в Харькове зодчим, но началась вдруг война;
А теперь воевать его призывает страна.
И работать в Свердловск, на Урал, он приезжает,
Здесь проектное дело усердно постигает.

В Свердловске построили объекты мастера большого:
Сперва реконструкция музея Якова Свердлова,
Ансамбль исторического сквера-парка заводского,
В городском центре велось строительство зданий жилых.
Тогда также возвели там много построек других.
Приглашён в Уральский политехнический институт,
Основал успешно вскоре же кафедру он сам тут.
Алфёров упорным трудом смог успехов добиться;
И даже шесть лет у него довелось мне учиться.

Возглавлял много раз он экспедицию не одну,
Изучая заводскую уральскую старину.
После издал книгу «Зодчие старого Урала»,
Всё ж и других книг, статей им написано немало.

И первый архитектурный ВУЗ Урала создал,
Тогда в Свердловске враз в нём бразды правления взял.
Он – доктор архитектуры, здесь профессором стал.
А заслужил многие ордена и медали.
Всюду в зарубежьи о достижениях узнали.
Алфёров – Народный архитектор СССР!
Для зодчих, художников он – вечно яркий пример!

31

Владимир Мотыль – советский и российский сценарист;
В театре, кино известный режиссёр, также артист.

И лауреат Государственной премии России,
Гения Народным артистом России возгласили.

А родился в местечке Лепель в Белоруссии он.
Арестован отец, в шпионаже затем обвинён,
Сразу в лагерь отправляют в Соловки, ... погибает.
Мать – в колонии Макаренко, детей обучает...

Мотыль Свердловский театральный институт закончил;
И стал историком, окончив факультет заочный.
Работал актёром, режиссёром в Нижнем Тагиле;
Потом в киностудию Свердловска вдруг пригласили.

И фильм «Звезда пленительного счастья» выпускает,
Он его ярким судьбам декабристов посвящает.
Фильм «Белое солнце пустыни» – всемирно-известный;
Сюжет приключенческий, вечно для всех интересный.
В съёмке фильм «Багровый цвет снегопада» всё ж завершил,
До премьеры фильма про жизнь родителей он почил.

32

гошев Владимир в Башкирии родился;
А талант лет в пять сразу проявился.
И закончил училище в Уфе после он,
Там стал художником, в труде увлечён.

В войне он страну защищал, ранен тяжело;
Но его лишь рисование влекло.
В институт Суриковский он в Москве поступил,
Там живопись учил, диплом получил.

И во многих уголках Союза побывал;
Жизнь и нравы за границей также познавал,
Он повсюду вновь людей, пейзажи рисовал.
Но полюбил суровый Север наш больше всего;
Писал он там портреты, природу его.

А ведь творил всегда много и смело, упорно,
Всё это вело лишь к успехам бесспорно.
Участник видных выставок в стране, за рубежом;
Достиг высот значимых в творчестве своём.
Его картины в музеях России и мира.
Планета так чтит живописца, кумира!

Много лет студентов в Свердловске, в УПИ, обучал,
И тогда на пленер с нами он выезжал.
Профессор учил рисунку, живописи нас;
Ведь я это помню даже и сейчас...
Народным художником СССР он стал.
Дом-музей в честь его наш народ назвал.

33

дуард Россель известностью не обделён.
В России строитель Заслуженный он;
Доктор экономических наук ведь давно;
И наград множество ему вручено;
Известен Губернатор Свердловской области,
В ней глава в Думе – тогда ж по должности.
А в движеньи большом «Преображенье Урала»
Лишь его лидерство бесспорным бывало.
Многие годы успешным губернатором слыл;
В Союз Федерации трудиться отбыл.

34

Ведь Гальцев Юрий в России – знаменитый артист,
Певец, актёр, клоун, сценарист, пародист.
Он в день полёта в космос Гагарина родился,
После в Кургане Юрочка в школе проучился.
Так поступить в училище лётное стремился.
Но закончил машиностроительный институт;
И в Петербург лишь дороги все приведут,
Учёбу в театральном институте завершил.
Сам свой «Утюг» – новый театр всё ж учредил.

В Академии искусств обучением занялся,
В фильмах, сериалах известных снимался.
В конкурсах смеха, фестивалях призы получал;
Заслуженным артистом России он стал.

35

Сушинова Ксения в Нижневартковске родилась;
И спортсменка отлично ведь в средней школе там училась.
В университете в Тюмени обучилась она;
Но здесь биатлоном, гимнастикой опять увлечена.
Быстро английский язык лишь досконально изучила.
Всё же в Дом моды к Юдашкину трудиться поступила.

И образованная, смелая, умная красавица;
Трудолюбива и работать ей так нравится.
Ксюша вновь в конкурсах мод в стране, в зарубежье побеждала.
Многим детишкам, сироткам да больным, бедным помогала.
Вскоре Сушинова «Мисс Россия – две тысячи семь» стала.
Званием «Мисс мира – две тысячи восемь» награждается,
Гордостью Урала, России, Планеты всей является.

36

Славится Урал талантами с давних времён,
Здесь так много очень известных имён.
Наши земляки достойно творили, творят,
О них так правдиво дела говорят...

И мог бы об уральцах других рассказать,
Но про Невьянск надо тоже писать.

ОСНОВАНИЕ НЕВЬЯНСКА

1

сть на могучем, седом Урале –
И всей нашей державы опорном крае
Древний Невьянск – городок небольшой,
Но стал громкой, печальной, красивой судьбой.
Он вынес и череду испытаний;
А через триста лет ему всё вниманье.

2

авно об Урале народы узнали,
Их богатства его привлекали.
Звали лишь сюда руд, солей месторожденья,
Злато и драгоценные камни.
Зверьём и птицей славился край вековой,
Водилось много и рыбы речной.
Любовались все тут горами, далью лесной,
Реками Камой, Нейвой и Чусовой.

3

о ведь Невьянск наш не враз появляется здесь,
И всё же к тому предистория есть.
Взлёта вековой подготовкою тут добились,
Три истока тогда соединились:
Опыты местный и цента Руси древнейшей,
Ещё иностранцев свой вклад ценнейший.

Даже весь семнадцатый век имеет значение;
Сразу у Нейвы пошло земель освоение.
Люди Руси селения здесь сперва основали,
Смело пахали, сеяли, урожай убирали.

Забота тут о скоте разном и птице у них;
Рыбалка, охота привлекали всех их.

О всём этом знал Верхотурский воевода:
И о рудах железных лишь забота.
Ведь он, Протасьев, о рудах на Нейве слышал
И часто в столицу о том сообщал.

Михаил Бибиков жил в Невьянской слободе,
Вновь находил он руду в окрестностях везде.
Для возведения завода места изучил
И его строить на Нейве-реке предложил.
А там впервой железные руды открыли,
И с них чугун Шульгин и Тумашев отлили.

4

Как заводу Невьянскому выбрано место,
Это всё Планете станет известно.
Новейшая эпоха быстро наступала;
И вся Россия мощность набирала.
Невьянск Отчизне частицу своей силы дал
И символом новой индустрии стал.

5

В те времена со шведами воевали,
Но им битву первую проиграли;
Их ответ: продавать нам железо не стали;
Мало у нас своего – выпускали.

В Верхотурье и в Москве руду испытали,
В Тулу кузнецу Никите отдали;
Он, Антуфьев, из руды железо получил.
– Шведского всё ж лучше, – так определил.
Мастера все руду высоко оценили,
Даже среди них иностранцы там были.

6

ачали заводы возводить на Урале,
Но только Невьянск среди всех них первым назвали.
Ну и кто же будет строить Невьянский завод?
И тогда в Москве поспешно собрали народ.
В Невьянск из Москвы приехал Викулин Семён
И сразу на стройках этих там главным стал он.

Мастеров здесь тульских, каширских набрали
И ещё с провинций других присылали.
Тут проверяли в деле их умение,
Этот отбор прошёл без промедления.
А местные лишь крестьяне не дремали,
Они для построек лес заготовляли.

7

же тысяча семисотый год наступает.
Стройку там весь народ весной начинает;
Ведь он прибыл в наш край со многих страны уголков,
А освоенье стоило адских трудов.
Тут лишь – сильные духом да люди могучие
Враз вырубали леса все дремучие.
Они сперва же себе построили избушки
Да бани, склады, амбары, сараюшки...

И рьяно лишь Викулин здесь дело продолжал...
А Бибиков всё ж после постройку возглавлял.
Темпы работы через год тут оживились,
Плотина, домна, цеха возводились.
В том же году достижения первые тут:
Реку перекрыли, создали свой пруд.

8

ишут, что в старину реку Невьей звали;
И Невьянску с неё после имя дали.

А ведь означает слово то «белая».
Звать всё же так лучше: «чистая, светлая»;
Но ведь только с финно-угорских языков
Перевод столь точный на русский стал таков.

Течь Нейва начинает среди склонов и круч,
С Кукушкина болота, ручья малого Ключ.
А в Таватуе-озере сил набирает
И к океану воды свои устремляет.
Они в Ницу, Туру, Тобол,
Иртыш, Обь так бурно текут,
А поздней в море Карском
лишь тишину обретут.

9

же так давно легенда существует
О Нейве прелестной, храбром Таватуе:

«Всё это случилось в годы далёкие,
А ныне забыты события многие.
Тут лес новый с той поры сотни раз выросал,
И вновь горы ветер с солнцем, с дождём разрушал.
Но жило в том крае тогда племя сильное,
Так мудрое, смелое, очень красивое.
Уже прекрасная Нейва там расцветала,
Тошема старого дочь людей чаровала.
Ведь много сильных богатых, смелых парней
Давали выкуп отцу, посватавшись к ней.

Среди них всех охотник лишь один молодой
Не шёл к её отцу, хоть потерял покой.
Храбрый, красивый, Таватуем он звался,
Силой недюжинной, умом отличался.
Боялся встреч с гордой Нейвой-красавицей,
Хотя она ему смелому нравится.

15. Река Нейва

16. Озеро Таватуй в Свердловской области

А ведь Нейва сильного парня любила,
От него, родных всех любовь утаила.
Мирно дни пролетали, шло да шло время;
И, спокойно кочуя, жило тут племя.
Охотой люди там в лесах занимались,
Но злые орды к ним с востока пробрались.
В низовья стремились враз сворой своей,
Пленили, пытали, убивали людей.

Тогда же шаман Тошем всё племя собрал,
Быстрее уходить в леса ему приказал.

Но только здесь смельчак Таватуй возмутился,
И сразу же сам биться вперёд устремился.
Тут на врага повёл всё племя он за собой,
С восхода солнца до заката длился тот бой.
Упорно племя боролось – и враг побеждён,
Но в этой битве храбрец Таватуй был сражён.

Тут гибель любимого Нейва увидала,
А горькие слёзы она так проливала,
Что наполнилась ими долина с кустами,
Стала озером, скрыв Таватуя слезами.

Бросилась Нейва с горы на склон скалистый
И превратилась враз в воды речки быстрой.
А в водах реки так слышна грусть в журчаньи,
Да ивы склонились к Нейве печально.
И весть несёт река о победе большой,
Как в битве той погиб наш герой молодой».

10

твлёкся от построек немного опять,
Я про Невьянск продолжаю писать.

Пожар в октябре на заводе полыхал,
Там народ бунтовал, в лес убегал.
А из Москвы лишь грозные грамоты шлют,
Металл с завода Невьянского ждут.
Вновь на стройку насильно сгоняют крестьян,
Темп беспощадный работам всем дан.

11

Кончился и тысяча семьсот первый год.
Возведён был наш Невьянский завод.
Чугун пошёл в пятнадцатый день декабря,
Трудились адски на стройке не зря.
Фадеев – мастер доменный плавку свершил,
Впервой невянский чугун получил.

Тот день основаньем Невьянска считается,
Его летопись так начинается;
А с гор Уральских царю Петру сообщили,
Что там на заводе стройку свершили.
Лишь пафосом пронизан деловой документ,
И отразил он торжества сей момент.
Затем впервые и железо дать сумели
В Невьянке же ведь через три недели.
На нём поставили клейма Петров, Тумаков
И помнят здесь невянских тех мастеров.

Но ведь все успехи эти пока лишь скромны,
Возвести хотели вторую домну,
Ещё тут и молотов несколько поставить,
Мастеров и рабочих к ним приставить.
Планы в те времена грандиозными были,
Но в жизнь лишь мизер из них воплотили.

О казённом заводе радели так мало,
Это начальство там не волновало.

Построены были домишки жилые,
Забор, баня, навес, кладовые...

12

Начинали трудиться так на заводе,
Добрый металл ценился в народе.
Лишь часть железа на экспертизу отдали,
Его в Москве мастера испытали.
С Пушечных, также с Кузнечных рядов кузнецы
Ковали невьянские все образцы.

И мастер с Тулы был, где завод знаменитый,
А им управлял Антуфьев Никита.
О невьянском железе том отзыв отличный
Дали затем в экспертизе столичной.

13

Медленно посёлок заводской развивался,
Регулярным план⁴ сперва оставался,
Затем весь кратчайший путь от жилья на завод
(Путь ещё и к реке, и пруду ведёт)
Уже схему радиальную стал создавать,
В том и рельеф местности смог помогать.

И стал так завод центральной постройкою,
Обнесён он стенами стойкими;
Хотя деревянными срубили их тут,
Но они долго все службу несут.
Семь башен из брёвен здесь соорудили,
А со всех – дозорные следили.

Заводу, посёлочку имя там дали
И Невьянским заводом назвали.

Лишь деревянными зданья все введены;
Крупнее, чем в центре нашей страны.

Бурная река враз власть тут показала
И не раз плотину размывала.
Мастера той плотины, без сомнения,
Всё ж учли паводки весенние.

И пишут, что продолжалось больше года
Строительство здесь всего завода.

14

По указу Петра наш Невьянск создавали,
Но в нём немного металла давали.
Ведь и рабочих на заводе так мало,
Порою и угля не хватало.

А чугун весь тогда лишь с трудом возили –
Там все дороги плохими были.
Даже завалы случались на рудниках,
Премного лихих рабочих в бегах.

А Протасьев – Верхотурский воевода,
Он не утруждался на заводе.
Деревнин – управитель подьячий скучал,
Пьяным да мрачным частенько бывал.

И нерадивое всё управление
Вело тут завод к разорению.
Так на Нейве-реке сей казённый завод
Ведь разорился почти через год.
Но всё же всей металлургии Урала
Он дал несомненное начало.

НИКИТА ДЕМИДОВ В НЕВЬЯНСКЕ

1

от заводик Невьянский так бы и прозябал,
Если бы его вдруг Демидов не взял.
Но вот теперь кузнец по царскому указу
Сюда решил отправиться сам сразу.

Он – Никита Демидыч, тогда в Туле служил,
А по фамилии Антуфьевым слыл.
И в юности познал всё кузнечное дело;
Как и отец, делал ружья умело.
И рано деловую жилку сын проявлял,
Лишь при стараньи смог скопить капитал.
Построил первый чугуноплавильный завод
И пушки, и ружья в Москву продаёт.
Завод Тульский ныне опять бы мог процветать,
Если б не запретили лес вырубать.
Демидыч в той ситуации выход искал;
Не раз приглашали его на Урал...

Пишут, что он создал ядро образцовое,
А затем ружьё русское, новое.
Стал заметным кузнец – тульский мастер Никита,
Будет то имя в веках знаменито...

2

вдруг в Тулу посланник царя приезжал,
Свой пистолет он в дороге сломал.
Ему на Никиту там же указали:
– Он починит справно, – так сказали.

А тот кузнец плечист, сильный и огромный,
Осанист и с бородищей чёрной.

Сам пистолет послу через три дня вручил,
Но, чем-то, видать, его огорчил.
– Сюда пистолет принёс ты вовсе другой.
Мой немецкий был помечен чертой. –
– Ну, что же, Вы возьмите починенный, свой.
Вам я дарю здесь и сделанный мной. –
Сразу посланник кузнеца благодарил,
И щедро так его он одарил.

И Петру Первому рассказал о том,
Антуфьева царь повидал потом,
Когда в Тулу опять по делам приезжал,
С ним там ковал вместе добрый металл;
От богатырской силы царь в восхищеньи,
Хвалил его труды и уменье.
Здесь алебарды⁵ Демидычу заказал,
И в гости в столицу он приглашал.

3

Тулу с Невьянска железо прислали
И в деле его испытали.
Акинфий – Демидыча сын молодой;
Силён рослый кузнец удалой.
Ковал всё это железо лишь смело,
Так звонко под молотом пело.
Узнал от отца: добыто с Урала,
Там руды железной немало.
Оно ведь Никиту с сыном пленило
И враз на Урал поманило.

И всё ж решили они воплотить мечту:
На Каменном Поясе взять руду.

О том челобитную Акинфий писал,
А задумку ту с отцом обсуждал.

4

вкоре Антуфьева царь приглашает,
Челобитную ту изучает:
– Демидыч, теперь завод на Нейве стал твой,
Вокруг земли все богаты рудой.
Ты в казну заплатишь за заводишко нам,
Но по ценам, укажу кои сам. –

Тогда стольник Никите тут грамоту вручил,
Только тот сразу вниманье обратил:
Ведь вместо слова «Антуфьева» в указе том
Писалось «Демидова» самим Петром.

5

кузнец в сорок с лихвой лет Демидовым стал,
Сразу богатства несметные взял.
Жаловал сам Пётр (так указы гласили)
Никите лишь на благо России:
Заводы все Верхотурского уезда,
Вокруг вдоволь годного столь места,
Вёрст на тридцать казённый весь лес вековой,
В нём там Невьянский завод небольшой.

Руду разрешалось повсюду поискать,
На могучем Урале добывать.
Царь заводы все новые строить призвал,
А на них плавить свой добрый металл,
Без железа шведского всем обходиться,
Русским там мастерству обучиться;
Многих крестьян принуждать для возки руды,
Платить лишь мизерно им за труды;

К рубке леса люд крепкий определить,
Чтобы завод не остановить;
Давать земли, ведать покупкой людей;
И наказывать властью своей;
А mortarы^б, пушки казне отливать,
Сабли, копыя и латы ковать.

Государь Демидову так указал,
Чтоб тот в нужды людей всех вникал,
Домишки, школы, больницы построил
И ярмарки всюду устроил,
А пьяных всех наказаньями смирял,
Питья бы хмельного не держал.

Безалкогольный жестокий тот режим
В работе всё ж был необходим.

6

Никита семейный совет собрал,
Череп весь лысый его сиял
Здесь при свете лампы у иконы.
Враз все отвесили поклоны.
Бороду он пятернёю расчесал:
– Поедешь, Акинфий, на Урал.
Так долго там слава тебя, сын, ждала.
Я же в Туле улажу дела.
Прибыть на Урал постараюсь быстрее
И всё вместе обсудим точнее.
А тебе на Нейве завод тот принять,
Там к огромным делам приступить. –

7

Тот заводико выглядел бедным,
В нём домна была неприметной.

Лишь дикие горы вздымались кругом,
И росли леса рядом с прудом,
Каланча и строения убоги,
Всюду тут грязные дороги.
Так немного рабочих в Невьянске есть,
И они строят избушки здесь.

Но управителю было всё равно,
Без просыпу тут глушил вино;
Бибиков – он, подьячий сонный, кутил;
Завод казённый так разорил.

Тогда Бибиков сразу же магнатам подлость чинил
И припасы их он по деревням уже утаил,
Не хотел, чтоб завод в частные руки передан был.
Теперь Бибикова срочно в Москву сопровождали,
В нерадивости к делам заводским там обвиняли,
Всё ж строителя завода суды все оправдали.

И в Тулу Акинфий отцу написал,
Об успехах своих сообщал:
«Возвожу знатные очень хоромы
И крепость, дома, башни, домны»...

Сгоняли в Невьянск с округи всей народ,
А дел разных там невпроворот.
Беглым раскольникам и каторжанам,
И местным всем манси, крестьянам
Ведь на заводе работы хватало,
Но это всё барину мало.

Он был наделён волей, хваткой, умом,
Утверждался в хозяйстве своём.
Приказчик Мосолов ему помогал,
Был жестоким, людей усмирлял.

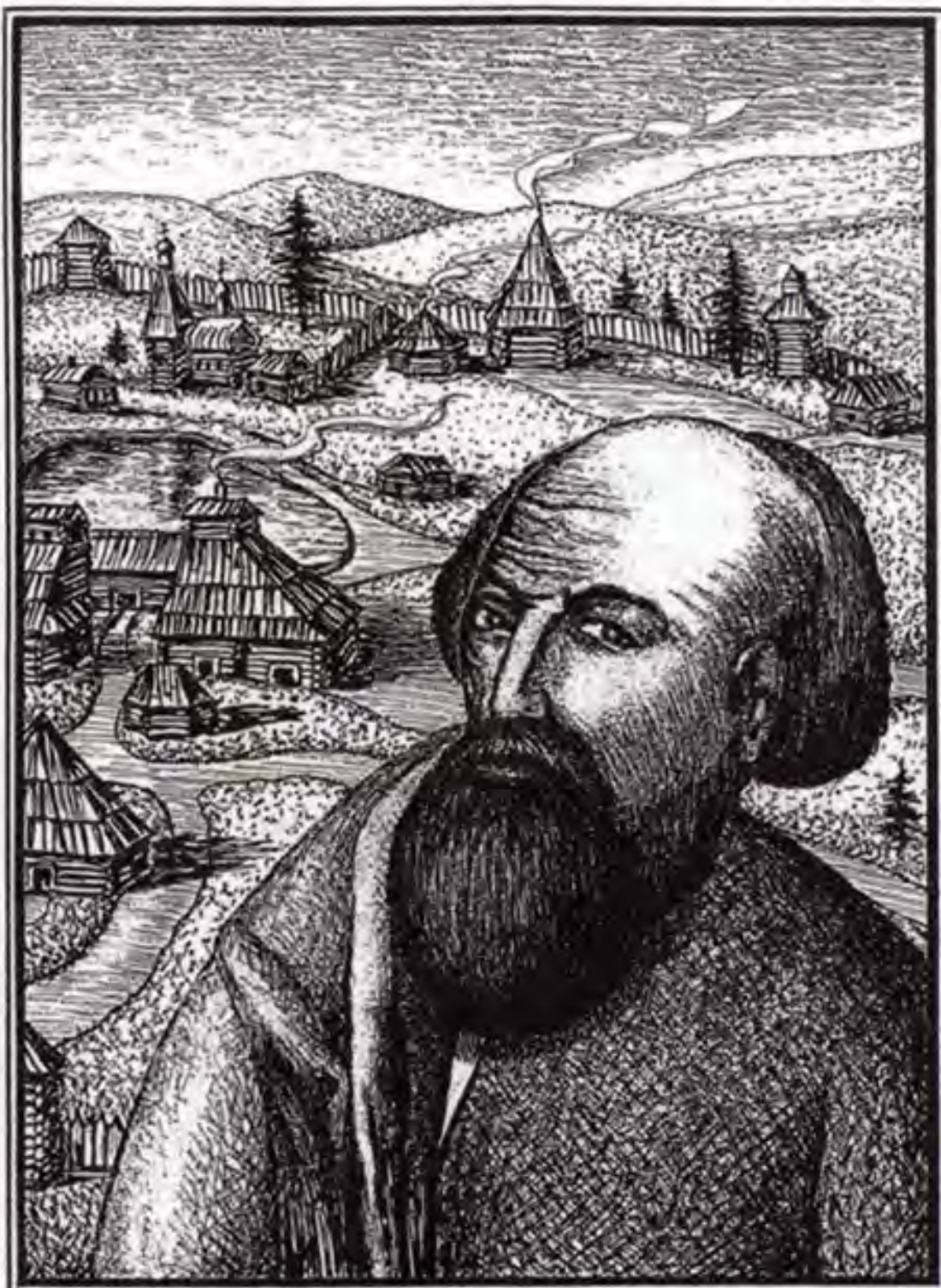
8

Невьянск и Никита лишь летом приехал,
Рад достигнутым многим успехам;
Сразу за постройку Демидов сам взялся,
Но особенно дом свой удался.
А в спальне слышимость лучшую создали –
Он слышал, что в комнатах шептали.

Прежде подвалы соединили с прудом,
Плотину соорудили потом.
Затем забором завод огородили
И стражу всю там установили.
Все службы, церковь, барский дом в крепости той,
А там же и огород, сад большой.
Лишь к северу и югу от крепости тут
Стал поселяться работный весь люд.
Здесь все приказчики злыми были всегда,
Трудяг, как собак, кормили тогда.

Теперь и во всё сам Демидов вникает
И Невьянский завод расширяет.
Сразу крепкие руки везде простирал,
А покорял и не только Урал:
– Сцапаю я все богатства громадные –
На всё ведь мои руки жадные. –
И так в Туле, и на Алтае, в Сибири
Им заводы всё ж созданы были.

Порой Никита в столицу вновь приезжал
И всякий раз там Петра навещал.
Подарил царю золото, не счесть всего,
Добыл в курганах Сибири его.
А когда вдруг кунсткамеру Пётр создавал,
То те дары за основу сам взял.

17. Демидов Никита Демидович – родоначальник знаменитой династии

Демидов в Невьянске школу смог основать
И её «Цифирной» стал называть.
У него память была феноменальна,
Вникал он в работы досконально.

Не употреблял всю свою жизнь спиртного,
Ведь держался лишь строгих законов.
И отличался крепким здоровьем спокон.
Молился Богу нередко же он.
А в люди не любил рядиться так знатно,
Да было это даже накладно.
Богач всю скупость свою во всём проявлял;
Порою же злобным, резким бывал.
Железо столь дешёвое слал вновь в казну,
Но всю жестокость вложил в ту цену.

И на Урале капитан Татищев жил,
Тут в крае он порядок свой вводил;
А заводы все государственной казны
Только лишь здесь ему подчинены.
Но Демидов все силы свои направляя,
Чтобы стать главным на весь наш Урал.
Его злейшим врагом сам Татищев тут был,
Жалобу враз на него учинил.
Быстро Татищеву в столицу убрали,
А Геннина взамен в край прислали.

9

тайном склепе подземном была темнота,
Всюду стекала со свода вода.
Демидов сапогами так гулко стучал;
А слуга факелом путь освещал,
Не враз с трудом на ржавых петлях дверь открыл,
В сырой подвал господина впустил.

Во мраке мечутся тени все, как бы во сне;
И, словно уродцы, они на стене.
На полу старик-кержак и парень сидели,
Дерзко, злобно на вошедших смотрели.

Гневный барин, хмурия брови, к ним подступил
И рабов тяжёлым взглядом сверлил:
– Ну, так вновь здорово, мы свиделись-таки. –
Загремела тут цепь в полумраке:
– Ты нас держишь зачем на цепи, как зверей?
А мертвеца убери здесь, злодей. –

Крикнул кержаку барин голосом властным,
Вдруг пронзив его взглядом ужасным:
– Но стоит ли Вас тревожить? Истлеет тут.
Я устрою быстро свой Страшный Суд.
Встань, старик! Разор чинил, дважды убегал,
Ты вновь смуту в народишко вселял. –
– Кандалами убью! Уйди же с дороги! –
Смело харкнул хозяину в ноги.

– Не грози! Я силён и согну сразу в рог,
Я Вам, холопы, здесь сам царь и Бог.
Ух, тебя накажу, старец, круто. Побьют,
В стену камнями потом закладут.
А тебя всё же волку стравлю, молодой;
Ведь не придумал я казни другой. –

10

друг полночь на башне часы прозвонили;
В склеп на цепь мужика посадили.
Утром Никита опять вышел на крыльцо,
Сейчас побагровело вмиг лицо.
Но там не увидел он парня молодого,
Также волка огромного злого;

На травке топор да руки кисть лежали;
В лесу беглого не отыскали.
А в подземелье хором темень-тьмущая,
Тишь жуткая, гнилость сырющая.

Жертва уже не одна замурована
В склеп дома хозяйского нового.
И кабы чего вдруг ещё не случилось,
Тут так быстро злодейство свершилось.
Кержака в тайнике хлестали плетями,
Кожу спины сдирали пластами.
А из носа и рта у раба текла кровь,
Лишь хрип в груди, и рассечена бровь.
И враз верёвкой старика повязали,
Поспешно в щель стены затолкали.

Во мраке клали камни все не случайно
И в эту новую башни тайну.
А кирпичная кладка так быстро росла,
Ведь до груди кержака враз дошла.
– Пошто Вы меня всё ж, вольного губите?
Все от Бога кару заслужите. –

И уже кладка из кирпичей у лица,
Вновь сделан ряд – за ним скрылись глаза,
Они большие и чёрные, страшные.
Все страхи и крики ужасные
Так враз отразились в глазах подневольных,
Теперь в душах у них беспокойно.

И вот голова эта в кладке той скрылась;
Тут же в бороды челядь крестилась...
Лишь те стоны глухо в стенах отдавались;
А людишки быстро удалялись...

11

однажды у Петра Демидов вновь был,
Скатерть он ему тогда подарил.
А за стол уселися важные гости,
Дружно здесь поднимали все тосты.

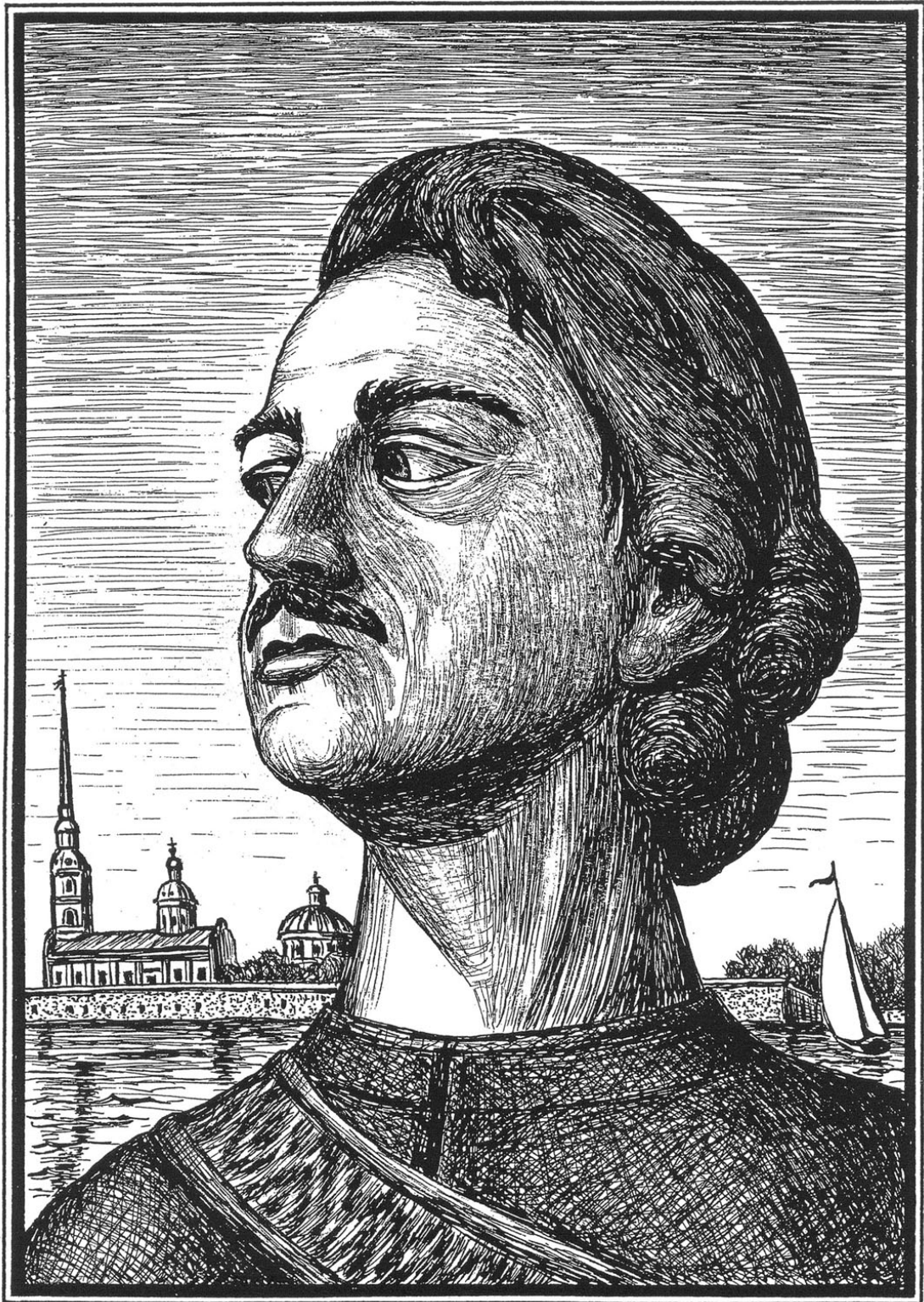
Никита неловкость тотчас разыграл:
Опрокинул вина свой бокал.
Казалось, что хотел поправить беду,
Но всё ж закуску сшиб не одну.
И на скатерть чистую всё разлилось,
Лишь за новой послать слуг пришлось.

– Государь, мне дозволю, её постираю,
Сразу в огонь камина бросаю, –
Сказал Демидов, скатерть в пламя кидая,
Поступком тем людей удивляя.

Её, как новую, из огня притащил,
Встряхнул и весь стол шутя застелил.
– Ты, Никита, сейчас колдовством занялся?
Старый, в тебе бес, видать, скрывался. –

– Царь, это ведь – горная кудель с Урала
И асбестом называться стала.
– Минерал сей, Демидыч, сгодится ведь нам
И принесёт пользу многим делам.
Теперь же ты пушками вновь нас выручай,
Но, быть может, и надолго прощай. –

Большую помощь промышленник Петру оказал,
Когда тот так дерзко Петербург основал.
Лишь срочно Никита в столицу сам стал поставлять
Металл, камень и лес корабельный опять.

18. Пётр Великий – император России

с похода, с Каспия, Пётр Никите писал,
И портрет свой с письмом ему он послал:
«Но даст ли Бог свидетелься? Сие неизвестно.
Моя копия всё ж будет уместна».

Уже Демидова-друга не смог повидать,
Ведь сам государь это чуял, видать.

Царь Петр под Сестрорецком в стихии шальной
Даже по пояс в воде ледяной
Долго в заливе Лахты матросов спасал;
Прибой ярился и многих сбивал...

А ночью царю не спалось и знобило,
Всё ж на несколько дней подкосило.
Но не отлежался совсем он от хвори
И дела все стал пуще проворить.
Тот недуг запущенный им вскоре дал знать –
Сильный духом государь не смог встать...

В скорби у гроба Демидов прослезился
И здесь к руке хладной приложился:
– Пётр Ляксеич, и что ж не сберёг ты себя?
Вновь ещё ждали б победы тебя... –
Снова вспомнил, как железо голландцам слал,
Только так ему Пётр о том сказал:
– Вот и дожили, Демидыч, всё ж мы с тобой –
Стала ведь Русь видной морской страной.
Теперь и железо в иноземщину шлешь.
Мою помощь завсегда ты найдёшь. –

С костылём, тихо шаркая, старик идёт;
Ныне ему семидесятый год.

еншиков – друг Петра и светлейший князь,
 Имел громадную в службе власть.
 Как-то к себе он Демидова позвал
 И радостным голосом сказал:
 – Отныне Вы обласканы царицей,
 В дворянство жалуют в столице.
 Ведь Вас Екатерина Первая чтит,
 Вам всю власть на Урале дарит.

То дворянство не стало услadoю,
 Так тяготился наградою:
 – Влезаем с сынами ведь тут не в свои сани,
 Мы – лапотные, хоть и дворяне... –

Создан был прижизненный портрет Никиты,
 Имя автора его забыто.

Не раз довелось мне увидеть этот портрет...
 Пожилой человек и явный аскет.
 В жизни так много испытаний сполна пронёс.
 Изломанные брови и гордый нос.
 Глаза насквозь тяжёлым взглядом Вас пронзают,
 Века они к себе не допускают.

Череп большой неправильной формы сияет,
 Плешину лишь волоса обрамляют.
 А чёрные волосы и усы с бородой –
 И окладистой, и густой, с сединой.
 Демидов смелый, сильный и волевой, умён;
 Одет в кафтан простой, тёмный, строгий он.

В портрете художник образ дал столь правдивый,
 Но всё ж в чём-то и противоречивый.

Ведь тут натура монолитная, цельная
Так верит лишь в свои устремления.

Успехи Демидова на Урале видны,
А в них большая часть металла страны.

Даже комиссаром его на Урал послали,
Государственным людям чин тот давали.
Военные припасы в Москву отправляет
И за поставку, литьё отвечает.
Всегда не жалел Никита здоровья и сил,
Лишь заводы новые он возводил.

Магнат пока вкуса к работе не потерял,
Хоть уже постарел, сутулиться стал.
Знает, что не простит Бог за злодеянья,
Но жить ещё большое желанье.
Уже так много в делах достиг и силён,
На мир без иллюзий смотрит ведь он.
Умерились страсти все, но не угасли.
Не упустит сам добытой власти.

Но вернёмся всё ж к старцу Демидычу в дом;
Силы былой уже нынче нет в нём;
И по-прежнему дела одолевали,
Разные задумки волновали:
«Надо и к царице, в Сенат обращаться,
С иноземцами там повстречаться.
И со сбытом железа здесь не опоздать.
Родину хочется мне повидать».

14

ныне всесильный Демидов вновь в столице,
Теперь повидался он тут с императрицей,
Решил всё ж задумками с нею поделиться.

По лицу царицы вдруг грусть пробежала;
И до боли её жалко стало.
У Никиты блестели слёзы в те мгновенья,
Высказал к ней сердечно уваженье:
– Вас Благодарствую, матушка-царица,
– За всё то, чего смог я добиться
С помощью царской да Божьей. Этим горжусь,
Но также и сам успеть тороплюсь
Ещё много сделать опять для Урала.
Трубы все для фонтана сначала
Постараюсь я побыстрее всё ж отлить,
Только скромно так Вас благодарить. –

Искренность Никиты она угадала,
Слова добрые сразу сказала:
– Демидыч, что же хочется? Можешь просить
И не таить нужд, о них сообщить. –
– Царица наша, ничего мне не надо.
Участие здесь Ваше – награда. –

И трубы фонтанные быстро отлили,
Они уйму хлопот причинили.
С баржей в Ладоге пошли ко дну в ураган –
Тех труб не дождался дивный фонтан,
Демидов так гневался и сокрушался.
Искать трубы все сам собирался.

Но он из-за старости поехать не смог,
Ведь и силы не те. Сник, занемог.
Приказчика на поиск труб посылает,
А тот известий не присылает.

Тут Никиту не только Урал волновал,
В Туле заводы опять создавал.

И тоже на родине хотел первым быть,
Всех оружием своим удивить.

А рядом завод, хоть казённый, процветал,
Он новую технику сразу применял.
Завод тот покоя Никите не давал:
– Погубит дела наши скоро сей завод. –
Старика это за сердце берёт.

От мыслей тревожных порой изводился,
И всё немощней он становился.
Стал так жёлтым, сухим, глаза провалились,
Но всё ж вновь волчьим блеском светились.
Опять за жизнь цеплялся Демидов жадно,
Хотя не всё и в ней было ладно.

15

завещание он сам вскоре написал,
Акинфию все заводы оставлял.

Никите, Григорию от отца своего
Ведь в наследие не дадут ничего.

А, отличавшийся крутым нравом с детства,
Никита-сын сам и без наследства
Жестокие порядки начнёт насаждать,
Так сумел много заводов создать.
Оставит на сыновей заводы все он,
Не будет никто из них обделён.

Осенью хворь на Демидыча напала,
Хотя и боролся с ней немало.
И всё смотрел везде во владеньи своём,
Из дома вновь выходя с костылём.

Гудел на просторе лишь ветер холодный,
А у пруда дымили все домны.
Тулица-река несла мутные воды,
Да шумели старые заводы.

Часто стоял долго Демидов на крыльце,
Появлялась улыбка на лице
Вдруг при виде дыма, так с детства знакомого;
Неба хмурого, словно свинцового.

И в цехах на заводе своём побывал,
Лишь родных и знакомых теперь навещал,
Всё ж молиться порою он в церкви вновь стал.

Слабость начала старика одолевать
И в постели подольше ведь стал лежать.
– В землю тянет, – так вдруг к жене обратился,
Жалостью взгляд её омрачился.

А потом вечерами у окна сидел,
Долго и пристально вновь вдаль глядел.
Вся бурная жизнь проносилась пред взором,
О грехах своих думал с укором.

Вдруг чудилось детство давнее Никите
И Демид Григорьевич – родитель,
А был он кузнецом, но рано скончался.
Матери образ вновь вспоминался.
Помнит, пять алтын маме любимой вручил,
За труды первые их получил.

С матерью, братьями жил в труде тяжёлом,
Но слыл остроумным и весёлым.
Стал, как отец, кузнецом, очень сильным был,
Урывками грамоту всё ж учил.

Помнил отчётливо первые победы,
В делах успех, горечи да беды.
Он вспомнил и Урал, и Невьянск дорогой;
Достоин там управлял сын родной.

Вспомнил недавнее с Петром расставанье,
У гроба всех людей причитанья...

И представил Демидов сегодняшней день:
«Дряхлым сам стал... Превратился я в тень»...
Наблюдал, как сумерки быстро густели.
И теперь боли не было в теле.

Всё же смирился. Жизнь ведь уже прожита.
И стал сутулиться, сдал Никита.
«А я сделал не всё, но пора на покой», –
Так лишь подумал о прошлом с тоской.

И заснул он навеки в кресле зимним днём...
Но о печальной вести той о нём
Во всей округе сразу люди узнали.
Тогда морозы сильно крепчали.

Народ владыку, что прославлял мир, Урал,
В последний путь провожал, причитал.
На родине, в Туле, его схоронили
И плитою чугунной накрыли...

АКИНФИЙ ДЕМИДОВ И ВОЗВЕДЕНИЕ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ

1

Акинфий Демидов о славе мечтал
И делами её приближал.
Ведь решился башню в Невьянске поставить,
Чтоб себя же и ею прославить.
Приказчику в Санкт-Петербург написал,
Вот что там он ему указал:
«Намерен строить всё ж башню в Невьянске
Лишь по образцу итальянской,
Как в мире известной всем Пизанской большой,
Что в паденьи в иноземщине той.
Амбарами в башне занять весь подвал,
Запасать в них руду и металл;
На самом верху караул содержать
И о пожарах всегда извещать;
Заставлять идти на работу людей;
О тревожном звонить поскорей.
Иноземцев, дошлых в тех башнях, сыщи,
Всех строителей этих пришли...»

Всё грезил о башне – прихоти барской,
Но подобной лишь итальянской.
В Пизе колокольня – очень наклонная,
По паденью – непревзойдённая.

Строить в Невьянске ж начнут вертикальной,
Несхожей совсем с иностранной.

Постройку Демидов видел не простой,
Всю задумал многоцелевой:
И сердцем Демидовской вотчины быть,
А весь мир красотой удивить;
С неё любоваться далью, горами,
Большим прудом, стройкой, лесами;
И стать трубой дымовой с подземелья
Секретного лишь назначенья.
Эта башня ещё сторожевая
И производственный центр края;
Рабочих курантами станет будить,
В ней конторский люд будет служить;
Ей стать предназначено даже тюрьмой
И дадут место для кладовой;
Укажет и время, ветра движенье;
Колокольной быть – примененье;
А трудягам станет: во тьме маяком
И звать их на завод прямымком.

Но не только это лишь башне суждено;
Ведь творцом смелым будет ей дано
Дивным памятником стать в архитектуре,
В технике, истории, культуре.

2

Акинфий вдруг строить быстрее приказал,
А возводить башню зодчий начал.
И сотни строителей всё ж отыскали,
Их в Невьянск отовсюду сгоняли.
Копали котлован, тесали каменья;
Здесь возвели вокруг огражденья.

Трудились беглые и крепостные,
Приезжие мастеровые.

И стали в землянках работные жить,
За тын им запретили ходить.

Сперва в грунт сваи дубовые вбили,
Затем прочный камень ложили.
Из них стал фундамент – сплошной монолит,
Так долгонько в земле он лежит.
На фундаменты тогда возведены
Стены двухметровой толщины.

Кирпич весь для башни брали образцовый,
С высоты двенадцатиметровой
Его бросали; если не разбивался,
То для строительства применялся.

Отличается кладка всех стен простотой.
И четверик⁷ представляет собой.
Ведь половина башенной в нём высоты
И в нём же несколько окон видны.
Восьмерика⁸ три на нём размещаются,
Ступенями вверх – устремляются.
Видно лишь в обрамленье суровом всех их
Множество с арками окон больших.
Сделаны здесь из чугуна балюстрады,⁹
Ажурные кругом все ограды.
А вокруг по террасам всяк может гулять,
Также с них всё и окрест наблюдать.

Ещё с трёх сторон часы там огромные,
Из железа все установлены.
Всех часов мелодия громка и звонка,
Льётся с нижнего лишь восьмерика.
Эти часы-куранты и поныне бьют,
И вновь отсчёт веков они ведут.

Колокола тут все со звоном красивым
И стали знаменитейшим дивом;
Всего же их всех девять было отлито,
Из тех мелодий много забыто.
Но не все колокола отлили лишь здесь,
Купленные за границею есть;
Помнят время постройки той подневольной,
Музыка их мрачна, беспокойна.
И громко мелодия та раздаётся,
Далеконько в округе всей льётся.

А на верху сей башни шатёр размещён,
Ажурным флюгером он завершён.
Демидовых герб на нём там поместили,
Щит, шлем, молот здесь изобразили.
Тот флюгер-флаг на шпиль нанизан, в движеньи;
Укажет всех ветров направленья.
Башню увенчал на высоте пребольшой
Весь с шипами шар чудесный, златой.

За всей окрестностью башня наблюдает;
Века свои тайны сохраняет.

3

памятник этот кирпичным построен;
Но металл здесь лишь нужный освоен.
И впервые из чугуна, прочной стали
Тут же балки сплошные создали.
Из чугуна все коробки огромные:
Дверные, а также оконные.
Отлили чугунные плиты на полы,
Все перила балконные, столбы
И многие, но небольшие детали;
А лишь тяги¹⁰ и связи¹¹ – из стали.

Кто ж с тонну весом колокол дивный создал?
И с меньшим весом завод отливал.

Кладки сплошной образец – оригинален,
Надёжно уложен в ней весь камень,
Архитектурным узорным украшеньям
Есть в ярусах всех трёх предпочтенья.
А это и кронштейны¹², ромбы-плетёнки
И пояски¹³ – работы столь тонкой,
Пилястры¹⁴, карнизы – длинные, большие,
Профиля¹⁵ – красивы, как резные.

Ведь в контрасте со сложным декором таким
Был четверик создан строгим, простым.
И там, на первом этаже четверика,
Пылятся лишь архивы все века.
Контора и кассир – вторым всем владеют,
Все лаборанты – третий имеют.

И комната акустики в башне той есть,
Всё ж ей четвёртый этаж отдан весь;
А когда же дверь в мощной стене отопрёшь,
В тайную комнату вдруг попадёшь.

Особенность комнаты сей такова:
Ведь во всех углах слышно слова,
Которые кто-то здесь же, в сторонке,
Из угла изрёк лишь тихонько.

А тот, кто бы стал за говорящим стоять,
То не смог бы ничего разобрать.
Услышит хоть при своём всём старании
Невнятный гул и бормотание.
Даже слышится там шепоток далеко,
Можно подслушивать очень легко.

А несли хозяину в дом не случайно
Вновь чужие людские все тайны.
Не оставалась правда та без вниманья –
Велись свирепые наказанья.

Много в подвалах башни и рядышком с ней
Тоннелей, тайных ходов, галерей.
Эти секреты скроет позднее вода,
Она прорвётся поздней из пруда.

Монументальной башня была создана,
И всех людей поражает она.
А высотой почти шесть десятков метров,
За много ведь вёрст её заметно.
В стиле древнерусском тут взята основа,
По задумкам проста и сурова.

4

Как прославить вновь себя хотел барин сам,
Строили на зло пурге и дождям.
Днём и ночью, в жару, снег, слякоть и ветер
Тех подневольных можно здесь встретить.
Но их надзиратели били от души,
Хотя люди трудились за гроши.
Несли им смерть плети, болезни, голод
И труд адский, увечья и холод.
А за все провинности в цепи ковали,
Даже в стены людей муровали.
На этой стройке жуткой сотнями гибли,
Но всё ж в неволе башню воздвигли.
Прочно и на века монумент возведён;
Он весит более трёх тысяч тонн.

А мастеров сослали в шахты Сибири,
Чтоб тайны все они позабыли.

Этой башни открытие освятили,
Пушки все с крепости там палили.

Часы считают всё время без сомненья.
Ушли ныне в вечность те мгновенья.

5

то же проект этой чудо-башни создал,
Строительство всё тогда возглавлял?
Об авторстве множество версий собрали,
Но ведь имя творца не узнали.

Может, зодчим Батманов является?
Версия эта мне нравится.
А Илья Батманов, видать, крепостной;
Им построен Тобольск – град большой.

О знаменитых зодчих легенды читал;
Их многих ждал лишь трагичный финал.

А в Мцехе – древнейшей грузинской столице,
Отрубили титану десницу,
Чтобы не построил он храм красивее,
Чем им созданный в Свети-Цховели.
Бросился с храма зодчий армянский Овнан,
Ждала ж его казнь по тем временам.
Творца мечети Биби-Ханым (Самарканд)
«Железный хромец», эмир Тамерлан,
Чтоб лучше тот не создал, убить приказал,
Но мастер в Иран на крыльях умчал.

И Савельев Фёдор архитектором был,
Белый город он в Москве возводил,
Был бит батогами при Иване Грозном,
В Соловки при Годунове сослан.

Лишь был храм Блаженного создан, дошёл ведь слух к нам,
Глаза выжгли вдруг Поснику, Барме – творцам.

Что же зодчий башни Невьянской заслужил?
Как хозяин его благодарил?
Прочитал, автора башни не убили,
«Милостиво» даже пощадили.
Ведь приказчик строителя увёл с собой,
Лишь под землёй всё ж дал наказ такой:
– Башню ты, гений, построить смог прекрасно,
Себя прояви ж рабочим. Ясно?
Только рудник до смерти тебе — дом родной,
А тачка станет здесь верной женой.
Сразу накрепко цепью с ней повенчаю
И ты люб будешь ей, обещаю. –

Башни создателя вниз опустили,
Там с тачкой его обручили.
Тут бегали крысы, стекала вода,
А повсюду была темнота.
Но с тачкой всё ж на цепи не ужился
И вскоре рассудка лишился...

6

памятник мифы, легенды хранит,
Но о многих из них он молчит.
И ведь очень в стране – примечательный
Дивный шедевр замечательный.
Ярусами, гербом, шатром украшен,
Как типаж древнерусских башен.

Высокая башня далече видна,
Обдувается ветром она,
Не шадят дождь, морозы, жара, град, снег.
Скоро закончится третий век

С тех пор, как построили башню на столетья,
Крепка на зло бедам, лихолетьям.
Но грунты как-то, всё ж осев, наклонили,
Прочный фундамент не пощадили.

И недолго стоял в одиночестве
Созданный памятник зодчества.
Позднее рядышком церковь открыли,
А к башне пристрой прилепили.
И много её ремонтировали,
Лишь потом реставрировали.
Теперь паденье уже невозможно –
Фундамент закреплён надёжно.

Загадочность башни порой отмечают,
Уникальнейшей в мире считают.
А творение славится, будут ценить;
Верю, ему жить века предстоит.

7

воздвигли давно ль башню ту?
В тысяча семьсот двадцать пятом году.
Видимо, верная дата та –
подтверждает то из чугуна плита.
И описание башни дано,
Доказало время постройки оно.
Та запись про памятник края
Велась указом царя Николая.

И высится башня на века
Рядом с плотиной, где пруд, течёт река.
Символом города предстала.
И казалось, всегда существовала.
С детства мне запомнилась она,
Даже снится ныне, в наши времена.

Ведь башней была сторожевой.
И украшает теперь город родной.

Степан Щипачёв – поэт русский, известный,
Написал о башне интересно:

*«Пусть через гомон вороний
В небо зовут облака,
Башню, присмотришься, клонят
Каменной славой века.*

*Что ей времён перемены,
Помнит едва ли о ком.
Голос... Но чей он? То стены
Вдруг оживут шепотком.*

*Крутится жизнь кинолентой,
Башне, рождённой в труде,
Окаменевшей легендой
Жить на Уральской гряде».*

8

Акинфий часто на башню поднимался
И снова заводом любовался.
Порой обходил владенья заводские,
Воплощал все замыслы большие.
Энергией лишь колоссальной отличался,
Так в работе успехов добивался.
И в жизни покоя не знал он никогда,
В кабинете трудился допоздна.

Но звон колокольный однажды услышал,
Подошёл к окну, башню увидал.
А на небе профиль её выделялся,
Вечер с ветром февральским метался.

Облака гнал ветер, от них башня мрачна,
Но вдруг ярко засияла луна.
Башня так ожила вновь при лунном свете,
Можно ведь было тогда заметить,
Как создалась тотчас зыбкая игра теней,
И плыли все тучи под луной быстрей.

Казалось, башня рушится под натиском их.
И сколько ж вынесла напоров таких?
Но сейчас устояла стихиям назло,
Будет стоять всё ж, хотя тяжело.

И Акинфий под напором невзгод устоял,
Ныне в мире лучший металл выплавлял.

9

лотину от башни вблизи воздвигали,
Все дубовые сваи вбивали.
Бабу¹⁶ килограммов в четыреста вниз скорей
Тут с копра вновь бросали артелью всей.
И успешно вбивали за рядом здесь ряд
Крепкие лишь те все сваи в обхват.

И всё ж нежданное тогда приключилось,
Акинфию вдруг дума явилась:
«Шлюз секретный, чтоб скрыть преступленья, открыть,
В башне людишек быстрей утопить».

А с чугунной той бабой надрывались,
Но вновь вперёд передвигались.
Лишь потом и копёр переставляли
И опять сваи забивали.

Как-то ту бабу оставили опять,
Но нет её утром, глядь-поглядь.

– И где же баба? – вдруг ахнул артельный,
Тотчас испугавшись смертельно.
Лют, злобен приказчик, тут начал допрос:
– А не леший ли бабу унёс? –
Не враз её все на стройке всё ж нашли
И медленно, с трудом приволокли.

Но так было не раз. Стерпеть не смогли,
И мужики в засаду легли.
К ночи из башни вновь повалил народ,
И вдруг здесь кто-то на них идёт.
Шептал всё ж плотинный: – И впрямь водяной.
Но не бойтесь! Всегда крест со мной. –

Здоровенный парень враз бабу схватил
И её без надрыва тащил.
– Стой, чертяка, все рёбра поломаем,
Ты не ту бабу прижимаешь, –
Напирал плотинный сам на силача –
Ведь обида была горяча.
Бугай огромный перед ним стоял,
Уже недовольно бормотал:
– Нельзя что ль побаловать мне иногда?
В подземелье то скучно всегда. –

Да, ведь есть богатыри в народе у нас,
Силушкой они потешат подчас.

О мужике у слуг и Демидов узнал;
Поверив в силу его, так сказал:
– И всё ж до чего же бугай тот силён! –
Шлюз поднимать назначен был он.
Когда будет надо, силач шлюз поднимет,
На невинных вода сразу хлынет...

Акинфий талантлив, энергичен, преданный делу;
Лишь в Германии познал он руды умело.
Создатель первой эталонной коллекции руд,
А также минералы различные тут...

Акинфий жил в Соликамске с Никитою-братом;
И с ним собрал он гербарии в крае богатом;
Лишь там ботанику так с интересом изучал.
Позднее банковские учреждения создавал.
Властьимущим мог займы огромные давать,
Чтоб привилегии снова получать.

Семнадцать железных, медеплавильных заводов создал,
Посуду, машины да инструменты на них выпускал.
В наследство в Выровке, Есенковке заводы получил,
Вблизи Калуги их два, железо на них производил.
Но не только заводы, посёлки разные он открыл;
Но строил дороги, суда; вновь пристани возводил.

И Демидовых династия давно знаменита;
«Царство» при Акинфии достигло зенита.
За полвека лишь чугуна выпуск в пять раз возрос,
На него в мире всегда, повсюду был спрос.
В Европу, Америку он экспортировал металл.
Уже в Англию-монополистку – продавал,
Это нигде, никогда, никому не удавалось.
И множество месторождений открывалось
Для магната и в Алтайском крае богатейшем,
Также здесь и для России вклад ценнейший.
И, как пишут, Демидов эти земли сам открыл;
Ведь до него о них никто не сообщил.
Вскоре работных из страны сюда пригоняет;
Теперь бесправный люд руду добывает.

Он ведь там же, на Алтае, Барнаул основал,
Тут свои заводы создавать продолжал:
А первый – Колыванский медеплавильный там завод;
Вслед – Барнаульский; после Шульбинский в строй войдёт.
Но меди добыча прибыли мало давала,
Власть золота и серебра наступала.

Акинфию Алтай преподнёс уйму треволнений –
Там открыл больше тридцати месторождений;
А среди них то успех Змеиногорска пребольшой –
Ведь серебро русское добыто впервой...
Годы в тайне держал разработку всю эту;
Может, тогда и чеканил монету...

Алтайские заводы оценят, в казну отдадут;
За них же лишь позднее наследникам деньги дадут...

О своих монетах уже магнаты мечтают;
Для чеканки монет, ведь так полагают,
Оборудованье вместе для башни с часами
В Англии купили Демидовы сами.
Но так трудно матрицы для техники искать;
В этом может помочь Меншиков, видать;
А светлейший князь командовал монетным двором,
С ним ведь и давненько же Акинфий знаком.
За большие деньги Меншиков матрицы продал;
Но пока Демидов только лишь руды добывал,
А затем для дел удобный момент выжидал...

И покупал специалистов из заграницы,
Многих трудяг он посылал туда поучиться.
Магнат покупал крепостных, направлял – на Алтай;
Всё ж освоил и этот затерянный край...

На него люд жалобы слал, а в них так извещал,
Что он насмерть плёткой крестьян, их детей избивал;
На измор брал голодом; многих в оковах держал...

Но правительство нужных мер не принимало,
Снова всё с рук заводчику спускало.
Всегда только лишь продукция власти нужна,
И пусть даже с кровью добыта она...

Триумфы Демидовской «империи» всюду видны:
Выдавала половину металла страны;
Выплавлялся при Акинфии лучший в мире металл,
Славу он России, Невьянску прочно ковал;
А под Невьянском асбест при магнате был открыт,
При нём добыт и затем обработан малахит;
Развёл тагильскую породу рогатого скота;
Ковал впервой в мире в Невьянске, Быньгах косы тогда;
Число заводов отца умножил в три с лишним раза,
Всего со стараньем сильным достиг не сразу;
Первую домну крупнейшую в мире пустили,
Она была создана в Нижнем Тагиле;
Открыл в Сибири руды с медью, также – свинцовые,
Под Томском и Кузнецком – медь образцовая...

На него жалобы, прошенья поступали опять;
Но в стране вечно правосудия нигде не сыскать,
Для государства вновь лишь надобно металл поставлять...

11

Легенда иль тайна слышна на Планете –
Сам Демидов чеканил монету.
Но всем частным лицам то запрещали,
Смертной казнью многих карали.

Он как-то играл в карты с гостем столичным,
Проиграл капитал весь наличный.
Но лишь быстро так вниз, в тайники побежал
И серебро там в подвале достал.
Теперь в его руках монеты блестели,
Горсть взял чинуша, бывший при деле.
А среди них каждый рубль – новенький, горячий;
Видать, сейчас сделан, не иначе.

Ведь всё так государыне пишет фискал:
«Ныне Акинфий руду добывал
И с сибирских заводов везёт, слухи есть,
А серебро даже плавит он здесь»...

И навету всю силу придали –
Демидова сразу в Москве задержали.
Но в Невьянск всё же он сообщает –
С приказчиком срочно письмо отсылает.
И сам в нём изложил суть навета,
Так брату- калеке писал всё про это:
«Ведь ревизора к Вам скоро пришлют,
Уже о серебре тут поклёп создают»...

Холоп, отдав посланье такое,
Сразу словами так сказал остальное:
– Быстренько шлюзы здесь в башню открыть
И в подвалах народишко всё затопить. –
А хозяин застучал костылём;
Сверкнула вдруг молния, ударил враз гром.

Спустя лишь день силу возымел донос –
Офицера к ним ямщик привёз.
Тут гонец в башню повелел отвести
Немедленно с большого пути.

Серебро и золото там выплавляли
И монеты чеканить всё ж стали.

– В башне делали Вы монету? –
Молвил так и ждал ревизор ответа.
– Никогда деньжата в ней не чеканят,
Но делами нашу Россию славим,
А металл из руд завсегда здесь плавим, –
Так Демидов посланцу сказал,
Громко костылём стучал, служку позвал:
– В покои отведи гостенька,
Пусть челядь баньку враз истопит пока. –

И дверь молодуха открыла,
Ласково очень пройти попросила
В богатые покои гонца,
А там Демидова Никиты-отца
Портрет в чёрной лишь раме висел,
Он на посланника так жгуче глядел.

Ведь всё в полумрак погребено,
Слабый свет здесь пробивается в окно.
И куда бы гость не отходил,
С портрета хозяин так зорко следил.

Не в себе гость, стоит он едва,
Прилег, закружилась тотчас голова.
В полусне вдруг чудиться стало –
Во тьме тут Демидов шепчет устало:
– Но здесь ничего не добьёшься
И ты напрасно усердно печёшься. –
Казалось, что он издевался,
Хитренько в бороду всё ж усмехался.

Ведь гонцу в покоях не спалось,
Ночью шум воды услышать довелось.
Всё стихло потом понемножку,
И лишь смотрел месяц смирно в окошко.

12

в башне чеканили, наверно, монету.
Но чтоб власти не узнали про это,
Во всех подвалах к шлюзу плотины поспешно
Ходы открыли той ночью кромешной.
Вся вода шумит вдруг под башней трагически,
В ней проклятья и крик злой, панический;
Она здесь на века рабов тех оставила,
Их всех так жутко гибнуть заставила.

И те Демидовых все злодеянья
Давно огласили преданья,
Водою и фундаменты подмыло,
А башню к пруду наклонило.

Тогда все подземелья, ходы
Лишь вмиг были водой залиты.
Ещё заодно всех, работавших там
И прикованных мёртво к цепям,
Без сожаленья воды потопили,
Враз в тайны башни погрузили.

А раскрыть их пока не даёт вода,
Вечно идущая из пруда.

Но к утру стих поток, нет стонов ужасных,
Тихо уже в подвалах тех страшных.
И в подземельях всех тех каменных глухо,
Лишь слышно, как летает здесь муха.

Дозорный снял шапку и молиться всё ж стал,
И в подвалы он тотчас поспешал:
За сердце схватился: – Грех тут невиданный.
Что ж робят злодеи Демидовы? –
А тут в воде люка торчала голова,
Она страшна, в крови вся и мертва..
И всё ж сторож во тьме сапогом её пнул –
Сразу без шума тот труп затонул.
Лишь жутко с тоскою куранты играли –
Так трагедию здесь отпевали...

А утром в бане попарился гостенёк,
Он зван был к Демидову на чаёк;
Демидов Никита-сын к столу пригласил
И едой, вином гонца угостил.

Но вдруг услышал посланник курантов бой,
От этого вздрогнул, стал сам не свой.
– В ночи чудилась мне вода пребольшая,–
Резко сказал, ту ночь вспоминая.

И враз побагровел паралистик лицом,
Лишь осушил он и чарку потом:
– Беглые плотинного сразу убили
И подвалишки все затопили.
Только на месте оглядите всё сами;
А я же ведь калека – не с Вами.–

Осмотрел тот посланник мастерские,
Домны да печи, кладовые
И с приказчиком в башню зашёл тогда,
В люке там мутная вся вода.
– Вы прикажите тут вычерпать воду.–
– Но не откачать её сроду.–

– А тогда пруд прикажу сейчас спустить. –
– Как же мы здесь пушки будем лить? –
И три недели гонец не докучал,
Дела все в конторе изучал.

Наконец то собрался посланник в путь,
Этим обрадовал всё ж чуть-чуть.
А паралитик Демидов провожал,
Гонцу на прощание сказал:
– Ведь держатся заводы на земле –
Вы от нас кланяйтесь царице.–

13

Посланник в Петербург направляется,
Судьба его там решается.
В Москве настигло гонца указанье:
В столицу прибыть с опозданием.
И сперва у родственницы дальней жил,
От тоски же там вино глушил:
– Бодр, силён Демидов: пушки, ядра льёт,
А захочет – губит свой народ.
В той башне монету чеканит тайно,
Богатеет он не случайно...–
Глянула на молодца та старушонка
И прошамкала гостю тихонько:
– Но, батюшка, ты со знатными не судись;
Лишь молчи; и с сильными не борись... —

А посланник в столицу приехал зимой –
Всё же царицей делам дан отбой.

14

Дам Акинфий несметные богатства скопил,
Грозным владыкою в Невьянске он был.

И знали ведь то ведомство огромное,
На старых картах нанесённое.
Лучше, чем в Европе, у него дороги.
Внедрял технику он раньше многих.
Больше, чем в казённых заводах России всей
Выплавлял металл в вотчине всей своей.
Производительность домны уральской одной
В три раза повыше английской любой.

Брался Демидов за многое часто сразу;
Не был побеждённым богач ни разу.
Премного заводов он успешно построил
И лишь доброе железо освоил;
Мир считал его лучшим и самым дешёвым,
Даже по качествам всем образцовым.

Но враг Татищев прибыл теперь на Урал,
Опять здесь горным начальником стал;
Всегда был в почёте у разных царей,
Стал влиятельным среди богатых людей.
На Демидова жалобы сразу написал,
Он интересы властей так защищал.

Но и всемогущий Акинфий в ответ
Упредил серебром тот навет.
Снова с Анной-царицею в карты играл,
Чистой монетою ей отдавал.
– Я надеюсь, что деньги все с казначейств моих.
Но почему же сильный столь блеск у них?
Эта работа не твоя ль ненароком? –
Спросила так царица с упрёком.

– А ныне, государыня, мы ведь твои,
И я, и также богатства мои. –

Преподнёс ей тут подарки щедрые,
Льготы возымел ответные.

Но к Демидову старость уже приближалась,
А его жадность ведь не уменьшалась.
Золото и серебро добывал в Сибири,
Опять на него же доносы были.

Он их боялся и вновь поехал в столицу,
Видал Елизавету-царицу.
И снова преподнёс ей и подарок большой,
Но задала ему вопрос таковой:
– Ты скажи, не нашёл серебро на Алтае?
Нынче, быть может, уже добываешь? –
– Да, на Колывани сумели руду сыскать,
Серебро всё с неё Вас прошу принять. –
А ведь понравился царице такой ответ,
Вот так снят был по-умному тот навет.

15

Ишь победителем был до конца своих дней,
А то подтвердил сам трудом, жизнью всей.
Но всё ж эти победы его развратили,
Также душевные силы растлили.
Ни обманом, ни подкупом он не гнушался,
Слишком ведь часто коварно сражался.
К людям проявлял злодейское презрение,
Деспотизм, не в меру подозрение.

В конце жизни скупым и мелочным бывал,
Злился на всех, жестокость проявлял.
С пути конкурентов приходилось сметать,
Чтоб все замыслы свои воплощать.

Погряз всё ж в судебных сварах и доносах.
Возникает множество вопросов.
Но почему потакал злодеяниям своим?
И что же его взрастило таким?
Конечно, человек судьбу сам решает,
Но и эпоха в том помогает.
И вновь любой направляет старания
Лишь для своего выживания
Ведь в среде той, которая окружает.
А большинство так и поступает.

У шести ведь императоров и цариц,
У временщиков да известных лиц
Смог привилегий многих себе добиться,
Давая взятки, не стал скупиться.

Во многих афёрах и грязных деяньях
Он участвовал без содроганья.
А Демидов ведь передрягах уцелел
И стать самым удачливым сумел.

Но всё же Акинфий – личность трагическая,
В том эпоха вся историческая
Ведь немалую роль в его жизни сыграла;
Также сама Русь трагичной предстала.

16

несметный капитал приобрёл дворянин;
Ныне всё в России имел властелин:
И цинк, золото, медь, драгоценные камни,
Хром и руду, серебро, хрусталь, ткани,
Платину, тальк и титан, соли, мрамор, гранит,
Леса, торф, асбест, лазуриты, самшит...

Даже за границу нёс, славу кующий,
И завод наш Невьянский растущий.
А Тагильские заводы – известные,
Также все другие – заметные.
В округе все рудные земли освоил
И премного заводов построил.

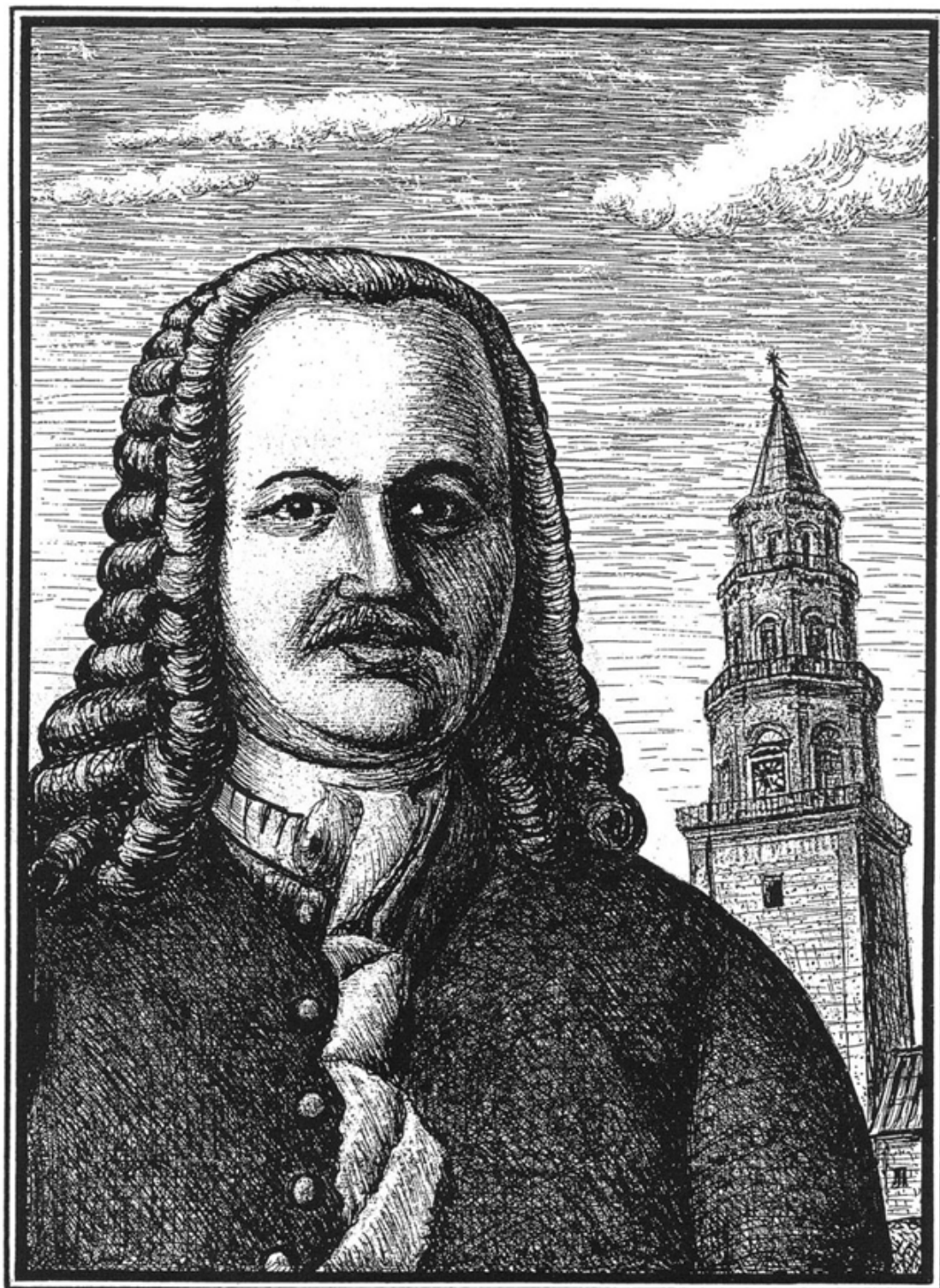
На них ввёл от алкоголя полный отказ
(Уместно напомнить это сейчас).
Платил в казну по своему разуменью
Убытки на обширных владеньях
За кабаки, которые не открывал.
Не пил сам; пьянство, вино презирал.

Магнат десятки тысяч работных людей
Держал жестоко всей властью своей.
И крепости строил он везде спокон веков,
Укрощал набеги все любых врагов.
А всё железо хорошее лишь поставлял,
Ему и клеймо «Старый соболь» он дал.

Когда уезжал Акинфий без промедленья,
То давал Прокофию порученья.
Сын знал в заводе дело, не любил он его;
В хозяйстве правил за отца своего.

И по Каме, и Чусовой баржи плыли,
В них чугун и железо возили.
И ходили обозы все по дорогам,
Снова везли ядер, пушек много.

Людишки приписные жгли уголь в лесах
И добывали руду в рудниках;

19. Демидов Акинфий Никитич – «некоронованный царь» Урала

Здесь к тачкам рабочих тогда приковали,
А цепи их так гулко бренчали.

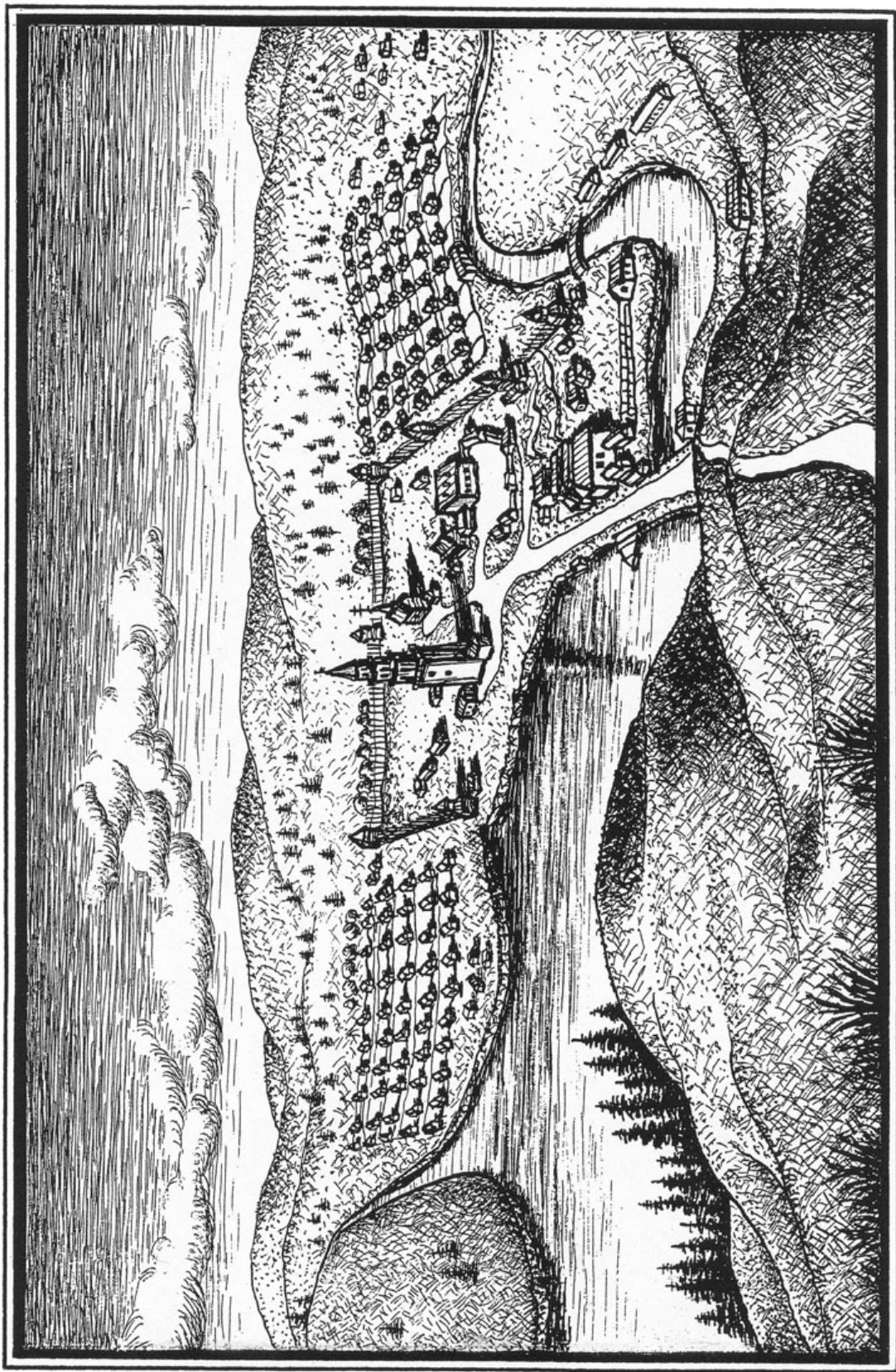
Уже стал на Урале Акинфий «царьком»
И жил в Невьянске, в имении большом.
Решил небывалым удивить всех людей,
Становяся год от года жадней.

Все солеварни Руси в казне попросил,
Взамен же на это он предложил:
«Ведь уплачу в государстве подать¹⁷ всю сам,
Но соль по своей цене я продам,
Но повыше той, что раньше всегда была».
А казна на этот трюк не пошла.

Демидов обрюзг, и томила усталость,
Незаметно подкралась и старость.
Всё ж промчались так быстро годы лихие,
И уходили силы былые.
Теперь тревога, смутный страх волновали,
Морщины всё лицо искажали.

И ещё поднимался на башню порой,
Долго смотрел на округу с тоской:
«Ведь столько для богатства потратил я сил.
Но для чего же всё это скопил?
И не надо в могиле сокровищ моих,
Хватит мне шесть лишь досок гробовых».

А по ночам Тула-родина снилась:
Вдруг старая кузня явилась,
Могучим там стал, как отец, кузнецом;
Своё сватанье видел потом,

20. Невьянский завод Акинфия Демидова в 1735 году

Ведь в те времена дочку дьяка любил,
Но медведя с цепи тот спустил,
Ясно виделся сей огромный медведь,
Всё же его сумел одолеть.
Сыновей всех, Дуньку-жену увидал,
Вновь теперь отец грозный предстал.
Во сне жутко Акинфию стало вдруг,
Темень кромешная лишь вокруг.

Хотел с подвалов страшных выбраться к свету,
В грязи полз, крысы топали где-то;
Дышать трудно; вода льётся, как водопад;
Кружит боль голову, всюду здесь смрад;
Видел вдали огонёчек мерцающий,
Услышал тут гул нарастающий.
Тотчас в руднике Невьянском очутился,
На него там с шумом свод валился;
Пытался всё же удержать свод громадный,
Но тот вновь лишь давил всё нещадней;
И страх появился, и руки дрожали,
А бессильные слёзы стекали;
Вдруг хруст костей своих собственных услышал.
И вмиг здесь проснулся... и застонал...

А из-за гор всходило яркое солнце,
Смотрел, бодрясь, Акинфий в оконце.
Все деревья умылись ночью грозой,
И ветерок шелестел тут листвою;
На ветках капли серебром засверкали.
Так рано петухи все кричали.
Чист воздух, дышать легко, ясные дали,
Река Нейва да пруд засияли.

И вспомнил Демидов далёкую Тулу,
Так в родные места потянуло.
Недолгими были вновь в дальний путь сборы.
Осмотрел завод, синие горы...

Звоном, пальбой пушками, в пышной карете
Здесь Акинфий отъезд свой отметил.
Приехали он, слуги к реке Чусовой,
Там все на стругах поплыли домой.

Смотрел на поля, леса, горы с тоскою:
«Я прощусь скоро с жизнью земною.
Нынче завершить дела сумею ли я?
Ведь былой той силы нет у меня»...
И река шумела, и ночь наступала,
А на небе луна засияла...

В устье Камы ему плохо стало, стонал;
Бредил во сне и знобило, дрожал.
Лишь искры гаснут над догоравшим костром;
Да спят холопы теперь крепким сном.

Он сразу утром ранним затих, похолодел.
Но для чего же богатствами владел?..
Упокоился на клочке могильной земли...
Рядышком тут с отцом его погребли...

СЫНОВЬЯ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА

1

Невьянск сообщить, что Демидов скончался,
Побыстрее приказчик примчался;
Сейчас лишь Мосолова дума снедает:
«Кто ж моим здесь хозяином станет»?

И оставил Демидов взрослых троих сыновей;
Их не ввёл в курс всей работы своей.
Двух сыновей имел от жёнушки одной,
Потом родился третий – от другой.
А сын старший Прокофий – жестокий и злой;
Средний – Григорий, тихоня, простой.
Сыночек младший Никита не так уж умён,
Всё же он в деле хозяйском силён.
Думалось о наследстве сыновьям троим.
И что ж судьбина предрешила им?

Своё завещанье Акинфий написал,
Его братец Никита сохранял;
Паралитик так громко стучал костылём
Сразу велел звать племянников в дом.

И отодвинул в дубовой раме портрет,
А из тайника извлёк он на свет
Лишь с завещаньем тот драгоценный ларец.
Глядел из рамы так властно отец.
Тут на тёмном полотне блестит лоб большой;
Видится упрёк в усах с бородой.

И всё ж чудится, скажет с портрета вот-вот:
«Не ошибитесь же, кто власть возьмёт».

Паралитик племянников всех увидал
И завещание им показал:
– А как старший я слыл у Вас опекуном.
Слушайте о наследстве всё своём. –
Он им теперь говорил убедительно:
– Так чтите же Ваших родителей.
Преумножьте богатства отца своего,
Здесь помолитесь же все для сего. –

А священник пакет сей с печатями вскрыл,
Тут так торжественно всё огласил:
– И перед лицом всемогущего Бога
Я, владелец заводов премногих,
Акинфий Демидов, знатнейший дворянин
И богатств так несметных властелин,
Имущество это своё громадное
(Прилагаю здесь опись складную)
В здравии ведь завещаю, не ропщите,
Сполна моему сынку Никите.
Всё же жалую я по пять тысяч рублей
И для других двух моих сыновей. –

Сын Никита, дочь Евфимья – от жены второй;
В пользу их просила лишь она с мольбой.
А ведь Никита умён, муж это понимал,
Он в просьбе её тогда не отказал...

2

обделён был Прокофий, вскипел он тут,
Тотчас покатился в далёкий путь:

– Сему не быть! Не уступлю всем по праву;
Ещё погодите, найду и управу!
Попомните, скоро добуду я славу! –

В дороге он деньги все в карты проиграл,
Под проценты у бабки всё ж занял.

Елизаветой в столице принят он был,
Но прежде же нужных лиц подкупил.

Только через годы вызвали братьев в Сенат;
Сразу вот такое им там говорят:
– Волю монархини мы объявляем здесь Вам.
И чтоб завершить весь раздор по судам,
Честно имущество поровну всем поделить;
Решением этим Ваш иск прекратить. –

3

Прокофий, старший из сынов в семействе,
После всех судов имел в наследстве:
Невьянскую горную округу, а в ней –
Пять заводов и так много людей,
Затем и вотчины, пристань на Урале
Дома, склады, службы в Ярославле,
В Кунгуре, Казани, ещё в Чебоксарах
И в Кургане, Москве, в сёлах старых...

А долю вторую Григорию дали:
Три завода уральских достались,
Всю часть ревдинскую, пристани речные
Да промыслы там же соляные
И кожевенный, также медный заводы,
Здесь и дома, дворы, огороды...

А третьей долей Никиту наделили.
Ему вскоре переданы были:
Заводы вокруг – крупный Нижнетагильский,
Потом Чёрноисточинский, Выйский
И Висимошайтанский и все Лайские;
Да вблизи пристани уральские;
Также до десяти тысяч душ приписных
(Прежде считался мужской пол у них)...

4

Но никто из трёх братьев не был обделён,
Сразу богатством каждый наделён.

Прокофий так рад, занял большую ссуду,
И разослал он афиши люду.
Забавами быстро столицу удивил,
Ведь неслыханный пир он закатил.

На дармовщинку народ тут собирался,
И каждый так щедро угощался.
Здесь водка, пиво, брага лилися рекой,
Построен был городок ледяной.

А поил Демидов всех с шапки собольей,
Драки враз начались при застолье.
Но тут без поножовщины не обошлось,
Всюду убитых там много нашлось.
Тотчас пургой спившихся стало замечать,
Уже к ночи – лишь сильно холодать;
Так погибла здесь не одна сотня людей.
А Прокофий смотался поскорей.

И полицмейстер к царице поспешил,
Он ей всё об этом доложил.

– Но где же Демидов? – нервно сказала,
Вдруг губа её задрожала.
– Всё ж, Ваше величество, ночью умчал, –
Наклонился тут к ней генерал.
– Ну что же, вовремя успел улизнуть,
Так, значит, колесом ему путь. –

5

Прокофий вновь на Урал возвращался,
Он в Москве опять задержался.
И вот пришла к нему вдруг старушонка,
В займы всё ж давшая деньжонки.
– Получай с процентами мой весь должок,
Ведь неудача вышла чуток.

Но медные лишь все деньги в чулане.
Ты считай сама. Не обманешь?
Всё не сочтёшь до вечера, пропало. –
К полудню мало насчитала.
Руки так жадно и нервно дрожали,
А деньги чуть-чуть убывали.

И сжалился всё ж дворянин наконец,
Насладился тем счётом наглец:
– Мешки с медью не так-то, видать, легки.
Может, дать золотом все должки?..
Ну всё, прощай, старуха; рассчитались. –
Но что-то та переминалась:
– Спасибо, кормилец. Дай и медяки,
Их тебе все считать не с руки. –
– Сдурела. Я дал златыми деньгами! –
Залилася бабка слезами.
– Так осчастливь же, касатик, старую, –
И бросилась в ноги барину.

И решил разыграть Демидов бабку:
– Слушай, мамаша, без остатку
Перенесёшь деньги все до заката,
То будут твои медь и золото.
Если же не успеешь, на себя пеняй,
Я гроша не дам, ты так и знай. –

А жадность старушки была так сильна,
Ведь таскать согласилась она.
Насыпала мешок, с ним еле плелась.
И всё ж с другим, кряхтя шла, склонясь.
– Бросай, не успеешь. Уже темнеет.–
Но старуха лишь всё жаднее.
Теперь третий мешок ей помог поднять,
Тихо она семенит опять.

Брела едва, но вдруг заторопилась
И за ворота зацепилась.
Вмиг с мешком подкосилась и упала,
А с того места уж не встала.

Холопы дряхлую ту старушонку
Быстрее отнесли здесь в сторонку.
На небо умиленно так смотрела;
И враз она похолодела.
Люди шапки сняли, лбы перекрестили.
Молча очи медью ей прикрыли.
Всего то ей хватило лишь два медяка
Со всех богатств тех злого чудака...

6

Прокофий – не кузнец, не простолюдин,
Даже и воспитан как дворянин.

Только дома получил образование;
Понял, что к ботанике призвание.
В Соликамск богач ездил к брату Григорию,
Там узнавал с ним предков историю.
Здесь порой с братом ботанику изучал,
Усердно гербарии собирал.
Порой он увлекался даже фехтованием,
Чтоб обратили сразу все внимание.
В Англии, Саксонии Прокофий побывал,
Куролесил и смешил, всех удивлял...

А ведь его вдруг англичане обобрали,
Так подло простачка там наказали.
И разыграть решил ту свору английскую –
Не даст продать пеньку всю российскую;
Быстрее скупил её всю на родине сам
И враз так войну объявил тем купцам.
Снова прибыли в страну к нам они за пенькой –
Но все лишь с пустыми руками... домой.

Всё же Демидов в Москве обосновался,
Теперь опекунством там занялся.
Училища он открывал старательно,
Был и к нуждам людей внимательным.
Университету ведь сполна помогал,
А стипендии сам бедным давал.

Как-то Прокофию, чтоб позабавить,
В подарок Орлов-граф оставит
Только лишь малюсеньких шесть лошадей;
Для потехи, так будет чудней,
Демидов к ним впрягает больших коней.
А чтобы стало ещё смешней –

Карликов на огромных коней посадил,
На малых лишь – здоровенных верзил.

Многим похвалялся повсюду упряжкой такой,
По Москве любил ездить Прокофий порой
С детворою шумной в карете позолоченной,
Только этой поездкой озабоченный.
Тут же рядышком с лошадьми псарей группа идёт,
С нею здесь – и собаки различных пород
От мопсов малых до догов громадных английских...
А в доме – ведь уйма лис, зайцев российских.
В комнатах дивных птицы в клетках просторных;
В бассейне – стайки рыб заморских проворных.

Органчики на стенах мелодично играли,
А на столах всех обезьянки скакали.
Угощали гостей деликатесной едой,
В праздники фонтаны здесь струились с лихвой.
Приводил хозяин большого орангутана,
Так боялись его гости постоянно...

Ведь и потешился всюду тут богач-сумасброд,
И снова он поехал в Невьянск без забот.

7

Прокофий и холопы прикатили,
Колокола все здесь забили.
Хозяина нового тут встречали,
А людишки «ура» кричали.
В его честь пушки палили всё сильнее
Со всех стен невянских крепостей.
Все скоморохи впереди бежали,
За ними вслед – карету гнали.

На ней стояли в ливреях лакеи,
Одеты в шутов для затеи,
И с одной стороны на них бархотья,
А с другой – старые лохмотья.
Ноги яркие левые – в башмаках,
Правые – в стоптанных лапотках.

Сразу хозяина дядюшка встретил,
Обнял, про шутов всех заметил:
– Но что же маскарад сей означает,
Не нас ли он изображает? –

И отвечал паралитику барин,
Так славно его позабавил:
– С одной стороны мы всё ж вдруг дворяне,
С другой – бывшие лишь крестьяне... –

И непредсказуемым Демидов предстал,
Своим прихотям всем он потакал.
Уже вскрылась вся подлейшая натура,
Даже превратился в самодура.
Он рано по утрам петухом сам кричал,
Так всех холопов, жену поднимал.

И деспот порой шутил устрашающе
Над женой своей умирающей:
– Ку-ку! А ты жива? Так живи же пока.
Пошутковал я. Прости муженька... –

Большими сынки все Прокофия стали,
Но трудиться их не приучали.
Всё ж отец решил вдруг пустить их в науки,
Чтоб они не слонялись от скуки.

И вызвал их в дедовский старый кабинет,
Сам в халатик замызганный одет.
Сел на стол под портретом деда сей чудак
Грозно смотрел, на барине — колпак.

Акакий, Лев, Амос тут лишь в страхе стоят,
Все на отца так покорно глядят.
А тот глянул на них, стал гордым для виду:
– Я ведь похож на деда Никиту? –
– Может быть, как нам прикажешь, батюшка наш? –
– Бездельники Вы, в неметчину марш! –

8

Вновь нежданно Григорий в Невьянск приезжал,
Брата Прокофия там повидал.
И Григорий дядю Никиту навестил,
А потом всюду с братом он ходил.
Побеседовал с ним, изучал весь завод,
Видел, как плавка руды здесь идёт.

Он у больной жены брата всё ж побывал
И ей о своих делах рассказал:
– Поднимаю Бисертский завод свой сейчас,
Но с ним так много хлопот там у нас.
И завод Камбарский мне надо построить,
Там же выпуск железа освоить.
Ведь зацапать, как дед, я всё не сумею.
Только сие, видать, не умею. –
Окошечко в душевной комнате приоткрыл,
Он больную яблочком угостил:
– Ты крепись, дорогая. Почаще гуляй
Чаще о хвори своей забывай. –
Оставил он ей корзину яблок спелых.
Распрощался. И уже темнело...

А ведь были яблоки те с его сада.
Всё ж о нём всё сказать, видать, надо.
Дорожил садом, всё прекрасно растили,
Лишь он стал самым первым в России.
Под Соликамском тот сад ботанический,
Где для растений экзотических
Оранжереи Григорий соорудил,
Там с Африки, южных стран посадил
Редкие только деревья, кусты, цветы;
Свои – за рубеж слал, вложив труды.
Те деревья и кустарники Урала,
Из Сибири было их немало.

А жил славно он с женой Анастасией своей,
Было у них сына три и семь дочерей.
Имеют дети все хорошее воспитанье...
Сынам дадут заводы по завещанью...

Долго Григорий Демидов во Франции пожил,
На русский язык он тогда переводил
Лишь творенья известных ботаников, учёных,
Гениев даже, поэтов просвещённых.
Ведь всю жизнь только ботаникой он занимался,
Повсюду с учёными видными знался.
Своею страстью к растениям заразил весь город,
Он в цветиках, в зелени премногим дорог.
И усердно Демидову жена помогала,
Годы гербарии все с ним составляла.

9

Вновь из угла в угол Прокофий слонялся,
От безделья теперь развлекался.
Состязался он в выдумках с дядей своим.
И вечерами не скучно так им.

Шумно повели бои петушиные.
И опять природы звериные
В этой игре сразу оба показали.
Чуть даже в азарте не сыграли
На все ведь свои заводы да крепостных.
Но лишиться только вдруг таковых
Не хотел Никита: – Боюсь я игр с тобой,
Враз без шума придушишь, ты чудной. –
– Дядя, глазом я не моргну, но придушу;
А свои все заводы не спущу. —

10

кажу про Никиту – дядю Прокофия тоже,
И про жизнь его узнать это поможет.
А он же Никита – сын Никиты Демидова,
Ведь из рода навсегда знаменитого.
Но этот Никита Никитич со нравом крутым,
Стал, быть может, в отца так жестоким и злым.
Был парализован давно и с детства захромал,
И лишь хищную птицу он напоминал.

А получил так мало заводов в наследство,
Множество строил их и о том ведь известно.
Вот они: Брынский, Буйский да Нижнешайтанский,
Затем Выровский, также Кыштымский и Лайский;
На тех заводах железо из руд выплавлял.
Завод Давыдовский медеплавильный в строй сдал.
И хорошо Демидов знал горное дело,
А применял и технику новую смело.
Вновь металлургии знаток смог отличиться,
Ведь стал работать в Берг-коллегии столицы.
И возведён в чин советника статского он,
Так за постройку заводов весь труд поощрён.

Но на заводах крестьяне бунтовали,
Сразу прутами, плетью их усмиряли.

Никита с женой воспитал сынов пятерых;
Повсюду заводы свои оставит для них.

11

Прокофий от дел своих отстранился,
Лишь балагурил и веселился.
Приказчик Мосолов управлял заводом,
У него всё здесь в порядке строгом.

И рудокопы руду добывали.
На уголь леса вырубали.
Зимой на санях железо возили.
Беспрерывно домны дымили.
На заводах всё хорошо и ладно,
Но приказчику всё ж досадно:
«Ведь паралитик, племянничек его
Не взяли от рода ничего.
Почему же от дуба могучего
Поросль гнилая, колючая?»

12

ведь нынче хозяин опять заскучал,
Счастье своё вновь повсюду искал.
Всё ж мужика спросил он как-то о счастье,
Промолвил тот: – Оно лишь в богатстве... –
Но сказал поп так при набожной святости:
– Счастье в доброте, без зла, в радости ... –

Вновь однажды Демидов шёл без цели,
Глянул, холопы не при деле.

Что тут говорил дед, подслушал барин:
– Ой, как хочется спать мне, парень. –
И ответил старику так рабочий:
– Эх, спал бы я год и две ночи. –
Прокофий здесь внезапно пред ним предстал,
На слове молодца он поймал:
– Весь год пролежи, ворочаться не смей –
Ты добьёшься тысячи рублей.
Лишь только со мной уговор нарушишь,
То ведь двести плетей получишь. –

И молодца так сильно накормили,
Тут и в перины уложили.
День и ночь проспал крепко здесь рабочий,
Не открывая даже очи.
Но четыре дня всё ж ещё пролежал,
От всех мягких перин он устал.
На шестой денёк сладко потянулся,
На бок теперь перевернулся.

Барин вошёл: – Получай сразу плети.
Ведь ты не стерпел, я заметил. –
Парня иссекли плетьюми в наказанье,
Всё ж стерпел с трудом испытанье.
Враз водой окатили. На ноги встал.
Солнцу навстречу он зашагал:
– Эх, всё ж вырвался я, освободился.
Так ко мне счастья луч явился! –

– Глазом не моргну я, своё взять смогу, –
Жалел дед молодца, также деньгу.
А Демидов тут как тут: – Не моргнёшь ты, дед? –
– Ведь ей-Богу я не моргну, – в ответ.

– А выдержишь – золотом пожалуйю,
Сморгнёшь – плетью лишь побалую. –
И его страшил резко пальцем длинным,
Дядя же – костылём старинным.

Не моргнул старик хилый ни разу,
Завёл в тупик барина сразу:
– Ну очень силён ты, хоть дряхлый мужик! –
К нему завистью тотчас проник.
– Но духом надо, хозяин, крепиться!
И счастья ведь можно добиться! –

Вдруг барину вскоре зима стала сниться:
Так хотел на санях прокатиться.
Но, утром встав снова в плохом настроеньи,
Решил выполнить это виденье.
Стал обдумывать замысел бредовый свой:
«Путь километра в полтора длиной
Заставлю солью посыпать равномерно,
Её всю трамбовать непременно».
Велел: с кустов и деревьев листья срывать,
Бумагой да ватой лес наряжать.
По соли мчал на санях он, словно зимой,
С весёлой и озорной детворой.

13

опять ходит Прокофий злой букой,
Забавы сменилися скукой.
– Чуток погоди, распотешу тебя, –
Говорит так Никита, любя.
Распустили теперь молву по деревням,
Сёлам, дорогам и монастырям:
– Наш заводчик сам будет калек привечать,
Только всех их серебром одарять...–

Люд больной и хилый ползти был готов
Враз в Невьянск на хозяина зов.
Ведь до сказок молва разрасталася,
Что вдруг Демидов покаялся.

Теперь подивиться такому тут чуду
Повалил весь народ отовсюду.
Дряхлые все старики, старухи пришли,
Калеки вперёд со скрипом ползли.

В Духов день эта потеха началась,
Вблизи толпа немощных плелась.
В праздник Демидовы пышно оделись,
Вверху на крылечке уселись.
Серебра бочёнок полнёхонек весь
Ведь стоял пред Прокофием здесь;
Хозяин сам ковш в серебро опустил
И всех звоном металла дразнил.

Вдруг пронёсся протяжный стон тут и там,
Все закричали разом: – Нам, нам! –
Здесь ковшом серебро заводчик бросал,
А разразился страшный скандал.

Ещё и ещё он толпу осыпает,
Так лишь жадность калек разжигает.
Люд друг друга давил, даже кости ломал,
Слабых, калек всех за горло хватал.

И рассыпалось серебро среди людей,
Только стремились тут к нему все скорей,
Каждый мечтал здесь лишь о доле своей.
А калеки и старцы наседали,
Бабки к крылечку подползали.

Тогда вскоре взмахнул паралистик платком,
Всюду так жутко всем стало при том.
Ведь волкодавы из псарни кинулись вмиг,
Повергли всех в ужас, слышался крик.
Бежал здесь в безумстве народ от злой своры,
Но ворота – уже на запоре.

А от страха убогие дрожали
И ревели, и свору проклинали,
Сразу их тут псы злющие хватали.
Враз мёртвой хваткой разрывали горло,
Терзали всех калек упорно.

Кричал паралистик: – Это ведь радость,
Вот уж вся потеха нам в сладость! –
– Ох, зрелище тут! – И Прокофий горяч:
– Ты на выдумки, дядя, ловкач! –

И здесь вдруг мощный мужик выбегает,
Тех злющих псов зычно сзывает:
– Все ко мне! – В страшные эти мгновенья
Настало в толпе облегченье.

И злые псы оставили несчастных,
Но лишь один пёс был ужасным.
Теперь волкодав серый жертву терзал,
Вмиг детина к нему подбежал.

Он тотчас с силой хлестнул волкодава,
Так громко тот взвыл от удара.
И закричал силач разгорячённый:
– Скорей уйди же, люд бездомный! –
Уже распахнулись быстро ворота,
И народ спасался с завода.

– Прочь с дороги! – приказчику закричал,
В гневе к Демидовым побежал.
Тут приближался к Никите детина,
А барин дрожал, как осина.

А Прокофий так быстро со страха сбежал;
Паралитик стал нервным, стоял и моргал,
Но он всё же в смятении едва лепетал:
– А ты здесь кто? Не мешай нам потешаться! –
– Так хватит же, барин, издеваться! –

Весь люд работный, кто с ломом, кто-то с кайлом:
– Ты нас, удалой, веди, мы пойдём! –
– Ударит гром скоро над барщиной, народ!
Погодите же, и наш день придёт! –
И никто тут его не посмел задержать,
Ночью он в горы сумел всё ж умчать.

А тот молодец Хлопушей был наречён,
Рядом с Пугачёвым встанет ведь он...

13

жену схоронил муж Прокофий вскоре,
Но лишь пока не бывал он в горе.

Дяде все заводские дела поручил
И в Москву с дочерью вновь укатил.
Он там кутил, развлекался, имел свой дом,
Но не занимался совсем трудом.

И в Невьянск решил снова от скуки прибыть,
На погост к дяде Никите сходить.
Здесь крепкую бабу и деда заметил,
Их теперь же решил впрячь в карету:

– Ну! Помчите на кладбище здорово –
Я расплачусь моим золотом! —
– Но русского имени не посрашим,
И юродствовать мы не хотим! –
Враз так тогда выпалил дряхлый старик.
Взбесил барина громкий тот крик.

Продолжил дед: – Не троньте людишек простых,
Не надо даже нам гор золотых. –
– Так хотите отведать Выибарских плетей?
Слуги, тащите же старца скорей! –

А баба в мужа сразу же вцепилась,
Попу тут вдруг пройти случилось:
– Что ж творите? Уймитесь! Осудят Вас!
В крае дед лучший бондарь у нас... –

– Ну что же ты, попик, деда выручай;
И под плети те сам полезай! –
Так хозяин на служителя кричал,
Деда тот собою защищал:
– С духовным лицом лишь так грех говорить,
Сам Бог этого Вам не простит! –
– Тебе я Бог! Плетей отведай здесь, поп!
Озолочу за это, холоп. –

Злился поп на барина, взгляд его упрям:
– Но Вам совесть свою я не продам!
Слова непотребные Вы говорили –
Сан в верхах на меня возложили. –
А Прокофий всё пуще тут расшвырял,
Сильно плетями по па он всё ж огрел.
Просил Демидов вдруг вечером прощенья,
Когда поп пришёл по приглашенью:

– Бери золото, ты же его заслужил. –
Но ведь тот барину так говорил:
– Мне не надо злата, кровью добытого. –
И сверлил лишь взглядом Демидова.

– Боюсь, гордый поп, я взгляда твоего.
Сгинь скорее с царства моего! –

И ушёл священник гордо, степенно...
Так жалел его люд смиренный...

Решил отличиться всё ж богач здесь опять,
Чтоб от моды на очки не отстать:
Очки одевать лакеев, слуг заставлял,
На коней, собак очки водружал...

14

как же брат младший Прокофия живёт?
Как дела заводские все ведёт?

Опять Никита в Тагил возвратился,
На старшего брата всё ж злился.
Считал он, что обделили наследством,
Но зависти не было места.

А из Москвы жену больную не взял –
Её пугал суровый Урал.
Принял он вдруг девку красивую в дом,
Выполнял её прихоти в нём.

Как-то раз катались на тройке лихой,
Любовались вновь быстрой ездой.
Кони всё резвее к пропасти неслись.
И здесь вмиг откуда ни возьмись

Их ведь враз остановил огромный силач,
Селезнем назвался этот ловкач;
Магнат цыгана на завод принимает,
Затем приказчиком его назначает,
Вовсю старанье тот в делах проявляет.

Барин о землях богатых слышал,
И немедля приказчика в дом он позвал;
Но не долгими были в путь сборы,
По примеру деда в Башкирские горы
Едет с Селезнем Демидов скорей,
Чтоб земли там прикупить, завод строить на ней.

А жителей местных щедро одарял,
И, подкупив всех тарханов, купчую забрал.
Всё ж в тяжких заботах свой срок подойдёт –
На тех угодьях построят Кыштымский завод.
У чистого озера в тех же краях
Также Каслинский завод будет создан в лесах.

А Никита, чтоб управлять лишь умело,
Ведь сперва учился литейному делу,
Вновь внедрял он новую технику смело.
Ещё молод, крепкий, упрямый, волевой
И умён, со смекалкою большой.
Всегда энергичен, привык повелевать,
Порой даже не мог гнев свой сдержать.

Но ведь заводчик жестоким не в меру бывал,
Приказчиков также к сему приручал.
На заводы грубо сгоняли беглых, крестьян;
Сразу их подстригали, как каторжан.
На левой половине глав волосы стригут,
В лес в том виде трудяги не сбегут.

Повинных до смерти плетью избивали,
А дерзким работным глаза выжигали,
Лакеи хозяину так угождали...

А Никита успехов достиг прежде всего.
Удался хваткой сильной он в деда своего
И затем перенял злость, жестокость от него.
Как-то приказал внучок старца бить, озлился;
Тот больной вдруг работать не явился.
Старика холопы молча розгами били;
Стоны, хрипы смолкли, вскоре убили...

Подчиняться трудяги магнату не хотят,
Их усмирили всё ж сотни три солдат.
И в этом бунте погибли десятки людей;
Хозяин тогда укатил поскорей...

В наследство достались заводы: Нижнетагильский,
Два Лайских, Висимошайтанский, Верхнесалдинский,
Чёрноисточинский, а богач их все расширял,
И кропотливо работы сам на них проверял.
Построил – Висимоуткинский, Нижнесалдинский,
Купил он потом заводы: Кыштымский, Каслинский.

Долго в Нижнем Тагиле жил в доме родовом,
Нравилось там всё в имении своём.
Также, как папа, сурово всегда управлял;
А нужных ему мастеров приглашал.
Демидов профессий так много освоил,
Был всем этим он очень доволен.
Чётко следил за новинками в горном деле,
Так многих успехов достичь сумели.
И открыл училище он в Нижнем Тагиле;
После каменный собор возводили.

из Ревды вдруг печальную весть получил,
Что там его братец Григорий почил;
Одoleвала Никиту скорбь в прощаньях тех:
« Живём мы и трудимся, а смерть ждёт всех».

Демидов Григорий неслышно и скромно прожил;
Он всегда к сыновьям своим добрым был.
Волей последнею стало: в Туле схоронить
И с дедом Никитой рядом положить.
Умный Григорий в расцвете сил, не пожилой;
Давно упокоен в земельке сырой.

Всех сыновей своих богатыми оставил,
А были это Саша, Пётр и Павел.
Они все заводы получили в наследство.
И в училище Пётр принят на место
Обер-директора, затем попечителя;
Прокофий в нём же был учредителем.
Давно это училище в Москве он создал,
Сразу коммерческим его называл.

Пётр – опекун в нём почётный, умно управлял,
Деньгами училищу он помогал,
А когда умрёт Петр, то Ревдинский завод
По наследству сыновьям перейдёт;
Они – Акакий, Алексей, им управляли,
Но даже новшества в труде не применяли,
Так быстро этим свой завод лишь разоряли.

Только Павел заводы все братьям уступил,
И за границу учиться он отбыл.
Вдруг решил университеты всё ж создавать,
В Киеве и Сибири их открывать;

На это выделил ведь сто тысяч рублей.
Гордился библиотекой всей.
И минералы всевозможные собрал,
Предметами художеств обладал.

Большое собрание фолиантов, монет,
Исторический большой кабинет
И ценные все медали прошедших времён
В дар в Москву университету дал он.

Дары все заняли три Демидовских зала,
Во время пожара часть их пропала.
А в Ярославле училище он учредил,
Там за содержание бедных платил.

Преобразовали в Демидовский лицей
С интересной историей своей.
В Ярославле Павла дворяне почтили,
Вскоре памятник в центре открыли.

Александр у Григория в семье – старший сын,
Ценным наследством овладел дворянин:
Заводами Бымовским, Ашапским, Суксунским
И Шайтанским, ещё Тисовским, Тульским.
Уже три новых завода им возводились,
Они из-за бедных руд разорились.

16

у Прокофия Мосолов на заводе
Приказчиком служил многие годы.
И наворовал у хозяев он немало,
Но вновь жадность его одолевала.
Всё же пришёл теперь к барину с просьбой опять,
Вблизи свой заводик решил создавать:

– И отпусти меня, батюшка, на покой.
Уже я так дряхлый старик, больной.–
А Демидов приказчика видит насквозь:
– Ты захотел завод строить, небось?
Расскажи-ка, сколько нагрбил ты у нас?
И тогда отпущу, не ровен час. –

И побожился Мосолов, и поклялся:
– Для Вашего блага постарался.
Ведь нет у меня денег совсем за душой.
Я удалюсь в скит глухой на покой. –

Но выпил хозяин с приказчиком вместе:
– Ну так ладно, пусть будем в соседстве. –
Вскоре и Мосолов свои дела заведёт,
В Башкирии он построит завод.

покуролесил Прокофий по свету,
Но в Москву потянуло всё ж где-то;
Нынче в стороне от роскошей столицы
Мог опять почудить, веселиться.
Ведь так надоело в доме дедовском жить,
Он сразу решил вдруг всех богатством затмить,
А званья, чины, почёт и славу добыть.

Создать задумал и дворец, и сады,
Кусты, оранжереи, пруды.
Назовут Нескучным чудесный дворец,
Зодчий Яковлев – зданья творец.
Возили деревья из-за границы,
В садах пели там звонко птицы.
И проложили аллеи длинные,
В вольерах всех – звери дивные.

21. Демидов Прокофий Акинфиевич – владелец
Невьянских заводов

Но какие только цветочки тут не росли.
Всех Богов лишь из мрамора возвели.

И лучшим стал Сад ботанический в России,
Его также Нескучным окрестили.

А так почему же Нескучным сад назвали?
Здесь читайте Вы, если не слышали.
Тот сад над Москвой-рекой всё ярче расцветал.
Но Прокофий вновь о славе тут мечтал.

И вскоре он распахнул двери сада тогда,
Враз толпы прелестниц стремились сюда.
А только один запрет всё ж в саду был таков:
«Всем не трогать и не рвать редких цветов».
В саду по аллеям гуляли красавицы,
Им цветы все чудесные нравятся.

Средь газонов статуи: Зевс, Адонис, Антей,
Марс, Парис, Вакх, Персей, Амур, Прометей.
Но в розовом мраморе скульптуры создали,
Чтоб они все, как живые стояли.
Барышни всё ж рвать цветы тайно стали опять
И этим Демидова вновь раздражать:
«А вот бы мне напустить собак злющих на них.
В Москву ж не вернёшь всех тех зрелищ былых.
Но мне надобно дерзких всх прелестниц наказать».
Сна лишился, бродил, стал мозговать...

И всё ж летним днём женщины снова бродили,
Запахи цветиков всех их манили.
– Что за диво-цветок! – девица стала кричать
И сейчас побыстрей его решила сорвать,
Чтоб дружка своего скорее им чаровать.

Вдруг окрик над ухом прелестного создания:
– От хозяина будет порицанье. –

Жеманница увидела одно из чудес:
Пред ней обнажённым стоял Геркулес.
И, отступив, прошептала: – Ах, ты ведь живой? –
Пустилась бежать вдоль аллеи домой...

А прекрасный дворец, ботанический сад
Стоили сразу огромных затрат.
Но всё же Прокофий ничуть не унывал,
Он исправно ведь деньги получал
С различных своих всех уральских заводов.
В получение крупных доходов
Был вложен непосильный, лишь каторжный труд –
Так постарались приказчики тут.

Но отличался из всех них Серебряков,
Злодей сгноить рабочих был готов;
Всю жизнь на Невьянском заводе лютовал,
У хозяина всюду воровал;
А на износ работой изнурял людей,
Гроши платил им за труд тяжкий сей.

И люди скудно ели, спали так мало;
Всегда здесь много их умирало.
Трудяги там жалобу всё ж написали,
Ходока с ней в Москву отослали.
Забрался к Демидову в сад этот мужик
И в дом барский с челобитной проник:
«Для всех рабочих Невьянского завода
Губительна тяжкая работа.
Житьё ведь стало нам всем невыносимо
И мрём мы, как мухи, тут, вестимо»...

Плетей ходоку сполна всё ж вlepили,
На Урал его отпустили.

Приказчикам Прокофий срочно писал,
Их за жестокость, жадность ругал.

18

России начались волнения;
Но, чтоб пресечь их движение,
Враз Екатерина генералов шлёт
Лишь нещадно подавлять народ.
Вскоре князь Вяземский прибыл на Урал,
Допросы рабочим учинял.
И на Ижевском заводе Шувалова был,
Ни старых, ни малых тот князь не щадил.
На заводы Гороблагодатские примчал
И прогульщиков здесь многих наказал.

Приехал на Невьянский завод знаменитый,
Смотрел тут всё генерал именитый.
Был князь с заводчиком и в литейных, в рудниках,
Там всё ж расспросил рабочих о делах.
Они адски трудились, им мало платили,
Бедно все жили, плетьюми их лупили.

А тогда жалобщиков многих отхлестали,
Затем часть их на каторгу сослали.
Даже приказчиков Вяземский всё ж пожурил,
От дел он пока мастеров отстранил.

И стал ведь Прокофий уже одиноким,
А Урал для него был далёким.
Но в Невьянск сынам своим старшим он писал,
Им советы лишь дельные давал.

Роль в управленьи заводами мала –
Вручил всем приказчикам дела.
А те жестокости не занимали,
Плетьми весь народ усмиряли.
И заводы по инерции жили,
Прошлые успехи – забыли.

Решил Демидов продать все владенья,
Родной край забыл без сомненья.
И не лежала душа к тем заводам.
Страшился он смуты в народе.

Из Невьянска вновь приказчик написал,
Так о тяжелой жизни сообщал:
«Поджигают башкиры леса и степь,
С шахт люд бежит прочь – не вмочь стерпеть.
А рабочие от дыма хворают;
Многие теперь умирают».

Никита всё ж отговаривал брата,
Не мог он смириться с утратой
Невьянска, с детства ему дорогого.
И в мыслях сейчас всё то снова:
«Демидовых царство начиналось здесь,
Разрослось и всех богатств не счесть.
При папе в Невьянске башню возвели;
Мои детство, юность тут прошли».

А ведь брата Прокофий давно не взлюбил,
Сразу же просьбу его отклонил.
Не жалко было ему заводов своих.
Собакин купил, не медля, все их;
Уже гнездо Акинфия им обжито,
И тем откупщик позлил Никиту.

Завод Собакину Савве приглянулся,
Решил здесь быстрее развернуться.
К заводам его отдали горы и лес,
Рудники, пруды и земли окрест.

19

Вновь Никита захотел Невьянск повидать,
Дедушки портрет попутно забрать.

А Собакин тут встретил гостеприимно
И показал завод свой старинный.
И купец похвалялся самодовольно,
Слышать Никите было так больно.

И всё родное теперь вспоминалось,
А сердце болезненно сжалось.
После вошли в полутёмный кабинет,
Висел там Демидова портрет;
Но дед со стены укоризненно смотрел,
Как будто, заводы все жалел.
Тот портрет деда Никита увидал,
Свою цель приезда указал:
– Не могли к Вам приехать ни я, ни брат,
Чтоб портрет нашего деда взять. –

Заводчик Собакин сдержаться всё ж не смог
И по этому поводу изрёк:
– А завод – мой, живу я – в хоромах своих,
Очень уместно персоне сей в них. –

И сразу Демидов вздохнул недовольно:
– Плачу стоимость, взять мне позвольте. –
– Но не нуждаюсь я, он здесь к месту висит, –
Вот так откупщик в ответ говорит:

– Иметь портрет человека мне лестно,
Чьё имя Планете известно! –

В гостях обедать Никита отказался,
Щемящей тоске тут же предался.
Затем демидовских старых слуг он видал,
Но всё ж говорить здесь с ними не стал.

И не бывал магнат больше в родном гнезде,
А ведь всегда помнил о нём везде.
Уже судьба яркая Демидова ждёт;
И, как дед, он устремился вперёд.

20

Прокофий к старости всё ж приближался,
Только шалостям вновь предавался.
Ныне общество стало его забывать,
Но ведь Демидов не мог то принять.

Часто он грубым и злым, независимым бывал,
На особ высших язвительно строки сочинял
И непристойными шутками письма уснащал...

Как-то к нему подкатила дама одна,
И денег взаймы просила она.
– Вам деньжонок дам и расписку получу,
Только какую сам я захочу. –
А решил оскорбить ту графиню грубей,
Он прочитать дал всё ж гадости ей:
– Если деньги вовремя не смогу отдать,
То всем можно меня распутной звать... –

Графиня в гневе: – Я знала, что Вы чудака,
Но как же посмели унижить так! –

– Ведь денег хотите и всё подпишите,
А нет – кукиш лишь мой получите. –

Так быстро всё-таки взяла деньги дама,
Оставив всё ж расписку у хама.
Если она с ним в свой срок рассчитается,
То сделка та в тайне останется.

И ведь о долге не вспомнила она,
Но вскоре на бал приглашена.
Зван был и Прокофий – Екатериной,
А там встретился он с графиней.
Записку вдруг принародно прочитал,
Такого никто не ожидал.
Доложили об этом всё м царице
И повелела удалиться
Вновь Демидову обратно на Урал,
Чтобы старикан тут не мешал.

«Как вину искупить и что предпринять?»
Ведь Москву было жаль покидать.
Отправился сразу к императрице,
Чтоб в содеянном повиниться.
– Прости, беспутен я! Искуплю всё в делах, –
Пал на колени, предвидя свой крах:
– И во чтоб ни обошёлся, старательно
Выстрою всё ж дом воспитательный. –

– Доброе дело сие разрешаю,
Тебя же, Демидов, прощаю. –
Тогда и начал строить в дни ясные.
Все те строенья прекрасные
Ниже Китайгородской мощной стены,
На берегу Москвы все видны.

Семьсот работяг вели благоустройство тут,
И два года длился весь тот адский труд.
На его средства создан Дом воспитательный,
Он – опекун в Совете внимательный.
Причинял опекунам лишь огорчения,
Всех их приводил в недоумение.
Слух пустил: в Совете все воры, их наказал –
Вместо денег по скрипке каждому дал.

Тогда художник Левицкий стал в славе сиять,
Демидова яркий портрет смог создать.
Он в халате большом, в колпаке изображён,
Лишь на цветы тут показывает он.
Юных питомцев здесь в доме с заботой растил,
Так много трудов лишь своих в них вложил.

21

Вновь Никита Санкт-Петербург навещает,
Там царица его принимает.
И за рубеж к поездке готовиться стал,
Наряды, снедь в экипажи собрал.
Ехал богач с поварами, свитой большой,
Воробышкин в ней – писец молодой.
Демидов его направлял за границу,
Чтоб на скрипке играть научиться;
Он, Андрейка, теперь в дневнике стал писать
То, что хозяин сумел рассказать.
Переводы барину вёл со вниманьем,
Ведь учил языки со стараньем.

И за границей Никита с женой побывал,
Там с нею премногое он повидал.
Нарисован был Никиты портрет Росленом,
Мастером из Франции, в стиле смелом.

Демидов великим заказывал портреты,
Он с женой всюду многими воспеты:
А их Рокотов, Токке Луи рисовали,
Скульпторы видные их изваяли.
И ваятель Шубин богачей сопровождал,
А тогда Демидовой портрет он создавал,
Ведь уже известность там, в Европе, обретал.
И творец изваяет позднее бюст Никиты,
Вскоре же станет всемирно знаменитым.

Магнат изученьем заводов занимался,
В рудники, также в шахты он спускался.
И на промышленных предприятиях бывал,
И студии живописцев посещал.

Посетили Флоренцию, Неаполь, Германию,
Амстердам, Вену, Лондон и Великобританию,
Труды Рубенса видели, уехав в Голландию.
Но Демидовых только скукою встретил Берлин,
Их красотой затем лишь Париж покорил.
Фресками Микеланджело в Риме любовался;
Пизанской башней наклонной восхищался.
Богач потом в семье королевской в Лондоне был;
Сам папа Римский к себе его пригласил...

Свой «Журнал путешествий...» Демидов издал,
Лишь за границу в нём он описал.
И вёл переписку с великим Вольтером;
Читал тоже и книги, но в меру.

По делам в Петербург Демидов вновь примчал;
Вести дурные лишь Урал вновь слал.
А казак Пугачёв вдруг бунт поднимает,
Он Оренбург сперва осаждает.

И заводы рабочие бросают,
В группы к восставшим убегают.

22

Заводы Урала льют пушки опять,
Как в былые дни, чтоб воевать.
День и ночь работа везде кипела,
И ведь не было ей предела.
А работяги руду добывали,
Железо опять выплавляли.
Приписные все крестьяне никогда
Отдыха не знали от труда.
А лес в округе они вырубали,
Его весь на уголь сжигали.

Людьми заводчики вновь недовольны
И в жизни, и смерти всех вольны.
Сажали в оковы, секли их плетями,
И морили да били прутами.
Хозяин каждый в злодействах был так силён –
Бежали людишки нынче на Дон.

И грянул час так долгожданной расплаты,
Ведь пришёл с голытьбы император.
А беглый Пугачёв Петром сам назвался,
И к нему бедный люд весь стекался.
Этих повстанцев встречали с радушием,
Им сразу давали оружие.
Теперь на Урале известный Хлопуша
Всё ж наладил литьё ядер, пушек.
А пугачёвцы Челябину покорили,
Заводик Кыштымский вмиг спалили;
Ими же и Каслинский завод осаждён,
Уже ведь вскоре захвачен был он;

Но Екатеринбург всё ж в кольце держали,
А Златоуст, также Троицк взяли.

Встречал хлебом-солью народ Пугачёва,
Когда прибыл к уральцам он снова.
Людям и горам поклонился, шапку снял:
– Здравствуй, батюшка наш седой Урал! –
Он ещё приезжал на Авзянский завод,
Видел, как пушки народишко льёт.

Ввела Екатерина армию в бой
Для подавленья силой большой
Этого народного волнения.
Пугачёв шёл лишь к падению...

Осаду Оренбурга вдруг прекратил,
Так и в Поволжье войско скопил.
Всё дальше на Москву стал двигаться он,
Но под Казанью был побеждён.

За Волгу сбежал с малой группою сам;
Его предали, сдали властям.
И Пугачёва в клетку посадили,
Быстро на казнь в Москву враз покатили,
Жутко на Красной площади убили.

23

Вновь возвращался Никита в Нижний Тагил,
Внимание на толпу обратил.
Вскоре этих кандалных догнал он в пути,
Тат тяжело им всем было идти.
Под звон железа песню напевали,
Их всех капрал, охрана поддержали,
Лишь вместе дружно петь не уставали:

*– У Демидова в заводе
Работушка тяжела,
Ах, работушка тяжела... –*

– Почему орёте Вы непотребно? –
Их спросил Демидов враждебно.
Но только на это все промолчали
И так дальше петь продолжали:

*– Уж Вы, горы да горы высокие,
Уж леса на горах да дремучие,
Вы укройте работничков бедных,
Ах, людей да от Демидовых... –*

24

в жизни долгой Прокофий везде чудил;
Ведь он самодур, но и щедрым был.
И умерла жена; молодые нравятся,
Решил жениться на красавице.
Никак её подкупить богатством не смог,
Всё ж стал уже дряхлым и занемог.

На молодухе обвенчался стариком,
Жил скромно с ней в имении своём.
И часто ходил он в неряшливом виде.
Детей подло наследством обидел.

Бедным и одиноким, больным помогал,
Благотворителем щедрым бывал.
Ведь так хотел обрести душевный покой,
И даже ходил он в церкви порой.

А Екатерина уже богача поощряла
И за щедрость его завсегда восхваляла.

Действительным советником статским¹⁸ назначила,
Не забывая его все чудачества.
Наконец высокого чина всё же добился,
Хоть нигде не служил и этим гордился.

Давно ведь так много денег в банки он вкладывать стал,
А все с них проценты бедным студентам давал.
Пожертвовал свыше четырёх миллионов рублей
Лишь на благо всей России, для нищих людей;
Больше, чем любой из знатного рода Демидовых,
Тот пример великий и ныне невиданный.

В глуши Прокофий в тихом доме доживал,
Уже никто его давно не навещал,
О жизни бурной и далёкой вспоминал...

Из-за многих чудачеств его, как известно,
Милая дочь засиделась в невестах.
Долго подыскивал богатых Насте своей,
Но эти женихи не нравились ей.
И за первого встречного дочь сам отдаёт,
Но ей в приданое денег не даёт.

В своей в автобиографии написал:
«Сам я попечением доставлял
Лишь пользу отечеству, также народу».
Но бывал и чудным сумасбродом.

Он как-то жестоко простыл, подкосило;
Ведь здоровье его слабым было.
Старику уже под восемь десятков лет;
Хворь бесила, ныне былых сил нет.
От сильного удушья быстро скончался.
А капитал сынам всем достался.

Демидов Прокофий не напрасно жизнь прожил;
Но им древний наш Невьянск не дорожил.

25

жил Никита Демидов по-иному,
Служил верно делу заводскому.
Только из Москвы управлял заводами,
Постоянно жил их заботами.

Больше всего он в московском доме поживал,
Дома в городах премногих покупал.
Жил барином и к себе приглашал знатных гостей,
Удивлял садом, коллекцией своей.
И минералов образцы Демидов собрал,
Старинные часы порой покупал.
Он обретал и скульптурные творения,
Дивные лишь ювелирные изделия,
С юга деревья и редкие растения.
Имел заморских птиц да мебель отменную,
Создал библиотеку бесценную.

Многим талантам развиваться помогал,
Учиться за рубеж их направлял.
Никита был меценатом просвещённым,
Помог он художникам, учёным.
На Тагильских заводах всё ж из крепостных
Вышла плеяда талантов больших:
Изобретателей, механиков разных,
Рабочих, живописцев прекрасных.

В его вотчине развиты промыслы народные.
Отливали чугунные: вазочки узорные
И решётки, также камины, скульптуры и плиты.
По металлу росписи лаком ещё не забыты...

Носил орден Святого Станислава он,
За успех польским королём вручён.
Писали: орден Святой Анны получил;
Случайный, видать, вымысел то был.
К нему была Екатерина так ласкова,
Дала всё ж чин советника статского.
Бывал у многих властей Никита в фаворе.
Он так, например, с Прокофием в споре
Вскоре получил земли под Салдинский завод
И ведь его в строй очень быстро введёт.

Почёт при властях и заводы имел,
Столь несметным богатством владел.
И в зените славы магнат пребывал.
Лишь достойным умом обладал.
Нижнему Тагилу сделал немало.
Вновь творить – потребностью стало:
Храм каменный, грандиозный возвели,
Иерусалимским нарекли;
Ввели в строй детский воспитательный дом
И госпиталь в заводе своём.
Академии художеств помогал,
Щедрость всю его всяк в ней узнал.

Он жертвовал деньги университету,
Там довольны за помощь всю эту.
В Москве ведь училище Никита открыл –
Дарования всегда он ценил.
На его же деньги медаль учреждена,
«За успехи в механике» она.

Он в честь пребывания на земле этой бренной
Памятники ставить стал при жизни отменно:
Поставлен крест каменный у реки Чусовой,
Давно здесь родился Никита ранней весной;

22. Демидов Никита Акинфиевич – владелец
Нижнетагильских заводов

Возведён был поздней монумент для могилы,
В нём опять же магната старания были.

К царице Никита приглашён наконец
В её дивный Петербургский дворец.
И пышно так оделся Демидов-богач,
Ему жена пожелала удач.

Екатерина сейчас одна в кабинете
И без украшений, скромно одета.

И тут она сразу ласково речь повела:
– Лишь только по делу тебя позвала.
В убытки мы вошли, ведя с турками войну;
Выручай пушками, ядрами страну.
В долг, Никита, сможешь ли припасы поставлять? –
– Буду года полтора я помогать.
Служим все мы, матушка, Вам, отчизне родной.–
– Благодарна за всё! Откушай со мной. –
И за стол уселися гости нарядные,
Здесь вели разговоры все складные.

Сытно ели и долго все, стали хвалиться,
А граф Шувалов лишь хвастал царице,
Что есть у него свой оркестр замечательный.
Но Демидов, послушав внимательно,
Так сказал: – У меня ж есть юный талант – скрипач,
Лучший оркестр затмит музыкант-ловкач. –

И как-то всё ж Шувалов напомнил Никите:
– Когда ж меня на концерт пригласите? –

Вскоре Демидов пригласил гостей в большой зал,
Тут были вся знать, граф, князя, генерал...

Андрейка дивно, с душою и долго играл
И всех тогда вдохновенной игрой покорял,
Но руки вдруг задрожали и очень устал...

А играть не мог юный скрипач бесконечно;
Хлопали гости, склонился сердечно.
Кричал Шувалов: – Кудесник! Великий талант! –
Усталым со сцены ушёл музыкант.
Но крикнул хозяин гневно: – Играй, крепостной!
Не перечь мне. Я не доволен тобой. –

Вновь наслаждалась публика игрою сполна,
Но ведь вдруг лопнула на скрипке струна.
Побагровел сразу барин, со злобой шипел:
– Так ты мне вредить нарочно посмел?! –
За провинность Андрейку плетьюми наказали,
После в сибирские шахты сослали...

Селезень-приказчик враз к Никите поспешил,
Сообщил, что литьё мастер загубил.
И хозяин вскипел: – Что он думал, подлый пёс?
Ныне богатству убыток лишь принёс.
Забить плетьюми на плите горячей нещадно,
Чтоб было бы и другим неповадно! –
Разгневался Никита, что повинный сбежал;
И вдруг магната – паралич враз сковал...

Николеньку-сына растил и любил.
Но отца Петербург известил:
«Вашему сыну надобно в полк прибыть,
Пусть будет он при дворе служить».

И сына Демидов позвал в кабинет:
– Мне осталось жить несколько лет.

А ты же единственный мой наследник,
Так послушай меня, преемник.
Ты в столицу едешь в Семёновский полк;
Верю, что из тебя будет толк.
Лишь делу предков отдай всё вниманье,
Сын мой, на тебя – упованье... –

Но в столице сын-красавец кутил и гулял,
Только здесь его дьяк везде опекал.
Дьяка Коля напоил, сговорившись с дружкой,
Быстренько из дома сбежал он потом.
И в платье Демидов всё ж в монастырь забрался,
А в одной там келье страстям предался...

Вести от сына приходили редко,
Он как-то проигрался крепко.
И в письме домой об этом сообщал,
А Никита в гневе закричал:
– Наследства лишится беспутный нахал!
И за сердце схватился, упал.
Знал Демидов: «Конец существованью,
Только на Бога упованье»...

Пушки о кончине Никиты известили,
Его в Введенской церкви схоронили.
В роду всех Демидовых последним он ведь был,
Кто заводами лишь сам руководил,
И даже много рабочих профессий познал,
Всегда самолично в дела все вникал.

ПОСЛЕДНИЕ НАСЛЕДНИКИ ДЕМИДОВЫХ

1

Никиты остались сын и две дочери;
Сыну вступенье в права отсрочили;
Храповицкий, Дурново известными стали,
Отпрыска того они опекали.
И в письме узнал Демидов о смерти отца,
Но ведь скорби мало так у молодца.

В Петербурге жил нынче сынок Николай.
А вспоминал ли Уральский свой край?
Уваженье у царицы он вскоре снискал,
Так служить при троне и в гвардии стал.
Лишь женским полом и вином увлекался,
Вдруг в карты крупно вновь проигрался.

Потёмкин приставил его адъютантом,
А Демидов кутил только франтом;
А со светлейшим князем в походах бывал,
Он и Суворова там повидал.

В генералы всё ж смог Николай пробиться,
Только потом приглашён в столицу.
И Екатерину-царицу стал просить:
– На заводы свои хочу отбыть. –

Службу вскоре же Николай оставил,
На Урал вновь стопы направил.

Все заводы эти почти разорили,
А Демидовых многих забыли.
И вспоминал столицу Николай порой,
Когда поехал на Урал, домой.
В честь его Нижний Тагил пир закатил,
Бесплатно сивуху люд глушил.
Здесь управитель хозяина встречал
И так о рабочих рассуждал:
– Тут с кнутом и пряником держим народ,
Ведь на пользу ему то идёт.
Всё из наших работных выжимаем,
Грубости редко допускаем. –

Демидова в дом Любимов пригласил,
Галереей предков удивил.
Грозно теперь с её стен смотрят предки,
Они солидны в рамах крепких.

В той знаменитой династии всей главный
Никита Демидов самовластный.
И сразу от его так пронзительных глаз
Вдруг стало жутко потомку сейчас.

Поражён был этим всем хозяин молодой:
– Как сумел достать портрет родовой? –
– А тут только копия, к сожалению.
Но ведь выполнена с умением.
Нам копию Собакин снять не разрешил;
Всё ж в конце века заводчик почил;
А Яковлев-сын – богач, корнет столичный,
Разрешил писать портрет сам лично.
Кстати, Вас – генерала, он уважает
И прямо, ум Ваши ведь знает.
Портрет сделал наш художник крепостной.
Здесь прадед, смотрите, как живой. –

Управляющий барина дальше ведёт:
– Нам с галереей лишь уйма хлопот.

А вот Акинфий – Ваш дед знаменитый,
Он и дворянин именитый. –
Так поразил внука суровый портрет,
На нём в пышный парик дед одет.
Но почтительно Любимов выжидал,
После вновь рассказ свой продолжал:
– Ведь смело отцовское дело продлил
И в строй много заводов вводил.
Невьянская башня – заслуга и его,
Лишь сторонника русского всего.
Архитектор это всё в проекте учёл,
В древнерусском стиле башню возвёл.

Также могуч Ваш батюшка Никита,
Его персона не забыта. –
С портрета отец горделиво смотрел,
Сын под взглядом его заробел.

– Помни, что эти люди – хозяева во всём!
Богатства добыли силой и умом.
Так хочу, чтобы с ними Вы здесь в ряд встали
И славу предков своих продолжали.—

Поведал Любимов о всех новостях:
– А сейчас речь начну о делах.
Заводы предков Ваших процветали,
Но Вы ж доходы промотали.
И скажу всё, хозяин, прямо в упор,
Чините всем заводам разор. –
Сразу Демидов пытался возражать:
– Я стал все расходы уменьшать.
Не знаю, что же делать всё ж мне, поверь. –
– Лишь Вам дам дельный совет теперь.

Но лишь на богатой Вам надобно жениться,
Чтоб быстрее во власти утвердиться... –
И всё ж прислушался тут Николай к совету:
– Я ведь решать буду проблему эту. –

И снова Демидов в столице побывал,
Там невесту так быстро подыскал.
Ведь её на одном балу пышном встретил,
И красоту всю враз он заметил.
Она и младая, и так умная невеста,
Была Строгановой дева-баронесса;
А Елизавете-жене капитал дан приличный,
С ней войти смог в круг высшей всей знати столичной.
Сразу повидали супруги за границу,
Но пора и домой им возвратиться.

Стремилась жена к различным светским увеселеньям,
Посещать театр, балы – были устремленья
И многих гостей в своём доме любила принимать,
Музыкантов, артистов здесь можно увидеть...

А все заводы их были на грани банкротства;
Немедля решил управлять производством.
Уже за миллион рублей долги составляли
И вот враз для покрытия их продавали
Деревни и вотчины, и руду, и леса;
Но лишь только и мера та не спасла.
И сразу для повышения доходов
Всё ж заложил несколько заводов.

И Николай в Санкт-Петербурге послужил,
Тут главную контору учредил.
Он давал постоянно предписания,
Требовал к рапортам внимания.

Ему доставляли их каждую неделю,
А в них и привирали, как умели.

Но послал, чтоб быть уверенным,
Враз на заводы лиц доверенных.
Он и нужные правила отправляет
И всех приказчиков заставляет
Лишь конкретные все работы выполнять,
А нарушений вновь не допускать.

Вводил наказания и поощрения.
И училище для обучения
На Выйском заводе открыл властью своей,
В нём учили «служительских» детей.
За границу обучаться направлял,
Да и сам там опыт изучал.

Часто и новшества были на заводах,
Но и при значительных расходах
Новая техника себя оправдала,
Доходную часть лишь повышала.
Произвели в Тагиле выплавку меди.
Для пользы дела, надо отметить,
Талантливых людей на заводы берёт.
И сам добился в верхах многих льгот.

«Вам к императору Павлу явиться,
Но надо быстрее быть в столице», –
На навет Демидова вдруг призвали,
И все там заранее ликовали,
Теперь только худшее ожидали.

Николай и ни жив, и ни мёртв идёт,
Милостей он никаких не ждёт.

А государь был на Демидова зол:
– Как «царство» на Урале завёл?
Ты ведь князя Потёмкина адъютант,
Мне же он был враг и интриган. –
– Но нет, я покойной царице служил, –
Вот так смело магнат доложил.

А император лишь гневно отозвался,
Над матерью даже насмехался.
– Не надо о царях плохо так говорить. –
– Вон! Как ты всё же посмел мне дерзить? –
И закричал страшно злобный Павел, сам не свой,
Ударил в лицо Демидова рукой...

Но опомнился вскоре властный Павел тут,
Звать наглеца велел, того ведут.
И заводчик опустился на колени,
Думал лишь о скором заточеньи.
– Встань! – вдруг голос потеплевший раздался,
Павел с Николаем обнялся:
– Тебя за веру властям благодарю,
Ты можешь перечить и царю.
Жалую, Демидов, за труд камергером,¹⁹
Докажи эту верность нам делом. –

Домой снова Николай возвращался,
В Туле по пути задержался.
Заводы он там посетил между прочим,
Говорил даже с людом рабочим:
– Ведь мои предки заводы здесь создали,
Державу они обороняли. –

Резко за рабочих тут с гордостью большой
Возразил оружейник пожилой:

– Да, Демидовы стали знамениты,
Но все те почести добыты
И не только большим их умом и трудом,
Пряником с мёдом, цепями, кнутом.
В поте лица весь народ Руси родной
К работе подходит лишь с душой.
Страна стараньем простого человека
Вовсю богатеет век от века. –

В пути Демидов умельца купил,
Который в Орловщине жил;
С крепостным на Урал он добрался,
Тот Черепановым звался.

Барин слал учиться люд в разные страны,
Те заботы его неустанны.
Только раньше фрегат построен всё ж был,
А его стоимость он оплатил.
Школу живописную в Вые учредил
И книг много училищу дарил.

В дистанционном управленьи преуспел,
Был в курсе производственных всех дел.
За рубежом вновь Демидов побывал,
Там горное дело изучал.
Уйму только пользы дала заграница.
На Урале смог раз появиться.

Хотел оставить в обширнейших владеньях
Лишь добрую память без сомненья.
Фабрики стекла, фаянса, лакированья
За два даже месяца пребывания
На всех своих заводах открыты ведь им.
Тогда считал также долгом своим

Церкви, госпиталь, бани, дома возводить
И заводской архив, рынок открыть;
Обновить выпуск продукции заводской.
Не весь решён замысел тот большой.
Он директора заводов назначает,
Этот пост Данилов занимает.

Николай снабдил полк в Москве за свой счёт,
На войну он с ним вместе идёт.
Фельдмаршал Кутузов его благодарил
За то, что тот сам свой полк снарядил.

Участвовал и в Бородинском сраженьи
С большим набранным им ополченьем.
Всегда в боях храбрость Демидов проявлял,
Под Тарутино, Вязьмой воевал.

Вскоре он покинул Россию навсегда,
Связь ослабла с заводами тогда.
Его ведь племянник там управляет
И в дела постоянно вникает.
Николай в Вене, Париже проживает,
Болезнь не одна одолевает.

На Русь о металле вновь писал предписанья,
Лишь на качество его всё вниманье;
Но меньше решили железо покупать.
Стал и к золоту взгляды устремлять,
Золота добыча от кризиса спасла.
И платина поправила дела.

А позже Демидов в Италии жил,
Лишь творенья великих копил.

А во Флоренции обосновался,
Посланником там оставался.
Музей и картинную галерею,
Дом сироток и престарелых
Во Флоренции Николай открыл
И меценатом известным слыл.

Частенько балы да спектакли давал,
Его выставку всяк посещал.
Здесь были ценные вещи и малахит;
И сад с попугаями – знаменит.

Деньги магнат сам инвалидам раздавал;
Учёным, живописцам помогал.
Отправлял рабочих с заводов в заграницу,
Чтоб там горному делу обучиться.

Бедным, детям, больным оказывал помощь и вниманье.
Щедро жертвовал на строительство памятников, зданий;
И триумфальные врата в Петербурге возвели,
А деньги Николая тут тоже помогли;
Потом Ришелье в Одессе был монумент сооружён;
Демидову Павлу памятник в Ярославле возведён.
И свой дом в Москве для дома трудолюбия отдал,
В городах приюты, школы да больницы основал.

Колонизацию Новороссии проводил
И ведь туда много крестьян с севера привозил,
А все сады с ними посадил и скот разводил...

Хозяин фабрикой шёлка управлял,
Труд рабский, детский применял.
И шёлк так делался тоньше, красивей
Лишь нежными пальцами детей.

Ткачиха кричала как-то с гневом среди людей
О труде дешёвом этом всё смелей:
– И всю жизнь богатство так барина манит,
Шёлк из жиллок детишек он тянет... –

Магнат с возрастом тщеславней становился;
Всюду ведь успехами гордился.
Был тайным и советником, и массоном,
В Мальтийском ордене – командором;
Орден Владимира ему за рвенье дали.
Рабочие его жить лучше стали,
Политику пряника, кнута всё ж внедрял.
А талантливых людей поощрял.

Удвоил наследство всё папы своего;
Был сторонником нового всего.
Оставался человеком государственным,
Но ведь в делах прежде лишь – хозяйственных.
Он и дальновиден, предприимчив, умён,
Бережлив, но и щедр, волей наделён.
И пылкость, задор, хладнокровие являл,
Строг, но снисходительным бывал.

В стране портреты Демидова остались,
Известными часто рисовались.
Его написал на фоне Урала, среди гор,
Живописец видный Тончи Сальватор.
А позднее Морелли художником стал
И Николая портрет рисовал.

Умер Демидов-магнат в пятьдесят пять лет,
Оставил в истории яркий след.
Его сыны-тунеядцы законно
Остались в богатстве огромном.

Флоренция его ведь не забыла –
И монумент соорудила.
Площадь при нём имя Демидова носит,
Мецената город превозносит.
Есть в Петербурге музей столь невиданный,
Он лишь для сокровищ Демидовых.

А Демидова в городе Нижнем Тагиле
В церкви Никольской большой схоронили.
И памятник бронзовый там установлен,
Ведь во Франции он изготовлен.
Разрушен был при Советской власти,
И церковь подверглась такой напасти.

2

Как жил, чего же достиг сын старший Николая Павел?
Россию магнат, богач и меценат прославил.
В четырнадцать лет участник Бородинского сраженья.
Завершил в Париже лицеистом обученье.
Адъютантом он у генерала Голицына стал,
Ротмистром был и двенадцать лет службе отдал.
Болея, из полка уволен, карьерой занимался,
Сперва при дворе усердно Демидов подвизался,
И стал там уже егермейстером²⁰, старался.

А теперь всё же жил не по средствам, балы давал,
Ведь так-то потихоньку в долги влезал.
Гостя большого Нижний Тагил ожидает,
И Павел нынче его посещает.

Всё ж построить «пароход сухопутный»
Было на заводе так трудно;
В том Черепановым барин отказал,
Обдумать их просьбу обещал.

3

младший сын Николая Анатолий
Лицей вдруг покинуть соизволил.
Уже годы в основном в Европе поживал,
Изредка лишь вновь в Россию приезжал.

Юным служил в министерстве иностранных дел
И в русском посольстве состоять сумел.
Но, будучи послом в Вене, Риме, Париже,
Он ведь Россиею не был обижен.
Даже стал советником действительным статским.
Занимался завсегда меценатством.
Русский язык свой родной плохо понимал,
Хотя европейских – множество познал.
Купил у приятеля титул Сан-Донато
И стал князем теперь, жил так богато.
В Париже безвыездно жить остался всё ж он.
И к чему, неизвестно, теперь устремлён?

После брата Павла Нижний Тагил навестил,
И в шотландской юбочке модной он был.
– И что же это за диво – в юбке мужик! –
В толпе заводской раздался вдруг крик.
Вздор работяги с изумленьем всё ж смотрели,
И сразу кержаки остолбенели.

Сполна с прощелыгами пирует без забот
И охотится, в безделье тут живёт.
Но ведь богач здесь надолго не задержался,
Опять в Петербург на тройке умчался.

4

тец, сын Черепановы в России впервой
Всё ж паровоз вскоре построили свой.

А после им хозяева вольную дали
И затем также вручали медали.
Чудо-паровоз этот многих удивлял,
И его цесаревич повидал,
Проезжая вновь в дороге Нижний Тагил,
Он запомнил Невьянск, где гостем побыл.

5

отя Анатолий Демидов забыл наш Урал,
Но всё ж вовремя деньги всегда получал.

Была пережита любовная драма рано им –
Ушла Друэ-актриса с другим – Гюго младым.
Так обласкан богатством и чинами, родом,
Прозван уже «красивым сумасбродом».
Разъезжал в Париже повеса по всем балам
И красавицу юную встретил там;
С ней, племянницей Наполеона, гулял,
В жёны всё ж её, строптивую взял.

Но для того похлопотал, как известно,
Став князем, купил замок чудесный;
С женою Матильдой в Италии жили,
Они там и других полюбили.

А дама так блестящая, страстная в чувствах
Окружена знатоками искусства.
Утопала в роскоши, богему познала
И Тургеневу, Флоберу писала.

Недолгой была идиллия у молодых,
В неприязнь любовь перешла ведь у них.
Привязав не раз к постели её, высек сполна,
Вскоре на развод подала всё же она.

А Матильда у царя лишь защиту найдёт,
Тот сам разрешит богатеям развод
С выплатой всегда Демидовой пенсионна
Лишь в солидной сумме по тем законам.

6

Всё ж Анатолий по просьбе в России побывал,
Теперь так далёким для родины он стал.
В Нижнем Тагиле с рабочими князь встречался,
Совсем чужаком здесь среди них остался.
– Уже, барин, Ваше то всё времечко отходит! –
Так сказал смело литейщик на заводе.

Ночью Демидов неслышно удаляется,
Уже он сюда не возвращается.

А жил Анатолий в княжестве Сан-Дonato
В красивейшем замке большом, богатом,
Это вблизи от Флоренции столь прелестной.
Всегда покровитель искусств известный.
И писателей, артистов, друзей принимал,
Скульпторам, художникам он помогал.

Библиотека заслужила лишь признание,
Имелось в ней богатое собранье
Картин, мраморов, бронзы. Его вновь пополнял
И на системность вниманье обращал.
Стасов всё ж хранителем стал коллекции той,
Развивал здесь талант недюжинный свой.
Будет он ведь позднее критиком знаменитым,
Искусствоведом видным да именитым.

Анатолий помогал часто бедным, больным,
Рад был так всегда он поступкам таким.

В Италии знали о той филантропии его,
Богачу было только семнадцать лет всего.
По его заказу Карл Брюллов картину писал,
А её «Последний день Помпеи» назвал.

В том помощь Демидова – страстного мецената,
Лишь который оплачивал все затраты
Живописца при работе над сей картиной,
Ставшею в искусстве неоценимой.
Анатолий возил даже Карла в Помпею,
Тот уточнял там картины идею.
Ценнейший шедевр Демидов всё ж попозже купил,
Николаю Первому его подарил.

А гений благодарно лишь о том вспоминал
И Анатолия портрет написал.
Давно помещён портрет в Демидовском зале,
Зал большой в музее Питти²¹ создали.

А Демидов всегда благотворителем был,
Он экспедицию на Юг снарядил;
Вот туда, в Крым, Донецк, учёные отбыли,
Тщательно край весь этот изучили,
В новых землях открыли угольный большой бассейн
И подвели итог смелой поездки всей.
Анатолий издал о труде отчёт достойный,
Сделавший для всей науки вклад огромный;
После «Демидовской премией» его наградят,
Так ею поступок таковой поощрят.

Имел железные, медеплавильные заводы;
Крупнейшим был Нижнетагильский – в те все годы.
Особый минерал в угодьях магната вдруг нашли,
Демидовитом в честь его рода нарекли.

И нужных рабочих на эти заводы набрал.
Во Флоренции фабрику шёлка создал.

И свой герб, и девиз «Дела – не слова» получил,
А с братом старшим Павлом в столице открыл
Демидовский свой дом призрения, больницу.
Анатолий в науках сумел отличиться.
Был избран почётным членом многих Академий;
Выдавал сполна и деньги для стипендий.

Он в университетах почётным членом предстал.
И в зарубежных краях не раз побывал,
Повидал красоты разных стран европейских.
Знал людей великих, знатных, виднейших.
В Минералогическом обществе стал главой.
Помогал людям творческим он с лихвой.
Энергию и средства снова в заводы вложил,
Библиотеку в Нижнем Тагиле открыл.

От отца досталось ему пребольшое наследство,
Тут картины, скульптуры ... ведь мало им места.
Огромное число произведений в перечне том,
И в Петербурге сдан для них особенный дом.

О прошлых годах станции вновь напоминают,
А на железной дороге все их знают.
Анатольской одну из них там назвали,
Станция та на Среднем Урале.
Перед Нижним Тагилом в его же, князя, честь
Ведь остановка и Сан-Дonato есть.

7

Демидов Григорий в семье Александра родился,
Тот полковником стал и тем очень гордился.

Мать Гриши – Ольга Алединская фрейлиной была,
Ему всё воспитанье домашнее дала.
А Григорий Акинфиевич прапрадед его.
Дед учил музыке сам внука своего.
И все в семье этой играли на фортепьяно,
В семь лет Гриша играл прекрасно и рьяно.
Послужил в Преображенском полку и стал отставным.
Музыкой занялся – любимым делом своим,
Для этого поехал учиться он в Германию,
Чтоб там сполна получить образование.
В Петербурге инспектором консерватории стал,
Прежде Демидов свой дом для учёбы отдал.
Серьёзно теорией композиции занялся;
Дирижёром став, завсегда сильно старался.
Для оркестра «Восточные картины» написал;
Также и марши, и романсы сочинял.
И вся музыка его вдохновенна, мелодична.
Годы обученье студентов вёл отлично.
Композитор Демидов несравненно талантливым был.
Тридцать три года он лишь только на свете прожил.

8

Павел Демидов заводы забывал,
В камергерах отныне пребывал.
Но ему деньги слали неустанно,
Их не хватало постоянно.

Должность губернатора он получил
И быстрее управлять в Курск отбыл.
Удивлял часто местную знать пирами
И музыкальными вечерами.

Находился Демидов в расцвете сил,
В мире магнатом крупнейшим был.

Возглавлять же заводы вдруг отказался,
Так как искусствами занимался.
Даже и в разные науки вникал
И членом Академии стал.

И Академии Наук помогал,
На премии ей деньги давал.
Своя премия им была введена,
Вечно её ценила страна.

Написал Павел при учреждении
Этой «Демидовской премии»:
«Нашей промышленности внимание,
Наукам всем процветание
Сей премией надо всегда поощрять,
Лишь достойным её выдавать».

Нобель идею ту потом подхватил
И премию свою учредил.

Демидовым Павлом премия первой введена,
Сто восемьдесят три года прошло, как создана,
Всегда на Земле в науках всех ценится она.
Хоть долгое время не было врученья,
Но ведь не утратила значенья.

Демидовские премии вновь вручают,
Негосударственными считают.
Только заслуга Росселя в их возрожденьи,
Дают за крупные лишь достиженья.
И заняла в мире достойное место.
Опять ныне учёных известных
В Екатеринбурге премией награждают;
И теперь торжественно их вручают

В ценной шкатулке малахитовой уральской.
Но в долларах к чему ж американских?

Но всё ж вернёмся, читатель, к эпохе былой.
И что уготовано Павлу судьбой?
Знатный магнат всесильный Демидов преуспевал,
В гостях вдруг вскоре красавицу повстречал;
В Аврору Карловну Шернваль сразу влюбляется,
Пленяется он ею и венчается...

И, конечно, расскажу немного о ней;
Ведь так трудная судьба досталась ей.
Повитуха в лицо Авроре наплевала;
Та колдунья проклятья, зло ей предсказала.
А жила с детства в Финляндии красавица-шведка;
Девой в корнета Муханова влюбилась крепко.
Венчались, он с Авророй день свадьбы назначает;
И вскоре лет на десять красавчик исчезает...

В разлуке ловеласа долго вспоминала;
Вдруг Карла Маннергейма-шведа повстречала.
Так пленён знатный богач красотой девицы,
Враз предложил руку, сердце ей, чтобы жениться.
И уже быстро назначен был день их венчания;
Карл всё ж умчит к родне, горестным было прощание.
Уехал принять от бабушки благословенье;
Шернваль ожидала в грусти его возвращенья.
А Маннергейм во всю мочь и обратно помчался;
Но на коне резвом с кручи упал и скончался...

И опять Аврора в неутешной печали,
Её сёстры, также и друзья утешали.
В Петербург с Эмилией-сестрой приезжала,
На балах поклонников красой чаровала.

И вдруг Александр Муханов вновь пред нею предстал,
Он в ноги Авроре бросился и свататься стал.
Так долго молчала она, но соглашается,
Уже ими вскоре день свадьбы назначается.

В карты шинель проиграл, кутил он с дружками в гостях;
В холод простыл, с воспаленьем лёгких сгорел на глазах...
Даже не хотела слушать никаких утешений,
В горе затворилась года на два в тихом имени.

За неё хлопотала так долго Эмилия,
Лишь успешно свершились её все усилия.
Аврора теперь становится фрейлиной придворной;
Заставили: глушь покинуть, на службе быть покорной...

Теперь на балах красавица Аврора бывает,
Там она художников, поэтов встречает.
А Николай Первый здесь её красу отмечал,
Баратынский о ней так с восторгом писал:

*«Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари,
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!»*

Но Аврора ведь не только лишь не «оживляла»,
А она, напротив, гибель мужчин ускоряла.
Один жених замёрз и скончался; погиб другой;
Быть может, так начертано им роковой судьбой.

Павел жене Авроре брильянт «Санси» подарил,
Он столь огромной ценой многих удивил.
Был тот брильянт у разных королей, царей,
Купил его за миллион рублей.

А всё ж для наглядности дам пример такой:
Смог в те годы рабочий бы простой
Приобрести брильянт адским, большим трудом,
Но через две тысячи лет при том.

А Павел поистратил до свадьбы все силы,
Увеселенья его подкосили.
Понял, что поправить здоровье надо бы,
Съездил на курорт Баден-Бадена.

А натура эта противоречива.
Тучный и огромнейший мужчина.
– Как башня, большой,– его сестра называла.
У жены к нему терпенья хватало,
Хоть грубым и бесцеремонным он бывал,
Но ласку и вниманье проявлял.
Мог быть жестоким, бесчувственным, вредным,
Порой добрым, отзывчивым, щедрым.
Часто жертвовал деньги больницам, бедным,
Благотворителем был известным.
Становился вдруг мелочным, очень скупым,
И не считался он с мнением другим.
Всё ж мог императору даже перечить.
Сумасбродство ведь можно отметить.

Аврора любила разъезжать по балам
И встречала вновь поклонников там.
Так восторгался красавицей дивной свет,
Но лишь роковой звали много лет
За то, что женихов она переживала;
Это ей ведьма прежде предсказала...

И стал ведь болеть Павел тучный и солидный,
Ездил часто в коляске инвалидной.

Но упал с коня вмиг, и слёг он с недугом своим,
У постели сидела она месяц с ним.
А вскоре у них родился сын, Павлом назвали,
И теперь от счастья они ликовали.
Вдруг заболел муж чахоткой, так назначено судьбой;
Уже через месяц отошёл он в мир иной.
Она почти не помнила похорон муженька;
Её отныне вновь охватила тоска...

Муж жене и сыну богатства все оставил;
Будет род продолжать сын его Павел...
И всё время пребывала с сыночком Аврора;
Горе от неё уходило не скоро...
Уже о тягостном роке начала забывать.
Она отбыла в Нижний Тагил управлять,
На неё свалилось на заводе много забот,
Здесь порядок навела, дела все ведёт.
Всегда была лишь скромной, доходы считала,
Деньгами бедным, больным помогала...

9

ту красавицу Аврору весь свет ценил,
А Лермонтов и ей стихи посвятил.
И её Баратынский прекрасно воспевал,
Нежно зарёю и солнцем называл:

*«Выдь, дохни нам упоеньем,
Соимениница зари;
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!»*

Князь Вяземский пишет ей стихотворения.
А Жуковский всегда в восхищении
От всей её строгой красы, обаяния,
Задушевности и сострадания.

Письма и дневники о ней знают сейчас,
Посвящена ей мазурка-романс:

*«Нам сияет Аврора,
В солнце нужды нам нет:
Для души и для взора
Есть и пламень и свет».*

Его Вяземский, Виельгорский создали,
Авторы популярность снискали.

А рядом с Пушкиным и сестрой Эмилией
Смелей рисовал штриховкой, линией
Григорий Гагарин и эту красавицу.
Акварель Гау многим ведь нравится,
Млада на ней Аврора неповторимая
И только искренняя, правдивая.

Фёдор Тютчев красотку Шернваль боготворил,
Ей замечательный стих он сочинил:

*«Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней –
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет её очей».*

10

Великий Карл Брюллов «портрет Авроры» создал,
Прелестный образ женский нам показал.

Тот портрет почти два года писал, раздражался,
Но он очень долго так не получался.
Художник практически быстро писал портреты,
А всё ж не удавался лишь только этот.

23. В. Ф. Козлов. Рисунок с «портрета княгини Авроры
Демидовой», написанный К. П. Брюлловым

Гений всё-таки написал шедевр настоящий,
Яркий, великолепный, смелый, изящный.
Её шея точёная, как лебединая,
А плеч покатых изящная линия.

И таинственно, строго лицо так прекрасное.
А с декольте большим платье атласное.
Здесь у неё палантин соболиный дорогой,
Но на голове вдруг – тюрбан модный, цветной.

Трагичной судьбы роковой ожиданье – в глазах
И только лишь полунамёк на улыбку в устах,
Тюрбан, как корона, на тёмных её волосах.

Шернваль умна, обладает редкой красотой
И скромностью, и душевной чистотой.

Давно великим «Авроры портрет» наречён,
И в мире навеки известным стал он.

11

ведь так кстати сумел я как-то недавно
По радио слушать только случайно,
Что этот шедевр с аукциона продали,
За него много там денег забрали.
Его лишь певица Вишневская купила,
Третьяковка тогда – вдруг упустила.
У Вишневской Усманов портрет обретает,
В дар в Петербургский музей отправляет.

Читал, в Нижнем Тагиле Авроры сей портрет.
Всё же в музее там подлинник иль нет?
А какой же продан уже с аукциона?
И здесь тайна Демидовская снова?

Письмо в Москву, на «Радио России», написал;
Ответа я ведь до сих пор не получал.
О Брюллове читал; и не делал он копий, видать.
Когда ж тайны портретов начнут изучать?

12

Но вернёмся во время прошлое опять.
Снова Аврора стала управлять.

В Тагиле Демидова Аврора жила,
Там порядок лишь свой вновь навела.
Но скромной была и доходы считала
И в дела всех заводов вникала.

Едет в Петербург опять, покидая Урал;
Карамзин в столице её повстречал.
Ведь он, Андрей, сын известного писателя,
Полковником служит так старательно.
И давно мальчиком он влюблялся в Аврору;
Не смог повстречать, придёт к ней не скоро...
В гостях позднее вдруг её заметил:
– Люблю единственную Вас на свете... –

Лишь нынче явился зрелым мужчиной пред ней:
Красавец молодой так сильно понравился ей.
Боялась за него, отказаться пытается;
Но вновь теперь она страстно влюбляется.

Супруги с маленьким Павликом Париж посетили,
Затем на завод в Нижний Тагил поспешили.
А её Андрей-муж заводами чётко управлял;
Столовые, школы, больницы открывал...
Введён на заводах восьмичасовой рабочий день им;
И Аврора трудилась усердно с мужем своим.

Облегчить труд, внедрять технику – его устремленья;
Он добрый, имел средь тагильчан уваженье.
Читальню-клуб, престарелых дом Шернваль основала,
Детишкам, бедным, больным всегда помогала.

Зимой жили в столице они, гостей приглашали,
Книги читали и пили чай, танцевали.
Так часто пела и на рояле играла она,
Читал стихи и задорно шутил он сполна.

Годы пролетели вдруг, как счастливые мгновенья;
Воевать против турок призван в ополченье.
Он окружён врагом, сражался яростно один;
Погиб в бою неравном смелый Карамзин.
Его с почестью в Нижнем Тагиле схоронили
И на могиле там памятник открыли.
Шернваль прискорбно на статую мужа смотрела;
О роке злом думала, с ним жизнь пролетела...

В сорок шесть лет Аврора второй раз осталась вдовой.
Сможет ли ныне вновь выдержать рок таковой?
Тогда в монастырь ведь даже она так стремилась;
Лишь по воле случая не отравилась.
Но всё же Шернваль шесть лет траур не снимала
И тогда никого не навещала.
В воспитаньи сына Павла находила спасенье.
Помощь бедным многим оказать – устремленье.

Уехала в Финляндию, хотела жить спокойно,
Но стала опекать сына, племянников неволью.
Руководила заводами Демидовых опять
И в Петербурге теперь снова решила побывать.
А там частенько у взрослого сына поживала.
Вновь на приёмах вельмож, императоров встречала.

В Тресканде – на родине, в Хельсинках жила порой;
Её посетил император Александр Второй.
Шернваль просит: – Будет ли Финляндия свободной страной? –
Царь, подумав, согласился уже с просьбою той.

Отличалась Аврора благотворительством своим,
Деньги же все почти дала бедным да больным.
Она основала школу крестьянских детей.
Состоит в списке сотни известных людей;
Ведь и Финляндии Шернваль давненько известна,
С великими дружила, молвить уместно.
Встречалась с графами, с царским семейством большим;
Пленяла красой, благородством своим.

И к Авроре вдруг в Финляндии явились заботы
В эпидемию ужасную, в голодные годы.
В России, Финляндии череда неурожайных лет,
Везде голод да болезни – итог страшных бед.
Аврора продовольствия доставку ускоряла
Из Петербурга, краёв Южного Урала.

Долго эпидемия чумы, тифа, оспы продлилась,
Но и Шернваль лечит больных, оспой тогда заразилась,
Всё же с трудом благополучно она излечилась.

Для больных госпиталь на даче своей разместила,
После сады детские, школы, приюты открыла.
Бедным помогла, содержала кухни суповые,
Строили на деньги её рабочим мастерские.

И пенсион крупный от заводов получала.
Для Хельсинки все усадьбы завещала.
Ведь на её деньги построен был Дом Милосердия,
Помогала и студентам, и нищим с усердием.

Заботами главными Авроры стали:
Лишь сын Павел, заводы на Урале.
С сыном в Нижнем Тагиле вновь она,
Там работой плохой возмущена.

И начались на заводах всех волнения,
Туда шлют солдат для усмиренья.
Грозные всё ж времена надвигаются,
Смутьяны же не унимаются.

А Демидова с Урала отбыла,
Но не завершила там дела.
В Петербурге теперь вновь Аврора живёт,
Сыну идёт восемнадцатый год.

Они в прекрасном дворце поселились,
Которым, конечно, гордились.
Там у них во дворце малахитовый зал,
На Руси знаменитым он стал.
А ведь его зодчий Монферран возводил
И с Урала малахит применил.

Пишут, что был от Демидовых всесильных
В Париже на выставке Всемирной
Огромный малахита кусок помещён
От монолита двухсот с лишним тонн.

В Англии был малахитовый весь кабинет
На выставке лишь через несколько лет.
Так чудесно создан Исакиевский собор,
Целят в нём малахитовый весь убор.

И есть в Эрмитаже так много творений –
Малахитовых произведений.

С рудников демидовских этот малахит
Об уменьи уральцев говорит.

13

Демидов Павел Павлович – князь Сан-Дonato,
Заводчик, благотворитель богатый.

В Пратолино близ Флоренции родился;
Папы на втором году жизни лишился.
И лишь дома сперва получил образование,
Мама к успехам направила вниманье.

Умным и красивым, как мамочка Аврора он был;
В Петербурге всё ж в университет поступил.
Тогда же стать только юристом было стремленье,
Кандидатом наук завершил обученье.

Вскоре от Анатолия-дяди бездетного
Вдруг получил все богатства несметные.
Ему достались в наследство Урала заводы
И виллы, дома в те далёкие годы.
Купил Пратолино-виллу, богато лишь жил,
И свой титул князя затем получил.
Много гулял и знатных красавиц любил,
Так деньги папы транжирил, кутил.
И всё же Демидов два раза жениться сумел,
Он детей семерых ведь затем заимел.

Но род Демидовский дальше теперь прославил
И сей сын Авроры – последний Павел.
Городским Киевским головою избрали
И звание егермейстера дали.

А в Париже – владел рукодельной мастерской,
В Красном Кресте занят с целью лишь благой.

Руководил заводами на Урале сам
И ведь поддержку ту ощущали там.
Его старанием большим появились:
Много школ, больниц и училищ.
Пожертвовал больше миллиона рублей
Для стипендий и на бедных людей.

И в Петербурге; в Сан-Дonato он затем поживал;
Дома произведений искусств пополнял.
Во Флоренции открыл приюты, школы,
Здания дешёвых лишь столовых...
Почётным гражданином Флоренции избрали
И за благое всё звание то дали.

Уже совершенствовал и технологию,
На заводах всех делая многое.
Так фабрику новой бессемеровской стали
В стране первым он создал на Урале.
Труд вольнонаёмный на заводах вводил,
В экономике, в делах сведущ был.

Павел поддерживал правительство всегда,
Кредиты выдававшие тогда.
А так индустрию оно поддержало,
Помогало Уралу немало.
И Александровский, Никитский заводы
Купил он лишь в предсмертные годы.

Скончался Павел во Флоренции дорогой,
Схоронен в Тагиле в усыпальнице родовой.
Это – Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле;
Властью Советскою школу в ней разместили,
А под склады овощей сразу все склепы отдали.
Со склепами церковь ту позднее взорвали.

Построен Дворец культуры «Юбилейный» на месте том,
Под торговый центр «Феникс» отдали дворец потом.
А ведь чудо-прица Феникс в костре сгорит и вновь родится;
Может, и Демидовых эта церковь возродится...

Богатства большие детям Павел завещал,
Но пока из них никто не управлял.
Вся вилла Пратолино к дочке отошла,
И она – Маша, в ней лишь пожила;
А князь Абамелик-Лазарев мужем стал ей,
Так богато жил он с женою своей.

Была очень активной княгиня Мария,
Помощь всем бедным – её вся стихия.
Церквям Рима, Флоренции деньги давала
И эмигрантам сполна помогала.

Наследницей в роду Демидовых Мария была
И только лишь (в седьмом) последнем поколеньи жила,
В столетии двадцатом тяжком и она умерла...

Вилла всё ж перешла к принцу Павлу в наследство,
Члену старейшей семьи королевской;
Всегда Карагеоргиевичи они,
И в Югославии все рождены.

14

Наследники Павла маленькими были,
Управлять Авроре поручили.
Существовали лишь старые порядки,
Не было новшеств, всё в упадке.

Так у Демидовой прибыль уменьшалась,
Но всё ж меценатством занималась.

Приветлива к людям, помогала ведь им,
А также пособия давала больным,
Сироткам и стареньким, и многим другим.
На её деньги строили дом родильный,
Жилища, школы, приют, крестильню...

И пережила всех сестёр, двух женихов, двух мужей;
Мёртвые подруги, друзья, Павел-сын грезилась ей.

Даже девяносто четыре года на свете жила
И от роковой тяжкой травмы тихо во сне умерла;
Но смерть, не сравнимая с жизнью, лишь милосердной была...

А гроб несли потомки её старых друзей,
Был в том числе и граф маршал Маннергейм.
И на берегу Финского залива схоронили;
Её финны, русские и шведы не забыли,
На могиле памятник Авроре водрузили.

За благие дела, что легендами ведь стали,
Тогда в Хельсинках в честь её улицы назвали,
О ней книги, стихи и картины написали...

15

Шернваль смерть принесла и поклонникам посмертным;
И среди них Игорь Шакинко был, наверно.
А стал писателем да историком известным,
Хотя всегда трагично жил, но интересно,
Писал и в книгах он об Авроре так прелестной.

Её красоты властью над людьми обладали;
И Маслов вдруг портрет Шернваль увидел в журнале.
Заболел любовью он к той красоте роковой
И к Авроре дивной, ушедшей давно в мир иной.

О ней Георгий Маслов поэму не завершил
И вот такие скорбные строки враз сочинил:

*«Кто видел раз небесный сон,
Тому земные грёзы грубы, –
И на смерть роком обречён,
Поцеловавший эти губы»...*

В воображеньи в губы её целовал, любил;
И ведь затем внезапно от тифа младым почил...

16

После Авроры сыны Павла управляли,
Товарищество вскоре же создали.
Оно было семейное, паевое,
Где положение основное
Только лишь Елиму сполна принадлежало,
О нём ныне известно ведь немало.
И лишь только три раза Нижний Тагил посещал,
Не знал дело заводское, вовсе в него не вникал,
А от пыли и жара, шума ужасно страдал.

Окончил Петербургский университет,
Был он красив и нарядно одет,
Женат на Воронцовой-Дашковой, графине,
На преуспевшей придворной фрейлине,
Разумно в дела всех заводов вникавшей
И развитию их помогавшей.

Когда ж в экономике кризис вдруг настал,
То Демидов кредиты в банках брал.
Даже российским дипломатом стал, старался
И князем Сан-Донато назывался.
Послужил в министерстве иностранных дел,
Статским советником всё ж стать сумел.

И до Октябрьской революции в Афины
Назначен был посланником по чину.
Елим – егермейстер да благотворитель,
Школ, больниц, училищ попечитель.

О революции в России он узнал.
Он тогда в Греции в посольстве состоял,
Ведь так успешно в то же время написал
И сумел там издать тома воспоминаний.
«Русская мысль»-газету со стараньем
И отлично редактировал, в ней рисовал.
В шахматы прекрасно да быстро играл.
И даже участвовал в крупных турнирах,
Смог играть с чемпионами мира.

17

Как давно в былые времена нашей страны,
В годы Первой мировой грозной войны
Ведь все производства демидовских заводов,
Не жалея значительных расходов,
Продукцию военную всю выпускали,
Но всего больше снарядной лишь стали.

И вот в стране произошёл Октябрьский переворот,
Тогда спешил снова же за рубеж Демидовский род.
Также прежде Демидовы Россию покидали;
Люди, что оставались, умирали, погибали.

Тысяча девятьсот восемнадцатый год;
И Совнарком свой декрет издаёт;
Так перешли частные учреждения
В государственные владения.
Также заводы Демидовых забрали,
Они государственными стали.

18

дин из Демидовых последних Елим
За границей жил с семейством своим.
И Советский Союз после войны посетил,
С миссией де Голя тогда он ведь был.
И побывать собирался на Урале,
Но что-то, наверно, помешало.
Ещё немного лишь пожил одиноко;
Скончался на чужбине далёкой.

19

Демидовых сведенья вновь собираю,
Но о последних пока мало знаю.
И, может быть, кто-то в потомках остался,
С тем фактом теперь не встречался.

Мне предстоит изучать документы опять,
О роде известном так хочется знать.

20

в США потомки Демидовых есть,
Совсем недавно слышал эту весть;
Знают в Канаде, Италии, Франции их,
Они чтут Демидовых – предков своих.

Анатолий, Жозефина – дети Елима,
Ведь о них читал недавно, вестимо.
Хотели в Советском Союзе побывать
И отца дневники все в дар отдать.
Но посетить не смогли они нашу страну,
Имели причину, видать, не одну.

К нам и внуки Елима не приезжают,
Родину предков не вспоминают.

21

Фимов Адриан – известный искусствовед;
Прокофия потомок он, прожил много лет,
В двухтысячном году покинул в срок белый свет.
А эстафету Елена-дочь его, принимала,
Она выдающимся сейсмологом стала.
Прокофия письма сохраняет в семействе своём,
Ведь так много их осталось в архиве большом.
Также в этой же ветви Михаил Демидов был,
Сборники стихов он издал, младым почил.

22

Ишут, что в Югославии всем известна
Карагеоргиевич-принцесса.

В роду её князей и королей имена,
И ведь Демидовых потомок она.
В конце прошлого века Логинов Вадим
(С Невьянска родом) рвением своим
В СССР – замминистра иностранных дел,
По долгу службы повстречать сумел
Названную принцессу ту в Югославии;
А там она в отменнейшем здравии.

23

Демидову Нину Григорьевну мир знает,
Лишь в России поныне проживает;
Предприниматель, демидовский потомок,
Москвичка, известнейший геолог.
Секретарь в Международном Демидовском Фонде она,
Нужная работа её для людей создана.

Демидовское то движенье возникло на Урале
И в Петербурге, в Туле, в Москве и на Алтае...

В нём награды – Почётные знаки для мира, страны,
В честь знаменитых людей в их роду введены.

24

Всем недавно приглашенье получили,
Ведь с радостью Невьянск наш посетили
Вскоре Демидовых потомки прямые –
Известные гости дорогие:
Елена Ефимова, Демидовы-супруги.
Побывали они в городе, округе.

А Ефимова – сотрудник в МГУ ведущий,
Трудится она там в областях научных:
– Прокофия правнучка я в седьмом колене,
Чтим мы предков своих всех без сомнений.

Предлагал Прокофий деньги в полезных делах;
Мыслил строить на Воробьёвых горах
Университет, план его дал царице,
Но не смог разрешенья добиться. –

Живут Александр, Маргарет-супруги в Париже,
Тут узнают про своих предков поближе.
Александр Павлович сказал в выступленьи своём;
– Кусочек и России есть в сердце моём. –

Почётные гости все в башне побывали,
Экспозицию сразу повидали,
Лишь всем Демидовым известным посвящённую,
Сыгравшим ведь в России роль огромную.

Здесь гости о всех предках своих говорили,
За приглашение благодарили.

емидовых дела всегда продолжаются,
На всей Планете в этом стараются.

Премии Демидовские снова возрождают,
Также вновь Демидовские фонды учреждают
И весь знаменитый род теперь не забывают.

Глава 9

ЧТО ДЕМИДОВЫ МИРУ ДАЛИ?

1

что ж всему миру Демидовы дали?
Два столетия все процветали.
А прославляли они Россию, Урал.
Народ никогда их не забывал.
Но успех этот с Невьянска начинался,
Затем по Руси распространялся.

В Советский период роль всех их занижали,
За жестокость сполна критиковали.
А с недавних же перестроечных времён
Взгляд общества на них был изменён.
Часто стали идеальными их представлять,
Это же есть крайность другая, видать.
Ещё ждут правдивого описания
Все демидовские деяния.

2

восемнадцатый век к завершенью идёт.
Во славе Демидовы шли вновь вперёд.
А имели пятьдесят пять заводов своих
(Только лишь немного купили из них).

Сразу здесь был огромнейший денежный расход,
Но, может быть, и фальшивки шли вновь в ход;
А чеканили монеты быстро, умело,
Чтобы процветало всюду их дело.

Демидовы тайны в веках могли сохранить
И чиновникам рьяным их не раскрыть.

Всегда и рабский, тяжелейший, дешёвый труд
Нёс только барыши, несомненно, тут.
На костях ведь построены заводы;
И цена крови шла в доходы.
У них эксплуатация жестокая,
Но и зарплата лишь высокая
У всех опытных рабочих и мастеров,
У рудознатцев спокон всех веков.

И непобедим был демидовский род,
Шёл уверенный, умный вперёд.
Также смекалкою всегда обладали
И хитростью, и волею брали.

В роду Демидовых заводчики и меценаты,
Мужи учёные, политики и дипломаты;
Богачи, военные, новых земель открыватели
И врачи, банкиры, художники, предприниматели;
Поэты, певцы, композиторы; благотворители;
Коллекционеры; премий, наград учредители...

Вели дело горное ведь лучше других
Для страны и в интересах своих.
Технологии лишь новые внедрили
И образование получили.
Рабочих своих учиться отправляли,
Мастеров заморских приглашали.

3

И лишь на образах мужских акцентируют вниманье,
Вечно ведь достойны и женщины вниманья.

Женщины, с которыми жизнь Демидовы связали,
Так красивы, умны, богатством обладали.
Многим Демидовым жёны помогали в делах,
Успех на Планете всей снискали в веках.
Семейные традиции они сохраняли,
Их в поколениях всегда укрепляли.
Не свершили б магнаты дел славных, благотворительных,
Не будь рядышком с ними тех женщин всех удивительных.

Демидов Никита – глава династии известной,
Он женился на юной девушке прелестной.
Работящая помощница Евдокия-жена,
Уже образ сей красы былями оваян сполна,
Петру Первому понравилась в гостях сразу она.

Давно завещанье Акинфий Демидов написал,
Он богатства все сыну Никите завещал.
Сей сын Никита от Ефимьи Пальцевой-жены второй,
Просила лишь тогда в его пользу она с мольбой.

А Демидов Григорий создал свой сад экзотический –
Первый близ Соликамска, в России, сад ботанический.
Анастасия-жена Григорию помогала,
И там она вместе с ним гербарии составляла.

Вновь разъезжал и в Париже Демидов по всем балам,
Как-то он вскоре красавицу юную встретил там;
Анатолий с ней, племянницей Наполеона, гулял,
Тогда даже сразу в жёны Матильду строптивую взял.
Теперь принцесса та так блестящая, страстная в чувствах,
Всегда, повсюду окружена знатоками искусства.

Павел Демидов в красавицу Аврору влюбился,
Бывал на балах с ней он и вскоре женился.

И её боготворил, проявлял ласку и вниманье;
Щедрым был и хвалил за работу и старанье.
Авроры муж второй Карамзин заводами управлял,
Больницы, школы, сады, столовые открывал.
Введён на заводах восьмичасовой рабочий день им;
И она потрудилась усердно с мужем своим.
Руководила заводами Демидовых опять,
В Финляндию стала вновь почаще приезжать.

А там в списке сотни известных людей состояла;
Помощь бедным и детям, больным оказала.
Тогда в Хельсинках в честь её улицы назвали;
О ней книги, стихи и картины написали...

4

Руси уцелело Демидовых видных захороненье,
В Николо-Зарецком соборе его местонахожденье;
Музейный комплекс тот в Туле «Некрополь Демидовых» есть.
А за границей Демидовских лишь усыпальниц не счесть.
И за рубежом ведь Демидовы жили, умирали,
Немногих же прахи тогда и в Россию отправляли,
Советскою властью могилы их враз уничтожали...

5

Памятник в Туле Никите Демидову был возведён,
А в знаменитой династии главным является он.
В Туле оружия музей в Руси первым основали,
Колледж там имени Никиты Демидова назвали.

6

Крупнейший свой вклад всей Планете дали
И Демидовы на Урале
Со своего только огромного «царства»,
Но словно бы с Руси-государства.

И Сибирь, и Алтай осваивать решили,
Там серебро и золото добыли.
У них золота на Урале не счесть
И добывали платину здесь.
Синий минерал-самоцвет тут был открыт,
А название ему демидовит.

Только одну лишь из первых русскую медь
Тогда удалось им также иметь.
И асбест при них впервые открыли,
В технике его применили.

И с половиною российского чугуна
Урал выплавлял ведь в те времена.
И оружие в казну поставляли,
Много выплавляли и стали.
Чугун, сталь лучшими долго считали,
За границу в веках отправляли.

Применили в мире впервой малахит,
Он был лишь на Урале добыт;
Его Демидовы всюду продавали,
Нарядный вид зданьям придавали.

Александра Невского усыпальница древна,
И поныне же в Эрмитаже всё ж она.
Из серебра золотистого гробница,
Россия шедевром сим гордится.

А пирамида одна – девяносто пудов,
Металл из демидовских лишь рудников.
Тот большой русский памятник воинской славы –
Пышный, торжественный и величавый.

7

авно крепостные на Урале впервой
Всё ж создали паровоз русский свой;
Ведь в деле Демидовы им помогали,
Мастерам этим вольные дали.

Весь мир и патриотов Демидовых узнал,
А ведь дал славу им добытый металл.
И лишь только отлично в течение двух сотен лет
Смело ковали оружие для побед.
Делали ядра, снаряды и мушкеты,
И пушки, винтовки, пистолеты...

Самыми мощными в мире их домны были
И технику лучшую всю внедрили.
Ими фабрика бессемеровской стали
Создана лишь впервой на Урале.

И демидовским лишь железом знаменитым
Были ведь крыши в Англии покрыты.
Больше всё ж двух веков прослужил тот металл,
Ныне никто таковой не создал.

Первые в мире железочугун и железобетон
Уже применили на башне Невьянской спокон;
Сделан на Планете на башне впервой громоотвод,
Почти двести лет в землю он молнии ведёт.

8

меценатство Демидовых признали –
Подарки музеям отдавали.
И передан так в Московский университет
Минералогический весь кабинет,
Обретённый Акинфием в Саксонии,
После потомками пополненный.

Университет от них помощь получал,
Он и деньги, и рукописи брал.

Прокофий строил давно при расходе большом
Училище и Воспитательный дом.
Позже Демидовский лицей Ярославля
Построен был на денежки Павла.

Демидовых в Ярославле да Барнауле не забыли,
Там в честь их «Демидовские столпы» соорудили.
А Николай вновь пожертвовал деньги для сирот.
И сдал четыре моста он потом лишь за свой счёт.
Но кто ж «Демидов мост» там, в Петербурге создаёт?

А Павел Николаевич учёных ценил,
Для поощрения их он учредил
Сам Демидовскую премию престижную,
В долларах с ней – сумму ведь солидную.

Анатолий экспедицию на Юг снарядил,
Он и сразу же расходы все её оплатил,
Там в Донбассе отряд каменный уголь открыл.

Поддержка Демидовых России видна
И в труднейшие войны времена.
Даже ссудил четыре миллиона рублей
Прокофий лишь для нужд отчизне своей.
Николай строительство фрегата оплатил,
Полк в войну при Бонапарте снарядил.

9

Имеются Демидовых скульптуры, портреты;
И кистью, и резцом видных, великих воспеты;
Ритта, Грёз и Соколов, Чернопятов, Ари Шеффер
И Луи Токке, Дарбесс, Бартолини, Роббер Леферт,

Брюллов Карл, Левицкий, Шубин, Гроот и Витали,
И Тончи, и Щукин, Рокотов их создавали...

Магнаты картин, изваяний коллекции имели,
Завсегда помогать и художникам сумели.
Но прекрасное только лишь они обретали,
Ценность таких произведений всех знали.
А в собраниях у них – величайшие творения,
Это всё с нашей Земли приобретения...

Приведу тут пример. Есть картина одна,
Имя Демидовых носит она.
В мире «Мадонну Лоретскую» знали,
Погибшей картину считали;
Полагают, что нашли оригинал
(Гений Рафаэль нарисовал);
И «Демидовской Мадонной» назвали,
Найден ведь у нас, на Урале.
Шедевр тот Демидовым был обретён,
И в Москве реставрирован он.

10

азбег девятнадцатый век набирал;
Для Демидовых памятным стал.
Стали в чиновники, также в придворную знать
И даже в верховную власть приглашать.

В статские советники их назначали,
Генералов Демидовых знали.
Камергеры были при дворе пребольшем
И посланцы всюду за рубежом.
Часто заводами они управляли,
Даже учёными известными стали,
Музыку, книги и стихи сочиняли.

11

Демидовы Русь повсюду освоили
И для них со вкусом построили
Города, сёла, заводы, церкви, сады,
Шахты, рудники, усадьбы, пруды...
Их и великие, и видные творили,
Тех гениев и ныне не забыли.

Андрей Воронихин, Малахов, Бове, Казаков
И Кокоринов, Дютель, Свизев, Попов,
Монферран, Иест, Чевакинский, Баженов среди них,
А ещё приглашали и зодчих других.
Также строили и умельцы-крепостные,
Но лишь в забвеньи люди те простые.

12

«дела – не слова» был на гербе девиз,
И продвигал он Демидовых ввысь.
Достиженья Демидовых сотни лет
Знают Урал наш, Россия, весь свет.
Им был дан навечно титул дворянский
За заслуги в деле гигантском.
Демидовы в горнопромышленном деле преуспели
И заводами двести пятнадцать лет владели.

На Смоленщине город Демидов ведь есть,
Так всё ж их роду оказана честь.

«Старый соболь» – металл лишь добрый с клеймом,
Славу принёс и за рубежом.
Первенство долго на Земле держали
По лучшим чугуно и стали.
И железо демидовское стало
Символом мощного Урала;

Ныне слывёт мастерской железной край весь,
Стальной щит России выкован здесь.

Время в веках победить попытки всё ж вели,
Во славу магнатов башню возвели.

Доля Демидовых есть в успехах всей страны.
И книги, и фильмы им посвящены.
А в мире всё признанье они заслужили
И памятники им установлены были,
В Руси о них стихи, песни, сказы сложили.
Пишут, что даже в далёкой Сибири народ
Давно ведь узнал про Демидовский род;
На Алтае Фонд Демидовский был учреждён,
Сорок патриотов насчитывал он.

13

многих Демидовых я начитался,
А могуществу их удивлялся.
И два века магнатов тех род управлял,
Славил Россию, Невьянск и Урал.
Волей, умом и трудом их восхищался
И властью так крепкой поражался.

Хозяев многих свирепость отличала,
Не в меру жестокость их бывала.
Все заводы держали на адском труде,
Мало платили рабочим везде.

Но богачи всё ж беднякам помогали
И премии свои учреждали.
Они же школ, больниц множество открыли
И церкви, часовни соорудили.

Построили училища и музеи,
Также картинные галереи...

А это всё непостижимо ведь уму!
Так было неужели? Не пойму.
Но как злое, доброе в них совмещалось?
Всё сие для нас тайной осталось.

И даже смогло таковое случиться:
Вдруг Демидовы стали мне сниться.
И мои чувства к ним противоречивы,
Они, полагаю, все правдивы.

14

Но нередко высокое деяние
(Есть не одно и описание)
Ведь без жестокости, жертв не свершается,
Всё ж новое с кровью рождается.

Вспомним Петра Великого правление,
Его огромные свершения.
При нём Россия величайшею звалась;
Имел неограниченную власть.

Быстро, с жестокостью вёл преобразование,
Люди с трудом выполняли все указанья,
Ждали виновных суровые наказанья.
От тяжёлой кабалы надрывался народ,
Против всех властей он тогда восстаёт.

Всегда бунты те Пётр подавлял беспощадно,
Впредь чтобы было другим – неповадно.
И с церковью колокола снимать заставляет;
Бороды купцам ведь сам состригает.

Он свой дивный Петербург на костях возводил,
Всё же и тягчайшую подать вводил.

Но и теперь Петра в мире не осуждают,
А всегда только снова везде прославляют,
Ведь о победах, славе его много знают.

Пишут, что Пушкину цитата принадлежит:
«И гений ведь злодеем не смог бы быть».
Поэт, наверное, писал так про идеал,
Но всюду ход истории доказал,
Что Батый, Эмир Тимур, Акинфий Демидов,
Ленин, много и других индивидов
Были гениальны, но злодеями стали,
А деянья всё ж благие свершали.

Сталин Ивана Грозного превозносил,
Петра Великого боготворил.
Их деспотизм, тиранство смог в пример возвести,
Но по репрессиям – сумел превзойти.
Многие хотят жестокий сталинский режим.
Для чего ж такой он им необходим?

На Бонапарта всюду зла народы не таят
И вкусный торт «Наполеон» едят.

Видимо, история не учит людей
И жестокость им ведь стала родней.
Почему же летопись вершится лишь так?
То понять я не могу всё ж никак.

15

от и все о Демидовых описанья,
Их вспоминаю я с содроганьем.

А повествовать о жизни их устал,
Но ещё не всё ведь написал.

Все они роль важную сыграли,
Их и в мировую летопись вписали;
В историю прочно вошли те деянья,
Заслужили повсюду признание.
Верю, что о них многие будут писать,
Только всю правду в трудах раскрывать.

Демидовы ведь не все жестокими были,
И они дела благие вершили.
Известны стали волей, смекалкой, умом,
Вводили новшества в деле своём.
В организации труда – всё совершенно,
Учиться у них надо несомненно.

За ритмом всей работы лишь строго следили,
О ней недельные рапорты были.
В труде срочно сбои тогда выявлялись,
Сразу меры по ним принимались.
Страны Европы про это узнали
И позже в делах применяли.

Демидовы были трудолюбивы,
Энергичны, властолюбивы.
Стали исключением жившие праздно,
Распылявшие силы напрасно.

Ведь благотворительность Демидовых знали,
Они людям всех искусств помогали
И на развитие наук деньги давали,
Умельцев из народа поощряли.

Заботу о рабочих могли проявлять,
Порой в их нужды, запросы вникать.
Кругозор государственный многих отличал,
Каждый, кто смог, то отчизне помогал.

И богатства её они умножали,
Лучшим металл их в мире считали.
Прославляли Россию, Урал наш седой,
Древний Невьянск – городок мой родной.

Глава 10

КРАСИВА ПРИРОДА УРАЛА

1

От темы основной я отвлекся опять,
Про наш Урал продолжаю писать;
Напишу только о природе края родного,
Успокоюсь от сомнений так снова.

2

лесах, долинах Удмуртии гуляю,
Места под Невьянском вспоминаю.
Эти края в детстве, юности я познавал,
Красивей природы пока не встречал.
Во всей округе климат всегда был суров,
Растёт побольше и хвойных лесов.
Да только зима там длинней и холодней,
А хоть лето короче, но теплей.
Погоды изменчивость всю наблюдают,
И ветра посильнее бывают.

Древние горы, скалы в крае остались,
Природой дикой с них любовались.
В красоте неброской – места дорогие,
Здесь влекли к себе дали лесные.
Много клюквы, брусники тогда собирал,
Даже кедровые шишки сшибал.
В дремучей тайге медведи всё ж встречались,
И там змеи часто попадались.
Озёра и речки прозрачными были,
Вновь с друзьями рыбачить ходили.

23. Каменные Палатки в Свердловской области

А грибов так много, хоть коси от души...
Были дивно все леса хороши...

Грущу ныне, видя к плохому измененья.
И начнётся ль природы возрожденье?
В прошлое так бы хотел на миг воротиться,
С любовью краям родным поклониться.
Сохранился ль ещё нетронутый Урал?
Ведь о том не читал и не слышал.

3

Урал многих людей привлекает,
Кто смог побывать там, жалеть тот не станет.
Посещая край суровый, каждый
Его красоту всю вспомнит не однажды;
Вновь постарается край посетить,
А, может быть, останется кто-то здесь жить.

Во многих ведь местах Урала побывал,
Его природу разной повидал.
Спешил выразить те впечатленья словами;
Это судите, читатели, сами.

Наблюдал природы хмурой пробужденье,
Дней весенних, тёплых наступленье,
Таянье снегов и разливы рек, ручьёв,
И всю зелень, цветы долин, лугов.
Вновь видел, как птицы с юга прилетают,
Леса снова пеньем оглашают.

Интересно наблюдать на реке ледоход,
Первый пароход уже скоро пойдёт.
Не забудутся порой средь льдов купанья,
На солнышке апрельском загоранья.

Переворот стремительный в природе весной
Прошёл в контрасте лишь вновь с длинной зимой.

Порой слушал лесов шум, грома раскаты,
Часто видал рассветы, закаты;
Опять чувствовал жару длинных солнечных дней,
Запахи цветов, фруктов, ягод, полей.
Влекли озёра и реки голубые,
И горы далёкие седые.

С друзьями так нравилось по лесу гулять,
Неизвестные места открывать.
Когда на поляны большие попадаю,
То с волнением даль обзираю.
С мамой я любил землянику собирать,
Спелых ягод корзины набирать.
Очень ярка радость короткого лета,
Осень скоро ведь сменит всё это.

И порою в лесах любовался листвой
Жёлтой, оранжевой, красной, золотой.
Как-то увидел ярко-красный солнца закат,
Деревья он одел в чудесный наряд:
В нём сосны оранжево-красным цветом рдели,
Коричнево-красными стали ели...

На полянки грибные частенько попадал,
С радостью быстро бруснику собирал.
И денёчков лишь тёплых с нетерпением ждал;
По утрам иней на траве замечал.
Уже птицы с тоской улетают вновь вдаль,
А на душе моей также печаль.
Никогда ведь прошлое не повторится,
Но оно всё же часто мне снится.

Манили тайга и степи безбрежные,
И поля безмолвные, снежные,
Пушистые, стройные сосны и ели.
Я слышал вой пурги и метели.
Но чаще тихо кругом, все сказочно спит,
Лишь чистый снег под ногами хрустит.
Хорошо так теперь на лыжах покататься,
Лесом бескрайним вновь любоваться!

Вспомнилось мне, как я шёл однажды с женой
Вечерком зимой по тропке лесной.
Внезапно рядом рощу берёз увидали,
На солнце все серебром засияли.
Деревья нарядом своим околдовали,
Мы, любуясь тут ими, всё молчали.
Они на глазах все золотыми вдруг стали,
Зачарованно среди них мы стояли...

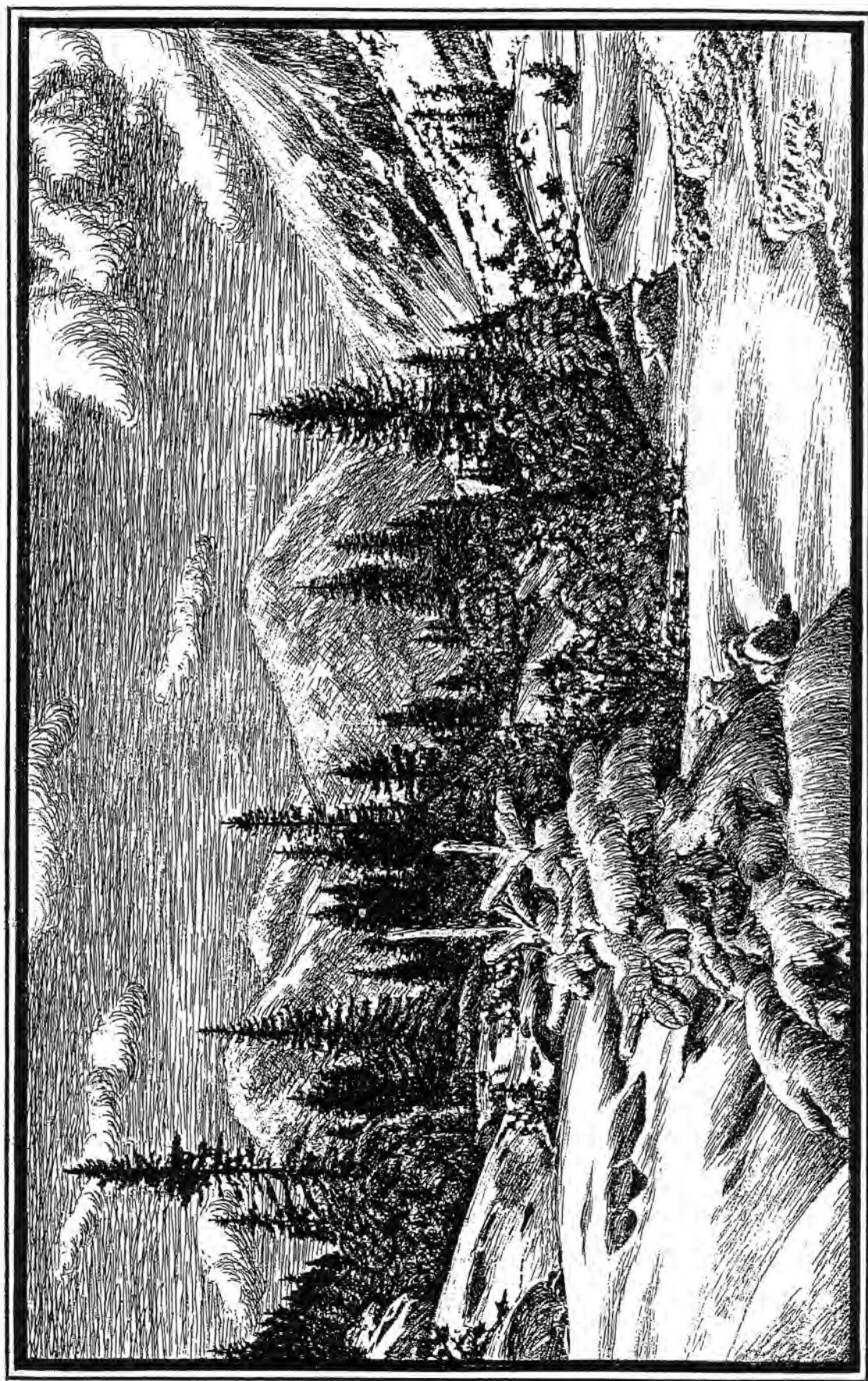
Но враз солнце зашло, и тучи появились,
И в полумрак берёзы погрузились...
Увидев чудесные эти превращения,
Ещё долго стояли в изумленьи...

Ведь на всём Урале красива природа.
Всегда! В любом времени года.
И здесь красоту неброскую надо ценить,
Без неё так трудно на свете всем жить.

4

Но больше всего люблю осень – любую:
Предолгую, хмурую, ярко-золотую,
Вечно всех пёстрым нарядом манящую
И чистотой, и прохладой бодрящую.

24. Северный Урал

Сила, уверенность вновь появляются,
Лишь когда осень опять начинается.
А её в памяти с детства сохраняю
И с нетерпением каждый раз ожидаю.

Так появилось большущее желанье,
Вновь с тоской видя природы увяданье,
Те все мгновенья быстротечные продлить,
Очарование всё их отобразить.

И вспомнил, как с женой и дочками гулял,
Дрожащую осинку вскоре увидал.
Ей жаль было листву ярко-красную
Ронять в предолгую осень ненастную.
Того деревца образ в памяти держал,
Стихи грустные я недавно написал:

«Лето проходит, и грусть набегает,
Красные листья осина бросает
И от холодного ветра дрожит,
В осень войти вновь пока не спешит.
Алый наряд свой прощальный роняет,
Про благодатные дни вспоминает.

Вскоре и я отойду в эту осень,
Жизни закончится бранный мой путь.
Боже, даруй же мне несколько вёсен,
Чтобы в тиши хоть чуть-чуть отдохнуть.
Тоже дела свершить хочется очень,
А уж потом то – навеки заснуть.

Мне на том свете не надобно рая,
Также и в ад не стремлюсь попадать.
Стала так милой Земля дорогая,
Всё ж предстоит в ней мне вечно лежать.

Буду во тьме, в небытье исчезая,
Лишь о любимых порой вспоминать.

Но... ведь всё тщетно! Не верю я в Бога;
А рай и ад мог придумать чужак.
Дважды бывал на том свете немного,
Там нет чудес, мне – лишь виделся мрак.
Только вновь адски работать – дорога,
Чтобы создать рай свой призрачный так.

Лето прошло, осень враз наступает,
Ветви осина уже обнажает.
Будет спать мирно зимою опять,
Грезить во сне, так весну поджидать.
А мне и нечего ждать в мире этом,
Жизнь вся в трудах пронеслась, как комета».

Туман уж холодный в поле лежит.
Вновь солнце ведь вскоре лес озарит.
Но сосны и ели всё зеленеют,
Как будто они совсем не стареют.
А в осень берёзы пока не спешат,
Лишь чуть пожелтевшие тихо стоят.

И уже сбрасывает листья липка,
Гаснет всё ж летняя её улыбка.
Урал убрал в свой пёстрый наряд рябины,
Гроздья спелых ягод они склонили.
А ведь ныне рябины большой урожай;
По приметам холодной зимы ожидай.

Вдали, на опушке, виднеется клён,
Становится ярко-оранжевым он.
Печально к реке склонились ивы,
Мне вновь навевая грусти мотивы.

И пришла пора самая грибная,
За грибами иду, всё замечая.
На пенёк дружно сели опятки.
– Ведь Вам так веселее, ребятки. –
Встал на полянку красный мухомор,
Словно огромный, яркий светофор.
– Прошу, к нему всё ж Вы не подходите
Его в корзинки свои не берите! –
Солнцем пригрелась клюква-красавица,
Спелой сидеть на кочке ей нравится.
Заморосил вскоре дождик небольшой,
Всё ж переждал его, стоя под сосной.
Солнышко садилось, и день угасал;
Полную корзину груздочков набрал.

Природа бурным летом дорожит
И в сон холодный, длинный не спешит.
Прозрачен воздух и ясно видны дали,
Но ведь дни пасмурней и короче стали.
И жара помаленечку спадает,
А дождями всю землю заливают.

Дуют ветра, реже птицы напевают,
С грустью уже на юг вновь улетают.
Землю пёстрые ковры одевают,
И последние цветы увядают.
Леса яркую листву всю роняют.
Так холодная пора наступает.

5

Не спеши осень, багрянцем пылая.
Дольше продлись, моя старость седая.
Пусть же будет добрей и мудрей
Сей закат грустный жизни моей.

У меня ещё ведь так много дел,
Но есть и всему, и всегда предел.
И стараюсь целей добиться,
А покой мне даже не снится.
Радуюсь успехам малым, большим,
Всё же их достиг упорством своим.
При неудачах рук не опускаю,
С большим лишь рвением дела продолжаю.

6

От и весь о природе этюд, созданный мной.
Вновь теперь дали бодрость, душевный настрой
Встречи с лесом, горами родного края,
Осень, вечно любимая мной, золотая...
Меня посетил отныне творческий подъём,
Когда побывал в Невьянске – городе моём.

Встретился на седом Урале с родными,
Также с местами всеми, с детства святыми:
И с ветхим отчим домом, со школой своей,
С заводом, площадью, там посетил наш музей.
Любовался прудом спокойным, быстрой рекой,
Побродил по скверам, ходил и в парк городской...
Повидался опять с башней, всегда дорогой;
Был на стройке, где возводится храм пребольшой...

И явилось вновь ко мне так вдохновение
От лиричного сего отступления.
Снова пишу теперь я с увлечением
И приближаю книги завершение.

ИСТОРИЯ НЕВЬЯНСКА

Часть 1. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

1

а историю Невьянска вновь берусь,
Кое-где немного повторюсь.
Тысяча семьсот первый год наступил,
Для завода он памятным был.

Строили плотину, завод на пруду
В этом далёком для нас году.
Первой плотину считают на Урале,
Её не раз воды прорывали.

А под Невьянском руду добывали,
На уголь леса вырубали.
Первой плавки чугуна всё ж добились,
Добрым тем железом гордились.

С того лишь момента прошло почти триста лет.
И завод вынес много взлётов да бед.
Издавна ценился невянский металл,
Но завод его мало давал.
Не больше года продолжался сей взлёт,
И чахнуть начинает завод.

Рядом поздней завод Каменский пустили,
Плохой там металл производили.
Из-за нерадивого управления
Те заводы шли к разорению.

2

езавидный бы удел заводы те ждал,
Если б царь Демидова в край не призвал,
У которого было ко власти стремленье,
В Туле испытывал вновь притесненья.
Сразу на уголь леса рубить запретили,
Так плохи дела заводов тех были.

Помнил Никита всё про уральский металл,
Его давно край богатый прельщал;
Демидов челом не одиножды ведь бил,
Все заводы Невьянские²² просил.

Невьянский завод, вокруг земли отдали
И в казну поставлять указали:
Пушки, мортиры, припасы военные,
Гранаты, железо отменное...
И обещал заводчик это отправлять,
Дешевле, чем другие, продавать.

Когда вскоре Демидовых Урал наш позвал,
То так митрополит Дмитрий Ростовский сказал:
– Вас на дела Благословляю я иконой,
Также напутствием в форме стихотворной.
О, воспетая Мати! Ты им сопутствуй,
Сохраняй в пути здравие и присутствуй.
Так храни же Демидовых премногие лета,
Избавляй, покрывай их от злого навета. –

3

ам Демидов не мог поехать на Урал,
Срочный заказ царю он выполнял.
Ксенофонтова шлёт на Невьянский завод.
Мало металла Невьянск выдаёт.

Приказчик сразу завод тот принимает,
Убогость строений поражает.
Запас угля был на заводишке скромный,
Уже тут не работала домна.
Вскоре Демидова сын приезжает,
Он, Акинфий, во всё здесь вникает.

4

Страница истории снова открыта,
В Невьянск прибыл Демидов Никита;
Никита стал главным в демидовском роде,
Кузнецом сильным, хватким и строгим.
Хотя умом лишь недюжинным он обладал,
Но позже жестоким не в меру бывал.
И станет владыкою в крае Уральском
Со «столицей» – заводом Невьянским.

Осмотрел Демидов заводик казённый,
Здания хилые, также и домну.
Недоволен сразу был качеством работ:
– Плохо строили, в дело не пойдёт. –

5

Тал Виниус главным в Сибирском приказе,
Для осмотра завода, припасов
Сначала же Каменский завод посетил,
А потом и на Невьянский отбыл;
Там переговоры с Демидовым ведёт,
Но его не обрадовал завод.

И Андрей Виниус, выполнив царя наказ,
Писал окончательно ведь в этот раз
«Память Никите Демидову» – предписание,
Образчик невиданный – указанье.

В нём принята программа на многие годы,
Определявшая судьбы заводов.
Образный, яркий язык в документе том,
Изложено всё злободневно в нём.

И основной лейтмотив в «Памяти...» звучал:
«Лишь главная надежда на Урал!
Стране быстрее, больше железа давать,
Пушки, фузеи²³, чугун поставлять.
Сверх прежних иные заводы всё ж построить
И продукцию новую освоить.

И построить все заводы у добрых руд,
Лучше ведь во Вселенной всей не найдут.
Всегда оружие в довольстве поставлять,
Остатки иностранцам продавать».

6

условия принял Демидов, пост велик –
Он в Руси главный железа поставщик.
Но потребовал сам привилегий больших,
Позже получил всё ж много из них.
На тридцать вёрст рудные земли вокруг сразу
Отошли по Петровскому указу.

Демидовы строят домны и сараюшки,
Склады, крепость и хоромы, избышки...
В Невьянск срочно сгонялись люди простые.
Также трудились здесь приписные,
Раскольники и каторжане, беглые
И крестьяне, и манси местные.

Работяги тут всегда надрывались,
Мало спали, скудно питались.

Но выдавали свой хороший металл,
Который наш Невьянск прославлял.

Но приказчики в жестокости своей
Вновь повсюду не жалели розг, плетей;
Теперь только становились все злей.
А рудокопов всех к тачкам ковали –
В цепях под землёй умирали.

Но вокруг завода стены надёжные –
Не сбежишь ведь в дебри таёжные.
Ворота все стражники охраняли,
А на башнях дозоры стояли.

7

Но тот народ всё-таки в лес убегал,
И Никита тогда написал
Петру Великому письмо в столицу:
«Прочти, мой царь. Видать, сгодится.
Разреши, государь, мне пополнить казну,
Сам все заботы возьму за страну:
Уплачу подать за крестьян всех разом
Железом, войсковым припасом.
Добросовестно железо буду слать,
Низкие лишь цены все держать.
Отработать подать на заводах моих
Я заставлю всех крестьян приписных».

И царь грамотой разрешил просьбу ту
В тысяча семьсот третьем году.
– Оно так вышло, как я и полагал, –
Никита Демидов ликовал:
– А с вольностью у крестьян прощание,
Ведь теперь они кабальные. –

8

Демидов вызвал рабочих тульских своих,
 Приставил всех к домнам, молотам их.
 А крестьяне, которых задаром сгоняют,
 Рубят лес, уголь жгут, руды ломают.

Беды пришли: прорвали плотину вдруг воды;
 В дела завода влезал воевода;
 Протасьев – он, со стройки взял часть мастеров,
 Увёз железа тысячу пудов.

Тот конфликт с воеводой привёл лишь к тому,
 Что всё ж Никите пришлось самому
 Вновь в Москву прибыть. Права, льготы требовал дать
 Или же мог в казну заводы отдать.
 Он именным указом льготы получил;
 Вести постройку сыну поручил;
 Ведь без сомнений Акинфий возглавил завод
 И стройку плотины да домны ведёт.
 К расширению завода тут было вниманье,
 Быстро для молотов строили зданья.
 Невьянский завод тогда силу набирал,
 Производство металла расширял.

9

Демидов по разным делам зачастую
 Ездил в Москву, затем в Тулу родную.
 Встретился с царём Петром в новой столице.
 Ведь здесь было чему подивиться;
 Дивный Петербург на болоте возводился,
 Государь своим детищем гордился.
 С Демидовым до гавани вскоре добрался
 И с ним простором морским любовался.

О берег пустынный тут билися волны,
И вновь с моря дул ветер холодный.
– Видишь, Демидыч, вот море там, вдали,
Сюда ведь придут к нам корабли.
Будем кожу, лес, лён, пеньку²⁴ продавать.
Станешь железо за море слать? –

– Ух, возьмём мы богатства гор, государь! –
А Пётр стоял, смотрел зорко вдаль.
Меншиков ныне во властях, генерал,
В столице губернатором стал.
Он сам и Демидова к себе пригласил;
А заводчик о делах говорил
И упросить всё ж смог у него шведов пленных,
Гораздых в литье лишь пушек отменных.

Демидов вдруг послан на Урал комиссаром,
Так писали в указании старом;
Государственным людям лишь чин давали,
Этим всю власть Никиты признали.
И учинял над работными расправу,
Дела все завода вёл по праву.
В Москву военные припасы отправлял,
За литьё и поставку отвечал.

10

башкиров начинаются волненья,
Войско враз шлют к ним для усмиренья.
Тот пожар бунтовщиков разрастался,
Также люд татарский поднялся.
Завод Невьянский был долго в осаде,
Акинфий Демидов – в досаде,
Ведь надо грузы ему весной отправлять.
В то время волненья стали стихать.

Сумел успешно припасы доставить,
Дела по заводам уладить.
Заглянул на пути обратном он в Тулу.
Всё ж две весны уже промелькнуло,
Когда покинул родину поспешно.
Дела тут двигались успешно.

Брат Гриша и Дунька-жена завод знали,
Им они хорошо управляли.
Его брат Никита – болезненный и злой,
Голубей он гонял над слободой.
Акинфий решил, что в Невьянск поедет брат с ним
И научится там делам заводским.

А свою матушку Акинфий удивил,
Бороду теперь он не носил.
– Для чего же лик, данный Богом, оголил?
Зелье, небось, поганое ты пил? –
– Поверь, у царя самого такой лик.
А вино я не пью, не привык. –

Сынишка подрос. Но жена обижалась:
– Так давно ведь с тобой не видалась. –

И в кузне ковал всё также умело,
Не забыл кузнечное дело.
Вспомнил, как он с батей у царя побывал;
И как после кузнеца распекал
За сделанные кое-как подковы;
Их сломал, выковал две новых.
Так быстро резвого коня подковал
И толстый прут в узлы завязал.
– Я – Акинфий, тульский кузнец! Помни труд мой. –
Крикнул он над опешившей толпой.

И здесь туляка преображенец обнял,
Благодарно за подковы сказал:
– А случись, не забуду услуги твоей. –
– Видно, что любишь ты резвых коней? –
Всадника тут Демидов взглядом проводил.
Узнал, что Сашка Меншиков то был.

11

щё ведь стоят на Урале морозы,
Но спешат к Чусовой враз обозы.
С тяжёлым грузом надо будет им дойти
Лишь до весны по санному пути.
Сани дают с округи все деревушки.
Везут железо, ядра и пушки...

Ждут на стругах: когда же вновь тронется лёд
И по реке караван весь пойдёт?
Дождались всё ж солнечной, тёплой погоды,
Пронеслись льды, очистились воды,
Мосолова барин наставлял по делам:
– Остаёшься за хозяина сам...–

Демидовых струги с трудом отплывали,
Гребцы мускулы там напрягали.
Река заревела, как зверь разъярённый,
Рулевые крепки и проворны;
Приближались к ним с грохотом скалы-«бойцы».
Хоть и рулили смелей удальцы,
Но всё ж тут одна барка с кладью разбилась,
Не спаслись все. Чтоб бед не случилось,
Отлежались малость, в лес вскоре сбежали,
Ведь не их, а железо искали.
Дознался Демидов и злился, помрачнел:
– А под плетью б никто не уцелел. –

По Чусовой, Каме весною кипучей
Плыл Акинфий до Волги могучей.
Бурлаки по Волге, Оке, устав от натуги,
Вверх тянули враз до Москвы-реки струги.
И через несколько недель всё ж на сей раз
Демидов сдал в Пушечный приказ²⁵
С Невьянска груз военный, с Москвы отбыл;
И в Петербург он к отцу покатыл.

А там Демидовым уже отвели
Немаленький участок земли;
Царь повелел: у реки строить дворец,
За грузы похвалил под конец.

12

Демидовы находятся в столице.
Что ж на заводе их творится?
Рабочие с рудника убежали,
Их ведь в лесах долго искали.
Начались в Невьянске сразу волнения,
Там секли всех по подозрению.
Только наконец в тайге беглых нашли
И со стражей в Невьянск привели.
Жестокою расправу учинили,
Вновь всех на цепи посадили.

Но завод всё ж работал неустанно,
Молотов стук был постоянно.
И колёса водяные гремели,
Воды на плотине шумели.
Нажжённый уголь из леса возили,
Из руд чугуна в домнах варили.
А одна домна в двадцать аршин высотой,
В мире не знали в то время такой.

Так много железа завод производил
И к изделиям медным приступил.
Колокола все лишь из меди тут лили,
Освоили чеканку, лудили.
И создают часы, разные машины,
Котлы, сковородки да братины²⁶,
Инструмент, самовары и трубы литые,
И якоря, и товары другие...

Купец в Петербург, Москву, Казань товар вёз,
Он во многих ведь местах имел спрос.
Также на ярмарки Урала возили,
В Ирбите и Кунгуре ценили.

Торговал Невьянск со многими странами;
В нём бывали часто с товарами
Бухарцы, армяне, хивинцы с востока
Купцы с запада тут, издалёка.

В крепости кроме корпусов заводских
Есть множество построек иных:
Дом господский, контора, мастерская,
Баня, конюшни и людская.
А рядышком здесь рынок, лавка разместились,
Оранжереей, садом все гордились.
Были двор постоялый для знатных людей
И сарай для содержания зверей.
Избы, бани и постройки прочие
Строили себе рабочие.

Церковь Преображенья Господня тут знают;
Из церквей первой её воздвигают.
Деревянная – она, в огне пеплом стала;
Это восемнадцатый век, начало.

Построили опять, но, видать, неумело;
А в девятнадцатом веке сгорела.

Здания завода были различными:
Дом господ, контора – кирпичные;
Из дерева все постройки остальные.
Вокруг – стены, башни крепостные.

13

Номнит Демидов царя указанья,
К железу его всё вниманье.
Вспомнил, как ему с государевой казны
Впервой в частные руки отданы
Невьянский завод и земли вокруг, и пруд
От Петра – за рвенье и видный труд.

Ведь не жалел Никита здоровья и сил,
Заводы новые он возводил.
За всё на Урале лишь цепко сам брался,
Так Быньговский завод воздвигался.
На Тагилке думал возводить завод,
И далёкая Сибирь зовёт.

На Демидова доносы присылали,
Фискалы те порой одолевали.
Не раз вызывали Никиту в Сенат,
Всё ж дознаться о правде хотят.

В розыскной канцелярии допросы,
Там интересные вопросы:
Сколько на заводе всех каторжных, беглых?
Почему же трудяг много бедных?
И какие доходы здесь получают?
Где же жестокостью усмиряют?

Шёл тысяча семьсот восемнадцатый год;
Ведь и к царю донос нынче идёт.
Князю Долгорукому Пётр поручил,
Чтоб подробно тот всё изучил.
Был самым дешёвым демидовский металл,
И о том Долгорукий разузнал.
Пошлины Демидов в казну не платил,
Что указом сам царь закрепил.

И князь доложил о проделанном царю,
Пётр с улыбкой сказал: – Благодарю.
Нам бы Демидовых таких человек пять,
Чтоб горное всё дело поднять. –

Царь Пётр у Никиты железо просил
И за пушки его похвалил:
– В Полтаве все пушки твои били метко,
От Руси благодарствую крепко. –

14

Вновь в Невьянск свой возвращались Демидовы,
Стражники их с башен увидели.
Колокола в честь бар тут зазвонили,
Теперь с крепости пушки палили.

Пока магнаты довольны, в заслугах больших,
Мосолов встречал хлебом-солью здесь их.
Поздравил хозяев он с милостью царской,
Те прошли по коврам всем бухарским.
Приказчики много кабальных собрали,
Все «ура» в честь господ закричали.

А Демидовы равных себе не знали,
Создали «царство» тут на Урале.

В могуществе, славе они возвратились
И делами своими гордились.
Пётр на заводы все права подтвердил
И пошлины опять отменил.
Демидовы вновь закрепляли свой успех,
Продукция их дешевле всех,
Так огромны припасы военные,
Пушки и ружья отменные.

Каменный Пояс к рукам прибирали,
Заводы и там создавали.
Ведь Никиту построек размах увлекал,
Верхне-Тагильский завод строить стал.
Собрался строить – Выйский, Нижне-Лайский.
Управлял Акинфий-сын – Невьянским.

Пишут про тысяча семьсот двадцатый год;
Известен Невьянск, славу вновь куёт.
Он на первое место тогда прочно встал,
Лучший в России металл выпускал.
И намного больше чугуна, железа дал,
Чем с казённых всех заводов наш Урал.

И царь Пётр железо всё с Невьянска ценил,
Слать его в Адмиралтейство просил.
С заводов других железо не принимал,
На его негодность он указал.

Невьянск в артиллерию слал все снаряды,
Заключал на железо подряды,
Делал трубы к фонтанам дворцов и садов
Для Петербурга, других городов.

С этим металлурги блестяще справлялись,
Их продукция доброй считалась.

Тогда не только в стране ценился металл,
Но он и в Европе славу снискал.

15

На всём Урале казённые заводы
Давали лишь малые доходы.
И Татищев тогда на Урал поспешал,
Чтобы престиж тех заводов поднял.
Акинфий ему всё ж препятствия чинил:
И казённую шахту захватил;
И люд его казённых рабочих побил,
К себе посулами их приводил.

Но отобрал Татищев молодцев стойких,
Держал их на дорогах всех бойких.
Они не пускали там с хлебом подводы
Да всех беглых с казённых заводов.

А Демидов же зверем всюду метался,
Но на заставы их натыкался.
Голод на заводах начал одолевать,
И рабочие стали умирать.

На врага ведь Демидовы гнев копили
И челобитную сочинили.
Отозван Татищев вскоре, стал жить в столице,
На Урал направлен Геннин трудиться.
И на Исети город строить продолжал,
Его уже Татищев основал.

Геннин рабочих, крестьян, солдат пригонял,
На стройке режим жестокий держал.
Екатеринбургом её там назвали;
И главнейшей ей быть на Урале.

16

еннин – горный начальник, в Невьянске бывал,
Все достиженья магнатов признал.

Пётр, цenia Демидова пред всею страной,
Из похода свой портрет небольшой
Лишь с бриллиантами, в золотой оправе
Никите сам на Урал направил.
Ведь было желанье Петра Первого
Возвеличить слугу верного.

Возвести решил статую Никите –
В память о муже знаменитом.
Но мечту оную царь Пётр не воплотил –
В расцвете сил безвременно почил.

Благодарен Акинфий папе своему,
Мыслил поставить памятник ему.
Приказал столб огромный, чугунный отлить,
Чтоб на него бюст отца водрузить.
Но бюст Саввы, что Яковлев, на нём будет тут;
Властью Советской изваянье снесут.

17

со всей Российской земли стекался народ
На Демидовский сей Невьянский завод.
Знали дерзость, ум, волю, силу тех людей.
И кержаки спасались от властей;
Солдаты, пленные шведы, каторжане,
Стрельцы опальные и крестьяне
Находили пристанище на Урале,
Всех их Демидовы принимали,
Ни закону, ни церкви не выдавали.
Манси окрестные прибывали.

раскольниках уместно здесь рассказать,
Нравы, жизнь их за пример можно брать.
Старообрядцы иль раскольники – крепки
(Они же – староверы, кержаки),
Вино не пьют и не курят, терпеливы,
В работе, быту неприхотливы.
Аскетичны, а тайны, секреты все хранят,
Не веселятся и мало говорят.
В мире, любви братской живут между собой,
Нестяжание стало их чертой.
И старанье, упорство в труде проявляют.
Их по одежде простой отличают.
А носят они усы, длинные бороды,
Им обряды, обычаи дороги.

Главное в их вере – глубина и чистота;
Двумя пальцами все молятся всегда.
В лесах, скитах они общинами живут.
Бедным кусок последний отдают.
Сильны духом. Если в жизни им будет туго,
То помогут и защитят друг друга.

Но за раскол их вновь преследовал закон.
И первые Демидовы спокон
Всё ж старообрядцев к себе принимали,
От властей всех надёжно скрывали;
Больше половины работающих всех
(Есть ведь факты правдивые лет тех)
Заводчики из староверов брали,
Те свою всю работу знали.

Это – рабочие передовые,
Приказчики, мастеровые,

Полицейские, также надзиратели,
Даже купцы, предприниматели
Трудились прекрасно, других учили,
За что им хорошо платили.
Управляющими они стать сумели,
Плотников, кузнецов знают в деле.
Староверы смогли коммерсантами стать
И бесподобно иконы писать.
В аппарате управленцев заседали,
Суды для заводов выдавали.
И за свою правоту смело стояли,
Всегда дисциплину соблюдали.

На месте Невьянска, до его основанья,
Как гласит старообрядцев преданье,
Ведь была лишь часовенка первой постройкой.
Прежде ж пришли пять священников стойких:
Василий, Пётр, Иродий, Филипп, Иоанн;
И с ними архиерей Стефан.

Сюда явились с центра Руси с верой старой,
Считая Никона власть всю отсталой.
И с собой принесли все из далёких мест
С видом распятия деревянный крест.
Он тяжёлый, почти пять метров высотой;
Взяли они иконы две с собой.

На горе, у Нейвы, струились родники,
Здесь построили свой скит кержаки
Из дикого камня, крест водрузили
И часовню тут, в ските, открыли.

Крестовоздвиженской часовня названа,
Позднее перестроена она.

И ныне ведь живёт долгой жизнью своей,
Сполна обряды свершаются в ней.
Невьянск стал центром раскола на Урале,
Демидовы в этом помогали.
И Акинфий пред властью кержаков защищал,
Близким по духу он давно с ними стал.

А предала давно анафеме церковь их;
В двадцатом веке снимет проклятья с них.

19

Расширялся наш завод на Невьянском пруду,
Стоился посёлок, варили руду.
И все эти люди земли обживали,
Лес рубили, уголь обжигали,
Там руду искали, дороги мостили
Да гигантские домны вводили.

Так в каторжном труде здесь завод вырастал
И лил чугуны, и железо ковал.
Не просто хороший иль отличный металл.
Его лучшим народ в мире назвал!

Невьянск по металлу долго первенство держал,
Тогда марку «Старый соболь» мир узнал.
С мехом соболя железо можно сравнить,
Вечно ему «мягким, добрым» лишь быть.
Прославились невьянцы своим мастерством
И повышали его день за днём.
Рабочих других заводов обучали,
Большой опыт им передавали.

И отливкой лишь прекрасной завод удивил,
В двадцать шесть пудов стол из меди отлил.

Медь чистая, опытом смогли доказать,
Электролизной она ведь под стать.

А про Невьянск документы подтвердили:
«Там тайные плавки проводили,
Серебро и золото плавил из руд.
О чеканке монет слухи идут».

А Касли славы достигли в литейном деле,
Нет краше чугуновых всех тех изделий.
Каслинцев литьё на планете всей знают
И сейчас мастерством покоряют.

Но чугун декоративный на Урале
Первыми невянцы отливали:
Теперь видно литьё в решётках балконных
Башни Невьянской старой, наклонной;
Обнесено было здание конторы
Чугунным узорчатым забором;
И отлили там с узором на память плиту
В тысяча семьсот двадцать пятом году.

Невянцы также в России впервые
Делали косы мировые.
Спрос на косы с Бынёг, Невьянска возрастал,
И за рубеж завод их отправлял.

20

аз как-то в Невьянск раскольники прибрели,
Здесь о медных рудах речь повели.
Позвал Акинфий и Щуку-рудознатца
В отцовской почивальне столковаться:
– С ним идите! Он добрый изыскатель у нас.
Руды найдёте, то укрою всех Вас. –

Вскоре в далёкой Сибири, в Колывани,
Лишь медные руды открывали.
Богатой была руда эта медная,
Серебра в ней примесь – заметная.

А за литьё его неминуема смерть,
Но всё ж Демидов не смог утерпеть.
Ему серебро всё же тайно отлили
И монеты с него – предложили.
Давно о крае Сибирском Акинфий знал,
Он золотом и серебром позвал.

21

Демидов ведь претворял небывалое:
Вдруг строить стал башню с подвалами.
Замыслил чеканить из серебра монету
(Я слышал легенду иль тайну эту).
А башню Демидов задумал высокой,
Чтоб с неё всё видеть далёко.

И за надёжным заплотом²⁷ возводили,
Тут сотни две каменщиков были.
Воздвигали из кирпичин лишь тяжёлых,
Всех с железом прочным сопряжённых.

Здесь фундаменты из дубовых свай, камней;
А четверик их давит мощью всей.
Видны выше гладкого четверика
Все три яруса восьмерика.

На первом – механизм часов-курантов
И циферблата три гиганта.
Но даже стоят часы больше башни сей,
Английские они ведь вечны в ней.

А выше кирпичный шатёр возведён,
Облицован железом весь он.
На нём есть из стали в узорчатом стиле
Ветреница на тоненьком шпиле,
Вверху виден там шар с золотыми шипами,
Соприкасается он с облаками.

Недавно прочитал в брошюре небольшой
Об интересной новости такой:
«При постройке башни четверик наклонился,
Ждали годы, и наклон прекратился.
Строили вновь, уменьшали в ярусах наклон,
Он всё же в шатре со шпилем устранён.
Поэтому флюгер отлично вращается,
Ветрам малым всю подчиняется».

Сия башня двадцать семь сажений высотой,
Отличается постройка простотой.
Этот свой памятник обрёл Невьянский завод.
Шёл тысяча семьсот двадцать пятый год.

А на фоне чёрных волн, неба ночного
Вечно выглядит башня сурово.
Зловещий, таинственный её силуэт,
Удалось ей повидать много бед.
Она наклонилась почти на два метра,
А падение сразу заметно.

Мастерские завода тайною были,
Это пожары всё подтвердили.
Там имеется и лабиринт ходов,
Возраст их многих до трёх веков;
Но главная схема – треугольная,
Есть ещё – многоугольная;

Башню связывала с большим домом господ,
В медную мастерскую был свой ход.
Чеканили, быть может, в башне монету,
Враз разнесли легенду по свету.
А в старом Невьянске под землёй ходы есть,
Да покамест же не могут их счесть.
Всё ж немного те ходы изучили,
Тайны там чуть-чуть приоткрыли.

Как-то услышал вдруг я о легенде такой:
«В Невьянск сам Демидов поехал зимой.
Из Верхнего Тагила держал он путь свой,
А впереди скакал всадник лихой.
И ведь была единственной эта дорога,
Прошло и времени даже немного;
Барин на тройке по тоннелю ведь промчался,
В Невьянске на дороге оказался.
А за ним позади тот же всадник скакал;
Так-то Акинфий его обогнал.

Не так давно изыскатели стали шурфить,
Чтоб тайну того лишь тоннеля раскрыть.
Но предписала им госбезопасность запрет.
Пока же о том других сведений нет».

22

На башне Невьянской сделан громоотвод.
В нём есть тайна. Кто разгадку найдёт?
Известно, что шпиль, с шипами шар пострадали;
Они, значит, молнии направляли
По связям всем закладным из металла в землю.
Учёные ж это всё не приемлют.
А ведь опытами разными проверяли,
Может, и расчётами доказали:

Вертикальных связей металла в башне нет.
Только надо в другом искать ответ.

Однозначно, что молнии в землю идут.
Предположить попытаюсь я тут.
Молния сперва на шар, шпиль попадает,
Путь в каркасе шатра продолжает,
По железным листам (ведь шатёр ими покрыт)
И кирпичам, содержащим магнетит,
Дальше вниз, наверняка, растекается.
Молния ещё продвигается:
По чугунным коробкам оконным, дверным;
Малым штырям вертикальным, стальным
В башенных углах и подошвах всех сводов;
И по стенам внутри дымоходов
(В них доля серебра, меди, золота внесена)
И по всем лестницам лишь из чугуна.

Считают, что Франклином громоотвод изобретён;
И ведь автора лишь прославляет мир спокон.
Но лет на тридцать раньше громоотвод в Невьянске создали,
На башне он; учёные этот факт доказали.
Ведь он призван всегда молнии ловить, в землю направлять,
Молниеотводом всё ж его надо называть.

23

вот в Невьянске через много лет опять
Всё ж я сумел на башне побывать.
Медленно наверх по ступеням поднялся,
Успокоился и отдышался.
Волнение моё здесь не проходило,
Воспоминанья с новою силой
Мгновенно так ярко пронеслись предо мной,
Вдруг затмив настоящее собой.

Детство и юность мои далёкие
Прошли всё ж, они нелёгкие.
И вспомнил, как в школе первой учился,
Как с Невьянском я разлучился.

Но на родине мать и друзей навещал;
Техникум в Нижнем Тагиле кончал;
(Колледж – теперь) с судьбою он исторической
И назван горно-металлургическим.

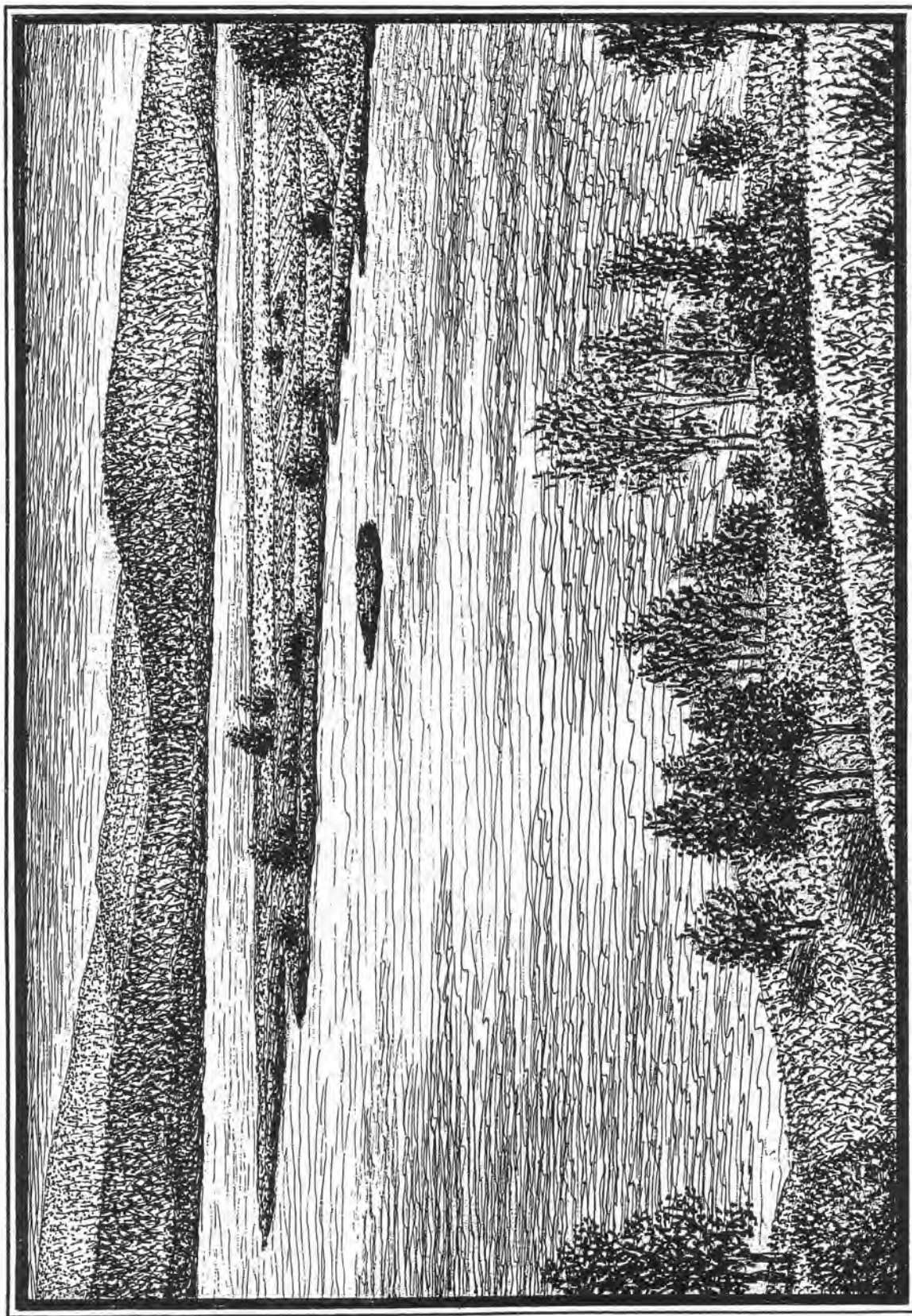
А вырос из Невьянской «школы цифирной»,
На всём Урале самой старинной.
Так давно, в тысяча семьсот девятом году
Демидов ведь и сам создал школу ту.

Из армии я письма слал маме моей,
Не забывал всех родных и друзей.
А в Свердловске учась, архитектором стал,
Но вновь в родные места приезжал.

В Ижевск работать меня распределили,
Женился и дочек тут растили...

И всё ж зачем покинул старый дом родной?
Опять грызут сомнения порой.
Судьба, наверно, распорядилась мной,
Но памятен городок дорогой.
Ведь в Невьянске я по мере сил бываю,
Родину свою не забываю.

И вдруг раздался колокольный трезвон,
Тоскливый он – с далёких времён.
Но вспомнил, что на башне я вновь нахожусь.
На городок свой древнейший дивлюсь.

25. Невьянский пруд

На башне раньше дозоры стояли,
О беглых с неё сообщали.
В подвале были склады, мастерская,
А также тюрьма заводская.

И вот дали все вновь окинул я взором,
Не было ведь конца тем просторам.
Увидел леса и поля все вокруг,
И реку серебристую, пруд;
Горки Малая да Большая Лебяжки,
Свиньи все горки, сёла, овражки;
Дымы серые цементного завода,
Старые домишки, огороды.
В дыму лишь оранжевом весь Кировград;
Гору Ежовая видеть так рад.
На ней давно мы с кедров шишки сшибали
И у костра в лесу ночевали.

Состарился мой городок небольшой
С необычной, тяжёлой судьбой.
И ясно увидел площадь, завод, вокзал,
Каланчу пожарную да базар.
Всё больше в зелени город утопает,
В сады, парк и скверы приглашает.
Всё ж появились и новые здания,
Есть нынче к дорогам внимание.
Но изменений мало замечаю,
Конечно, это огорчает.

24

Невьянск к Акинфию всё ж вернёмся опять,
О взлёте его продолжу писать.
Дела покойного отца он развивал
И новые заводы создавал.

Построил Бымовский, Суксунский заводы,
На них медь выплавляли в те годы.
А держались заводы на каторжном труде,
Мало платили работникам везде.
И непременно слежка, доносы были,
Плетьми, железом работных били.

Трудились уже иностранные пленные,
Есть среди них мастера отменные.
Но особенно здесь шведы отличались,
Сложные работы им давались.

И нужные земли Демидов испросил,
Колыванский завод он возводил.
И здесь же на Алтае, в далёкой Сибири,
Серебро, золото нашли и добыли.
Там в рудниках непрерывно шла работа,
Но вновь у хозяина забота:
«Надо нам из руды серебро выплавлять
Только надёжно его сохранять».

В Невьянск долгое время слитки возили
И в подземельях башни хранили.
Пишут, тайком всё ж чеканилась там монета.
Быть может, легенда иль тайна это.

Акинфий ведь вельможей знатнейшим предстал,
Гроот-художник его рисовал:
Могучим, в парадном кафтане так тесном,
С кружевами, что здесь неуместно.
Дерзко смотрит на Вас человек волевой,
Властный, решительный и удалой.
Крепкий подбородок, и упрямо сжат рот,
Нос прямой, крутые брови вразлёт.

Умных глаз взгляд дерзкий и даже жестокий.
Большая голова, лоб высокий.
Себя в роскошный, пышный парик нарядил;
Усы торчащие, бороду сбрил.
Умён и в расцвете сил, себе цену знает,
Ещё много всех своих тайн скрывает.

Демидова все владенья на Урале
Ведь на старых картах указали.
Так огромно всё Демидовское «царство»,
Это государство в государстве.
Оно не меньше иных стран по размеру,
Но мыслям хозяина нет меры.
Всё ж его манят новые земли опять,
А их в свои руки хочет прибрать.

Приблизил беглого Щуку к себе, стал он свой,
Его брал везде и в поездки с собой.
Щука был ловок, к Демидову тут прирос,
Не в меру стал зол, как хозяйский пёс.
И всё в тщедушном человечке кипело,
Стал давно рудознатцем умелым.
Быстрее хозяина в Башкирию сманил;
Богатый край Демидова прельстил.

И на день третий приезжают к тархану,
По-русски – к феодалу иль хану.
У Камбарки-реки лес дремучий и поля;
Позже Удмуртскою станет та земля.

И так Акинфий к тархану обратился:
– Твоим всем богатствам удивился.
На востоке я заводов властелин,
Но тебя богаче Бог один.

И неужели земли все эти твои? –
Кивнул тархан головою: – Мои.–

Раскрыл Демидов тут сундук узорный,
А Щука всё извлёк проворно:
Бусы, топоры, наконечники стрел.
Тархан, глядя на то, обомлел.
– Эх, хан большой, счастливый же ты человек!
Продай земли, вспоминать буду век. –

Сразу звон серебра феодала манил,
Земли обширные всё ж сам предложил;
А Демидов часть их по дешёвке скупил,
Но все осваивать всё ж не спешил.

Создал Акинфий заводы: и Шайтанский,
И в Утке, Ревде, и Верхне-Лайский.
Нижне-Тагильский завод стал главным делом,
Достраивал он его умело.
Ведь в то время отлично завод оснащён,
Быстро Европе примером стал он.
Магнат имел лишь большие все армии, суд.
Оружие люди его продают
Южным ордам тайком; серебро, золото льют;
Слуги за то в вечном страхе живут.

Скрыта от правительства тайна не одна,
Подкупить ревизоров мог сполна.
Лишь дерзко, одержимо и смело творил,
Авантюристом расчётливым был.
Ходить по краю пропасти – ему так под стать,
В работе нравилось порой рисковать.
И, обладая ведь умом ясным, волею, он
Бывал победителем всё ж испокон.

Дела в совершенстве познавал, изобретал,
Хорошо минералогию познал.
Он до тонкостей вникал в технологию,
Быстро внедрял новшества многие:
Углевыхжигающие печи большие
И прокатный стан в мире впервые
(Но ведь станы те были примитивными,
Звали – машинами плющильными).

Отличны дороги вотчины огромной,
Чусовую сделал судоходной.
Кирше – поэту из народа помогал,
Ценил иконописцев, привечал.

25

И вот Демидов старым стал, теперь – скупой;
Ему идёт год шестьдесят седьмой.
И действительным статским советником стал,
Чин его новый уже – генерал.

Ведь с давних пор серебро и золото добывал,
Доносов боялся, всё же промышлял.
И Акинфий побывал вновь в столице
У Елизаветы-царицы.

И тут о рудах ценных сам сообщил,
Все их принять в казну попросил.
Явился с дарами, не жалеет добро,
С Колывани преподнёс серебро.
А в нём слиток есть больше десяти килограмм.
Рада царица всем сибирским дарам.

Только так Демидов доносы упредил,
Привилегий вновь много получил.

И ему был приписан весь пришлый народ,
Речь здесь о каторжных, беглых идёт.
А по указу их в рекруты не брали,
Ведь нужными были на Урале.

26

Невьянск «столицей» Демидовых стать сумел
И тысячу двести дворов имел.
Шёл восемнадцатый век, середина его;
Завод процветанья достиг своего.
На нём в ту пору – две домны мощнейшие,
Одна лишь в стране всей крупнейшая.
Только в день семьсот тонн чугуна давали,
Так рекордными в России стали.

При размахе таком руды исчезали –
С Нижнего Тагила доставляли.
Завода ведь три вспомогательных были
В Шурале, Быньгах, Верхнем Тагиле.
Там чугуна передел осуществлялся,
С него металл добрый получался.

С Невьянска всё железо полосовое
Нашло признание лишь большое.
И оно за границу отправлялось.
Также Россия в нём нуждалась.

Тогда промыслы в Невьянске зарождались,
Мастера сразу на нужды откликались
И надёжностью, красою увлеклись.
А местным телегам не было износа,
Покрывали лаком все подносы,
Делали колокола, якоря, котлы, жечь;
И ведь всех изделий завода не счесть.

А стоял наш Невьянск на бойкой дороге
И привлекал к себе сразу многих.
Тут путешественник Паллас так указал,
Когда всё ж на Урале побывал:
«Превосходства Невьянска покорили
Между заводами Сибири».

В Невьянске староверов было немало,
Он стал духовным центром Урала.
Они крестили и браки заключали,
Молебны свершали, отпевали...

27

Акинфий к старости всё ж приближался,
Расстаться ведь с жизнью боялся.
С годами лишь магнат становился жадней,
Устал от жизни всей бурной своей:
«Несметным богатством теперь обладаю,
А жизнь вся пронеслась, угасаю»...
Замыслов огромных его было много,
Но давили страх смутный, тревога.

Наследство всё сыну Никите завещал,
И возник всё ж по поводу скандал.
С тяжбой этой братья дошли до царицы,
Через годы их дело решится.

В столице наследство поровну поделили,
Никого из братьев не обделили.

28

Получил Прокофий владения большие,
Были там все заводы основные:

Невьянский, Быньговский, ещё Шуралинский
И Шайтанский, и Верхне-Тагильский.

Шёл тысяча семьсот пятьдесят восьмой год.
Как же дела все Демидов ведёт?
И хозяином став в Невьянской округе,
Только чудил. Вот это заслуги.
Часто удивлял потехами народ,
Так поживал в хоромах без забот.
Нравился невянский дедовский дом
И вечерами с дядей вдвоём
Забавами разными увлекался,
От заводских всех дел отстранялся.
Иван Мосолов управлял заводом там,
В порядке содержал хозяйство сам.

Вяземский жалобы с Невьянска получал,
Когда следствие в крае возглавлял.
Тут рабочие свободными считались,
Всё же произволу подвергались;
Писали условия все основные:
«Обращаться не как с крепостными,
Больше и вовремя зарплату выдавать,
Условия труда всем облегчать».

Упорными были рабочих волнения,
Но не дали им льгот, к сожаленью.

Прокофий покинул края все родные,
У него ведь заботы другие.
А в Петербурге чудил и забавлялся,
Потом всё ж в Москве обосновался.
Демидов не трудился, всё ж был богат,
Возвёл дворец, разбил большой сад.

Не счесть анекдотов, сплетен, баек о нём,
Необуздан был в чудачестве всём.
Самодуром знают, но он и меценат.
О жестокости его говорят.

Энергию напрасно порой расточал.
Но заводские ремёсла познал.
А в отсутствие отца все дела вершил.
Жизни половину в Невьянске жил.

Меньше известен как коммерсант, ростовщик,
Но в этом деле успех стал велик,
Занимался кредитом, ссуды выдавал,
В сделках торговых всех преуспевал.

Невьянску, заводу, их состоянию
Уделял немного внимания.
«В тамошних заводах бывать не случалось», –
В Берг-Коллегию так им писалось.
Но ему деньги с заводов присылали,
Хотя там не в меру воровали.

Много за всю свою жизнь Прокофий чудил,
Слыл самодуром, а щедрым ведь был.
Он благотворительством также занялся,
Помогать старым, бедным старался.
И основал в Москве Воспитательный дом,
Сироты жили, училися в нём.

29

рал в смуте, беглые здесь промышляли,
А заводы жгли и разоряли.
Уцелел в это время Невьянский завод,
Но вся работа там плохо идёт.

Волненья трудяг происходили,
Все плату повысить вновь просили.
Требовать стали, чтобы облегчили труд
И за права свои тяжбу ведут.

Хотя рабочих свободными считали,
Но, как крепостных, их унижали.
С ними было жестокое обращенье,
Адской работой обремененье.

А смуты в народе Прокофий боялся
И с заводами вскоре расстался.
Свои заводы на Урале он продал,
Собакин за них много денег дал.

30

Тысяча семьсот шестьдесят девятый год;
Дела Савва Собакин сам ведёт;
Ведь всеми заводами он управляет
И в Невьянске теперь проживает.

Лишь откупщиком винным явился сюда.
В нём проявлялась жестокость всегда.
Прокофий с заводов прибыль мог выжимать,
Далеко ж ему до Саввы, видать.
А на заводе вновь рабочих волненья,
Секли плетью их без промедленья.

Фамилию Собакин тогда же сменил,
Так как сполна преступленье свершил.
С водкой была это афёра большая,
Спасла Екатерина Вторая.
Вызволит – Савва не сядет тогда в тюрьму,
Фамилию «Яковлев» даст ему.

Трудился так упорно, чётко знал дело,
Карьеру строил быстро, умело.
Он чин коллежского асессора имел,
С крестьянства дворянином стать сумел.

Всё ж скопил огромное состояние
И энергией, и старанием,
Авантюрами, откупом, поставками,
Риском, афёрами и взятками.

И нового типа коммерсантом Яковлев стал,
В историю Невьянска свой труд вписал.
И в состоянье хорошее вывел завод,
Всех новшеств внедренье успешно ведёт.

А эксплуатацию здесь ужесточали,
Ведь так больше металла получали.
Волнения рабочих всё ж происходили,
Но плетью нещадно их ведь били.

На заводе техники много внедрялось,
И строительство в нём расширялось.
Но ведь первенство теперь держать всё трудней.
Англия давила мощью своей,
Применяли каменный уголь там ныне,
Лучший уголь древесный – в помине.
Только делался с ним первоклассный металл,
Ведь Урал добрый металл выпускал;
И англичане лишь его покупали.
Невьянцам конкурентами стали
Заводы России, их около двухсот.
Невьянск первенство все ж не отдаёт.
Но там тогда руды быстро исчезали,
Их с горы Высокой доставляли.

И за тридцать вёрст уже весь уголь везли,
Так как все леса и рядом сожгли.

Тайком тогда золото всё ж добывали,
Но ведь мало его намывали.

А там не забыты промыслы многие,
И они служили подмогою.
Стали салом, мукой, крупой торговать
И о посуде не забывать.

Плавили медь, колокола отливали,
Замки, гвозди, часы выпускали.
Здесь занимались деревянной резьбой
И шили сапоги на вкус любой.

Спрос был на гармоники, ружья и ножи;
А подносы так дивно хороши.
Могли пряники печь, гранить самоцветы,
Делали свечи, сани, кареты.

Стал там промысел сундучный зарождаться,
Можно сундуками восхищаться.

Вновь пишут, что у староверов всех уральских
И в скитах, и окрестностях невьянских
Иконописная школа была создана,
Ведь вечно икона с Невьянска ценна.
Отец Паисий, Григорий-дед (Коскин же он)
И Гурий младой – творцы первых икон.
Анисимов был живописцем известным,
Колоритом владел так чудесно.
Писали тут Богатырёвы, Романовы,
Чернобровины и Малыгановы...

А староверы – изгнанники государства,
От церкви терпевшие лишь мытарства,
В иконы свои вновь драматизм, скорбь вложили,
И поэтому правдивы все были.

И в Невьянске бойко тогда торговали,
Двести десять тут лавок держали.
Везли товары и на ярмарки в Кунгур,
В Ирбит, Новгород, Троицк, Оренбург...

А к концу жизни Савва многое успел,
Двадцать два завода он имел.
И преумножил демидовское «царство»,
Всю эту державу в государстве.
И заводское хозяйство всё создал сам,
Наследство его перейдёт к сынам.

31

Рос Невьянский завод, рос посёлок при нём,
Городом мог быть при росте своём.
Всё же всё то вместе заводом называли,
Достояньем заводчика считали.

Был больше, чем любой старый город уральский,
Лет много только завод наш Невьянский.
Перерос в развитии (летопись так гласит)
И Кунгур, Верхотурье, Тюмень, Ирбит.

Завод в развитии взял путь особый, лишь свой,
Суровый, непохожий на городской.
И строил всюду, всегда; торговать продолжал;
Но только двум молодым городам уступал,
Ведь он лишь по населенью от них отставал;

Это: Екатеринбург – главный на Урале,
И град Оренбург быстро развивали.

А Пётр Яковлев-сын Саввы, наследником стал,
Даже сам Невьянский завод возглавлял.
Здесь всё ж заводчик порядок свой установил,
Тогда его статус города страшил;
И сразу Яковлев – по чину подполковник,
Различных циркуляров лишь сторонник,
Инструкцию также жителям всем сочинил,
Восемнадцать пунктов в неё он включил.

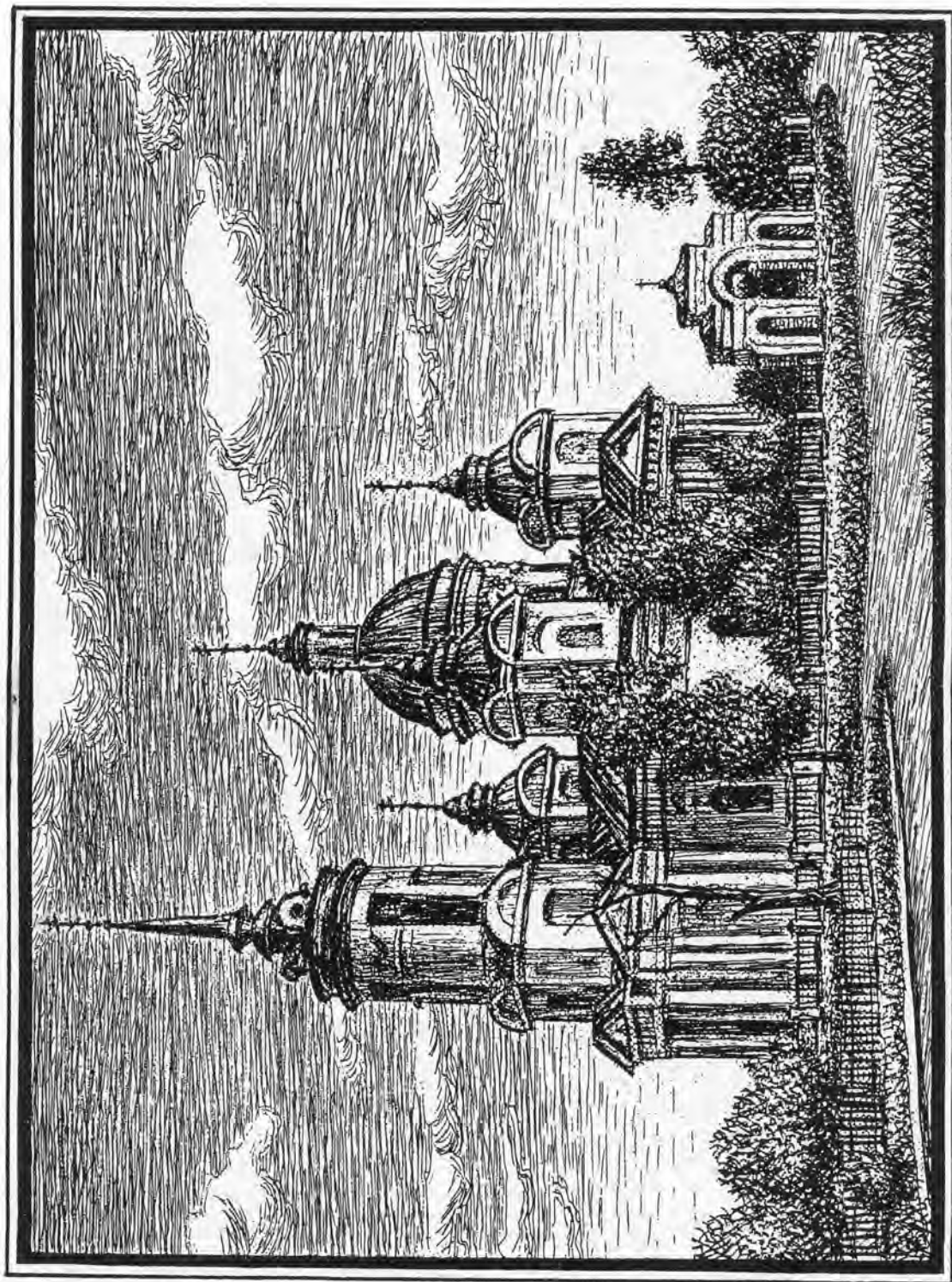
И предписывал людям жить в послушании,
Вновь уделял порядку внимание.
Там десятские утром завод обходили,
А в домах пришлых, бездомных ловили;
О всех самовольных отлучках сообщали,
Крикунов, буйных, пьяных усмиряли.
Сполна принимала полиция меры к ним,
Угождая хозяевам всем своим.

И есть документ, что Верхотурским судом
Велось дело о них долго, с трудом.
А Пётр Саввич, Яковлева сын – заводчик,
Вволю буйствовал лихой молодчик.
Он да приказчик деревни захватили;
Кунара, Осинówka то были.
За отказ вернуть брату Ивану их, за спор
Вынес суд всё ж порицанье-приговор:
Публичное церковное покаяние
Для других, видимо, в назидание.
И о какой же законности суд говорит?
Так странно, конечно всё это звучит.

Пётр совершал и дела благородные,
О том документы – подробные.
Чудесную церковь в Быньгах вскоре строить решил,
Разрешенье на это в столице просил.
И велено было церковь создать с поспешаньем,
Так борьбе с расколом направить вниманье.
А там раньше была часовня православная,
Старая и гнилая, деревянная.
Две часовни староверов тут существовали,
Никона раскол тогда в них признавали.

Управителю Невьянского завода
Пишет предписанье он в те годы:
«А если можно, церковь отлей из чугуна
И пусть же будет в Быньгах возведена
Для всех во имя Святителя Николая.
Но если ж нельзя так, то мысль такая:
Строй храм каменный на славу, денег не жалей;
Дело начинай на благо поскорей».

К постройке церкви Быньговской приступили
И через семь лет всё ж освятили.
Храм Николы Чудотворца так чудесный,
Создан в конце века, как известно.
Архитектура храма соразмерна человеку,
Красив и прочен, существует спокон веку.
Построен по приказу Екатерины Второй,
В селе Быньги храм свой православный святой.
В классическом стиле один из первых на Урале,
Элементы барокко чётко в нём вписали.
А иконное убранство церкви уникально,
Живопись творцов-невьянцев гениальна.
Даже при Советской власти сей храм не разрушали,
Первозданный облик доньше сохраняли.

26. Храм Николаы Чудотворца в селе Быньги. Построен в 1797 году

Церковь в центре села доминантой является,
Гордо века ввысь она устремляется.

А заводчик Яковлев ничем не гнушался,
На жестокости завод весь держался.
Но всё же невьянские земли процветали,
Результат тот внушительный давали:
Только к адскому труду всех принуждение,
Всюду вновь рабочих разорение,
А оплата лишь низкая, штрафы сплошные,
Вечно условия жизни плохие,
Также везде введение инструкций жестоких...
Но добыт с кровью успех тот высокий.

Всё ж теперь о хорошем скажу несомненно.
Это – ввод техники лишь современной,
И повсеместное заводов расширение,
Умелое на них всех управление...

Вновь расширялось производство металла,
Надёжною продукция стала.
И около тысячи пудов чугуна
Ведь в Невьянске дала домна одна;
В ней в сутки больше в три раза выплавляли,
Чем в старенькой домне на Урале.
Век первый всей истории Невьянск завершил,
Заводом лучшим на Урале он был.

Часть 2. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

1

Век девятнадцатый свой разбег набирал,
Невьянский завод тогда процветал.
В округе в то время Невьянск наш – "столица",
Теперь стали сюда относиться:
Три завода – Невьянск, Петрокаменск, Быньги,
Дачи²⁸ лесные, луга, рудники.
Ведь уже три домны стоят на заводе
И склады, и амбары возводят.
Производство металлов вновь расширялось,
Новая техника применялась.
Там в строй пустили печь сталетомильную
И молоты, станы плющильные.

Из дерева строить почти прекратили,
Так как много лесов загубили.
И пугачевцев вся минувшая война,
В которой часть Невьянска сожжена,
Лишь стимулом для строек из камня стала,
А их построено здесь немало.
Ныне к типизации было вниманье,
Основательно строили зданья.
По стропилам там железо настиляли.
Крупные цеха сооружали.

Только всё-таки приведу записку одну:
«В тысяча восемьсот девятом году
Было пятнадцать каменных зданий основных
(Ведь стали строить уже мало иных).
Всего ж девятнадцать корпусов имели,
Их невьянцы возвести сумели.

Невьянск – среди лучших образцов архитектуры,
Подобных нет в истории культуры.
На центральном месте был здесь завод с давних пор
У реки и пруда среди лесов, гор.

Тогда создан был корпусами заводскими,
Также всеми кварталами жилыми
Тут пейзаж неповторимый и живописный
С фоном кругом далее синих, лесистых.
Собор, башня, конторы, хоромы господ
И оранжереи, сады, огород
Были в центре площади большой предзаводской,
К ним с системой радиально-кольцевой
Сети многих улиц, кварталов примыкали.
Рядом, ниже завода, там создали
Площадь торговую с лавками и домами.
Те площади связаны здесь мостами.
Всё это окружили стены крепостные,
А при них башни все сторожевые.

И всё же утратит в веках многое завод,
Реконструкция его произойдёт.
Черты истории давней частично вернут,
Собор восстановят, трущёбы снесут.

Ведь невьянцы гордились продукцией всей,
Но держать первенство им всё трудней.
Началась перестройка горного дела,
Но шла она порой неумело.
И введение там подневольного труда
Было тормозом в технике тогда.
Так в кризис страна феодальная впадала,
За границей все рынки растеряла.

И весь мир в переворот промышленный вступал,
А капитализм с ним силу набирал.

2

Настал тысяча восемьсот двенадцатый год;
Битва с Наполеоном нынче идёт.
И Невьянск, как в эпоху Петровскую, опять
Кузницей стал, чтоб оружие ковать.
Завод поставлял снаряды да бомбы, картечь;
Всех инструкций разных о них ведь не счесть.

В этих делах всех в войну напрягался Урал,
И в том ведь Невьянск роль большую сыграл,
Сдав в казну пятнадцать тысяч пудов их за год,
Больше, чем любой на Урале завод.
А представитель из ведомства так доносил,
Когда он припасы сполна получил:
«В лучшем виде были с Невьянска снаряды,
По калибрам исполнил подряды».
И всю войну снаряды Невьянск поставлял,
Ведь тем победу завод приближал.

Война России победно завершилась,
Та срочность заказов прекратились.
Всё ж лихорадить стало в трудные годы
Урал и все Невьянска заводы.

Снова вокруг Невьянска леса вырубались,
Но и запасы руды сокращались.
А Яковлев-заводчик земли с лесом просил,
И департамент горный так сообщил,
Отказав просителю в ответе последнем:
«Земли надо всем заводам соседним.

Вы должны: сократить все дела заводские,
Ждать, когда вырастут дебри лесные».

3

о с отказом таким невянцы не смирились,
К золоту лишь их взоры устремились.
Шёл тысяча восемьсот девятнадцатый год;
И во всём Невьянском районе идёт
Золотодобыча уже регулярная.
Была в этом находка случайная –
Самородок, что найден девчонкой одной,
Ставший заводам всем вехой большой;
А находка та роль в районе сыграла,
Где работы бывало так мало.

Но расскажу об истории сначала.
Власть золота многих привлекала.
И разработка его велась давно,
О том описание есть не одно.
О россыпях тех золотых на Урале
Ещё древние греки писали;
На Урал археологи после пришли,
Только там россыпи вскоре нашли.

А ведь много веков добыча не велась
Безуспешно снова началась.
И при Петре Первом продолжали искать,
Но не добыли там злата опять.

И о золотой чаше было известно,
Написали о том интересно.
Её владельцем Акинфий Демидов был,
Быть может, в Невьянске шедевр отлил

В тысяча семьсот двадцать четвёртом году;
Мог на чаше всяк смотреть дату ту;
Но и эту тайну пока не раскрыли.
Под Невьянском ведь золото добыли
Лишь лет через сорок для страны и земляков
На свою беду Сивков и Третьяков;
В Горной канцелярии допрос им чинили,
Сразу же Демидову о том доложили,
В шахту изыскателей в цепях опустили.

Для разведки золота бригаду послали,
Но в Невьянске вдруг её задержали.
И с рук те действия Демидовых сходили,
Ведь тридцать лет так золото таили,
Игнорируя все указы высокие,
Также чиня препятствия многие.

Узнали, что заводчик золото скрывал,
О том крестьянин Фёдоров писал:
«Император Павел, прошение примите
И, пожалуйста, мне разрешите
Добывать золото без притеснения».
В Коллегии дали решение:
«Можно теперь золото Вам добывать»...
Не смогли россыпи эти сыскать.

Поздней разведку проводили наново,
Но золото куда-то кануло.
А руку магнат, наверняка, приложил,
Тогда Яковлев хозяином был.

Быстро о золоте невянском забыли,
Десятки лет опять проходили.

Полистаем документы все заново.
Девочка Катюша Богданова
Под Верхневинском вдруг самородок нашла,
Золотом эта находка была.

Та россыпь злата с платиной – кладезь большой,
Открыт в Руси, под Невьянском, впервой;
Тысяча восемьсот тринадцатый год настал;
И про находку эту народ узнал.

Так «золотой век» Невьянска начинался,
На весь наш Урал распространялся.

4

Против крепостного права на Урале
Работяги снова выступали,
Как и повсюду в крепостнической стране,
Невьянский завод не был в стороне.

С людьми жестокое лишь обращение
Ведь стало причиной волнения.
Управляющий заводом Зыков Андрей
Всех закабалил здесь властью своей.
В том брат его, приказчик Егор, помогал,
Он и в жестокости не уступал.

Всем рабочим мало деньжонок платили,
Их к тяжёлым трудам принуждали.
Упрямых премногих в кандалы ковали,
В рудники, как каторжан, их гнали.

Год тысяча восемьсот двадцать третий идёт;
И вновь протестует Невьянский завод

Супротив обсчётов и штрафов, избиений.
Встали ведь во главе всех тех волнений
Здесь Прокофий Меньшаков, Иван Уткин смело.
Жалобу писал первый так умело.
Но всё ж в Перми с жалобой рабочих схватили,
Их избили и в тюрьму посадили.

Тогда тайному советнику Саймонову
Быстро перешлю т жалобу новую
Небезызвестные и Уткин, и Меньшаков.
Исправников в Невьянск без лишних всех слов
Всё же расследовать письма те присылают,
А Зыкин их взяткой там подкупает.
Но необоснованной жалобу признали,
Тюрьмой Уткина сразу наказали.
Но скрылся Меньшаков, всюду жалобы писал,
Вновь он в судах у исправников бывал.

Шлют Издеберский да Бутусов прошение
(Крестьяне пишут о притеснении)
Лишь Саймонову – советнику тайному:
«Зыкины (клеим не случайно мы)
Не знают предела вновь в жестокости всей,
Истязают семилетних детей.
Больных да дряхлых старцев плетью стегают
И даже им глаза вытыкают.
Вырывают людям волосы, бороды
И стригут их, держат и в холоде.
В тюрьмы садят, всегда в кандалы там куют
И беспощадно всех палками бьют».

В Невьянске забастовка тогда началась,
Но не дремала завода вся власть.

И арестовала Меньшакова с роднёй,
Посадила их в застенки сырой.
Заступник и в тюрьме руки не опускал,
Свои прошения снова писал.
Выслал вновь даже из тёмных подземелий
Ведь семьдесят жалоб и прошений.
А там Уткин не стал давать показаний,
Умер от пыток да истязаний.

И Меньшаков сбежал всё ж при переводе,
Когда его везли на подводе.
Добрался он до Петербурга-столицы,
Чтоб с жалобой к царю обратиться.

Но враз то прошение в Пермь переслали,
Письмам всем Меньшакова ход дали.
Он сговор всех властей, суда разоблачал,
Когда в Невьянск на следствие попал.

Тогда борьба рабочих с властью, бесспорно,
Велась уже в Невьянске упорно.
Ведь мало ещё добились в тяжбе своей,
Но всё ж сняли Зыкиных всех с должностей.

5

двадцатые годы собора возведение
Вблизи башни при местном населении
Сам Епископ Пермский Дионисий разрешил
И решение сие благословил.
Этот Спасо-Преображенский храм возведён,
Рядом встал с деревянной церковью он.
В Невьянске из храмов ведь самый преогромный,
Пятикупольный и четырёхстолпный.

Полагают, что Малахов творцом его был,
Дивно замечательный зодчий творил.

Пристроят поздней колокольню так стройную
И соперницу башне достойную.
В классическом стиле всё сооружение.
При Советской власти разрушению
Вновь подвергался собор, в забвенье пребывал,
Давно производственным зданием стал.
Теперь заботу там о храме проявляют,
Его восстановленья завершают.

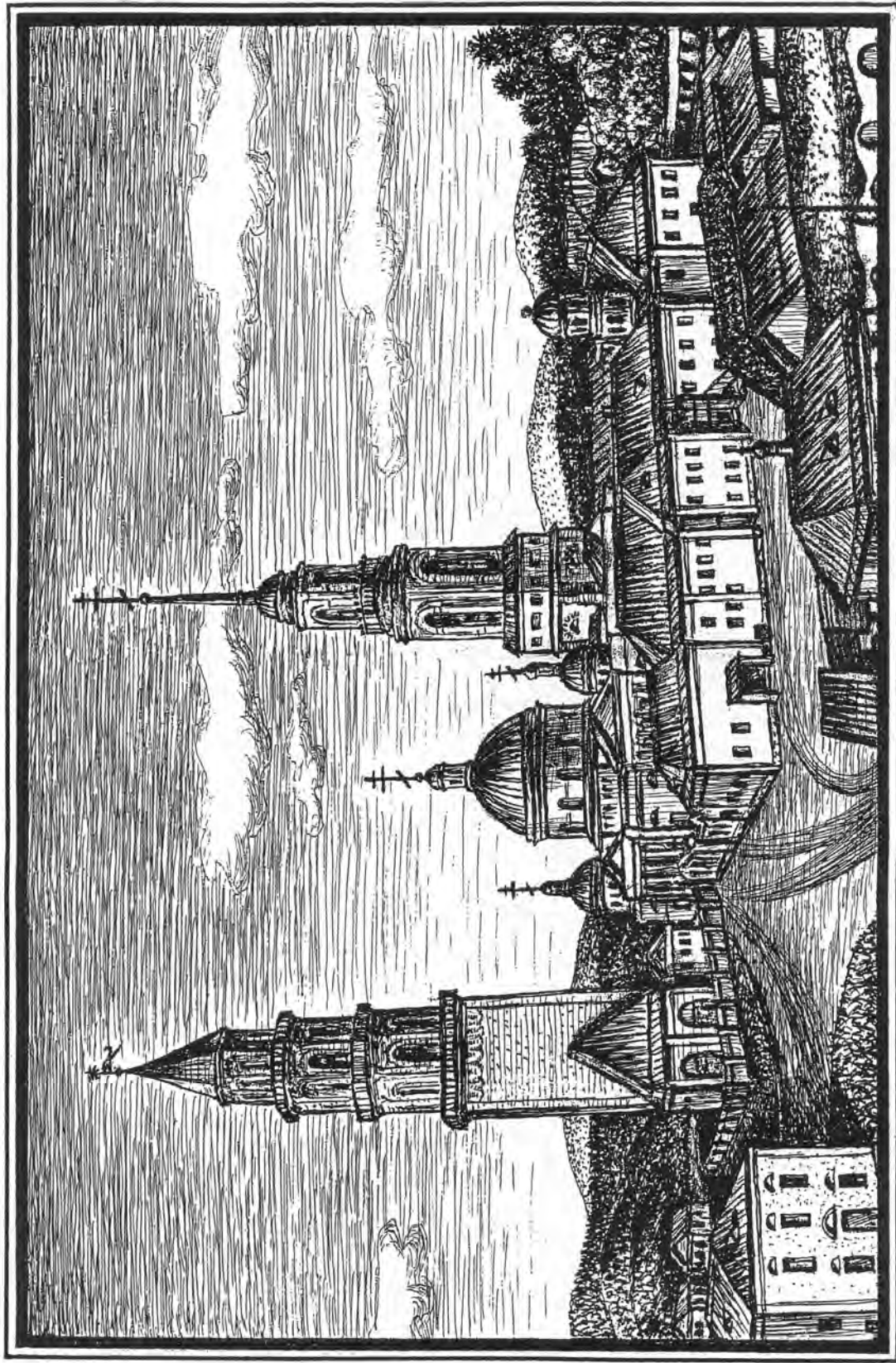

6

век девятнадцатый шёл к середине;
Но успехи Невьянска – в помине.
Дел постанова плохая да хищенья
Завод довели до запустенья.
Заводовладельцы там в кризисе этом
Обращаются всё ж за советом
К Чайковскому Илье – генерал-майору,
Чтоб не подвергнуть завод разору.
Он – известный деятель горного дела,
Часто ведь вводил новшества смело.

Принял с готовностью это предложение,
В селеньи был с целью выяснения
Всех причин кризиса Невьянска заводского
И понял суть явленья такового.
Всё же предлагал коренные измененья,
Не сбылись те благие устремленья.

И станет его сын Пётр Ильич величайшим,
Русь прославит, явит гений редчайший.

27. Невьянский завод середины 19 века (фрагмент)

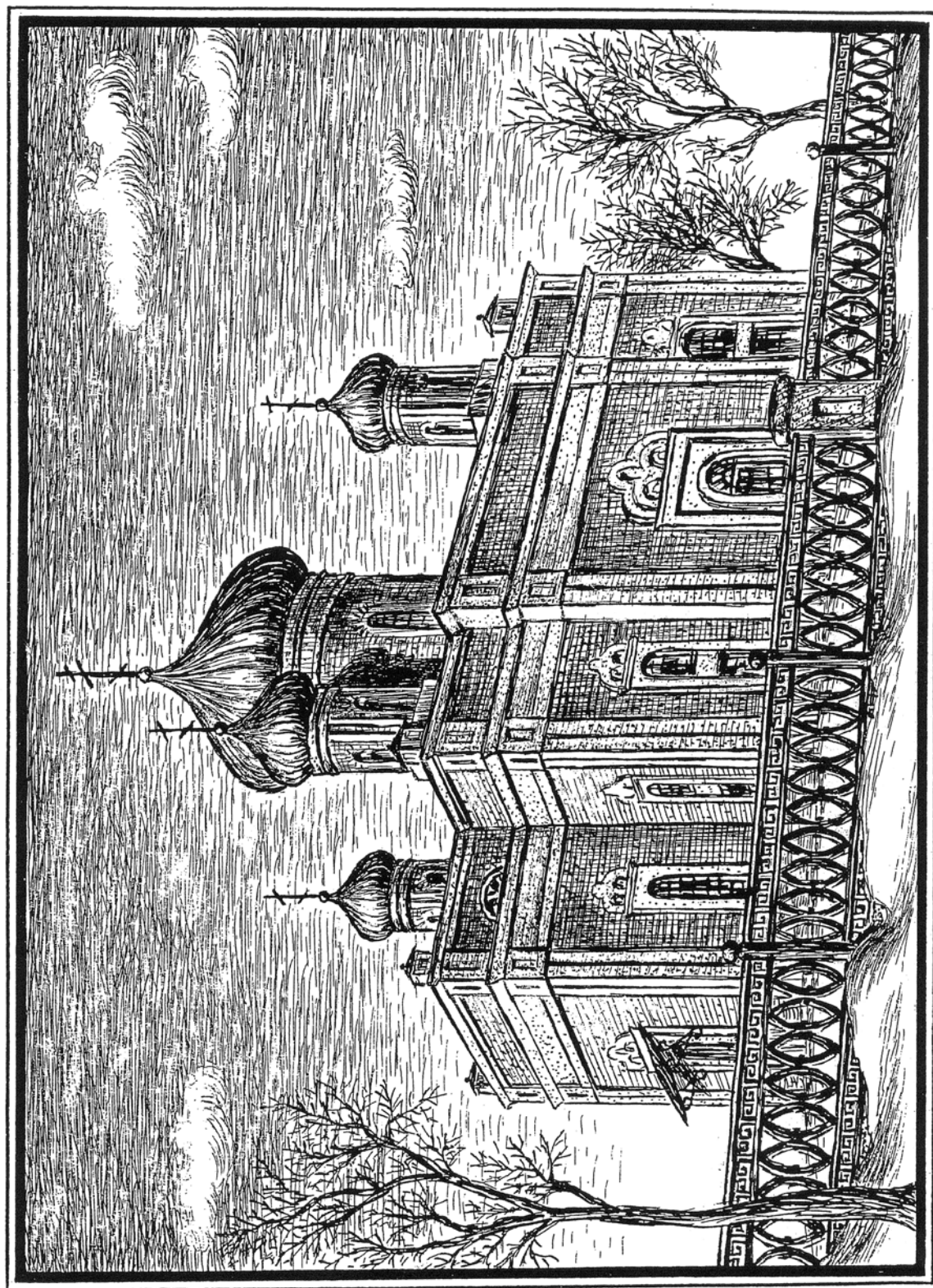
Прошло полвека; и в Невьянске возводится
Всё ж церковь Рождества Богородицы.
Единоверческая, из кирпича она,
Красивая, ярка, далеко видна.
А в ней Вахрушев Иван – крестьянин из Бынёг,
Смело обновить иконы позже смог.

Расширению завода та церковь мешала;
Пишут, что ценности – не представляла.
Лишь в полуразрушенном виде оставляли,
Но при власти Советской всё ж взорвали.

В Невьянске усадьба есть рядышком с прудом,
А построена Дождевым-купцом
Также в те времена, как и церкви многие.
И даны дому черты все строгие,
Он в стиле классическом и великолепен,
В окруженьи застройки стал приметен.
А потом находился здесь Невьянский Совет;
Но в запустеньи до сих пор много лет.

И Свято-Троицкая церковь возведена
Лишь в эти же далёкие времена
С пятью куполами, вся из красных кирпичей,
А пилястры, пояски – белые в ней.
Деньги ведь Николаем Первым из казны,
Были лишь для постройки внесены.

И церковь там единоверческой знали,
А «Царскою» в народе прозвали.
Прихожане лишь звали порой церковь ту
«Красною» и за её красоту.

28. Свято-Троицкая церковь в Невьянске. Построена в 1853 году

Стал Иван Карпов-купец попечителем,
Владел капиталом значительным.
Но при Советской власти церковь закрыли,
Надолго в ней музей разместили.
И возобновили всё ж богослуженье;
Купола построят без сомненья.

У Невьянской башни высотное превосходство;
Символ власти Демидовых, их господство
Башня показала, но это не всем нравится;
Сполна деньги как раз там выделяются
На возведение колокольни при храме.
Решили здесь так строители сами:
Выше, чем по проекту, её сооружать,
Только главенство лишь Бога показать
Всегда по сравнению с властью Демидовых.
И удался такой шаг невиданный.

Ведь выше той башни воздвигнута она,
А в Советское время снесена.

8

Тысяча восемьсот шестидесятый год;
И всё ж страницу вновь открыл завод.
Но замедлился вновь Невьянска рост в тот век,
Жили в нём десять тысяч человек.
Тогда в округе горном центром он звался
И на двенадцать вёрст простирался.

Выпуск железа и чугуна уменьшался,
А промысел кустарей развивался.
И также золотодобычей занялся завод,
Семнадцать пудов намывали за год.

Частным заводам это не разрешали,
Невьянцы право первые взяли.
Стали в Невьянске теперь ружья нарезать,
Пожарные машины выпускать.

Иконы в Невьянске продолжили писать,
Но упадок уж стали наблюдать
В старейшей невьянской школе иконописной.
Рисовать в манере лишь живописной
Все невьянские умельцы продолжали,
Горные пейзажи в фон включали.
А краски ведь яркие там преобладали,
Серебро, также золото применяли.
Иконы невьянской той школы ценятся
И в музеях страны имеются.
Встречают их в церквях и молельных домах,
В уральских всех деревнях, городах.
Узнал, что в Невьянске хотят открывать
Иконописную школу опять.

9

тысяча восемьсот шестьдесят первый год.
Что получил по реформе народ?
Царь крепостное право в стране отменил,
Но от того народ лучше не жил.

И Уставные все грамоты составляли
Лишь в пользу заводчиков на Урале.
Хотя невьянцы большего ожидали,
Но их надежды не оправдались.

И города статус хотели получить,
О чём стали в губернии просить.

Аргументировали так убедительно,
Просили всё решить положительно:
«Ведь давно наш завод известен старшинством,
Ценится он торговлей, ремеслом,
Всё ж имеется много здесь каменных домов,
Есть училище для учеников.
И народу двенадцать тысяч душ у нас,
Золота тут добыча развилась»...

Пермский губернатор явил пониманье,
Оказал и невьянцам вниманье,
Обратившись в министерство с прошением,
Только получил «сожаление».
И туда же заводов всех правления
Всё ж написали заявление:
«Не согласны мы в город завод превращать,
Этим повинности новые брать».

Не стал тогда завод Невьянский городом,
Ведь было бы всё это дорого.
Заводовладельцы того не хотели
И убыток лишь в том усмотрели.
Не хотели и власть на заводах терять,
И обязательства смелые взять.

И новые невьянцам огорчения,
Их по Уставу ждут лишения.
Уставные грамоты реформой дали,
А ввели все их лишь на Урале.
На заводе все – бывшие крепостные,
Их зачисляли в мастеровые,
Тем самым земель всех пахотных лишили,
За покосы плату учредили.

Работным контракты навязывать стали,
По ним их выполнять принуждали
За малую плату работы все завода.
А при этом контракте на три года
С мастеровых оплату б за землю не брали,
Участки всюду бы им отдавали
Для усадеб, а также и под сенокосы.
И по дровам ещё были вопросы:
Сколько же и когда их можно получать?
Как не попасть в зависимость опять?

Теперь из-за грамоты этой Уставной
Борьбу начал посёлок заводской.
Грамоту ту рабочие не подписали,
Уполномоченных всё же избрали.

В архивах можно прочесть их прошение:
«... И пишем, что тут нарушение.
А ведь мы всегда мастеровыми были,
На земельке лишь казённой жили.
И это право нам дано безвозмездно.
Считаем, что так всё было честно.
Мы просим заводовладельцев обязать:
Безвозмездно всем нам предоставлять
Для пользы нашей уголья покосные,
Дрова, также выгоны скотские»...

На мировом съезде уездов признали,
Что ту грамоту плохо писали.
Но всё ж Пермское губернское присутствие
Дало тем просителям напутствие,
Чтобы не в судебном порядке предъявили,
А претензии сразу сообщили,

Что неверно назвали их крепостными.
Тяжба шла между мастеровыми
И владельцами всех заводов так много лет.
Но наконец просителям дан ответ,
Что в суде жалобу эту разбирали,
Неправильной грамоту признали.

Но судам заводчики всё же не вняли,
Вновь расценки они понижали.
И чтоб на заводе рабочих удержать,
Безработицу стали порождать.
Стали протестовать мастеровые опять,
Но им те грамоты смогли навязать.

Земли всё ж нарезали всем, но не всюду,
Худшие только давали люду.
Правда, заводчики плату с них не брали,
Видать, «благодетелями» стали.
Но так ведь рабочих к заводам привязали,
За гроши их трудиться заставляли.

И даёт меньше железа Невьянский завод,
Теперь работяг увольнение идёт.
Но происходит все же технический подъём:
Ввели две домны с горячим лишь дутьём,
Больше в домнах чугуна производили,
Молот паровой установили,
Были в строю две водяные турбины,
Четыре паровые машины.

10

ек девятнадцатый шёл к завершению;
Невьянский завод – к разорению.

Эра капитализма уже расцветала;
Но наблюдался упадок Урала,

А крепостное право причиной в том стало.
Взлётов, падений бывало немало
В работе, жизни завода Невьянского.
Ведь в прошлом успехи гигантские.

Посетил тогда Невьянск Мамин-Сибиряк,
И о нём мнение выразил он так:
«Завод Невьянский с репутацией плохой,
И знает то Урал весь заводской.
На волоске висит существование.
Всё в жалком, мерзком состоянии.

Если б встал из земли сам Акинфий Демидов,
Дело рук своих враз с башни увидел,
Тогда сжалось бы от скорби, наверное,
Даже его сердце железное.

Гнездо заводское здесь едва лишь дышало;
И старинного железа не стало.
А железом ведь снискал и славу Урал,
Марку «Старый соболь» мир весь узнал»...

Ни на Урале всём был упадок большой,
Невьянск повстречался с новой бедой.
Май, тысяча восемьсот девяностый год;
И вновь в зной пожар охватил завод.
Тогда большая часть всё ж завода сгорела,
Не было горю людскому предела.
Многие семьи родных не досчитались,
Без крова и пищи оказались.

Корреспондент, видя это, паникует:
– Итак, здесь Невьянска не существует... —

11

о невянцы ведь справились с этой бедой.
Выпуск железа пока небольшой.

Золотодобычей стали заниматься
И с весны в окрестность отправляться.
Это изнурительный, тяжёлый лишь труд,
За работу же гроши выдают.

Достатка золото то не приносило,
На водку и слёзы уходило.

И развивались промыслы кустарные,
Давали деньги регулярные.
Невянск – крупнейший центр промыслов Урала,
Тогда был их перечень немалый:
Кожевенный, шорный, каретный и тележный,
Оружейный, скорняжный и кузнечный,
Точильный, портняжный да мебельный, столярный,
Обувной, пимокатный и слесарный...

Невянцы ведь даже самоцветы гранили,
Пекли пряники, посуду лудили.
Свои пожарные машины создали,
Котлы, колокола отливали...

В этом всё были умельцы труда своего,
То видно на выставках лучше всего.
На них изделий всех так много поставляли,
Невянские – всегда преобладали.

Талантами ведь в Невьянске народ наделён,
Сундуками славен он с давних времён.
Сундуки невянские – популярные:
И под дерево, и зеркальные;
Со звоном и без звона, чаще с замками,
И с малахитом, бронзой, цветами;
Из кедра, чтоб в них моль бы не заводилась,
Сувенирные очень ценились;
Также полосками из жести оббивали,
Чеканкой и «морозкой»²⁹ украшали;
Красили; узор, рисунок наводили;
Есть большие, маленькие были...
А их делали много, на вкусы любые,
Нравились людям работы такие.
Они украшали все избы, хоромы,
Всегда были нужны в каждом доме.

В сундуках невянских ярких и росписных
Вещи всяк хранил и спали на них.
Под приданое невесте покупали,
Те сундуки в горку составляли.

Продавали на ярмарках всех: Новгородской,
Также Кунгурской, Ирбитской, Крестовской.
Знали их в Сибири, селениях местных,
Даже в странах больших зарубежных.
На сундуки спрос возрастал, тем гордились,
На ярмарке в Невьянске ценились.
И вновь съезжались в Невьянск на воскресный торжок
С Верх-Нейвинска и Шуралы да Бынёг.

Берестяной то ж промысел развивался,
Орнамент яркий в нём применялся.

Делали так замечательно туески,
Корзины, лукошки да бураки.

В Таволгах Нижних ремёсла гончарные
С далёких времён – постоянные.
Гордятся там горшками, надо заметить,
Есть и поныне промыслы эти.
А таволжане делать могут умело
Из глины красной, синей да белой
И корчаги, кринки, чайники, розетки,
Кружки, чашки, вазы, статуэтки...
Уже участие в выставках принимают,
Призы, также премии получают.

Продолжали в Невьянске иконы писать,
Но романтизм ведь стал – в них преобладать.
Ещё не прекращалось канонов создание.
Официальное было влиянье,
Так самобытный стиль икона теряла,
Теперь в ней много золота стало,
Писали всё нарядней, декоративней,
Сентиментальней и эклектичней.
Здесь хотя и достигли подлинных высот,
Но к окончанию века спад идёт.

Семьдесят седьмой века год, ранняя весна;
Всё ж железная дорога создана;
С Екатеринбурга на Пермь проходит она,
Паровозов гудками в строй введена.
Большим событием для невянцев была,
И через Невьянск она ведь прошла.

Часть 3. ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

1

Настал двадцатый век. Кризис в стране у нас;
Повсюду спад производства сейчас.
И жестоким этот кризис промышленный был,
Также он Невьянский завод охватил.
Доброго железа тут почти не стало,
Ведь руды в округе было мало.
Раньше здесь, за заводом, строевой рос лес;
Теперь он жалкий, небольшой окрест.

Завод остатки прежней всей славы являл,
А ведь пророчески то предсказал
Деятель так известный Чайковский-генерал,
Когда Невьянск наш по просьбе посещал.

Всем памятным пожар большой оставался;
И всё ж завод возродиться старался.

Отмечал Невьянск юбилей двухвековой,
И лились восхваления рекой.
Кризис завода не хотели замечать;
Лукавили тут многие, видать.
Приветствия со всей ведь Руси поступали,
Все процветанья заводу желали.
Но это только благие пожелания –
И не суждено быть процветанию.

Где же успехи Невьянска столетние?
Погасли здесь домны последние.
А поставки руды теперь прекращены,
Быстро леса на уголь сожжены.

Но возможное всё наш Невьянск совершил,
Выполнил миссию: первым он был.
Свой вклад его в металлургию Урала
И нашей всей родины немалый.

А через век будет почти такой же спад,
В чём перестройку, новый строй винят.
И летопись, видимо, повторяется,
Так подобное и случается.

Но на столетие назад я всё ж вернусь,
Историей Невьянска вновь займусь.
Работы почти на заводе не стало.
Население вновь убегало,
Чтобы выжить, на окрестные заводы.
Тяжко было людям всем в те годы.
В округе угроза краха нависала,
На подъём финансов не хватало.

Раньше Пётр Яковлев заводом управлял,
Успехов в производстве достигал.
После перешли к наследникам лишь законным
Те дела все с правом посессионным³⁰.

Владенье в товариществе шло на паях,
Их знать высшая имела в руках.
Акционерное общество создали,
Продукцию тем не улучшали.

Вся металлургия Невьянска в жалком виде.
В округе теперь можно всё ж увидеть
Драги и много старательских артелей,
С завода все люди вновь при деле.

Золотодобычей они занимались,
Перебои порою случались.

А котлы паровые, локомобили
Очень надёжно производили
В Невьянске на фабрике механической.
Поздней стали здесь же практически
Драги для золотодобычи выпускать,
Первые в Руси, надобно сказать.

Время бежит, век двадцатый уже наступил;
Невьянский цементный завод в строй вступил.
Таковой завод стал лишь первым на Урале,
Его проект немцы создавали.
Постройку всю Кузнецов вёл – горный инженер,
Явил он талантом, опытом пример.
И меньше ведь, чем за год, завод построен,
Уральский портландцемент освоен.
Сырьём стали местные все: известняки
И отличные глины, и пески.

Завод новый артиллерийский возводят
На чугунолитейном заводе.
И акционерное общество «Лесснер»
Ведь тогда же предприняло ряд мер.
Ссуду Сибирского банка получили,
Станки, механизмы завозили.
Трудностей много было в сложном том деле,
Но так успешно их одолели.
И появился значительный объект через год,
Построен был артиллерийский завод.
В завод механический позже вольётся,
А пока цехом третьим зовётся.

На завод из различных российских городов
Всё ж направили способных мастеров.
Были с завода боеприпасы нужны
Во время мировой Первой войны.
С Невьянска в те годы быстрее наша страна,
Как в демидовские все времена,
Опять для разгрома врага поставляла
Любых боеприпасов немало.

2

Невьянске Комитет большевиков заседал,
И тогда Ляхин там его возглавлял.
В прошлом веке рабочих борьба началась
И с переменным успехом велась.
А шла пропаганда идей революции
В прокламациях и резолюциях.
Был известен листок революционный,
Звал в ситуации напряжённой,
Когда не вмоготу люду бесправному,
Дать отпор деспоту Лупанову,
Правителю завода, прихлебателям.
И все рабочие сознательней
Борьбу опять за права вели так упорно;
Полиция ж не дремало бесспорно.
Она слежки и обыски продолжала,
Также аресты не прекращала.

Социал-демократы в подполье ведь были,
Снова к работу своей приступили
Только в тысяча девятьсот пятом году,
В революцию, в её всю страду.
Тогда летом Каменный мыс посещали,
Первомай там они отмечали.

Вновь забастовки проходили на Урале;
Невьянцы и теперь не отставали.
В забастовку ведь люд весною на пруду
В тысяча девятьсот седьмом году
(Золотой Николаевский прииск там был)
Петицию власти тогда предъявил:
«Восьмичасовой день для рабочих учредить
И вниманье на порядок обратить;
Плате работы в праздники, воскресенья
Быть лишь с полуторным повышеньем;
Полную зарплату по болезням платить»...

И начальству всё ж пришлось уступить,
За простой трёх месяцев зарплату всем дали,
А петицию рабочих признали.
И забастовки прошли на заводах других,
Добились рабочие прав всех своих.

Настал тысяча девятьсот шестнадцатый год;
Главным вновь в забастовке смело идёт
Большой Комитет партийный большевистский;
Бастовал завод артиллерийский,
Когда прибыл вдруг новый директор на завод.
Был недоволен в Невьянске им народ.

Это – полковник Данилов с назначеньем,
Прославился зверским обращеньем
С рабочими на многих заводах столичных.
И опять действовал лишь энергично.
Суровые порядки директор вводил,
Труд сверхурочный теперь закрепил
И понижал расценки всем повсеместно.
Тогда рабочие, нам известно,

Забастовку по-странному все начинают:
Всё ж на завод в шесть часов прибывают,
Включают на день станки все вхолостую,
Проводят так смену трудовую.
На заводе начались увольненья,
Слежки и аресты, подозренья,
И угрозы упрямых на фронт отправлять,
Срочно расценки опять понижать.

Но директор, боясь рабочих потерять,
Им обещал расценки сохранять,
Сверхурочно работать здесь всем добровольно.
Он оценил обстановку спокойно
И решил реально условия принять;
Все рабочие трудятся опять.
Аресты тем не менее продолжались,
В ответ рабочие разъезжались.
И чтобы военные заказы не сорвать,
Всем, кто будет тут работу продолжать,
Директор гарантировал вдруг безопасность,
Всё ж поборов в себе бывшую властность.
Тогда рабочие веру, стойкость обрели;

3

Шёл тысяча девятьсот семнадцатый год;
Строй самодержавный сбросил народ.
Большевики Невьянска это узнали,
Легально сразу действовать стали;
И Совет рабочих депутатов создали,
В марте цели все его указали.
А Богуславский председателем стал в нём,
Он власть укреплял в городе своём.

Создали здесь народную милицию,
Разоружили всю полицию,
Арестованы тут реакционеры.
Приняты были жёсткие меры,
Чтоб власть Советскую на местах укреплять,
Работу заводов не прекращать.
А рабочий день теперь стал восьмичасовым,
Крепло производство с трудом лишь большим.
И за станцией, телеграфом, почтой – контроль;
Партия ведь опять сыграла всю роль.

Всех большевиков авторитет возрастал,
Уже Ляхин здесь главою предстал,
И Коськович занял затем место это.
Главным став в том Невьянском Совете,
К революции подготовку проводил.
Вести из Петрограда получил,
Что в октябре революция свершилась.
Опять же работа оживилась
В Невьянской организации партийной.
И при её помощи активной
Революционный Комитет избрали,
Полноту власти в Невьянске взяли.
Коськович был избран главой Комитета.
И тогда же в Невьянске Советы
Октябрьскую революцию признали,
Но им ещё битвы предстояли.

Директора, власти округа решили,
Правлением быстро утвердили:
...«И впредь, пока здесь порядок не наведён,
Пока Комитет наносит урон,
Снабжение заводов деньгами прекратить,
Инструменты, сырьё не привозить».

Они угрозу свою осуществили,
Зарплату рабочим не платили;
Хотели поссорить враз рабочих с Советом,
Но ведь сбыться не дано планам этим.
Местные власти всем капиталистам в ответ
Создали срочно Деловой свой совет.
Коммунист Кузнецов председателем стал.
Первые вехи Невьянск отмерял
В тех социалистических начинаньях,
Но тогда прерваны все старанья.

В интервенцию, также в гражданскую войну
Вторглись войска иностранцев в страну;

И вспыхнул мятеж в Сибири, на Урале,
А его с Антанты подстрекали.
Коммунисты винтовки ведь первыми взяли.
Быстро невянцы на фронт отбывали.

Спешит двадцатый век, восемнадцатый год;
Мятеж «автомобилистов» идёт.
Ими тогда был в спину нанесён удар,
В Невьянске этого никто не ждал.
Те мятежники – бывшие офицеры,
Также подкупленные эсеры.
А в Исполком Совета внезапно ворвались,
Аресты там поголовно начались.
Погибли в тюрьмах коммунисты многие
В дни бурные те и жестокие.

Екатеринбург белогвардейцы всё ж взяли,
Интервенты им сполна помогали.
В сентябре красные Невьянск покинули,
Сюда белогвардейцы ринулись.

Невьянск под властью у белых находился,
Почти год мучительный продлился;
Туда отряд кавалеристов влетает,
Фадеев им в бою управляет.
И части двадцать девятой дивизии
Ведь быстро свободу приблизили.

Так был подавлен тот мятеж белочешский,
Унёсший жизни граждан советских.
Вскоре в тенистом сквере монумент открыт,
На нём чугунная доска лежит;
На плите имена всех борцов молодых.
Это: Коськович, Дерябин, Долгих,
А также Шведов и Мартьянов, и Чижов,
И Кучин, Котляков да Шайдаков.

От матушки слышал о тех грозных годах,
И воскрешают сейчас они страх.
Тогда секретаршею служила в Совете
И запомнила дни жуткие эти.
Людей в исполкоме хорошо мама знала,
А Мартьянова, как все, уважала.
Там же порученья его выполняла,
Деловые бумаги писала.

Когда белочехи Невьянск захватили,
То ведь многих людей здесь убили.
Мать услышала топот и пуль жужжанье,
И вмиг враги ворвались к ним в зданье.
А спаслась она тогда каким-то чудом,
Лишь ползком пробравшись тихо к пруду.
В огороде, в кустах, она утаилась
И в темноте домой возвратилась.
А было ей тогда только пятнадцать лет
И не видала таких жутких бед.

Потом узнала, героев нет в живых,
Пали жертвами лет тех боевых.

4

ысяча девятьсот девятнадцатый год;
И всё ж стал городом старый завод.
Так давно невьянцы об этом мечтали,
И они горожанами стали.

Революционный Комитет главным предстал,
Всю власть Князев в свои руки тут забрал.
Смело принимались им чётко решения,
Выполнялись все без промедления.
А голод и разруха одолевали,
Но хлеб в окрестностях закупали,
У коммерсантов всех муку отбирали,
Буржуев из домов выселяли.

Тогда же в Невьянске Ленинский комсомол
Достижений летопись всю повёл.
С бандами он боролся, бойцам помогал,
Учился, грамоте сам обучал.
В Красную Армию пошли добровольцы;
И многие среди них – комсомольцы.

Партийный Комитет в районе власть всю забрал,
И там главой Никита Матвеев стал.
А коммунисты в деревнях, сёлах бывали,
Партийные задачи разъясняли.

Осенью субботники всюду проводились,
И они с тех пор прочно утвердились;
Их назвали впервой коммунистическими,
Стали в Невьянске историческими.

И дружно все для школ, транспорта, больниц, домов
Вели так активно заготовку дров.
С контрреволюцией здесь борьбу продолжали,
А фронту всем, чем могли, помогали.
Ушли на фронт люди, духом все сильные,
Коммунисты и беспартийные.

5

то были очень трудные годы,
На Урале смолкли заводы.
В стране разруха, болезни и голод,
А к зиме подбирался вновь холод.

К восстановлению завода приступили,
Станки да машины привозили.
И после гражданской войны выпускали
Костыли, болты, гайки, детали...

А роль всех директоров красных была большой
В запуске в срок завода в те годы в строй.
Были то Кузнецов, Поляков, Спехов,
При них добился завод успехов.
Правда, перебои с топливом бывали,
А порой рабочих увольняли.

И на транспорте всё были затрудненья,
Ведь остановилось всё движенье.
Ремонт вагонов всё ж завод начинает,
Почтовые вагоны внедряет.
Сделан первый советский почтовый вагон,
Был переделан с товарного он.

Тысяча девятьсот двадцать первый год;
Во всей стране голодал народ.

В Поволжье засуха, голод донимали,
Детей всех оттуда отправляли;
И в Невьянск везли – здесь приют находили,
Их в пяти детдомах разместили.

Тут же коммунисты всё ж не растерялись
И покупкой зерна занимались.
У кулаков лишь излишки хлеба забрали,
А ценности все в церквях изымали.
Также соседним районам помогали
Вещами, продуктами, деньгами.

Уже в промышленности видно оживленье,
Занялся здесь народ восстановленьем
Многих предприятий, пострадавших в войне;
Работы всем хватало вполне.
Золота и платины добыча росла,
Кооперация дела тут вела.
Развили и промыслы все кустарные,
И создали артели разные.
Спрос был на умывальники и сковородки,
Вёдра, корыта, кровати, лебёдки;
Снова обувь, бельё и одежду шили...
Промкомбинат всё ж поздней открыли,
Где были все производства столярные,
Гончарные, также бондарные...

Комбинат и кирпич вырабатывать стал,
Известь и охру уже поставлял.

Невьянцы все опять вдохновенно трудились,
Соревнованья везде появились.
Названы они социалистическими,
А успехи в них – героическими.

Газета «Уральский рабочий» писала
О тех всех достижениях немало;
Героями труда невянцев назвали,
Но орденов тогда не давали.
И отделяет летопись эти времена,
Но будут помнить героев имена.

Тысяча девятьсот двадцать четвёртый год;
Восстановленье хорошо идёт.
И в жизни невянцев наступил перелом,
Ведь они то доказали трудом.
Снова работать стали заводы, артели,
Налажен выпуск различных изделий.

Очередь всю на бирже труда сократили,
Разруху, голод и тиф победили.
Невянцы пашни, скотину содержали,
Картофель и овощи сажали.

Населенье Невьянска расти продолжало.
Сколько же там всех людей проживало?
А в документах многих есть на то ответ:
«Двенадцать тысяч двести человек».

И стал намного побольше Невьянский район,
Когда Кировград всё ж в него был введён.

Вновь и сельское хозяйство укрепляли,
Первые колхозы создавали.

Завод домны потушил, что огорчало,
Чёрной металлургии не стало.
И создаёт правопреемник Кировград
Большой медеплавильный комбинат.

А вскоре Ленину монумент возведён,
На площади Революции он.

Давно в Невьянске был старообрядческий храм,
Лишь только памятен теперь старикам.
Золотопромышленник Подвинцев богатым стал,
Староверам огромный дом свой в дар отдал.

Был перестроен дом, там купола возвели
И Свято-Троицким его нарекли.
В начале века всё ж было поднят крестов.
Но вдруг в середине тридцатых годов
Храм закрыли, разрушили все купола.
Многие церкви та участь ждала.

Ведь треть двадцатого века кончается;
Невьянский завод расширяется.
Церковь Рождества Богородицы снесли,
Когда стройки завода вновь вели.

И сделан путь подъездной железнодорожный,
Чтоб стала с заводом вся связь надёжной.

Пятьдесят тысяч человек в районе живут,
Дела в нём превосходно в гору идут.

6

для развития страны индустриальной
Невьянцы ведь внесли вклад свой реальный.
Пока не было крупных построек тогда,
Но здесь трудились упорно всегда.

Выпускали в те напряжённые годы
На старейшем Невьянском заводе

Перфораторы,³ станки лишь отличные
Да боеприпасы различные.

Невьянский цементный завод восстановлен,
А цементом Урал весь доволен;
И рос завод, и производства расширял,
Труда механизацию внедрял.
И тогда в пятилетки предвоенные
Были успехи несомненные.
Ведь новые рекорды стахановцы брали,
В соревнованиях они побеждали.

В златодобыче достижения вновь были;
И прииски уже восстановили.
Открыли россыпное золото тогда
На берегу Невьянского пруда.
Трудились всегда добытчики достойно,
У них метод свой многозабойный;
Разработан на Невьянском прииске он,
Там же был впервой в стране применён;
И новой шахты проходку завершили,
Её в предвоенный год открыли.

Город Невьянск и сам к лучшему менялся,
От старых лачуг он избавлялся.
И строили в городе новые зданья,
Уделяли заводам вниманье.
Тротуары, дороги пролагались.
Благоустройством занимались.

В году тысяча девятьсот сороковом
Было ведь в моём городе родном:
Шестьдесят девять магазинов, ларьков,
Техникум, базар, школа мастеров,

Тринадцать школ, дома высокие жилые,
Тенистый парк; сквер, площади большие.

Населенье не зря в пятилетки трудилось,
Лучше его здесь житьё становилось.
Меньше больных, исчезли разруха, голод,
Ритмично, мирно работал город.

7

Тысяча девятьсот сорок первый год;
И уже ввергнут в войну народ.
Вторглись фашисты в страну вероломно,
Тогда на фронты добровольно
Народы Родины нашей отправлялись,
В долгу и невьянцы не остались.
Тысячи земляков на фронты уезжали
И в борьбе правой страну защищали.
И многие прославились в ратных делах,
Так приближая захватчиков крах.

Адски трудился народ в войне Мировой,
Создал трудовой фронт, как боевой.
И опять, как в старинные все времена,
Роль всех невьянцам была так ясна.
«Всё для фронта, всё для победы!» – лозунг страны,
Стал девизом всем на любой день войны.

Но вдруг стал нужен кирпич для стройки большой
И вспомнили враз о башне седой.

В аварийном состоянии она оказалась,
В городе её власть снести собиралась;
И решили взорвать там всё же башню скорей –
Ныне в войну цех из кирпичин важней.

О том в Москву Кучин-учитель смог сообщить,
Запретили указом башню сносить.

Возглавлял Бунин – энергичный, решительный,
Завод старый машиностроительный.
Его перевели на военный режим,
Боеприпасы лишь делались им.
Фронт авиабомбы, снаряды получал,
А их выпуск успешно возрастал.
Ассортимент мирный пользовался спросом:
Запчасти, станки, турбонасосы...

Трудился мой отец давно на заводе,
Отдал работе многие годы.
Геннадий – брат мой, часто войну вспоминал,
Тогда техникум Невьянский кончал.
За год до Победы он защитил диплом,
Но беда пришла вдруг в наш отчий дом.
В этот же день, в мае, отец наш скончался;
На заводе в войну надорвался.
Хоть отлично работал, но на фронт стремился;
Только по брони адски трудился.

Значит, эстафету он так сыну вручил –
И Геннадий на завод поступил.
Работал хорошо, комсоргом избрали,
О нём порой в газетах писали.

А похожий случай со мной позже был:
Я в Свердловске диплом защитил.
На электричке вновь возвратился домой,
А это было холодной зимой.
На душе моей радость, от счастья сиял,
Тёплую встречу от матушки ждал.

Но лишь только зашёл я в домик родной,
Вижу, что гроб стоит предо мной.
Умерла Маркина тётка Наташа,
Родная сестра мамы нашей.

Радость, беды испытала в жизни своей,
Вспомнилось так много сразу о ней.
Была моя тётушка бойкой и пригожей,
И понравился ей жених хороший.

Поликарп Тимофеевич Поляков
Не без чутких, трогательных всех слов
Сосватал её, горячо жену так любил,
А дела не забыл и счастливо жил.
Тогда – фабрикант крупный в Нижнем Тагиле,
Так красивый и статный, и в силе...

На его фабрике делали подносы,
Добились значительного спроса.
На подносах орнамент, цветы рисовали,
Лаком бесцветным потом покрывали.

Всё же пришла позднее Советская власть,
У тётки тяжкая жизнь началась...
Овощи на базаре она продавала,
Лишь для того огород свой держала.

Неродные ведь дети у тёти Наташи,
Маркины все они: горняк Саша;
Рыжая красавица геолог Валюша;
Машинист на паровозе Ванюша.

Когда я в Нижнем Тагиле учился и жил,
То к ней в выходные всё ж в гости ходил...

Потом жила тётя у мамы моей,
Огород помогал выжить ей.
Под старость тётя стала дряхлой и глухой,
Ещё к тому же мнительной, скупой.
Луковки каждый день считать продолжала.
–Украли их, – так нас уверяла.
С ней сёстры Тамара, Зина больше бывали
И о тёте много мне рассказали.

Но всё ж фрагмент этот грустный закончил писать,
К войне, к сожаленью, вернулся опять.

Вновь получил задание цементный завод,
Теперь фосфатный цемент выдаёт.

Сталечугунный литейный завод введён,
Из цеха бондарного создан он.
Бомбы, гранаты, взрывчатку выпускали,
Цемент поменьше там давали.

И перестройка в Невьянском районе шла,
На многих заводах она была.

Отчизны наказ верхнейвинцам так звучал:
«Поставлять вторичный цветной металл
И создать цеха машиностроения
В срок короткий, без промедления».

Заводам нужен цветной металл скорей.
И сорок лишь пять дней и ночей
Тогда для пуска тех цехов новых дали,
Рабочие трудом доказали:
Возможностям всем человека нет предела.
Днём и ночью работа здесь кипела.

Объём строительства выполнен был большой,
Сданы корпуса все досрочно в строй.

В Верх-Нейвинск сырьё привозили немало,
И с фронтов часть сырьё поступала.
Самолёты сбитые, а также детали,
В печь и стреляные гильзы бросали.

Подростки, женщины и пенсионеры
Своим героическим примером
Доказали, в тылу труд, как подвиг боевой –
Смело свершали подвиг трудовой.

В золотодобыче упорно трудились,
В стране многих рекордов добились;
Этот Невьянский прииск бывал передовым,
Гордился он коллективом всем своим.
Шесть раз назван был прииском лишь лучшим страны
В годы Отечественной грозной войны.
Рабочие фронту много помогали,
Ведь одежду, деньги отсылали.

По-фронтовому трудились стар и мал,
И каждый Победу приближал.
В ту войну званья «Бригады фронтовые»
Берут люди лишь передовые.
В соревнованиях Отчизны побеждали
И Красные знамёна получали.

А заводы орденами награждали
Лишь за труд в войну их все вручали.

Прославились Невьянск, район в ратных делах,
В битвах приближая фашистам всем крах.

С Москвы до рейхстага Данилов – житель Бынёг,
Ведь солдатом пройти с боями всё ж смог.

А звёзды Героев Советского Союза
Получили Гомзин и Костоусов.
Также подводник Петелин Героем предстал,
Высокое званье его адмирал.
Герои и наши невянцы Сиротин,
Верхоланцев, Георгий Красота.

Арапова посмертно Героем назвали,
Ведь в боях храбрость его отмечали.
В Верх-Нейвинске дом, где жил Арапов-Герой,
Мемориальной отмечен доской.

Чтут память защитников Отчизны свято.
Монументы землякам-солдатам
В Невьянске, в посёлках и сёлах района
Возводились из бронзы, бетона;
Даны школам и улицам их имена,
Помнит всегда о Героях страна.

8

Май, тысяча девятьсот сорок пятый год;
И всё ж победил вновь в войне народ.
А в Москве отмечают Победный салют,
Всюду в стране торжества все идут.

Невянск также праздник Победы отмечал,
Каждый житель ведь этого так ждал.
Как теперь, помню тёплый, погожий денёк,
Вошёл он в историю... Стал так далёк.

А папа наш не дожил до Победы год;
Его, рабочего, ценил завод.

Отца так нам мой брат Геннадий заменил,
И с детства я его боготворил.
И во многом старался ему подражать,
И взрослым быстрее мне хотелось стать.

В тот день решил меня брат на праздник свозить,
Пошли мы велосипед с ним просить.
У дяди Коли – старенький велосипед,
Тихонько ездил на нём много лет.
Немногие тогда крутили педали,
А о машинах только мечтали.

К дяде подступился мой брат издалека,
Баян сразу хвалить стал он лишь слегка,
Который дядя сделал совсем недавно.
Баян тот выглядел очень справно.

И долго потом говорили о заводе,
О хорошей и солнечной погоде.

Дядя Коля безмерно прижимистым был,
Сам никогда ничего не просил;
Но редко в долг только лишь брату денег давал,
Тот ему сапоги в залог оставлял.
Ведь трудно просить что-то у дядьки моего,
Но всё ж Геннадий добился своего.

Дядя дал велосипед, прочёл нам и мораль,
Потрогал колёса, каждую деталь.
Наказ дал нам: – Едьте только не торопясь,
Осторожно, чтоб беда не стряслась. –

Сидел впервые я на раме, у руля,
Под нами замелькала вдруг земля.

Мне лишь семь лет было, так испугался,
Когда Геннадий всё ж разогнался.
Но успокоился, вот и аэродром,
Примчались ведь мы быстро, с ветерком.
На поле собралась толпа пребольшая
И веселилась тут, не смолкая.

Вдруг тряхнуло, равновесие потерял,
Резко в колесо ногу затолкал.
И ведь не вынес того эксперимента
Ботинок шанхайский из брезента.
Деревянную подмётку оторвало,
Помню, что поплакал я немало.

Но вскоре уже о том всё не вспоминал,
Когда в воздухе свинью увидал.
Она, визжа, на парашюте опускалась,
Вокруг вся толпа шумная смеялась.
Парашюты тут же усеяли свод небес,
Было слышно оркестр духовой окрест.
Низко «кукурузники» здесь пролетали,
Нам листовки с них в воздух бросали.
Летел тут мальчишка на аэроплане,
Пел, играл частушки на баяне.
В поле многие и пели, и плясали,
С праздником Победы поздравляли.

9

Отчизне запомнился тот далёкий год,
К труду мирному приступил народ.
Возродиться из пепла вновь стала страна,
Словно в военные все времена,
Эшелоны на запад с Урала пошли,
Но ведь не танки и пушки везли.

А цемент, кирпичи, лес, машины, металл
Так неустанно Урал поставлял.

И наш Невьянск ту ответственность понимал,
Порой всё последнее отправлял.
Ни горстки цемента здесь не оставляли
И всё ж все кирпичи отдавали.

Были в разрухе и сёла, и города,
Нуждались они во многом тогда.

Невьянск был большею часть деревянный,
Лишь несколько зданий капитальных
Всё же в то время из кирпича возвели.
Пока строительство мало вели.
Но постепенно ведь темпы набирались.
Вновь благоустройством занимались.

Вскоре был открыт краеведческий музей,
Он так горд экспозицией своей.
В нём проводятся экскурсии регулярно,
Ныне уже в области – популярный.

Здесь научные работники музея,
Многой информацией владея,
Все ведут пропагандистскую работу,
Стендов обновление – их заботы,
И много лекций интересных читают,
Заметки их в газетах тут знают.

Были вновь расширены сети торговые,
Введены: магазины лишь новые,
Детская кухня домовая отменная,
Столовая, а также пельменная.

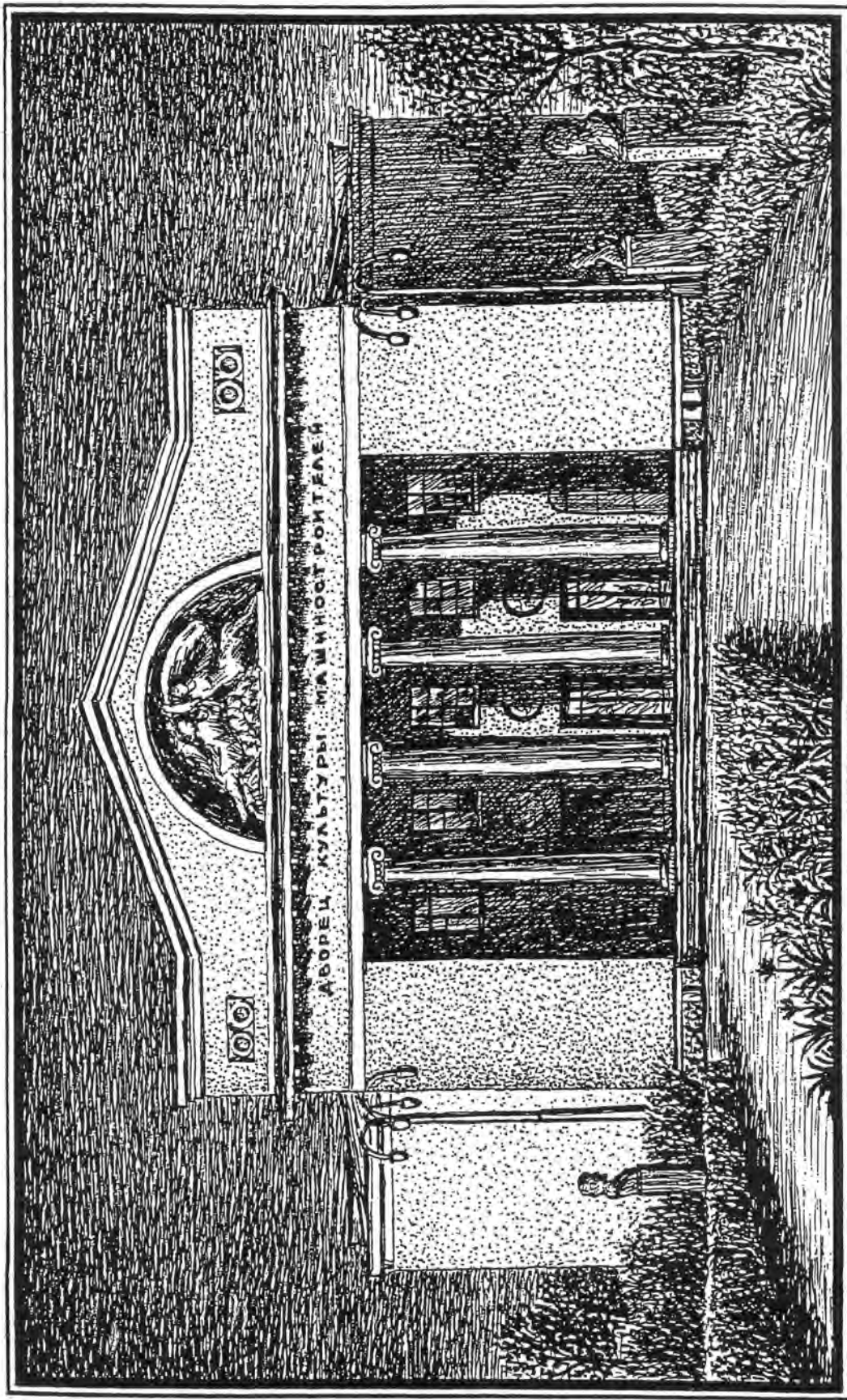
К облику города нынче внимание:
Белили и красили здания,
Вывески старые все быстро заменяли,
А ветхие заборы убирали.
Стали дороги, тротуары расширять
И многие – асфальтом покрывать.
Вспомнил, мостовые булыжными были,
Тротуары тесовые гнили.
Грохот телег, машин; бились мостовые,
Трясло и дома даже большие.
И в нашем домишке старом деревянном
Дребезжали стёкла постоянно.

Помню, как я сам смог сделать свой самокат;
Ехать по тесовым всем доскам в ряд
Так нравилось в далёкие детские года,
Вперегонки лишь катались мы тогда.

Стройки постепенно Невьянск изменяли,
Сполна облик его улучшали.

Дворец культуры машиностроителей
В классическом стиле, внушителен.
Ершов-архитектор создал тот проект,
А помогал строить этот объект
Активный Зырянов – директор завода,
В Москве деньги он выбил в те годы.
Чтобы не дом культуры, а дворец создать,
Резервы на заводе смог изыскать.
Дворец культуры гордостью Невьянска стал.
Построен и кинотеатр «Урал».

А Горком партии – здание капитальное,
Открыта и школа музыкальная.

Украшали парк, улицы, скверы, сады,
Там есть деревья, кусты и цветы.

Не жалели невянцы сил и со стараньем
Снова вели реконструкцию зданий.
Расширены были и хлебокомбинат,
Мастерские все, мясокомбинат.

Больницы строили, также обновляли.
Спортивные клубы открывали.
Построен был клуб цементного завода.
Хорошел так город год от года.

Производства Невьянска опять развивались,
Чётко в края всей страны поставлялись:
Цемент, золото и кирпич, гидропрессы,
Мебель и ряд станков интересных,
И железобетонные изделия
Торф и посуда, рукоделия,
Также сплавы металлов чёрных, цветных;
И множество всех изделий других.

Вновь стали и цементный завод расширять,
А газ бухарский в цеха подавать.
Преобразован был и прииск Невьянский;
Размах работ в районе – гигантский.

Ныне в Быньгах месторождение открыли,
Все методы работы изменили;
И в золотодобыче – техника новая,
Здесь бурение – лишь образцовое;
А с золотом россыпи все стали промывать
Теперь драгой на речушке Сап-Аят.
Верхнейвинцы работали очень упорно,
И производство росло неуклонно.

Строительство, ремонт здесь опять продолжались,
Модернизацией вновь занимались.

10

В городе нашем в семидесятых годах
В строительстве большой, новый размах.
Так заметно Невьянск преобразуется,
И силуэт – весь изменяется.
Генпланом застройку уже утвердили,
Разработан он в Нижнем Тагиле.

Наметили облик градостроительный,
Введут много строек значительных.
Строились кварталы и микрорайоны,
В них – жилые дома, стадионы,
Детские сады, школы, клубы, сбербанки,
Магазины и автостоянки...

Цементный завод провёл реконструкцию,
Увеличил выпуск продукции.
Облик Верх-Нейвинска к лучшему изменён,
Построен крупнейший микрорайон;
И корпуса на заводе возведены,
Изделия новые внедрены.
Успешней в районе добыча злата пошла,
К достижениям значимым всё ж привела...

11

Профессии в Невьянске разнообразны.
И все они, конечно же, важны;
Это, как у камней драгоценных все грани.
Добились всё ж мастерства горожане.
И колорит, свой блеск есть у граней невянских,
Идут от мастеров старых уральских.

Невьянцы ведь грани истории всей знают,
Процветанье завода вспоминают.
Он – колыбель металлургии Урала,
То домна не одна указала.

Хотя все и потушены были с полвека,
Но их работа – в истории века.
Весь мир железо с маркой «Старый соболь» знал,
И марку ту свою завод держал.

О многом могла бы башня рассказать,
Но не хочет тайны открывать.
Демидовых помнит башня наклонная,
Для потомков здесь возведённая.

Экспонаты музейные чтут мастеров
На протяжении сотен годов.
А на домах из металла украшенья,
Резьба есть по дереву, плетенья,

Сундуки, посуда и колокольчики
Да игрушки, ружья охотничьи –
Вновь о старых мастерах напоминают,
В памяти они вдруг возникают.
Чтут и ценят невьянцы умельцев своих,
Часто безродных, бродяг, крепостных.
За многогранное искусство их всех горды,
Останутся в истории их труды.
Все работы творцов в городах, деревнях,
В сёлах, районах, музеях, домах.

12

тысяча девятьсот восьмидесятый год;
Трёх веков летопись к концу идёт;

В третий раз уже проводят День города,
Для невьянцев прошлое дорого.
В городе тридцать тысяч человек живут,
Теперь их снова испытанья ждут.

Для Невьянска генеральный план был утверждён,
Нитью путеводной жителям стал он.
Нейвы, пруда берега благоустроят,
Дома, сады, школы вновь построят.
Лишь к лучшему изменится центр городской.
И создадут всё ж музей заводской –
Исторический, новый, оригинальный
С главной реликвией уникальной –
Башней знаменитой, старинной, наклонной.
Молодеть будут сёла района.
И современную автостраду сдадут,
А после – «Свердловск – Серов» назовут...

Новый в истории виток опять наступил,
Но противоречивым, сложным он был.
Быстро распался Союз Советский большой,
Перестройка теперь пришла к нам с бедой.

А правопреемницей Россия зовётся,
Достижений и в реформах добьётся.

Невьянцы трудности все преодолеют,
Побед всё ж достигнуть вновь сумеют.
Продолжится жизнь полноводною рекой,
В успех верит Невьянск трёхвековой.

13

Двадцать семь тысяч человек в Невьянске живёт;
К концу этот весь век двадцатый идёт.

И к юбилею наш город приближается,
В делах вновь успехов добивается.
Получше выглядят все кварталы жилые.
Тут строятся и дома небольшие,
Магазины и сбербанки, библиотеки,
Школы, сады детские и аптеки...

И снова ведут обустройство улиц, дворов,
Обновляются и фасады домов.
Вновь озелененье всех скверов проводилось;
И коттеджей премного появилось.

Уже ветхое жильё всё убирается,
Также ремонт зданий продолжается.
Построили и поликлинику детскую,
АТС да подстанцию местную.

А реконструкцию башни быстрее завершат,
Оденут опять её в белый наряд.
И непривычен вид башни юный и новый,
Привыкли все видеть древней, суровой.

Позже пристроенная к башне котельная
Разрушена вся без сожаления,
Так как она нарушала ансамбль заводской
(В проекте же места нет для таковой),
Вскоре котельную вдали соорудили.
Гостиницу, столовую открыли.

А возведены всё ж дома ветеранам,
Гороно, типография, баня,
Здание редакции газеты «Звезда».
И введён был в строй объект нарсуда...

Сдали строители бригады Комарова
Недавно мост у парка городского.
Благоустройство берегов всех пруда ведут,
Дорогу объездную скоро сдадут.
Опять собор Спасо-Преображенский растёт,
Он древнейший свой вид сполна обретёт.

14

газету «Звезда» вновь писать продолжают,
Об успехах всех в ней сообщают.

Стали на улице Маркса сквер разбивать,
Идеи прекрасные воплощать
Архитектора Нечхаевой Марины.
Будут там и липы, и рябины.
А украшеньем при входе станет фонтан –
Подарок хороший для горожан.

Писали, что конкурс проведён на знак въездной,
Но комиссией не принят никакой.
Лишь недавно вновь конкурс на знак объявили,
Всё же и премии в нём учредили.
А теперь главный зодчий города Нечхаев
Первое место смело получает.
Ту арку кирпичную решили возводить,
А по замыслу изящною ей быть.
Она с гербом, оградой всей декоративной
На въезде главном в город наш старинный.

И монумент основателям завода
Откроют в конце этого года.
Выставку проектов его проводили,
Уже лучший из них утвердили.

Конкурс тот выиграл всё ж Грюнберг Константин,
Создавший вариантов пять один.
Из бронзы наметил скульптуры создать,
Также, как башне, века им стоять.

И автор в двухфигурной композиции
Вновь воплощает все позиции:
У Петра Первого карта Невьянска в руках,
Видны дух, решительность в умных глазах;
В задумки Акинфий Демидов вникает,
Всё построить царю обещает.
И мастер вылепил из глины фигуры,
Лишь из чугуна будут скульптуры.

Но власть захотела вдруг видеть проект иным,
Затем памятник и возведут другим.
Почему тем же Петру и Никите опять
Будут монумент всё ж второй открывать?

А в художественной школе пройдёт юбилей,
Двадцать пять лет вскоре исполнится ей.
Лишь в исканьях всегда Сергей Коротаев,
Школу достойно он возглавляет.
Её же и среди лидеров область вся знает,
Ученикам и награды вручает.
Школа известна на выставках страны,
Ей многие дипломы вручены.

Коротун Наталья – труженик упорный,
А итог работ – сенсационный.
Долго сталь старую Невьянска изучала.
– Булатная она, – всем доказала.

Пишут, что и спортсмены успехов добились,
Ведь в состязаньях они отличились.

А Черных Таня стала в стране чемпионом
По дартс-игре, в виде спорта ведь новом.
И в стране занял первое место Глухих,
Стрелял из лука он лучше других.

Виктор Богатырёв – наш спортсмен-ветеран,
Так давно радуется всех горожан.
Во многих первенствах российских, уральских
Призёром бывал лыжник невянский.

А Бабкины Юля, Илья – молодые,
От танцоров России впервые
В Кишинёве успешно выступали
В Международном фестивале.
Заняли третье призовое место.
И стало ведь о них известно:
Журнал «Дети Европы» тех юных отличил,
Он им и главную премию вручил.

15

Идут, что Невьянск снова гости посещают
И его достижения замечают.

В город приезжал композитор советский,
И певец он – Максим Дунаевский.

Известная певица Эдита Пьеха
Тут выступала с большим успехом.

Алёну Апинову – звезду эстрады
Невянцы встречать были рады.

Евгений Родыгин в Невьянск приезжал
И с концертами здесь выступал;

Посещал композитор Невьянский район,
С хором в Быньгах в клубе встретился он.

Рыжков – в Госдуме России. В области нашей,
В Свердловске, стал главным на «Уралмаше».
Совет Министров СССР возглавлял.
В Невьянске старом не раз побывал;
Нынче признал его успехи большие
И на башню всё ж поднялся впервые.

И побывал в Невьянске прошедшей весной
Министр культуры России Швыдкой;
И с восторгом смотрел башню древнюю.
По своему усмотрению
На её реставрацию денег вновь дал,
Дело всё в срок завершить пожелал.

А в День города Невьянск Россель посетит,
И гимн, герб, флаг торжественно вручит
На празднике ярком властям городским,
Всех поздравит с событием большим.

16

Невьянске не только ведь гости бывают,
Но работать сюда приезжают.

Опять спешат на стройку трёхвековую
В субботу каждую выходную
И Воробьёв – премьер Свердловской области,
А с ним же вместе с нужных отраслей:
Начальники из управлений и министры,
И учёные, и специалисты
И те, кто готовятся все к юбилею,
Помогая поддержкой своею.

В дела на месте же быстро все вникают
И графики, планы составляют.
Комплекс единый тут к торжествам создают,
В него согласно генплана войдут:
Ансамбль историко-культурный заводской,
Большой центр обновлённый городской.

На комплексе Невьянском историческом
Совершат многое практически:
И уделят реконструкции вниманье,
Построят отличнейшие зданья;
Ещё восстановление объектов завершат,
Благоустройство здесь новое свершат.

Алексей Воробьёв много сделать спешит
И убедительно тут говорит:
– И восстановить Мередина дом надо весь,
Центр торговый, ресторан всё ж будут здесь.
Люди славные в провинции живут,
Верится, они не подведут.
Хватает городу собственной гордости
И станет среди лучших в области. –

Также Молчанов – министр металлургии, тут,
Дела в министерстве успешно идут;
И говорит об этом уверенно он,
Стабильна отрасль ведь с давних времён;
Поддержка Невьянску вновь ощущается,
И строительство продолжается.

Сразу с управлением «Уралэлектромедь»
Пришлось дело невянцам всё ж иметь.
И сперва в восторге все не пребывали,
Но строители здесь доказали,

Что подрядчики они – генеральные,
Делают всё с должным старанием.
Козицын – «Уралэлектромеди» глава,
А в делах всех подтверждает права.

Ответственный он, порой самолюбивый;
Коллектив весь, им руководимый,
Вновь на объектах успехов добивается,
Строительство быстро продвигается.

И здесь представитель подрядчика бывает,
Он, Козлов Владислав, тут дела знает.
Сказал о комплексе и работе своей:
– Невьянск – есть частица жизни моей.
Должны ведь знать – кто мы, откуда идём,
Своё виденье в комплекс внесём. –

17

теперь на будущий большой юбилей
Тратит много миллионов рублей,
К нему подготовку упорно лишь ведёт
В основном механический завод;
Шмурыгин – директор на предприятии том,
С ним завод успешным стал в деле своём.

Прилагают рабочие старания,
Но сохраняют уникальное,
Чтоб город самобытность всю не потерял,
А завод славу свою возрождал.

Юбилей невянцы достойно встречают,
Это снова трудом подтверждают.
Для всех заводов, предприятий города
Событие такое дорого.

Так в Невьянске и районе житель любой
К празднику внесёт весомый вклад свой.
И к юбилею трёхвековому, в то верю,
Замыслы все воплотят в полной мере.

В России невянскую продукцию знают,
За рубеж также её отправляют.

Вновь цеха на заводах города строят
И производства новые вводят.
На Невьянском механическом заводе
Прессы и насосы производят.
А боеприпасов всех выпуск продолжали.
Основными изделиями стали:
Станки, плосковязальные автоматы,
Турбонасосные агрегаты,
Сушилки и нагреватели разные,
Машины лишь грубочесальные...

Цемент в сроки цементный завод выдаёт
До одного миллиона тонн в год.
Завод сей – главный поставщик на Урале,
Цемент всюду отличным признали.

С канадцами невянцы строить хотят
Обогатительный свой комбинат.
Вновь будут золото искать, добывать,
Рабочие места создавать.

18

ри века Невьянска идут к завершенью.
Каковы же его достижения?
Кратко о них с гордостью большой повторюсь.
Не забудет мою родину Русь.

Пишут, Невьянск – первый в мире город-завод,
Сквозь века свою известность несёт.
Его плотину первой уральской признали;
Асбест невянцы давно отыскали.
В мире здесь же – первая плавка магнетитов,
Тогда ж в Нижнем Тагиле лишь добытых.
Первыми на Урале невянцы ведь предстали
И по литью чугуна, железо, стали.

Это Уральской металлургии всей дало
Действительно столь яркое начало.

Царь Пётр Первый железо с Невьянска хвалил,
Больше слать пушек, снарядов просил.
А железо с клеймом «Старый соболь» знает свет,
Ныне ведь лучшего на Планете нет.
И самая крупная домна в те времена
На заводе Невьянском всё ж введена.

В мире сделан на башне Невьянской впервой громоотвод,
И почти двести лет в землю он молнии ведёт.

Там впервые в мире в балках железочугун применён,
Здесь же на Земле впервой создан железобетон.

Близ завода медные руды открыли,
А Демидовы их применили.
Знают о первых здесь уральских колоколах,
Но мало – о невянских всех мастерах.

Чугун художественный только на Урале
Лишь первыми невянцы отливали.
На Руси в Невьянске именно впервые
Смогли делать косы мировые.

Город – среди старейших на Урале родном
И немало написали о нём.
– Ведь Невьянск – дедушка заводов всех уральских, –
Молвил, изучив завод Невьянский,
Василий Жуковский – известный русский поэт.
Старшинство подтверждал завод триста лет.

Невьянск главным центром промыслов Урала стал,
Внёс вклад в их развитие, успех снискал.
Промыслы тут были: кожевенный, тележный,
Обувной и скорняжный, и кузнечный...

И на ярмарки товары отправляли,
Также и в Невьянске продавали.
Всё ж невянцы цену товарам всем знали,
Ведь всегда сундуки раскупали.
Завод и различные часы выпускал,
Но в числе том и для башен создал.

А иконописная школа родилась здесь,
У невянской школы известность есть.
Все иконы те на Урале ценятся
И в музеях страны имеются.

Добиться успехов значительных всё ж смогли
Гончары села Нижние Таволги.
Их изделия на любой вкус и цвет
Ведь знают в России больше ста лет.
И в зарубежье известны таволжане,
Имели на выставках признание:
Сперва на Урало-Сибирской, Брюссельской,
А ещё на Болгаро-Советской.
Им и на конкурсах награды вручали,
Творцов всех таволожских признали.

Это: Заворохины, Шихов, Чебаков,
Николаевы, Жданов, Кузнецов...

Век девятнадцатый. Платину открывают
В Руси, под Невьянском; и добывают.

В золотодобыче завод преуспевал,
Впервой драгу в России он создал.

И золото всё ж пока тут извлекают,
Минералы разные встречают.
И вдруг твёрдый осмистый иридий был открыт –
И ведь это же тяжёлый невянскит –
Руда, платиновая россыпь металлов,
Твёрдые в ней пластины кристаллов.

Первый цемент в Невьянске Урал получал,
Когда двадцатый век силу набрал.

Срочно в войны поставлял город нужные
Лишь боеприпасы, оружие.
А предприятия Невьянска поощрили,
В тылу за труд награды им вручили.

Всегда земляки и геройством отличались,
Когда все они на фронтах смело сражались
И в подвигах ратных повсюду награждались.
Невянским солдатам монумент возведён,
В городском центре находится он.

А умельцев невянских изделия знают,
В мире на выставках их награждают.
Кустарные промыслы вновь развиваются;
И ведь ныне в том всюду стараются.

Ныне «Серебряное кольцо Урала»
Жемчужиной для туристов стало.
В нём же и Невьянск наш среди других городов;
Интересен маршрут для всех земляков.

В Невьянске улицы в честь Героев назвали
И книги, стихи о них написали.
Обелиск ветеранам всех войн здесь открыли,
Так ведь торжественно его освятили.

Часть 4. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

1

Вступает в права две тысячи первый год;
Родной город древний меня зовёт.
В Невьянске с весны собирался погостить,
Так хотел о нём книгу завершить.
Лишь к осени рукопись была готова,
И с женою мы в Невьянске снова.
На месте свой текст дополнял, вновь исправлял,
Иллюстрации тут дорисовал.

И в типографию вскоре пришли с женой,
Здесь Алла – надёжный помощник мой.
Директор Одинцев принял с пониманьем,
Решил приложить он всё старанье,
Чтоб поэму мою к юбилею издать,
Городу новый труд скромный отдать.
Как говорят, дорога ложка к обеду.
Продолжу дополнять книгу эту.

Опять ведь столько всех у меня впечатлений,
О них писать стал без всяких сомнений.

В Невьянске в октябре конгресс проходил,
Международным назван он был.

И в Невьянске ведь уже плавка чугуна
Триста лет назад произведена.
Так в металлургии России, Урала
Столь яркое начало предстало.
Событию этому Урала, всей страны
И конгрессы всё ж теперь посвящены;

Присутствовать на одном – в Невьянске удалось,
Там учёных видных слушать довелось.
Назаров с приветствием к нам обратился;
Лишь успешно конгресс проводился.

Повезло нам всё ж здесь, в Невьянске, с погодой,
Осень – время прекрасное года.
Ещё были солнечные тёплые дни,
А порой – и небольшие дожди.
Листву пёструю вновь деревья роняли
И холодов с тревогою ждали.

Сумел сделать фотографии в городе,
Мне ведь навсегда всё в нём дорого.
Каланча вот, которую я рисовал
Из окна дома, что рядом стоял;
А домик наш деревянный старый снесли
И многоэтажный дом возвели.

Был в школе, её красили в розовый цвет.
Как пролетело уже много лет
С давней поры, как покинул стены школы родной.
Из юности нерозовой, но дорогой
Сразу поехал учиться, в армии служил,
Бывал и в Невьянске, в школу заходил.

2

школе номер один скоро юбилей,
Невьянцы все горды школой своей.

Вернёмся в тысяча девятьсот пятый год;
С него и свой отсчёт школа ведёт;
Женскую прогимназию завод наш открыл,
А купец Дождев попечителем был,

Анна Кушинская – первой начальницей в ней,
Учили тут дочек богатых людей.
Затем через годы – гимназией назвали,
Туда девочек бедных приглашали.

Европеус, Буракова, Смолина в те года –
Главные в ней. Будут ведь звать «школой» всегда,
Включив в гимназию ту училище мужское,
Но после революции всё ж вскоре.
Должность и заведующих в школе учредили,
Ведунов, Агенесова то были.
Вечером взрослых там на курсах обучали,
А школе имя Маркса тогда дали.
Директоров до войны стали назначать,
Пётр Голосов первым смог пост занять.

Пришёл тысяча девятьсот тридцать четвёртый год;
Школа и вновь с названием другим живёт;
И средней школой с тех пор номер один стала,
А Бархатова долго – возглавляла.

Сразу в годы Отечественной войны
Госпитали в школе размещены.
В здании Дождева, на берегу пруда,
Ведь учёба в три смены велась тогда.
Вели все дети за ранеными уход,
Ушли старшеклассники на завод.

Потом в школе директором Даринцев был,
Помню, как сам аттестат мне вручил;
Он стал в годы последней войны офицером,
В мирное время вновь служит примером;
Ответственный человек и решительный,
Всё ж с учителями стремительно

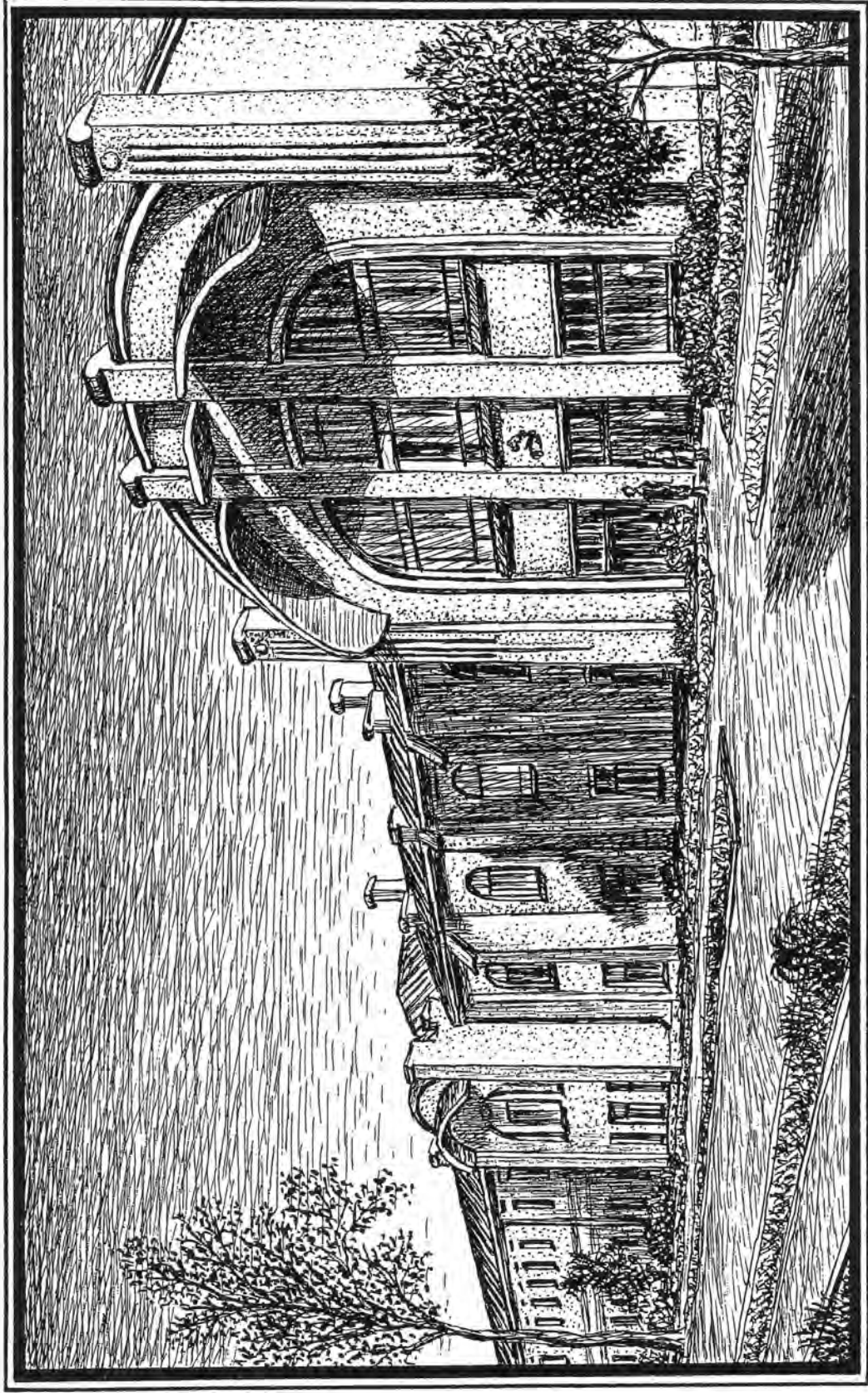
В районе ведь сделал школу лишь передовой,
Медалистов много, в ней штат весь большой.

Учился я у хороших моих учителей;
И ведь до сих пор они в памяти моей.
Среди них и Колеватова, Иванова,
Головина, Цаплина и Чиркова,
Лобков, Даринцев и Крайнев, Соколова,
Кононова и Медовщикова...
Каким было то время замечательным.
Хоть и учился я старательно,
Но шалил: по лестничным перилам съезжал,
В «зоску», в прятки и в «полено» играл.
Приходилось мне стенгазеты рисовать,
Позже даже – в спектаклях выступать...

А Перевозкина – директор наш новый.
План сверху поступил незнакомый:
Одиннадцатилетнее здесь обучение,
Практиковать всё ж с заводом сближение,
Профессиональная вся подготовка.
Всё решали с желаньем, сноровкой.
Перешли на центральное отопление.
К лучшему были вновь устремленья.

А школу Слюсарь ведь много лет возглавляла,
Заслуги её: постройка спортзала
И кабинетная система обучения,
Техническое всюду оснащение...
Были успехи на поприще партийном;
В делах и общественных активна.

Катаева школой теперь руководит,
Её трудное время не страшит.

30. Женская гимназия (ныне средняя школа №1) в Невьянске

А лучшие традиции все сохраняют,
Ориентацию здесь развивают

Сегодня на профессию в ней педагога,
Ведь уделяют внимания много
И к поднятию качества обучения,
Есть и к духовности устремленья.

В конкурсе Всероссийском она лауреат,
Ведь получила и множество наград.
Несколько раз и «школой года» назвали,
Но даже «школой века» – признали.
В школе всё ж отразилась летопись страны,
Эти успехи в городе видны.
Больше восьми тысяч выпускников дала,
Целую эпоху она прошла.
Смело воспитала знаменитых людей,
Повествует о них школьный музей.

Красива школа древняя и сегодня,
А зданье стиля модерн так модно.
И встретит ведь скоро столетний юбилей,
Гордись славной историей своей.

3

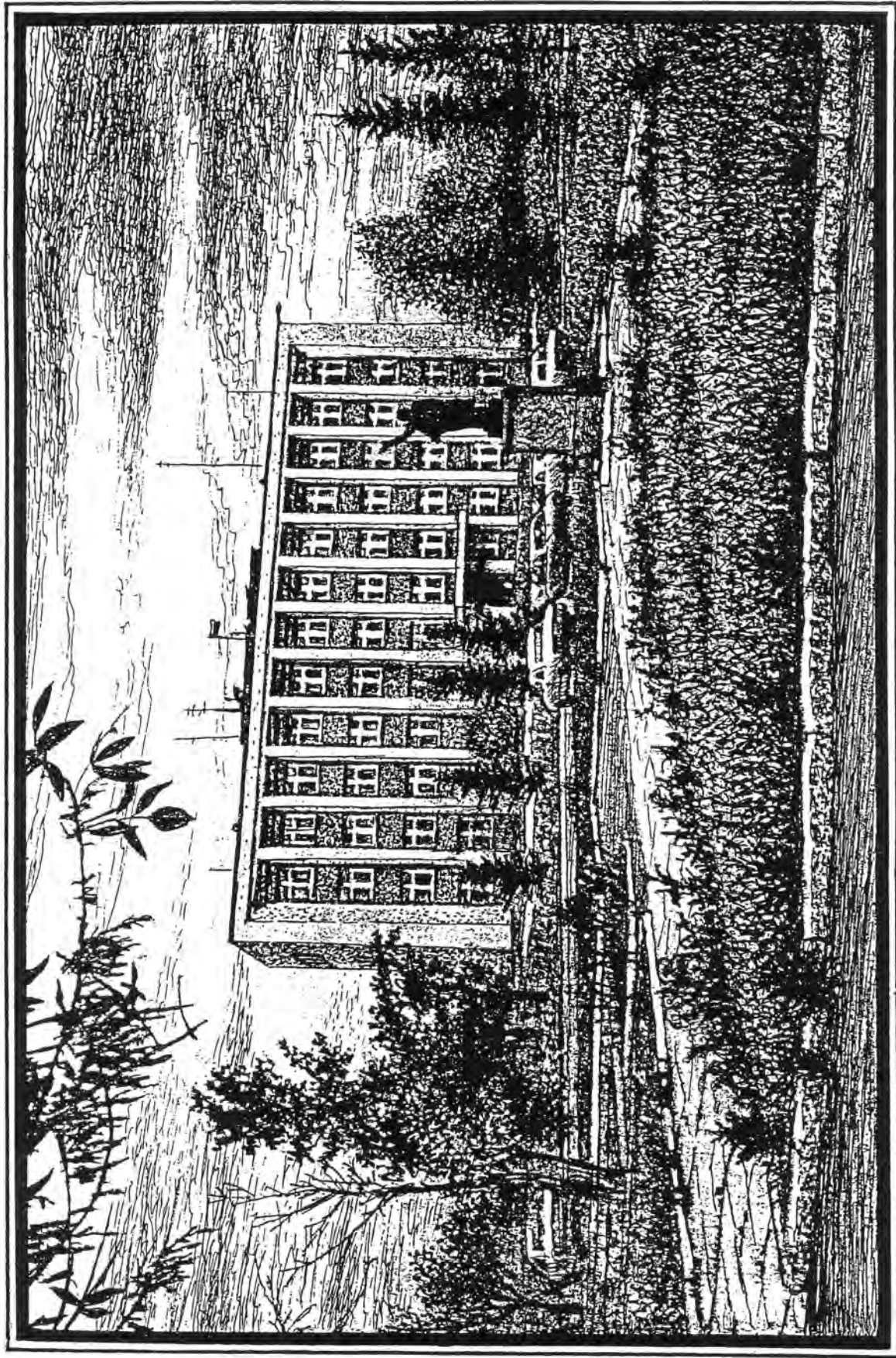
Взрос ныне к Невьянску вновь мой интерес,
Фотографировал парк, пруд и лес,
Мэрию, площадь, скверы все городские;
Здесь, помню, виды были другие.
Смотрел заводоуправленье, Дождева дом,
Вокзалы и дома жилые потом.

В пути с женой у кинотеатра «Урал»
Опят всё же с полведёрка набрал.

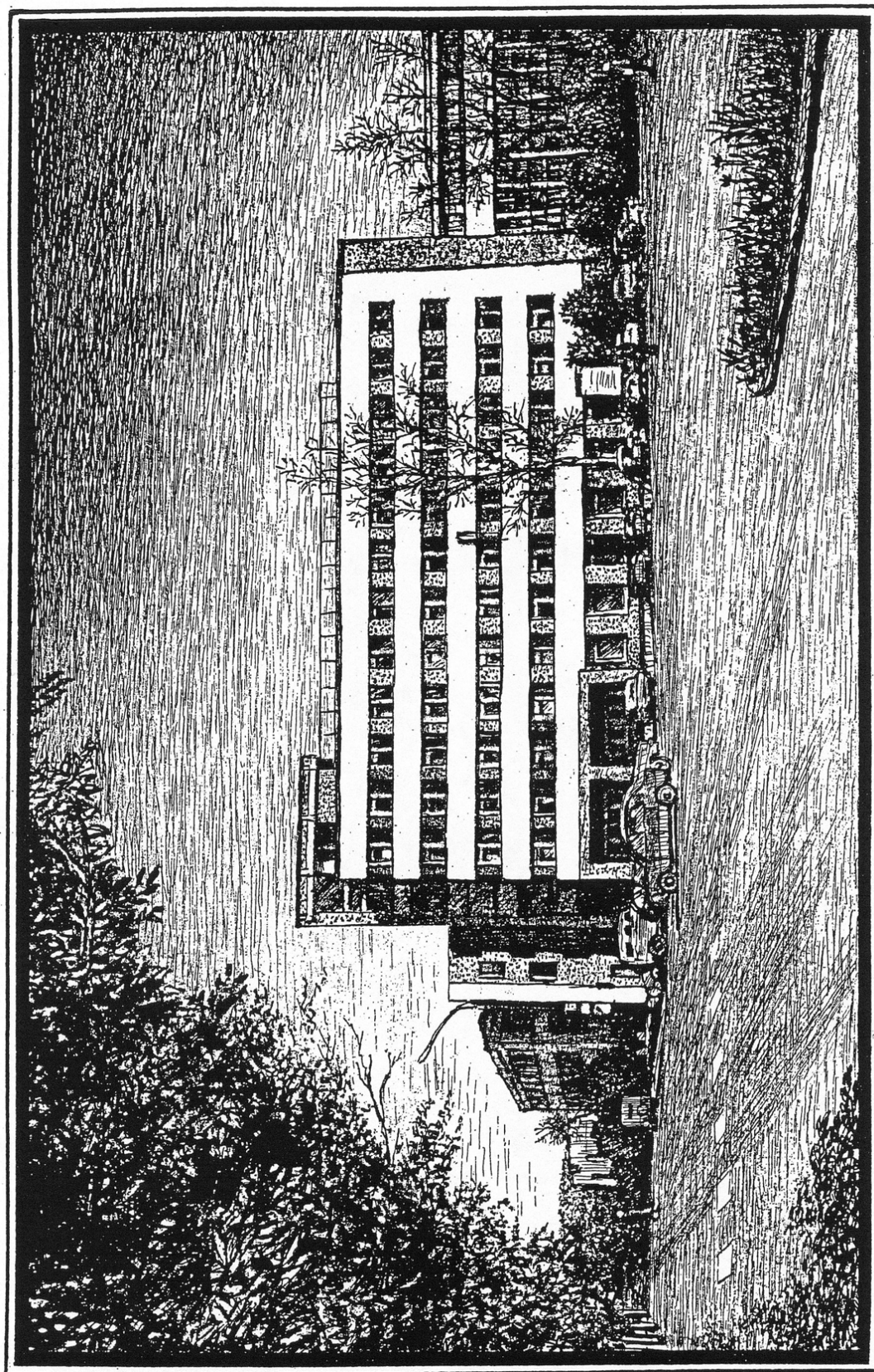
С горы Лебяжки видно Невьянск мой родной,
Красивый очень осенней порой.
В пруду задумчиво башня отражалась
Еще так наклоннее казалась.
Но помолодела уже к юбилею она,
Красовалась в наряде лишь белом сполна.

В городе с женою гостили две недели,
Но на башню попасть мы не сумели.
Пускали всё ж туда иностранцев, знатных гостей
И «опасались» за жизнь простых лишь людей.
Поэтому ведь их на башню не водили –
Ненадёжными лестницы все были.
Башни реконструкцию скоро завершат,
На неё вновь тогда всех пригласят.

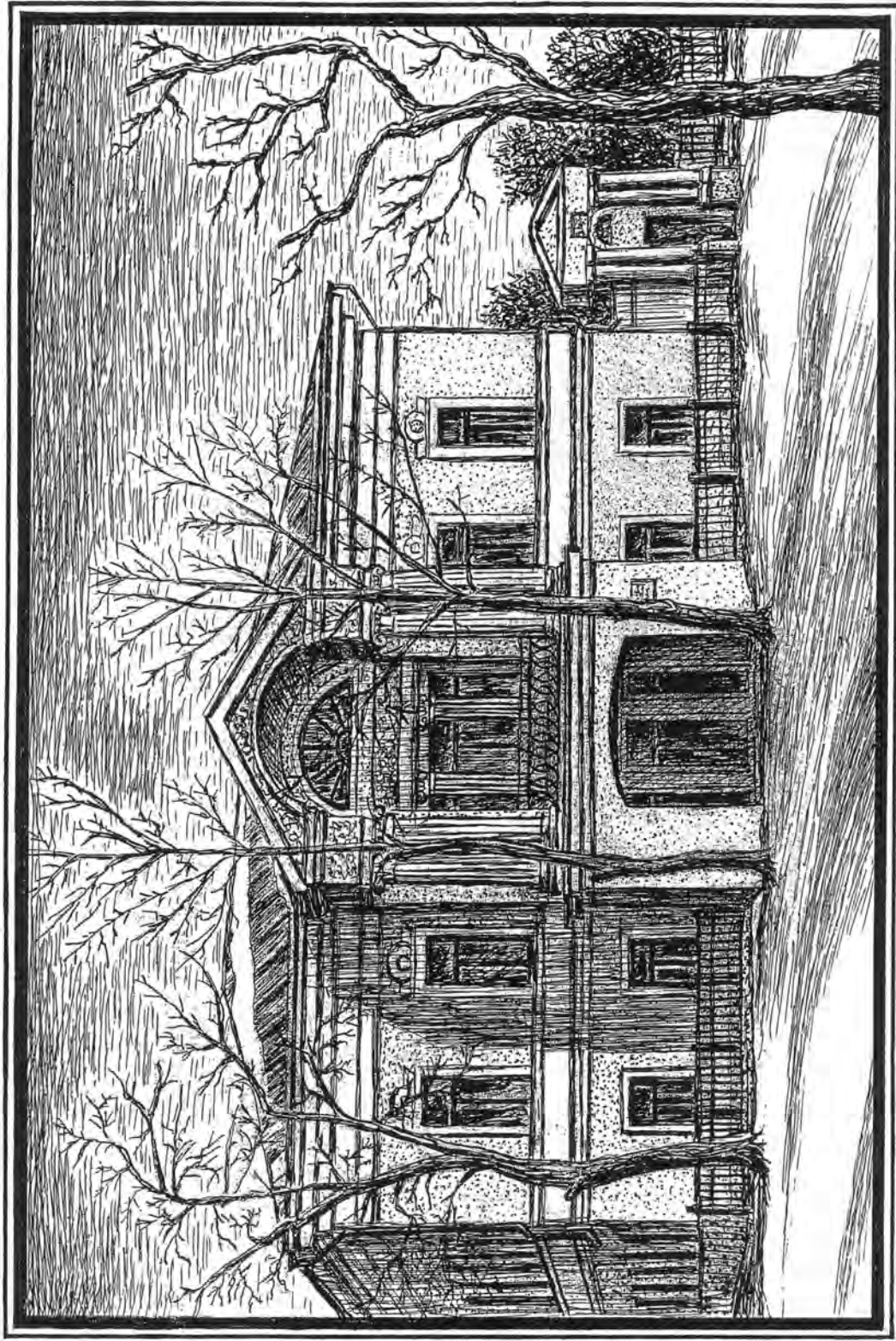
С женой на экскурсии у башни всё ж был
И всё в памяти о ней воскресил.
Беседа вся тут с экскурсоводом Мешковой
Для нас стала интересной и новой.
Ощущали волнение в эти мгновенья,
Вновь быть на башне – наши стремленья.
И кинофильм местный «Башня молчания»
Смотрели с завидным желанием.
И приглянулся краеведческий музей,
Гордится экспозицией своей;
Директор Лянсберг уделила время нам,
Хотя и торопилась по делам.
О последних Демидовых рассказала,
Новую книгу нам показала;
Она среди авторов, было так ясно.
Оформленье издания прекрасно.
И другие ведь невянцы писали;
Сполна авторами книги той стали,

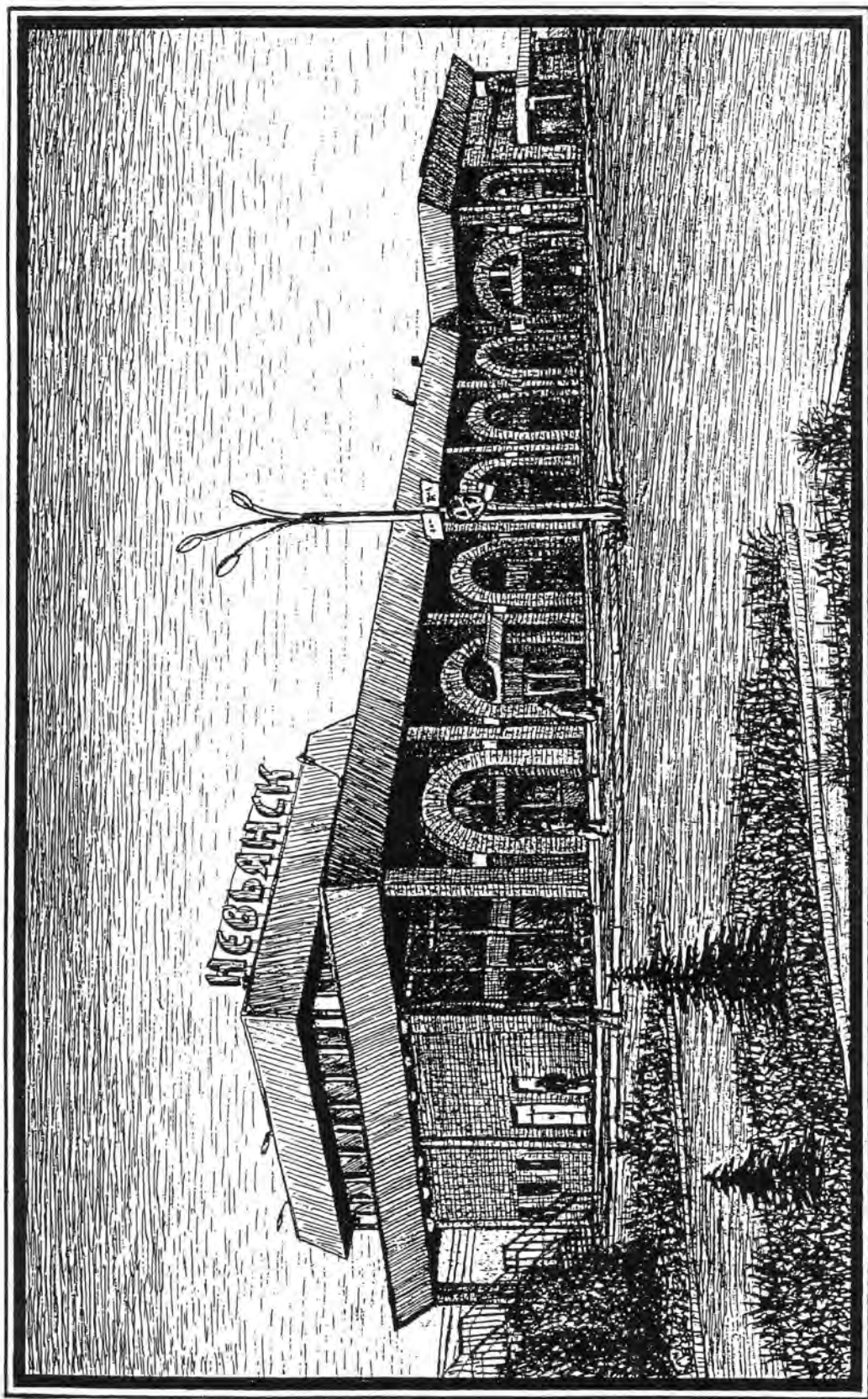
32. Здание администрации муниципального образования «Невьянский район» (мэрия)

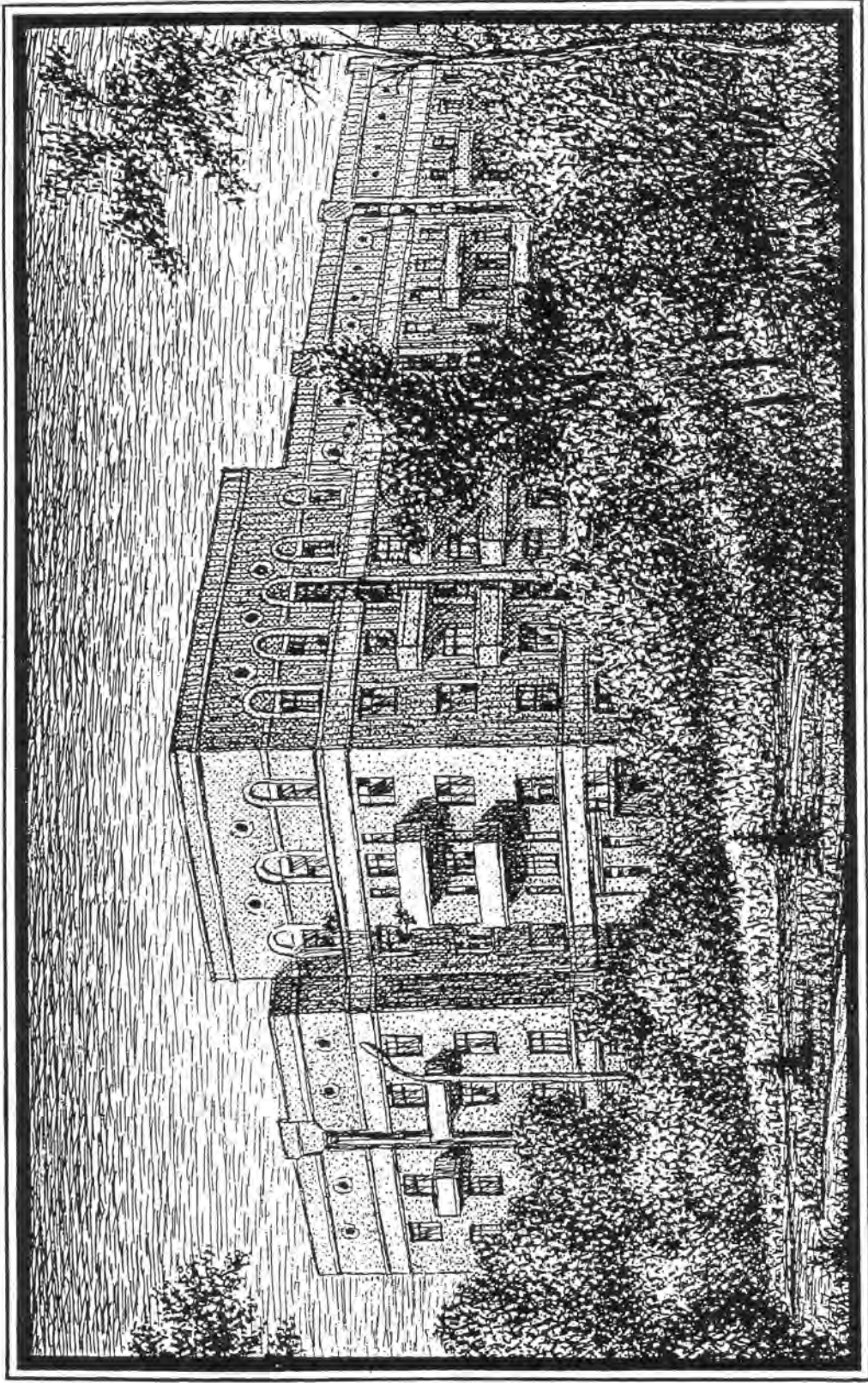
33. Заводоуправление Невьянского механического завода

34. Здание первого Невьянского Совета рабочих и солдатских депутатов (бывший дом купца Дождева)

35. Здание железнодорожного вокзала в Невьянке

36. Жилой дом в центре Невьянска

Сей труд городу посвятили Кравцова,
Также Медовщикова, Мешкова.
С любовью повествуют о Невьянске родном
В столь замечательном твореньи большом.
«Старый Невьянский завод» книгу назвали,
Высокую оценку ей дали.
Рассказали в ней интересно, правдиво
Дружным авторским всем коллективом
О заводе да башне, о судьбах людей,
Славу принёсших Отчизне своей.

В труде этом много документов древних
Фотографий и рисунков ценных.
Воробьёв в той книге дал «Слово к читателю»
С текстом образным и содержательным:
«Ведь три века металлургии на Урале
Важную всю роль для страны сыграли.
Ибо что же есть Россия без Урала вдруг в ней,
А Урал наш – без металлургии своей.
Это всё равно, что дерево без корней,
А они в Невьянск идут мощью всей,
Где всё ж начали выплавлять лишь добрый металл,
Который и в веках всю славу снискал.
А промышленное это производство
В мире возымело превосходство.
Давно Старый завод работать перестал,
Крупным заводам первенство отдал,
Но народ к тому же месту идёт всё равно,
Где и жизнь другая кипела давно.

Стремятся, идут люди к башне той наклонной,
При Демидовых первых возведённой,
Чтоб любоваться ей – ярким средь дивных творений,
Всегда современницей громких свершений.

Могущество Демидовых она воспевала,
А теперь – символом Невьянска предстала».

Зодчим сей башни Батманов, может быть, был,
Я в книге ведь раньше так сообщил.
Байдин, в архивах копаясь не случайно
Про башню узнал другие тайны;
О Невьянской башне в книге переписной
Встретил учёный этот факт вот такой:
Книга содержит немного подлинных имён,
Стараньями их шедевр был возведён.
Ведь вольный Иван Нарсеков строить начинал,
Четверик Хлыновский-каменщик создал.

Это был тысяча семьсот двадцать пятый год.
И кто же ту постройку затем ведёт?

А недавно брошюру о башне читал,
Новые сведенья вдруг в ней узнал.
В «Летописце невянском» есть запись одна:
«...Оная башня была складена
Лишь в тысяча семьсот тридцать втором году».
В строй в два этапа ввели башню ту.

К Байдину вдруг ревизская сказка попала,
В большом том деле ведь запись лежала;
Писарь с конторы Невьянской вот так сообщил
В записке приказчику в Нижний Тагил:
«...И при сём Константин Каменщик всё ж к Вам отбыл».
Он ведь постройку в тот год башни свершил.
И населенья перепись в Невьянке идёт
Как раз лишь в этот же указанный год.
Константин Совин Каменщик записан в ней был,
Денег подушных он так много платил;

Видать, получил за постройку башни должок,
Сдав чудесной её в назначенный срок.

Изучал я с женой город, парк, здания,
Виделись невьянцев старания.
Реконструкцию собора продолжают,
Башенные краны ввысь взмывают.

Собор Преображенский по рисункам ведь знал;
От сестры Зины как-то всё ж услышал,
Что ей с детства лишь от бабули Евдокии
В душу слова запали вот такие:
– Спасо-Преображекский собор – красивый,
Шли любоваться на это диво.
Вдруг на нём сносят кресты при Советской власти;
Пришли жарким летом сюда напасти,
И, может быть, за грехи Божьи кары грядут,
Природы стихии разгневались тут:
И выпал снег, резко так похолодало,
А сильнейшим ветром всё сдувало.
И ведь такого не видали отродясь,
Паника в народе началась ... –
Но всё-таки рушили, сносили собор,
О нём память всё ж жива до сих пор.

Встретил вновь Тамару, Зину – сестичек моих,
На родной сторонке, в местах дорогих;
На могилах мамы и отца побывали,
О годах далёких там вспоминали.

Тамара в День города праздник повидала,
Нам об этом она всё рассказала.
В погоду тёплую прошёл День города.
Ребята рисовали здорово

На асфальте цветными мелками так ярко,
Многие здесь получили подарки...

Быстро умельцы из разных сёл и деревень
Собрались на площади в этот же день.
Ёе тут назвали «Городом мастеров»:
Рукодельниц, резчиков, гончаров...
А перед ними артисты выступали,
Великих персон изображали:
Царя Петра, Меншикова и Демидовых –
Лишь из прошлого гостей невиданных.
Цветов бумажных им немало показала
Сестра Тамара, выбрать предлагала.
И Акинфий Демидов обратился всё ж к ней:
– Здравствуй, хозяйюшка, порадуй гостей.
Подари цветочки государю, всем нам,
Будем мы за всё признательны Вам. –

– Выбирайте, пожалуйста, на вкус любой. –
Так говорит тут Пётр, махнув рукой:
– Не надо неживые цветы мне дарить!
И я хочу ведь на свете пожить. –

Портрет Демидова видел вдруг случайно
На пиве в Невьянске, то не тайна.
А пиво «Акинфий Демидов» продают
И, наверное, знатный род так чтут.
Но всё это же кощунство, надо сказать,
Память о тех людях так отмечать.

Также Акинфий в отца был, спиртное не пил,
Он сам открывать кабаки запретил.
Хлеб же демидовский— всем лишь благое дело,
Пекут и в Невьянске его умело.

Уже открыт участок дороги объездной,
Он для Невьянска – подарок столь большой.
Сказал Россель множество лишь злободневных слов
Про дорогу Екатеринбург – Серов
И всех горожан с достижениями поздравлял,
Им дальнейших успехов здесь пожелал.

Скоро Невьянской газете «Звезда» – юбилей,
Исполнится восемь десятков лет ей;
Она одна из старейших газет Урала,
Давно популярной – в народе стала.

4

Невьянский колледж семьдесят лет отметил.
Стал каким он? Как юбилей свой встретил?
И тысяча сто шестьдесят ведь в нём студентов.
Не боятся всегда экспериментов;
Лишь так в сложные все девяностые годы
Всё же направлены были заботы
Вновь на сохранение всего коллектива,
А готовили все кадры активно
Для Невьянска и всего нашего района,
Также для Уральского региона.
И новых здесь специальностей освоенье,
Внедренье заочного обучения,
А в дополнительных услугах ввод оплаты,
Лишь денежные большие затраты
На создание кабинетов, комнат всех классных –
С этим всё ж пришли к успехам прекрасным.

Начали то в трудные для всех времена.
Индустрию создавала страна.
Шёл тысяча девятьсот тридцать первый год;
А ведь малограмотных наш завод

Очень премного имел, но всему предел;
И эту проблему решить сумел.

Техникум всё ж вечерний в Невьянске открыли,
Учиться первыми здесь приступили
Только с завода мастера и рабочие,
Познанья получить так охочие.

Пётр Зыкин его организатором был,
Он им и руководить приступил,
Тут и диплом номер один получает.
И техникум Зырянов кончает,
Стал директором на Невьянском заводе.
Кузницей кадров многие годы
Механический техникум является,
Колледжем нынче называется.
В зданьи давно построенном стал размещён,
Имеет и общежития он.

Состав преподавателей сильный создали;
Выпускники же в делах доказали,
На практике все познанья применяя,
Предприятия всюду возглавляя,
Что они имеют отличные знанья;
Их получили с должным стараньем.

Василевский директором мало побыл,
После Казанцев сей пост получил.
Годы многие техникум он возглавлял
И обучал, уваженье снискал.
Открыто ведь им и отделение дневное,
Но отбой росту, зовёт всех другое –
Вдруг началась война. Время зря не тратили
Студенты и все преподаватели,

Добровольно на фронты шли из стен своих.
Тридцать человек погибли из них.

А техникум технологов всё ж выпускал,
Ведь тогда выпуска план не срывал.

После войны в нём заметные измененья:
Открыто вечернее отделение,
Стали на базе лишь средней школы обучать
И все кабинеты, классы оснащать.

А потом Мельников техникум тот возглавлял,
Успешно на службе дела исполнял.
При нём проблемы там многие решили,
Отделение технологов открыли,
Новые все кабинеты подготовили.
И корпус учебный всё ж пристроили.

Уже год семьдесят пятый века идёт;
Семёнов возглавил техникум тот;
А он, Владимир Михайлович, долго был в нём,
Всегда уверенный в деле своём.

Десять лет техникум лишь колледжем зовут,
Не только обучение в нём ведут.
Переподготовка кадров проводится
И услуги платные вводятся.

Открыто и заочное отделение,
На инженеров в нём обучение
На базе от колледжа продолжается,
Он успехов вновь добивается.

А ныне Назаров стал колледж возглавлять,
Для страны кадры техников ковать.

Индустриально-ландшафтный парк создаётся,
Он «Старым Невьянским» нынче зовётся.
Станет в нём ядром комплекс «Невьянский завод»,
Архитектурный центр здесь обретёт.
И развернулись работы тут по проекту,
Ансамбль весь имеет много объектов.

Уже завершают башни реставрацию,
Восстановят и электростанцию,
Все древние домны, цеха, собор, контору.
Отгородят затем завод забором.
Стройку да благоустройство продолжают,
В комплекс создаваемый включают:
И площади, и строительства фрагменты,
А ещё ландшафтные элементы,
Реку Нейву лишь в нижнем течении, пруд.
И разместятся со временем тут
И выставки, центры культуры, музеи,
Мастерские кустарных изделий.

А будет же это всё осуществляться
Но крайней мере лет пятнадцать.

А совсем ведь недавно увидел я сон,
И воскресил он жизнь давних времён.
Невьянск. Берег скалистый пруда. Вновь лето.
Мне всё так ясно виделось это.
Здесь с друзьями в день солнечный в прятки играл,
С камня Девичьего в воду нырял.
Купались, как прежде, до посинения,
Началась гроза, к сожалению.
Но ведь она не так долго бушевала,
Всё ж яркое солнце засияло.

Тучки небольшие проплыли над нами;
Загорал на песочке с парнями.
Любовался по-прежнему башней древней;
И, как сейчас, помню те мгновенья.
Всегда лишь загадочной мне представляла,
Жизнерадостной, хмурой бывала.
Но вдруг приснился Невьянск весь современный,
А в нём увидал одновременно:
Башню, реку, берега гранитные, пруд
Дома, тополя молодые вокруг,
Домны старинные, цеха заводские,
Собора купола золотые.
В глади пруда всё так ярко отражалось,
Ещё величавее казалось.
Но среди них древняя башня выделяется,
Суровостью сразу отличается.
А кирпич в ней коричнево-красный и тёмный,
Кое-где там он ещё побелённый.

Проснулся. И вспомнил белую башню опять,
Вновь её на днях удалось повидать;
А нарядную, белую видеть не привык,
В памяти хмурый лик вдруг её возник.

И всё же недавно издали книгу мою,
Вновь читаю в ней текст, рисунки смотрю.
Верю едва, здесь труд не одной тысячи дней,
Увлёк он с собой и часть жизни моей.

И опять пишу в поэму дополненья
С бодрым и хорошим настроеньем.

6

дёт две тысячи первый памятный год;
Уже юбилейный праздник пройдёт

В Невьянске ведь в пятнадцатый день декабря.
Прошёл он взлёты, паденья не зря.
Ныне летопись трёх веков завершает,
А юбилей – успешно встречает.
Ждёт российских своих, иностранных гостей
На трёхсотлетний большой юбилей.
Невьянск, район, Урал, Россия, Планета
Свой праздник лишь достойно отметят.

И сувениры к юбилею продают,
Вновь книги о Невьянске издают.
А о городе фильм «Башня молчания»
В крае заслужил ведь признание.

Невьянск к лучшему заметно изменился,
Он помолодел, преобразился.
Появились современные кварталы,
Зданий в них общественных немало.

Озеленяют Невьянск, стал он чище весь,
Газоны английские нынче есть.
Был в сквере авиаторов пущен фонтан.
Реконструирован для горожан
Городской парк, а там сделана ограда,
Будут водоём с пирсом, эстрада.

Уже заводские корпуса возведены
И все ветхие домишки снесены.
Но исторический комплекс теперь не узнать.
Собор куполами стал снова сиять.
Теперь проведена реставрация зданий,
И вновь к ремонту здесь было вниманье.
Все цеха и домны тут вид прежний обретут,
А ненужные пристройки уберут.

Туристы почаще город посещают,
Им экскурсий много предлагают.
Сорок тысяч туристов бывает здесь в год,
Но с размещеньем их уйма хлопот.

Вновь невянцы делами известность снискали;
Ведь и не только сейчас на Урале,
А всюду с Невьянска станки и гидропрессы,
И цемент, также золото известны.

Цветные металлы все очень тут ценятся,
Кирпичи для построек имеются.
Продают игрушки, ковры рукотворные.
И создали умельцы народные
Свои деревянные домишки в Невьянске,
Теремки есть среди них, словно бы в сказке.
А на тех домах старых – ведь ставни резные
И все наличники там кружевные.

Но в Невьянске реликвия основная –
Башня старинная, заводская.
И она приняла вновь торжественный вид.
Так величаво да гордо стоит
Этот шедевр архитектуры мировой,
С демидовских времён город чтит свой.
Только звонко куранты все на башне бьют,
Громко они отсчёт веков ведут.

А с конца века, что девятнадцатым звали,
Долго куранты на башне молчали.
Но восстановили их только после войны,
И мелодию здесь звонили они
Лишь песни «Широка страна моя родная»,
Так далеко плывёт вдаль, не смолкая.

И есть теперь у старинных мелодий успех.
Тут через три каждых часа, чаще всех,
Вновь мелодия Глинки «Славься, русский народ»
Боем курантов над Невьянском плывёт.

Стоит почти три века башня та древняя,
Опять пишу о ней впечатления.
Ведь так великолепна и утром весенним,
И вновь безмолвии ночи осеннем,
Солнечным днём жарким летним, с небом лазурным,
И морозным, зимним вечером лунным.

Она живёт своей жизнью, без сомнения,
Живёт и с любыми настроеньями.
И восходящему солнцу улыбается,
К нему вновь навстречу устремляется.
Но неустанно днём стоит зорко в дозоре
И видит счастье людское и горе.

К вечеру задумчивость в тиши обретёт,
Лишь таинственной в ночи предстаёт.
Бывает и мрачной хмурыми ночами,
Тогда облик башни строг, печален.

И несравненно каждый раз она хороша;
Но у неё не всем открыта душа.
А чём же у башни секрет притяжения?
Как сумел создать зодчий творение?
И какие идеи в ней здесь воспеты?
В чём же особенность силуэта?
А точна ли соразмерность её частей?
Но и не скупы ль украшения в ней?
Ясно, секрет волшебства тут виден во всём.
Ещё он, быть может, вовсе в другом?

Есть в башне и мистицизм неуловимый,
Он необъясним, но ощутимый.

Она так прекрасна суровой простотой,
Несравнимая с башней ни с какой.
И к себе приглашает, в поклоне склонясь,
Строгой своей красотой гордясь.
Независима среди окружения,
В вечность, ввысь её устремления.

Но знаю, что-то трагичное в башне есть,
Ведь многих невзгод, бед её не счесть;
Может быть, это лишь сильнее ощущаем,
Когда о ней сказания знаем.
Легенды, сказы, преданья ужасные
Навеяли думы злосчастные.
И даже теперь, одетую в белый наряд,
Смотреть хмурой, тёмною – люди хотят,
Ведь все привыкли так давно лишь к башне мрачной,
Хранящей отголоски тайны страшной.

7

На днях ещё легенду вот такую слышал:
«Акинфий зодчего на башню позвал
Спросил он: – Сможешь построить башню прекрасней? –
– Смогу, – молвил мастер. Барин стал властным:
– Но быть ведь этому не позволю спокон! –
И автора башни сбросил вниз он.

Склонилась скорбно над забытым зодчим своим,
А, может быть, и пред Демидовым злым,
Ведь по почину лишь его возведена,
И смотрит вдаль, на Тулу, всё ж она,
Где почит этот властелин в земельке сырой,
На родине; накрыт чугунной плитой».

8

Городом-загадкой был Невьянск наречён,
И сейчас в Свердловской области он.
Невьянск наш с самобытной, древней культурой,
С неповторимой архитектурой.
Город традиций славных, город труженик,
Успех его в веках заслуженный.

А недавно юбилей Невьянск отметил,
Но ведь не так ярко, как наметил.
Нынче были и гости, поздравления,
Многих артистов выступления.
Невьянцы, помня достижения былые,
Так верят в свои цели благие.
Промышленность вся уже возрождается
И вновь жизнь людей улучшается.
Продукцию в страну, за рубеж отправляют
И во всём мире – отличной считают.

Город в культуре, спорте успехи имеет,
Растёт и строится, и молодеет.
Также и стихи о Невьянске слагают,
В книгах, песнях его воспевают.

9

Кравченко Иван стал известным на Урале;
И его стихи дивные издали;
«Оду Невьянску» он, местный поэт, посвятил,
А музыку Дворников к ней сочинил:

*«Урала могучего гордая слава
Рождалась над тихою Нейвой-рекой.
Орёл золочёный российский двуглавый
Демидовской крепкою поднят рукой.»*

Припев:

*Богатство прекрасных невянских традиций,
Завещанных предками, свято храним.
И гордость по праву сияет на лицах.
Гордимся, Невьянск, мы тобою одним.*

*На башне наклонной часы отбивают
Четвёртого века размеренный ход.
Легенды старинные здесь оживают.
И новая жизнь рядом с ними идёт.*

Припев.

*Когда-то в разряде столичных считался
Невянск Петербургу ровесник и брат.
Растут рядом внуки, но юным остался
Невянск – славный город, кузнец и солдат».*

10

Поэму «Невянск и тайны...» я стал дополнять
И её в Ижевске сумел всё ж издать.
Отзывы о книге моей получаю,
А из них часть в стихах излагаю.

Лянсберг, возглавляя наш Невьянский музей,
Написала о поэме моей:
«Небольшим тиражом эту книгу издали,
Сразу уже раритетом назвали.
Многими знаниями автор пропитался,
Его многолетний труд удался.
Не претендует на точность изложения,
Внёс ясно свои чувства и мнения.
Подкупает необычным повествованием
И патриотическим воспитанием.

Всё с большим интересом в книге читается,
Так кругозор людей расширяется».

Сестра Тамара Наумова пишет опять,
Смогла о твореньи моём отзыв дать:
«Написал книгу брат про Невьянск древний, родной
И про его юбилей трёхвековой;
О Демидовской династии богатейшей,
В летопись вписавшей свой вклад ценнейший;
О знаменитой Невьянской башне наклонной,
Акинфием на века возведённой.
Поэт воспел Невьянск свой и могучий Урал,
Невьянский лучший во всём мире металл
И уральцев, и невянцев – известных людей
В так чудесной и нужной поэме своей.
Ведь замечательно всей книги оформленье
И ярко от рисунков впечатленье.
Всё в поэме написана с любовью, душой.
Но так создать смог патриот лишь большой».

Учитель Глафира Павловна Иванова –
Всегда память прошлого дорогого.
Так энергична, умна и с завидной судьбой,
С душой о поэме дала отзыв свой:
«Виктор – человек родной, дорогой невянец;
Ты способный мой ученик-уралец.
Ведь три дня, не отрываясь, книгу читала,
Словно бы я вдруг в былинку попала.
Летопись Невьянска в ней ярка, достоверна,
Написал о башне всё вдохновенно.
Есть о достойных людях страничек немало.
Воспел с любовью природу Урала.
В книге чёткие строки и доверительные,
И потрясающе впечатлительные.

Я так благодарна тебе, твоим всем родным,
Всем работавшим над твореньем большим.
А поэма о Невьянске – великий твой труд!
Верю, её многие люди прочтут».

Мой друг, зодчий, художник, поэт Высочанский
Отзыв свой дал о поэме невянской.
Вот душевные строки, читатель, пред Вами;
А написал наш поэт их стихами:

*«...Спасибо сердечное...
Тьма поклонов
За то, что ты вечное
Вывел с полона...
Ты душу затронул
И память обьял,
По прожитым тропам
Умно погулял.
По роду Демидовых сложной судьбы
Походкой завидной прошествовал ты.*

*Кому-то напомнил, иным показал –
Могучие корни раскинул Урал,
Богатые клады корнями обнял,
Индустрии знамя державе создал.
О «Каменный пояс» она оперлась
И мощным колоссом с колен поднялась.*

*Удачно и просто
Ты слог подыскал...
А был бы я «крёстным»,
Так «сказом» назвал
Работу масштабную эту
Про наш легендарный Урал,
Тобою достойно воспетый...*

*Духовный улёгся аврал...
Спокоен теперь ты и светел...
Заслуженный отдых в душе –
Что смолоду выполнить метил,
Достойно исполнил уже...*

*И так всегда из века в век
Святая истина витает –
Возвышен Богом человек
И труд его благословляет»...*

Пишут о книге моей без сомнений
Близнецы Постоноговы Юрий, Евгений:
«Труд весь колоссальный проделан тобой,
В восторге от многогранной работы большой.
Ведь ты – архитектор, художник, поэт,
Так напряжённо и смело дерзал много лет.
Чтобы нужное лишь в поэму вписать,
Тебе уйму книг, словарей пришлось изучать.
Поверь, и к тебе друг наш, слава придёт,
Ведь о Невьянске создал книгу ты, патриот!»

Друг Аркадий Ряков книгу мою познавал,
Отзыв мне о ней давно переслал:
«Вы летопись о Невьянске, башне создали,
Об Урале, людях знатных писали.
Представил, сколько нужно прочесть книг и статей,
Потратить надо так много дней, ночей,
Чтобы это в духе книги всей объединять,
Но рифмовок, ритма в ней не нарушать.
Восторжествует труд твой большой, не пропадёт,
Не канет в лету, в историю войдёт.
Верю, будут в поэме новые страницы,
Смело ведь автор к этому стремится.

Пусть же книга станет настольной для невьянцев,
Для селян вокруг, также для уральцев».

Булатов Борис – брата друг, умён, вдохновлён;
Написал о моей поэме так он:
«Душу вложили при создании книги своей;
И стала целью, может быть, жизни всей.
То, что создано было, Россия теряет.
Трудное время теперь наступает.
И снова настанет ли страны возрожденье?
Ведь посеяны в народе сомненья.
Но своим твореньем людей вдохновляете,
В них уверенность, веру вселяете.
Смогли: с чувством летопись Невьянска показать,
Об уральцах знаменитых рассказать.
А когда повестуете Вы про край родной,
То от страниц книги веет теплотой.
Городок свой невьянец любой вспоминает.
Символом Памяти книга пусть станет!»

О книге «Невьянск...» отзыв Зины Бородиной,
Моей средней сестрицы так дорогой:
«Витя, снова поэму твою познавала
И в ней я нового столько узнала.
Мой талантливый брат, восхищаюсь твореньем,
Книгу читала с большим упоеньем.
Помощь сестры Тамары бесценною стала –
Газеты, книги сполна высылала.
До земли поклон мой жене твоей Аллочке –
В трудной жизни всегда выручалочке.
И ведь так много тебе помогала она,
Чтоб ярко поэма была создана.
Всё ж тебе оказали в подмоге старанья
И твои доченьки Катя и Аня.

Уже прославил теперь ты и нашу семью,
А в местностях многих родню всю свою.
Невьянск, башню и невьянцев, Урал воспевал;
Памятник при жизни себе так создал.
Береги себя ты и не перегружайся,
Но порой отдыхать всё ж постарайся».

Племянница Людмила Кузьмичёва с Каслей
Отозвалась так о поэме моей:
«Прочитала много раз творение Ваше,
От избытка чувств поплакала даже.
А знала я мало ещё о родне моей,
Так заочно «знакомилась» всё же с ней.
Мы Вас благодарим за титанический труд,
Ведь нам духовное наследие тут.
От книги в полном восторге, мне стало ясно:
Таланту огромному всё подвластно.
Рифмовали то, что в стих невозможно слагать,
Целей намеченных смогли достигать.
В прекраснейших строках видно Ваше старанье.
Так правдиво, чётко это издание.
После тяжкой болезни себя берегите.
Дерзко по мере сил снова творите».

Ветеран войны, труда – Николай Митрошин,
Тут о книге пишет так друг хороший:
«Эпиграф я к отзыву о книге приложил,
А стих этот Ломоносов сочинил:
 *«...Может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российская земля рождать!»*
Так мыслю я своё сказать:
Ведь автор поэмы – самородок уральский
И способный уроженец невьянский.

Книга его – оригинальное творенье;
Но малым весь тираж был, к сожаленью.
Легко история стихами читается
И авторской находкой является.
А все формы стихов близки к русским былинным,
Сразу ведут к размышленьям глубинным.

Невьянску – родине он поэму посвятил,
Известнейшей башни тайны приоткрыл.
О знаменитых уральцах, невьянцах писал,
Демидовский род весь сполна прославлял.
Он с нежностью, сердечно написал о родных
И о заветных всех местах дорогих;
О суровой природе Уральского края,
С детства поныне её познавая.
Автор как бы открыл «окно» в богатый Урал,
Образно так всё это он рассказал.
С душой, любовью свой сказ об Урале ведёт,
Создатель поэмы – большой патриот.
Всё оформленье, рисунки со вкусом создал;
В том как и художник талант показал.
Содержанье иллюстрации дополняют,
В книге так и сущность раскрывают.
Писал поэму уже лишь в возрасте зрелом,
Вершил дело мудро, смело, умело.
Неоценимую пользу все сёстры внесли,
А брата друзья вновь ему помогли.
И поддержку оказала жёнушка Алла,
Также помогали дочки немало.
Его жизнь – подготовка к этому творенью;
Долг свой исполнил автор без сомненья».

Мою поэму дочь Катя Русских прочла
И вскоре о ней свой отзыв дала:

«Пред Вами книга-шедевр, эксклюзивна она,
В ней виден труд адский поэта сполна.
В стихах это историческое творенье –
Истинно новаторское явление.
Изложил факты красочным, живым языком,
Есть чёткость, ясность и логичность во всём.
В книге информации уйма вмещается,
Но она легко, просто читается.
Такие книги так интересно познавать,
Могли б учебным пособием предстать.

Спал мало, забывал есть и дерзал много лет,
Изучив стопы книг, журналов, газет.
В транспорте часто занимался вновь стихами
И даже их писал во сне, ночами.
Себя не жалел и растить внуков помогал,
Не знал отдыха, здоровье надорвал.

Одухотворённо вновь природу познавал
И её красу, суровость воспевал.
Вновь автор замечательно пишет немало
И про людей знаменитых Урала.
Гротескно Демидовых природы показал,
Интересно о их судьбах рассказал.
Написал с душой, теплотой поэт про родных,
И про многих друзей надёжных своих.
Про Невьянск и строительство башни он писал,
Так в том способности зодчего являл.
Когда про страшные тайны башни читаешь,
То словно в эпоху ту попадаешь.
Будто в ушах слышны колокольные звоны,
Цепей бречанье, ужасные стоны.
Аккорд поэмы всей в логичном завершеньи,
В ней, словно к живой, к башне обращенье.

Прекрасно, чётко рисунки для книги создал,
В ней также художника дар показал.

А мудрость так вот гласит: за недолгий свой век
Ведь должен дитё воспитать человек,
Древо посадить, построить дом непременно.
Но всё это на Планете ведь тленно.
И только лишь слово становится извечным,
В стихах автор себя увековечил.
– Тебе от нас, папа, спасибо огромное
За искусство твоё благородное! – »

Пишет о книге «Невьянск...» дочь моя Анна Гамм,
То в форме стиха здесь теперь воссоздам:
«Так прекрасно поэму написал папа мой.
–И тому рада, и горжусь я тобой. –

Ведь с детства тайны башни его привлекали,
И часто жуткие звоны пугали.
Описал образно башни настроения,
От жизни, стихий их изменения.
И так точно о строительстве башни писал,
В том архитектурный талант проявлял.
Лишь страшные мифы подземелий предстали,
То мурашки по спине пробежали.
И про башни Планеты мне стало известно;
Автор о них написал интересно.

Он родного Урала мощь ярко показал,
О земляках знаменитых рассказал.
Писал о Демидовых всех основательно,
Изучая их судьбы внимательно.
Пишет про Невьянск, природу – местах дорогих,
О друзьях всех верных, про близких родных.

А о природе строки музыкально звучат,
И даже многие стать песней хотят.
Когда про осинку дрожащую читала,
То ведь в думах она грусть навевала.
А строки про грибы меня в детство умчали,
Тогда по лесу мы с папой гуляли.

И сам рисунки тончайшей работы создал,
Талант свой художника снова являл.
В книге не сухое событий изложение,
Так легко ведь читается творенье.
С задором, юмором уйму страниц написал,
Тем живость серьёзной поэме придал.
Такие книги и в школах могли б изучать,
А взрослым их также полезно читать».

Колупаева Эмма в Каслях музей создавала,
С гордостью много годов его возглавляла.
Краевед видный, ныне – гражданин Почётный Каслей;
Она пишет с восторгом там так о поэме моей:
«С удовольствием читала Ваш титанический труд,
Тёплой ностальгией ведь всё пронизано тут.
Хоть я и не критик, но Ваш восторженный читатель
И стихов уральских, невьянских собиратель.
О городе моём – много ценных лишь книг, альманах.
Но почему ж о Каслях не напишут в стихах?

Мы, если позволите, с Вами по страсти «родные»,
Познавая Урала места дорогие.
И талантливы Вы, безмерно благодарна я Вам!
Образно о Невьянске Вы напомнили нам».

Ещё есть отзывов о поэме немало;
Но ведь завершать труд время настало.

Почему же волнует Невьянск нас и ныне?
И прикасаемся, словно к святыне,
К древнейшим зданьям, пытаюсь проникнуть в тайны
И даже бываем порой печальны,
Вновь вспомнив жестокие сказы и легенды.
Но приходят и радости моменты.
Ведь это гордость за успехи мировые,
Свои все достиженья вековые.

Снова так долго у башни наклонной стоим,
Забвению связи времён не дадим.
Пусть вдохновляет и опыт весь предков сейчас.
Ничто не пройдёт лишь бесследно для нас.
И ошибки истории нас остерегут,
А все успехи её – сил придадут.

Всегда мне дороги родина, отчий мой дом,
То понял вдали от них только потом.

Тебя помню я с детства, город мой небольшой,
Верю, что ты достигнешь силы былой.
Но не с кровавым привкусом славы столетий,
Ведь так бывала, что надо заметить...

Глава 12

ВИДНЫЕ ЛЮДИ НЕВЬЯНСКА И РАЙОНА

1

Ведь так горды невянцы историей всей,
Здесь знают многих известных людей.
Кто ж Невьянску и району славу ковал?
Часть из них уже я раньше назвал.

2

Демидовы первыми тут процветали,
Их чугун, сталь в России все знали.
В мире лучшими эти металлы назвали,
Первенство – долго невянцы держали.

Год две тысячи второй юбилейным предстал,
Прибыл всё ж лет триста назад на Урал,
На завод Невьянский, Демидов Никита,
Чтобы сделать Невьянск знаменитым.
Чуть раньше приехал Акинфий – сын его,
Здесь «царьком» стал владения всего.
Невянск, Урал прославляли Демидовы,
Добились успехов невиданных.

Никита – династии всей основатель
И несметных богатств обладатель.
А достиг всего этого волей, умом
И энергичным, упорным трудом.

Затем Акинфий славу отца продолжал,
В стране он много заводов создал.
И «царство» стало больше государств иных,
В том не жалел сил и ума своих.
Вскоре задумал башню в Невьянске ставить,
Ей страну и Урал прославить.
Полагают, Батманов-зодчий старался,
Созданный им шедевр сей удался.

Прокофий – сын старший Акинфия, чудил,
Потом в тяжбе в наследство получил
Всё же старые все Невьянска заводы
Только лишь через многие годы.
Но в Невьянске же он сам мало управлял
И, боясь смут, заводы все продал.

3

Вружил ведь сперва Злобин – мастер плотинный
На Невьянском заводе старинном.
В Екатеринбурге плотину ведь создал,
Тогда ж город там строить начинал.

4

Яковлев Савва винным откупщиком был,
Энергично он управлять приступил.
Начал на Невьянском заводе известном
Наказанья чинить повсеместно.
Эксплуатировать всех трудяг больше стал,
И выпуск металла так возрастал.

Его сын Пётр Яковлев дело продолжал
Производства новейшие внедрял.
Вводил технику всю современную,
С ней – и дисциплину военную.

5

Верх-Нейвинске встарь ведь девчонка Катя жила
И Богдановой по фамилии была.
И всё ж в песке там нашла самородок златой,
Что стало в районе всё вехой большой.
Так россыпь золота, платины девчушкой той
В России открыта лишь впервой.

Девятнадцатый век тогда начинался,
В Невьянске «золотым» он назвался.

6

Открытие штейгер Брусницын совершил,
Он при добыче ныне предложил
Россыпи золотые водой промывать,
Что революцией можно назвать.
Ведь в горных делах в Невьянске, на всём Урале
Эффективным способ такой признали.

7

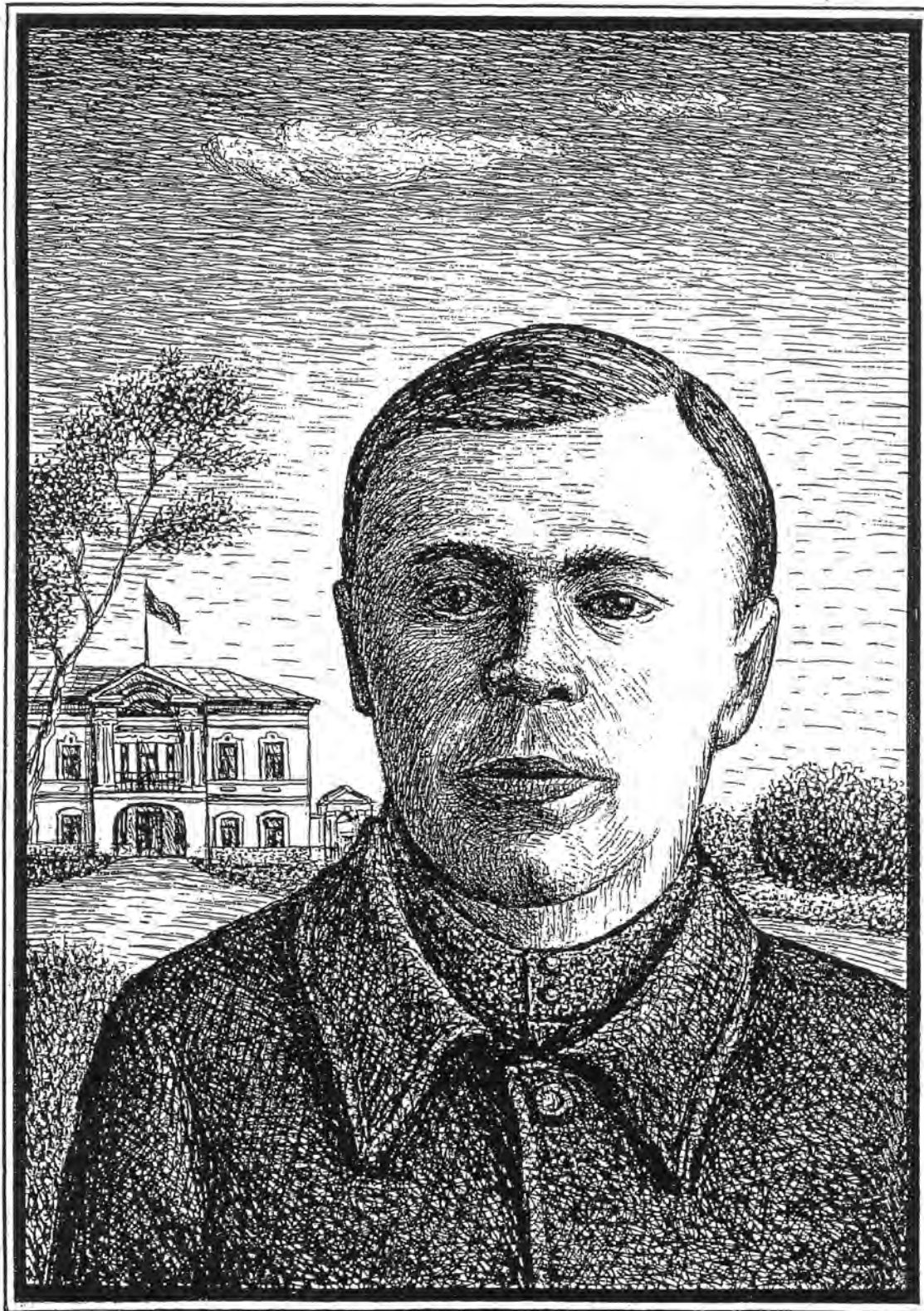
ещё одна есть приметная веха
Для Невьянска двадцатого века:
В городе первый цемент всё ж Урал получил,
Когда здесь цементный завод в строй вступил
Под руководством Александра Кузнецова –
Учёного большого, волевого.

Горняк талантливый, с Карпинским он учился
И дружбой с Менделеевым гордился.
В Уральском училище горном обучал,
Сам учился, в загранке побывал.

8

Николая Мартьянова на родине чтут,
Много о нём напоминает нам тут;

36. Мартьянов Николай Петрович – первый комиссар
просвещения Невьянского Совета

Его именем клуб, улицы назвали.
Он – среди всех известных на Урале.
Молодым на путь борьбы с царизмом ведь встал,
Членом большевистской партии стал.

Университет Петроградский окончил он,
А затем в Невьянский Совет введён.
В нём он – первый комиссар просвещения,
Быстро смог с большим вдохновением
Всё ж Союз Молодёжи в Невьянке создать,
Грамоте многих людей обучать.

И явил геройство при власти Советской,
Но погиб в мятеже белочешском.
В Невьянке похоронен в братской могиле,
И земляки его не забыли.

9

Невьянск о Ляхине Николае ведь знает,
Улица нам о нём напоминает.
В партии всё ж стал участником активным;
Теперь – с поручением партийным
Здесь за революцию борцов объединил,
Забастовку всех рабочих проводил.

Тысяча девятьсот семнадцатый год настал,
Всех коммунистов Ляхин весной собрал.
Совет рабочих депутатов создали,
Среди первых он предстал на Урале.

Ляхин – участник Апрельской конференции,
Дал Ленин ему аудиенцию,
Распросил сперва о работах текущих,
О проблемах в Невьянке насущных

И об этом декрет Совнаркома подписал,
И на создание контроля указал.
Имущество богатых всех он конфисковал,
В распоряженье Советов передал.
Ляхин в Невьянске ведь стал главой Совета,
В мятежные годы было это.

В Свердловске, Харькове, Москве потрудился,
Работою партийной гордился.

10

Конькобежец Смолин Владимир – невянский,
Мастер Спорта известный уральский.
Десять тысяч метров всех быстрее пробежал
И в стране всё ж чемпионом предстал.

11

Подводник Петелин так храбро сражался,
Не раз в море со смертью встречался.
И Героем Советского Союза так стал,
А ведь звание его – адмирал.
И гражданином Почётным в Невьянске стал он,
Гордится им город с военных времён.

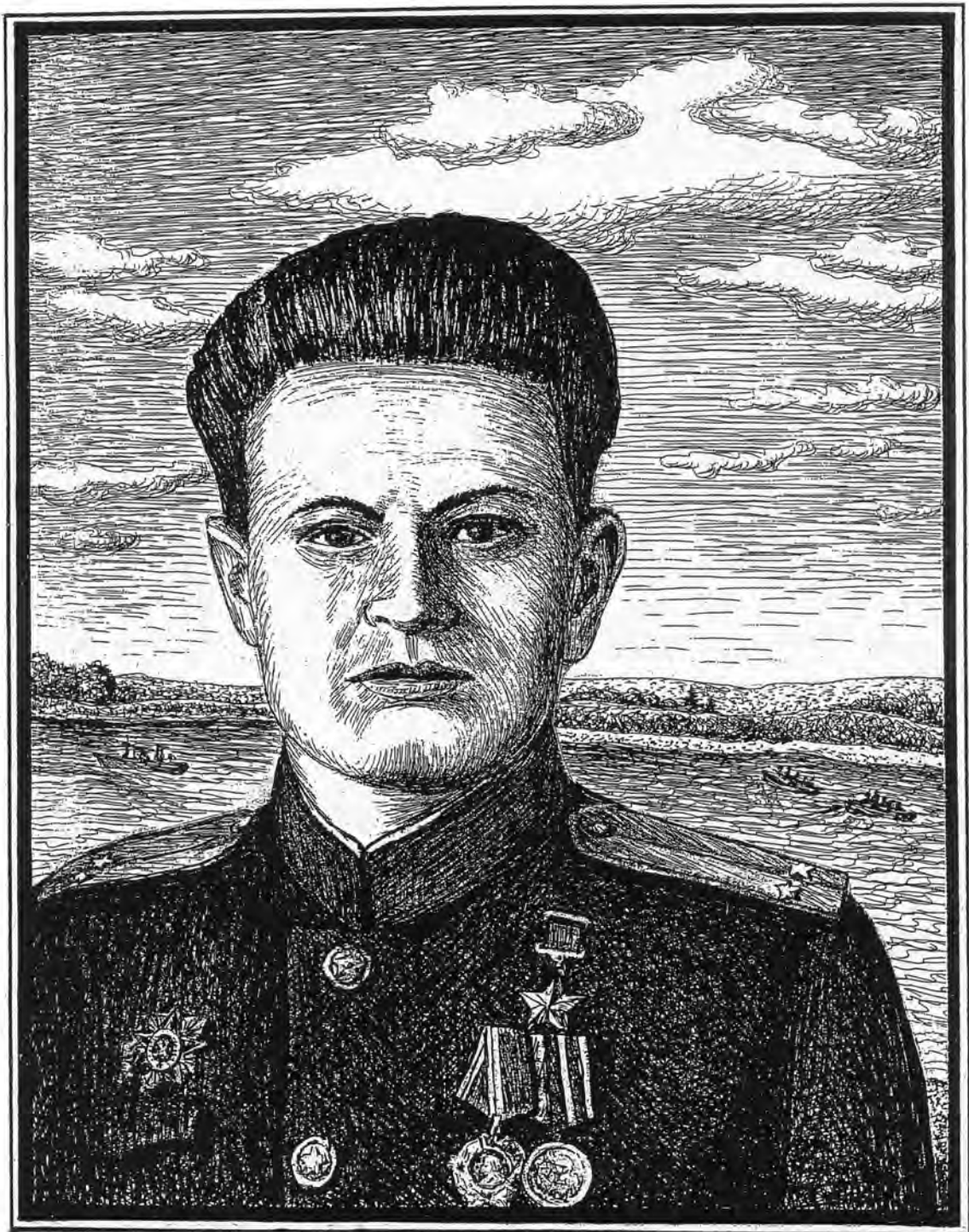
12

Вдруг Костоусов, несмотря на сильный обстрел,
Форсировать всё ж Днепр на лодке сумел.
И отбили воины сорок пять атак,
Хоть из дзота их обстреливал враг.

Костоусов с бойцами взял здесь дзот в бою,
Ранен был, но оставался в строю.
Звания Героя храбрый комсорг волевой
Удостоен был за труднейший тот бой.

37. Петелин Александр Иванович – вице-адмирал,
Герой Советского Союза

38. Костоусов Виктор Фёдорович –
Герой Советского Союза

13

Варшина Гомзин в бою подвиг совершил,
Гордо званье Героя получил.

А в труде мирном был многостаночником,
Стал в годы войны бронбойщиком.
С пулемётом, гранатами и бронбойкой
В битве той воин держался лишь стойко.

Много фашистов убил, два танка подбил,
Так «многостаночник» бой завершил.
Бойцы шутили: – Бронбойка, пулемёт,
Гранаты, автомат – всё в ход идёт. –

14

Вергей Бунин – человек в стране легендарный,
Люди на Руси ему благодарны.

Волевой и энергичный, и прозорливый,
И с авторитетом неоспоримым.

Он ФЗУ закончил, затем слесарем был,
Позднее в Тульский институт поступил.
А по окончании в Невьянск распределён,
Инженером на заводе стал там он.

Ему сам Калинин орден Ленина вручил,
Он так за свой труд признание заслужил.
А перед войной Бунин директором стал,
Наш завод в годы войны возглавлял.

Здравым, высочайшим интеллектом наделён,
О рабочих он заботится спокон.
Всегда в принятии решений не терялся,
Больших нововведений добивался.

39. Бунин Сергей Алексеевич – директор Невьянского механического завода в 1939 – 1945 годах

И техническое переоснащение,
И многостаночников движение
Были сполна на заводе при нём введены,
Здесь троили даже и в годы войны.
Мукой, овощами сотрудников снабжали,
И хозяйство подсобное создали.

Им возглавляемый завод механический
Известен стал трудом героическим.
Завод и директор ордена получили,
Всю работу так в войну оценили.

Также был директором на заводах страны,
А таланты его в делах всех видны.
В Москве заместителем министра он предстал,
Но в Невьянске и заводу помогал.
Процветанью России жизнь свою посвятил.
Помнят его, и наш Невьянск – не забыл.

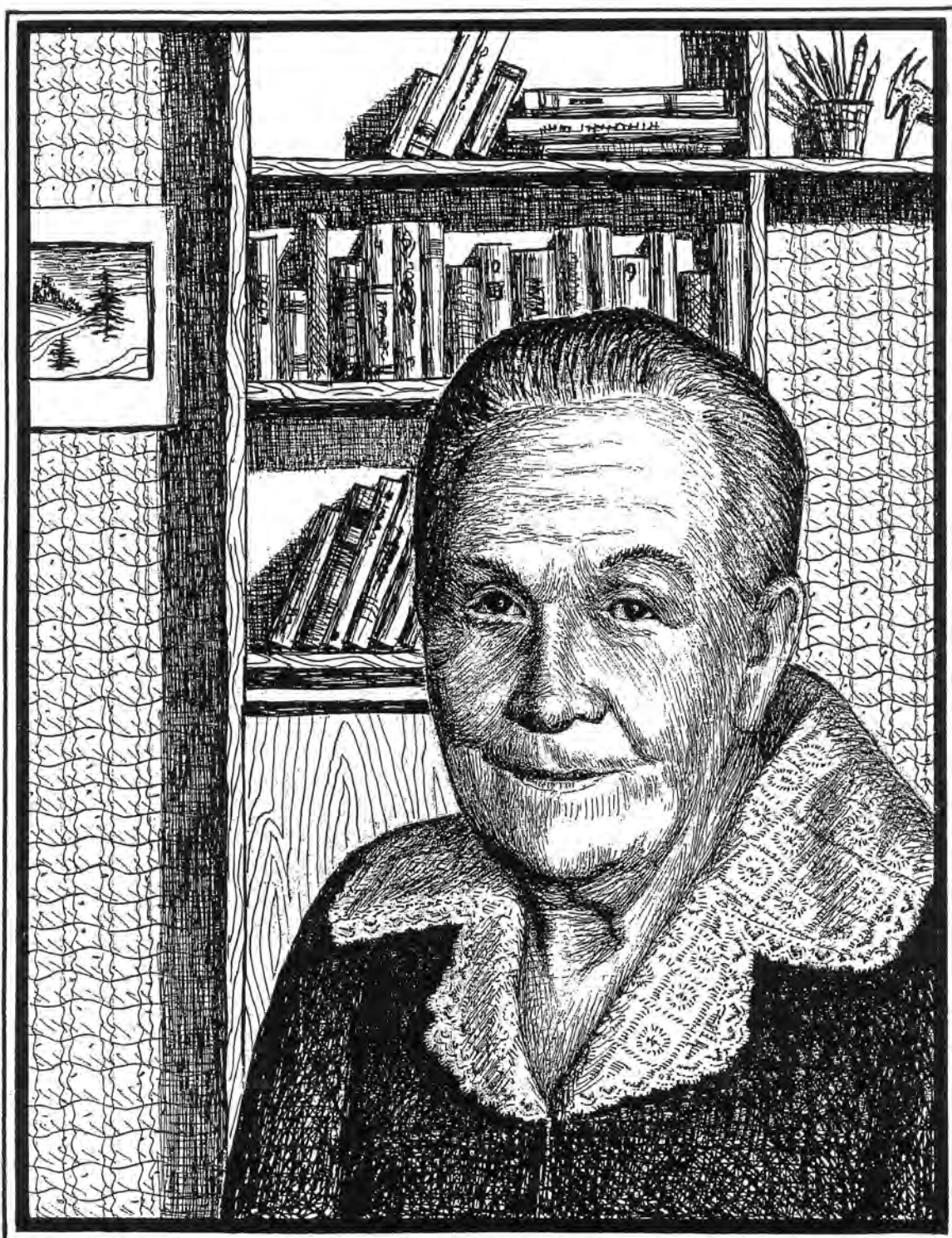
15

Мануйловой всё ж пришлось в музее трудиться,
И она его успехом гордится.
Сказала: – Душой болею я за музей,
Постоянно он и в жизни моей. –
Его бессменным директором предстала,
Историю края изучала.
Орденом «Знак Почёта» её наградили,
Активный труд и талант оценили.

16

Унит Невьянск Антонины Бобковой туды,
Ведь ею район, третья школа горды.
Запомнилась там людям решительной, смелой.
И гимназию закончить сумела;

40. Бобкова Антонина Ивановна –
Почётный гражданин Невьянска

Она училась с нашей матушкой тогда,
Свою подругу помнила всегда.

По призыву души обучала детей,
Было ж в то время семнадцать лет ей.
Сельские школы в тот период возглавляет.
Потом в Невьянск работать уезжает.
И только в гуще событий, дел всех была,
Субботники первые провела.

Ученики с нею овощи растили,
За это бесплатно их кормили.
В отпуску трудиться в колхозы отправлялась;
На крестьянские беды откликалась.

И поражала всегда энергией своей;
Воспитано ею пятеро детей.
Директором школы третьей назначили,
При ней строить – новую начали.
Бобкова днём и ночью там находилась,
С ней стройка быстрее завершилась.

Потом закончила учительский институт,
Но тяготы огромные лишь вновь ждут.

Ведь сразу на войну её два сына ушли.
Теперь на школу вдруг заботы легли:
Там стали тёплые вещи на фронт отправлять
И шефство смогли над детишками взять.
А вскоре школу лучшей в районе признали,
Её директора все поздравляли.

Тот успех Бобковой и оценила страна,
Орден Ленина получила она.

На пенсии и связь со школой не теряла,
Учителям и детям помогала.
Предстала гражданином Почётным города;
И её имя для многих дорого.

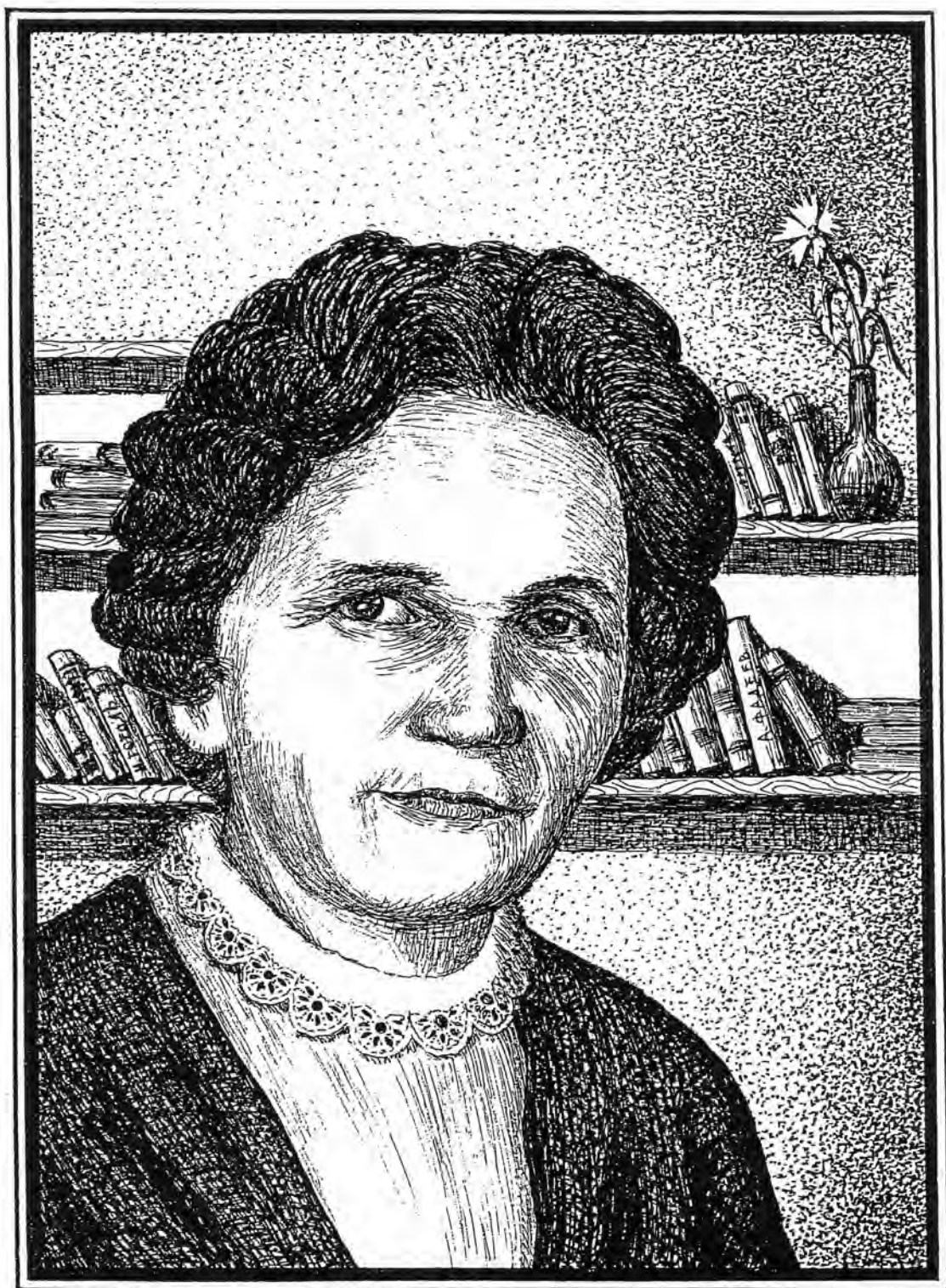

17

Уже шестьдесят лет помнится мне ведь снова
И Глафира Павловна Иванова.
Российским Заслуженным учителем стала.
Нас, сестрёнок и меня, обучала.

Вновь читала нам классиков видных творенья,
Душу и знания вложила в ученье.
Танцевать у неё учились по вечерам,
Вместе с ней петь так нравилось нам.
Также любили: стихи и прозу с ней почитать
И в диспутах, и концертах выступать.
И заражала нас всех энергией своей,
Невьянцам было расстаться так жаль с ней.

Но пишут ей ученики со всей страны,
В успехах их её труды видны.
В Сухом Логу живёт постоянно давно,
Была инспектором там в гороно;
Учителям всем молодым помогала,
Уверенность в их знания вселяла.
И обучать приступила опять всё же,
Но в школе рабочей молодёжи.
В Сухом Логу – и Почётный гражданин она.
А роль в воспитаньи молодых видна.
Теперь отличник в народном образованьи.
Работе общественной всей вниманье
Ведь уйму лет, не жалея сил, уделяла,
И клуб «Современница» возглавляла.

41. Иванова Глафира Павловна –
Заслуженный учитель России

Только к литературе ныне призвание
Вновь проявила в обществе «Знание».
Также очень много о писателях знает
И о них всё с увлеченьем читает...

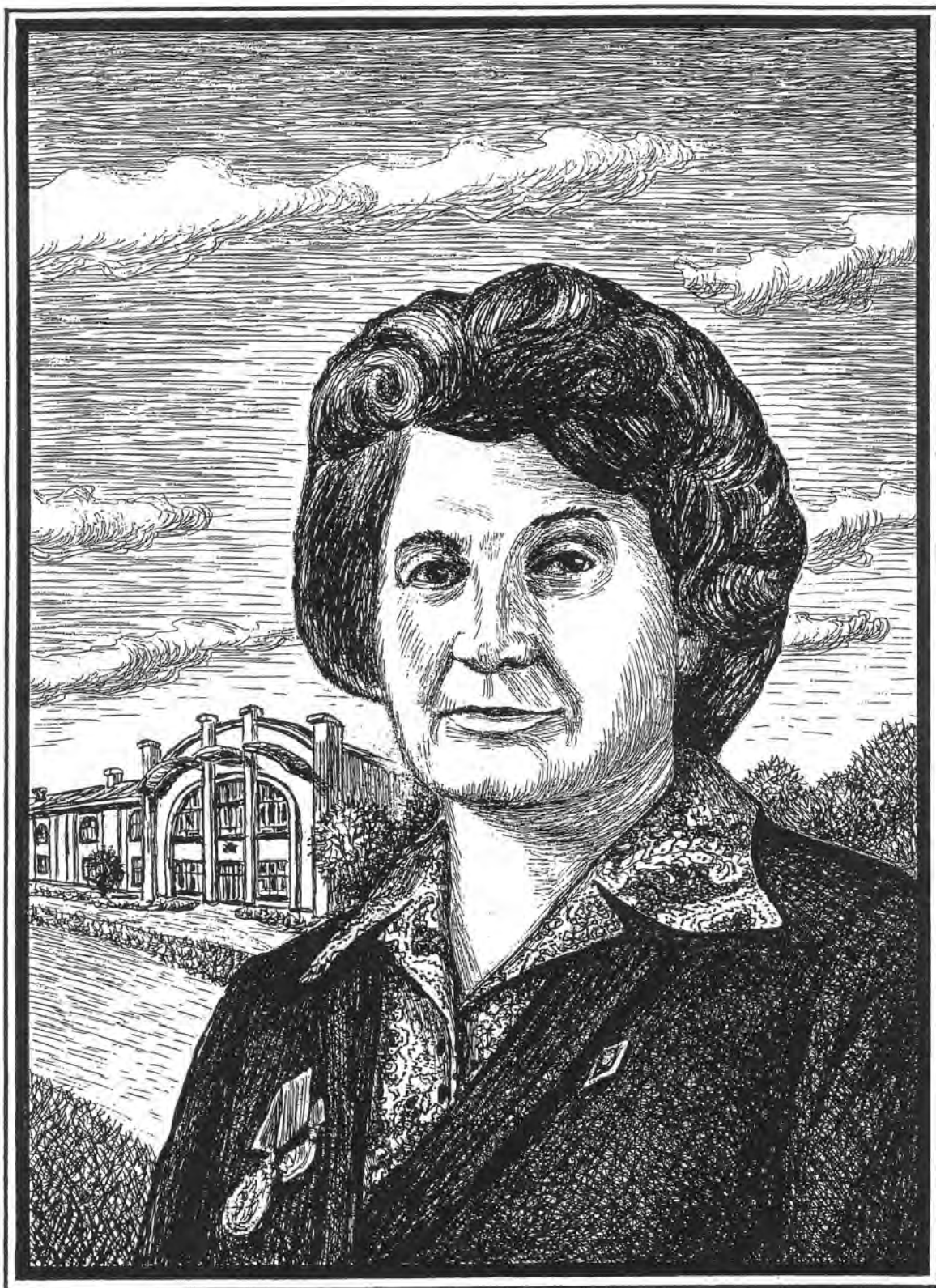
А оптимизм, доброта, талант свойственны ей.
Горда за успехи своих всех детей.
В семье помогает, прабабушкой зовётся.
И вновь уйма дел в доме ей найдётся.
Так интересно всё пишет в статьях в газеты
И часто читает, даёт советы.
Она и книгу воспоминаний писала,
Жизнь яркую всю свою вспоминала.

18

Ивёт в Невьянске Слюсарь – человек достойный,
А по призванию — учитель школьный.
В школьном обученьи успехи отметили
И статьи все в газетах заметили;
Маргарите Александровне чужд лишь покой,
Только энергична в работе любой.
Но всех намеченных целей добивается,
А так её воля закаляется.
Снова подбодрит и учителей молодых,
Ведь горда за учеников всех своих.

Так талантлива, в труде любом увлечена;
Всегда в курсе основных событий всех она.
И жизни общественной время уделяла.
А всё же добилась строительства спортзала
И кабинетной всей системы обученья,
Вновь и технического всюду оснащенья,
Когда первую школу она возглавляла.
Гражданином Почётным Невьянска предстала.

42. Слюсарь Маргарита Александровна –
Почётный гражданин Невьянска

Всё ж была депутатом в Совете городском,
Членом горкома в Невьянске дорогом,
А ещё и членом обкома КПСС.
Её ведь мнение имело там же вес.

У Глафиры Павловны она училась.
Высших званий и наград добилась.
И наградили орденом «Знак Почёта»
За всю ответственную работу.
И заслуженный учитель России – давно,
Ей за труд творческий званье дано.

19

делев в городской больнице – врач главный,
Авторитет его не случайный.

Закончил училище и на фронте был,
В войну в партию молодым вступил.
В Уфе закончил медицинский институт,
В Невьянске он начал мирный свой труд.

Замечательный хирург многим жизни спас.
Занят изучением он сейчас
Всей истории здравоохранения,
В лекциях разных без сомнения
Доходчиво о медицине говорит
И не зря годы многие творит.

Трудился в Советах городских да областных,
Уважает всех сотрудников своих.
К людям заботу и доброту проявляет,
А скромность сразу его отличает.
И гражданином Почётным Невьянска предстал,
Он также в районе известность снискал.

Валмашнов – слесарь, на заводе трудился,
 В Невьянске всех успехов добился.
 Работал лишь на участках очень трудных,
 На заводах был среди самых нужных.
 Любые заказы достойно выполнял
 И свой опыт большой передавал.

А тогда заслужил медали и ордена,
 Ведь высоко его так ценит страна.
 И Герой Социалистического Труда.
 Славился и смекалкою завсегда.

Давно заложил в стену башни капсулу он,
 А текст в ней же к потомкам всем обращён.
 Скоро с этого дня ведь двадцать пять лет пройдут,
 И обращение то в юбилей прочтут.

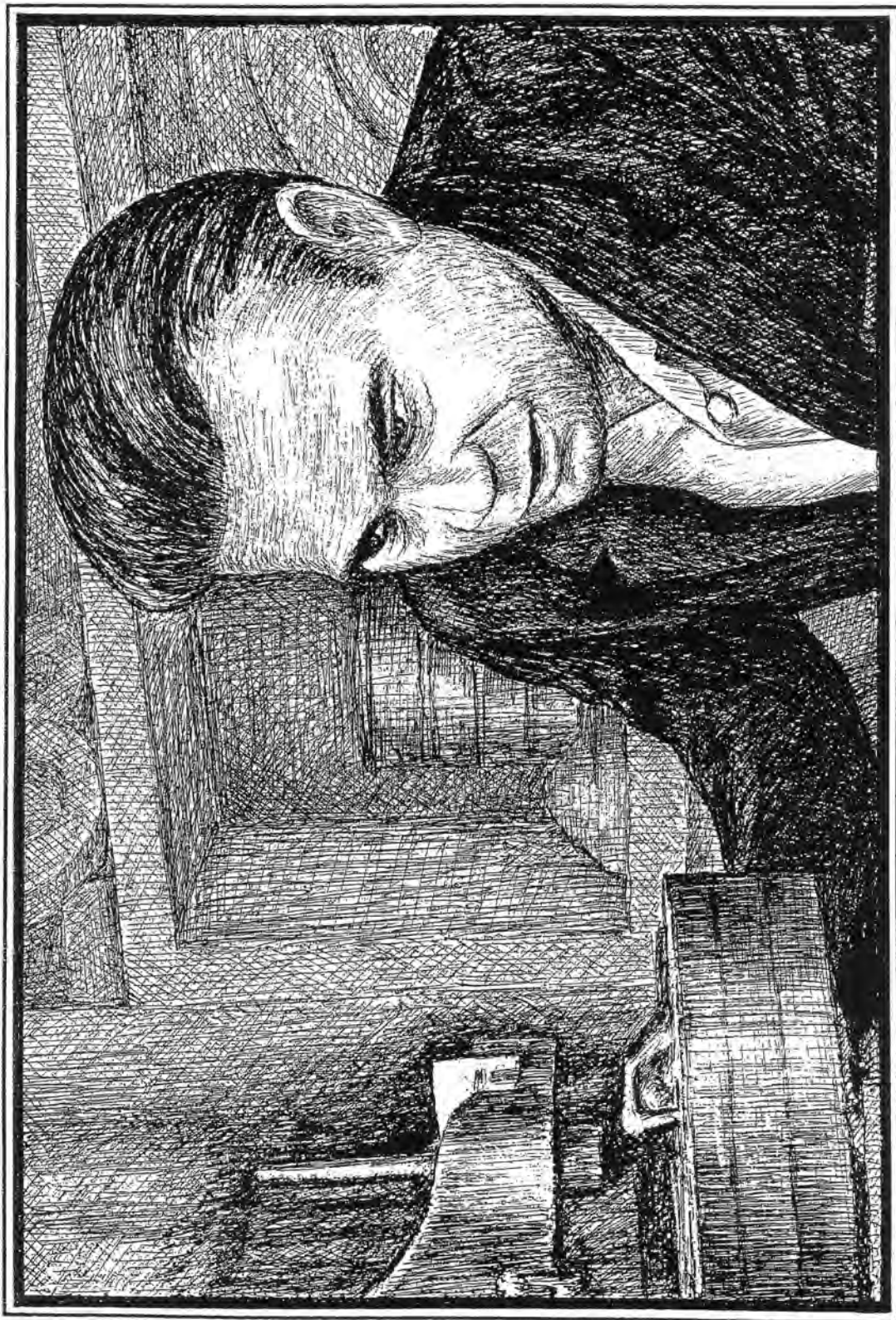
И спортом Виктор Балмашнов занимался,
 Рыбалкой порою увлекался.

Но не было к нему заботы достойной,
 Он доживал на пенсии скромной.

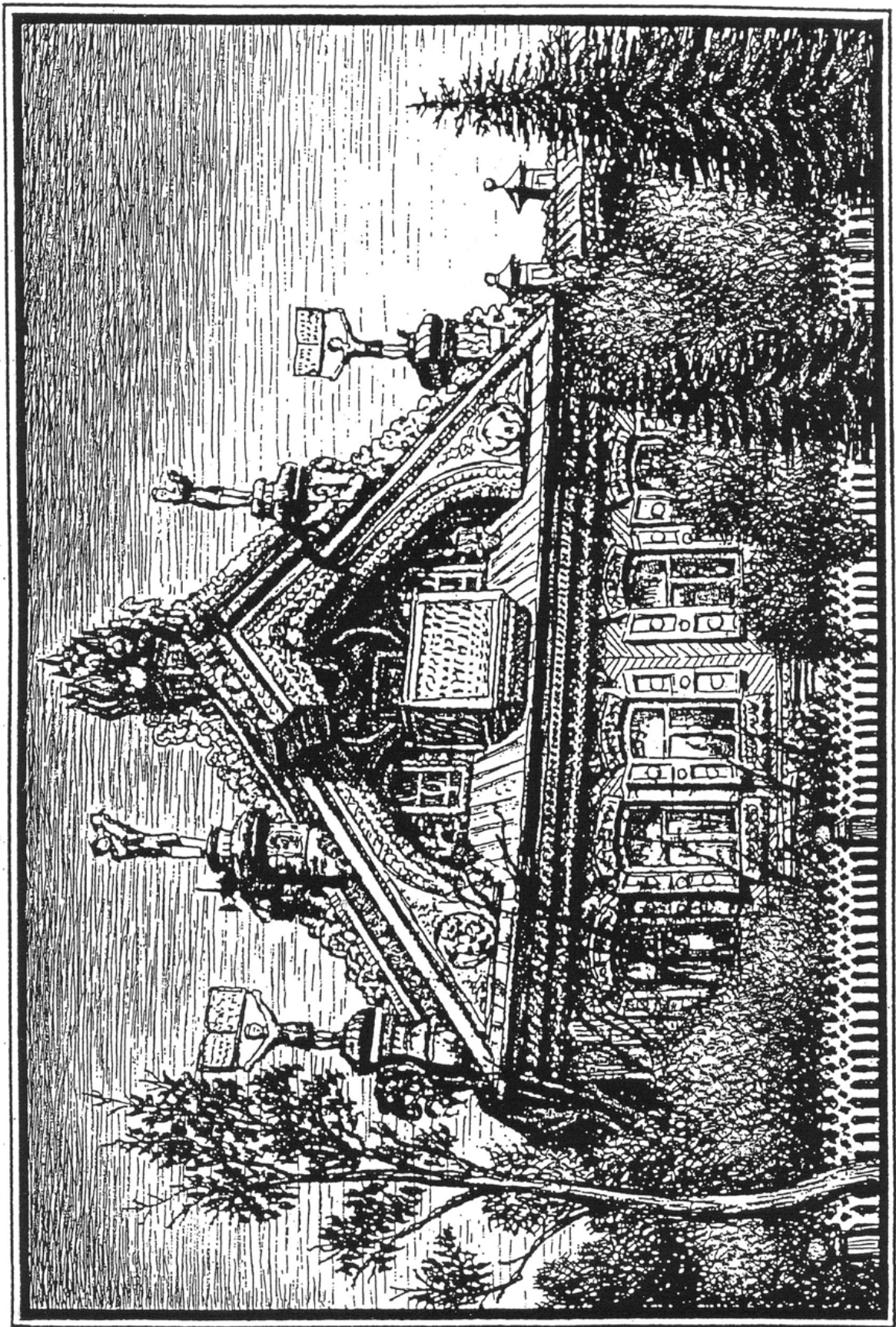

В Кунаре интересный деревянный дом,
 Знает ведь Невьянский весь район о нём.
 На тот сказочный дом посмотреть приезжают,
 Так необычностью он привлекает.

Строитель, хозяин дома, Кириллов – кузнец,
 И ремонтник, сварщик и плотник, творец.
 В народной, деревянной лишь архитектуре
 Вновь проявил самобытность природы;

43. Балмашнов Виктор Алексеевич – Герой Социалистического Труда

44. Дом кузнеца Кириллова в с. Кунара Свердловской области

Всегда Сергей Иванович со смекалкой.
Теперь занялся резьбой, чеканкой.
На все руки мастер неподражаемый,
За таланты все уважаемый.

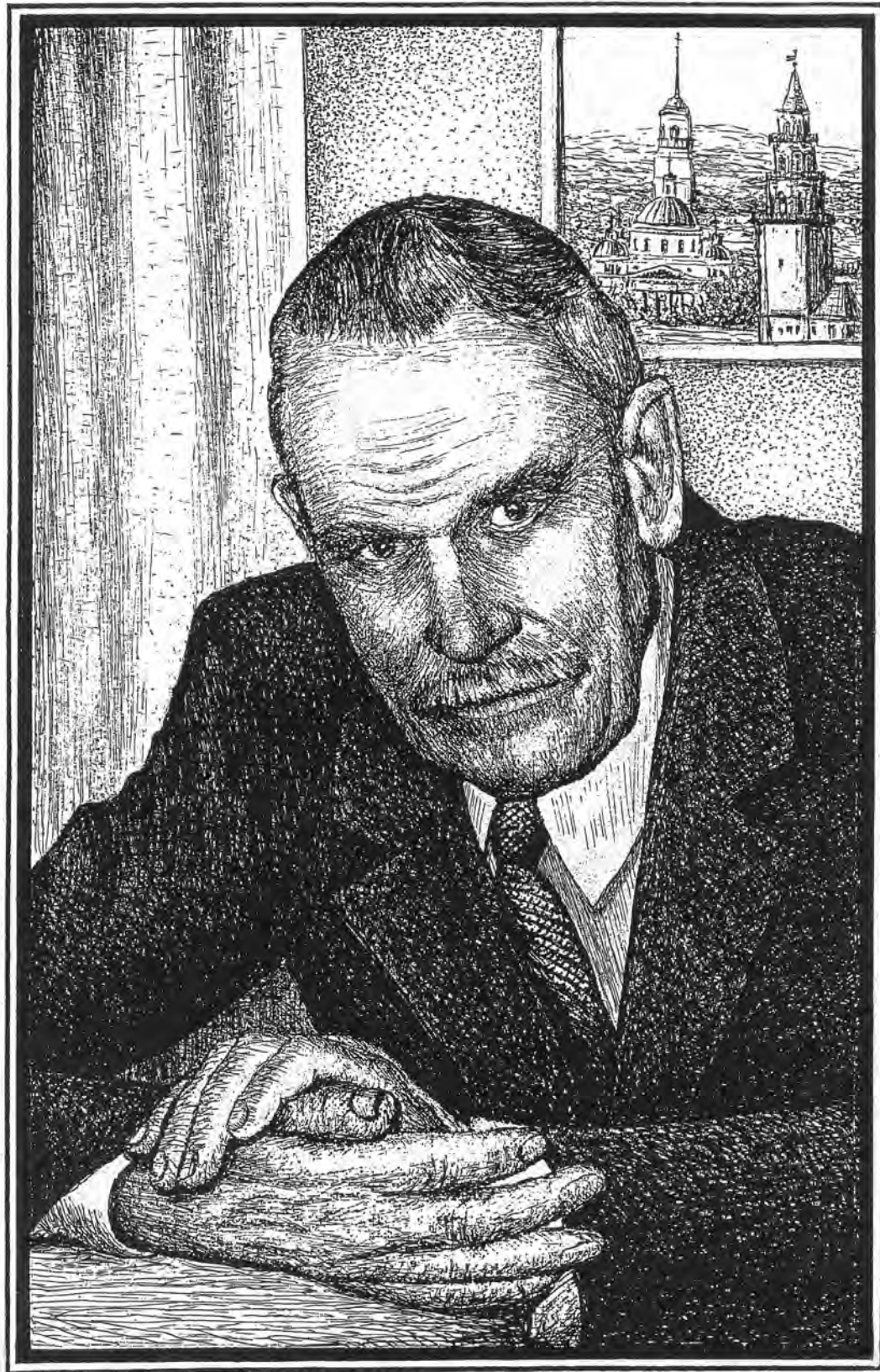
22

мэрии Невьянска я осенью побывал,
Альбом граждан Почётных там увидел.
И один портрет в том альбоме привлёк меня,
Так решил: «Написать о нём должен я».
С фотографии смотрел человек волевой,
Труженик в годах и с нелёгкой судьбой.
И Замоткин Василий Александрович – он,
Знают в Невьянске о нём с давних времён.

Сестра Тамара недавно у него в гостях
По просьбе моей узнала о делах.
Опять занимался и родословной своей,
И альбом большой он составил по ней.
Папа и дяди его были кузнецами,
И славилась родня вся силачами.
А собеседник Замоткин в отца урождён,
Могуч, бодрый, статностью он наделён.
И в разговоре дошли всё ж до сути такой,
Что он нам приходится даже роднёй.

Закончил и ФЗУ, и курсы мастеров
Ещё до военных, трудных всех годов.
Но на войну его не взяли, бронь получил,
Так очень нужен на заводе лишь был.
А там возглавил молодёжную бригаду;
Имеет по заслугам он награды.

Наш Невьянск ценит Замоткина – краеведа;
Его консультации да совета

45. Замоткин Василий Александрович – краевед,
Почётный гражданин Невьянска

В городе так ждут с огромным нетерпением,
Где знает все улицы, строения.
Приносил лишь мешками иконы он в музей.
И заражает энергией своей.

И организатор Замоткин активный.
Основал первый сад коллективный;
Давно в Невьянске, на Михайловке, тот сад,
И овощи, и фрукты там растят.

Избран ведь дважды был и в городской Совет.
И на протяжении многих лет
Документы про город родной собирал,
Много заметок о нём написал.

И как одного из авторов книги знаем;
Опять эту книгу «Невьянск» читаем.

Недавно известный Замоткин почил вечным сном;
Мы, его земляки, всегда помним о нём.

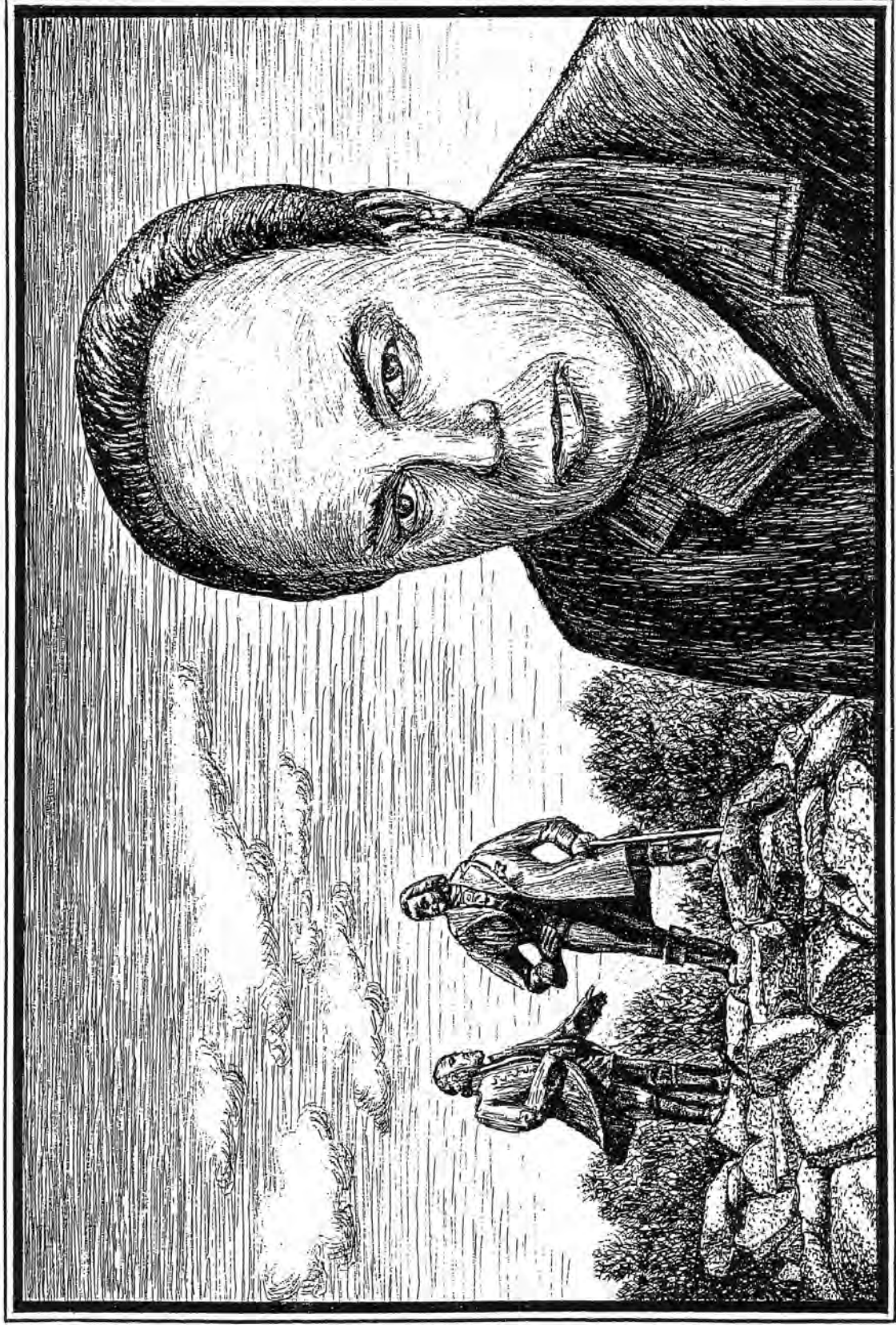
23

Надтока мудрым был, к людям внимательным,
Творил и учил замечательно.

Закончил техникум местный механический,
Затем институт педагогический.
Стал учителем, скульптором, художником, зодчим,
Видным дизайнером и даже рабочим.

Чертежи для постаментов многих выполнял,
Также интерьеры зданий рисовал.

В жёны Маргариту Николаевну взял,
Ту красавицу ведь здесь повстречал.

46. Надтока Алексей Ефремович – учитель, скульптор, художник

Медицина – её призванье; успехи есть в ней.
Воспитала тут с мужем двух дочерей.
С ней переписку я вести продолжаю;
И новости порой получаю.

Алексей Ефремович, её муж, известным всё ж стал
И работами своими творец украшал:
В отчизне Днепропетровск, Невьянск, Нижний Тагил.
Ваятель в Невьянске своём сотворил:
И памятник невянцам, погибшим в войне;
И монумент, давшим славу стране,
Никите Демидову, царю Петру Первому,
Жизнь отдавшим всему делу бессмертному;
В башне измождённые горем фигуры,
Как живые, все эти скульптуры.

Преподавал лишь с завидным призванием
Черчение и рисование.
А делу обученья тридцать лет посвятил,
Учеников своих он жизни учил.

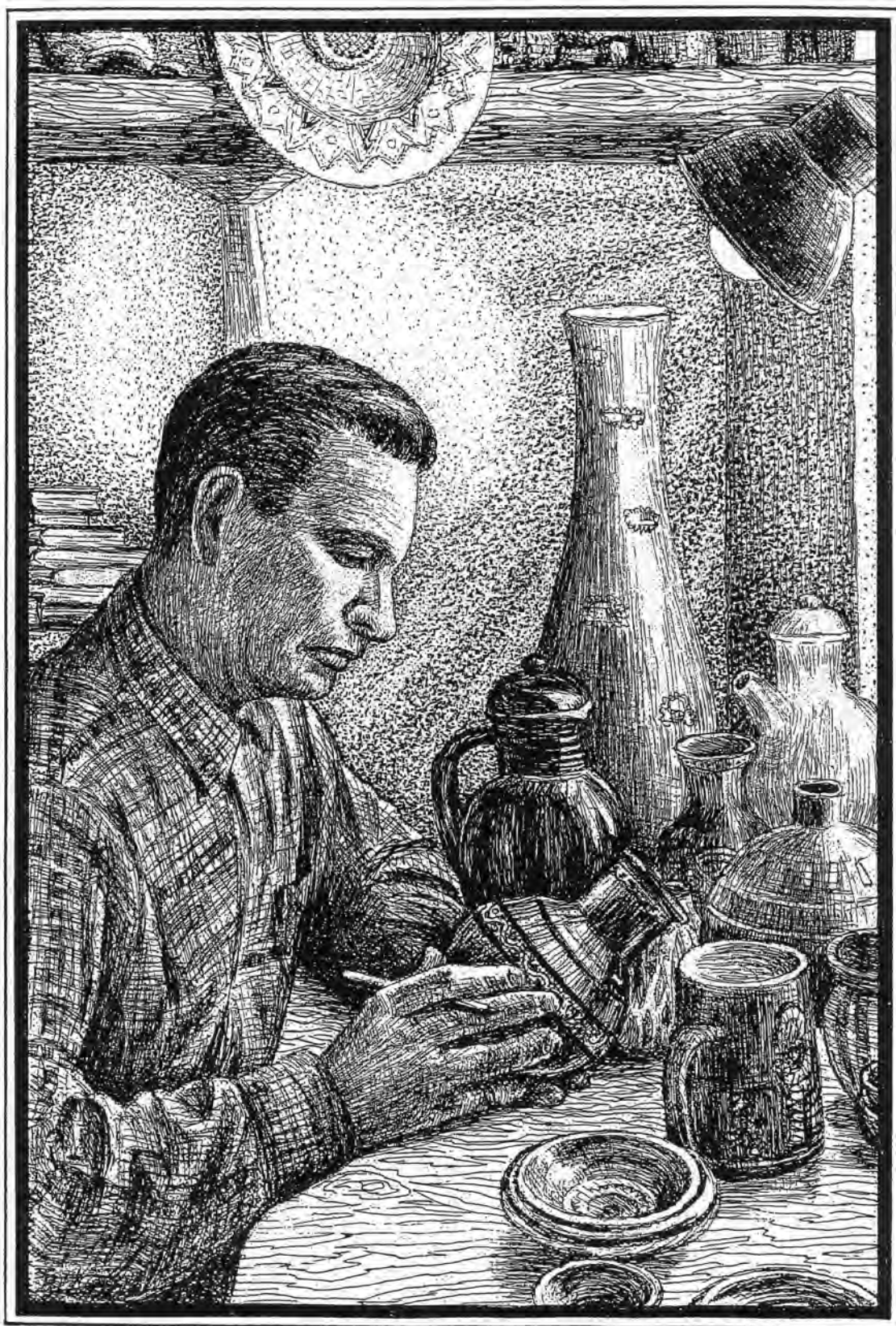
И дарил мастер людям радость и доброту,
Учил увидеть в мире красоту.

24

звестен в районе среди ветеранов
Творец Яков Акинтьевич Жданов.

Сестра моя и у него побывала,
Её гостеприимство там ждало.
Хозяин здесь о судьбе нелёгкой рассказал,
За творчество все дипломы показал.
Сувениры ей подарил и промолвил о них,
Вспомнил Мишу тут – мужа её, и родных.

47. Жданов Яков Акинтьевич – художник керамического завода в Нижних Таволгах

Семь классов с ним закончил в Быньговской школе,
Ему всё ж пришлось трудиться вскоре.

Также коновозчиком был на рудниках.
А в войне ведь участвовал в боях.

После на прииске золото он добывал,
В артели «Керамик» работать вдруг стал;
Талант, дремавший до поры, здесь явился,
В художника гончар превратился.
Всё там же, в Нижних Таволгах, Жданов живёт
И опыт молодым передаёт.

Художник на керамическом заводе
Работал с душой многие годы.
О заводе своём летопись он написал,
Много так прекрасных изделий создал.

В делах настойчив, способный и трудолюбив,
В работах его есть главный свой мотив –
Природа родного уральского края.
А в керамике всё ж привлекают
Оригинальность, поиск лишь неустанный.
Участник выставок – постоянный.

Его все творения знают и ценят сейчас,
Получал и премии множество раз;
Во Всероссийском конкурсе все признали,
Ему в нём место второе дали.
Орден Трудового Красного Знамени он
Принимал ведь с гордостью – труд оценён.

Скорбную весть с Невьянска вскоре я получил,
Что наш гончар-художник Жданов почил.

Помнят и мастера, и его дарованья,
Ведь всюду оставил людям деянья.

25

Письмо недавно в газете «Звезда» прочитал,
Назарову Логинов в ней написал;
Он, Логинов Вадим Петрович, в юбилей
Шлёт свой привет вновь родине своей,
Жителям Невьянска трёхвекового,
Города так для него дорогого.

Здесь и родился, в первой школе учился
И всё ж активно даже трудился
На заводе, также на лесоповале.
Но его дороги вдаль позвали...

Закончил институт кораблестроительный.
Он – инженер с опытом внушительным...
Работником стал комсомольским, партийным;
Дипломатом работал активно.
Советником СССР в США служил,
Послом Родины позже в Анголе был.
В СССР – замминистра иностранных дел,
На этом посту он богатств не имел.

Хоть на пенсии, но подрабатывать стал,
Трудный период ведь не миновал.
Сполна заслужил ордена и медали,
Так работу его отмечали.

В Совете ветеранов МИД России он.
И переписку с роднёй ведёт спокон,
Которые в Невьянске так давно живут
И с Москвы родственника писем ждут.

Написал, родные Палестины б всё ж посетил,
Если вдруг накопит средства, хватит ли сил.
На посещение Невьянска родного,
Быть может, человека такого
Надо бы деньгами немного поддержать.
Ему ж с пенсии всей их не собрать.

26

всю реставрацию башни завершали,
Но куранты-часы на ней молчали.
А это было в Невьянске лет сорок назад,
Страницы всех тех дней вот что говорят...

Там Силина Нина – сотрудница музея,
Вела лекции, опыт в том имея.
Громко вдруг послышался вопрос из зала:
– Что ж с курантами на башне стало? –
Так спросившему лектор смогла отвечать:
– Нужных умельцев здесь трудно сыскать.
Ведь нет ни в Свердловске, ни в Перми мастеров
По ремонту всех старинных часов.
Наверное, мы сговоримся всё ж с Москвой. –
И вновь голос задорный, молодой:
– А умельцами славился Невьянск веками!
Часы наладить тут смогли бы сами. –
– Вот сразу и возьмишь ты! – из зала в ответ. –
До юбилея ещё есть пять лет. –

Саканцев Александр ведь взялся за дело.
Всё мог наладчик делать умело;
И хобби вновь помогло; часы любые:
И старые, с боем да большие,
Из дерева, пластмасс и металла, фарфора.
Их ремонтировал не без задора.

Квартира стала так похожа на музей,
Часы на стенах всех висели в ней.

А с училища ребят в помощники взял,
С ними он часы на башне изучал.
Искалечены, испорчены детали,
В мусоре из них часть отыскали.
Но многие детали не оказались,
Всё ж изготовить их постарались.
Эксперименты, расчёты проводили,
Старинные ноты изучили.

Была работа долгой и кропотливой,
Но финал у неё – счастливый.
Восстановили куранты башни в те года.
Невьянск мастерами славится всегда!

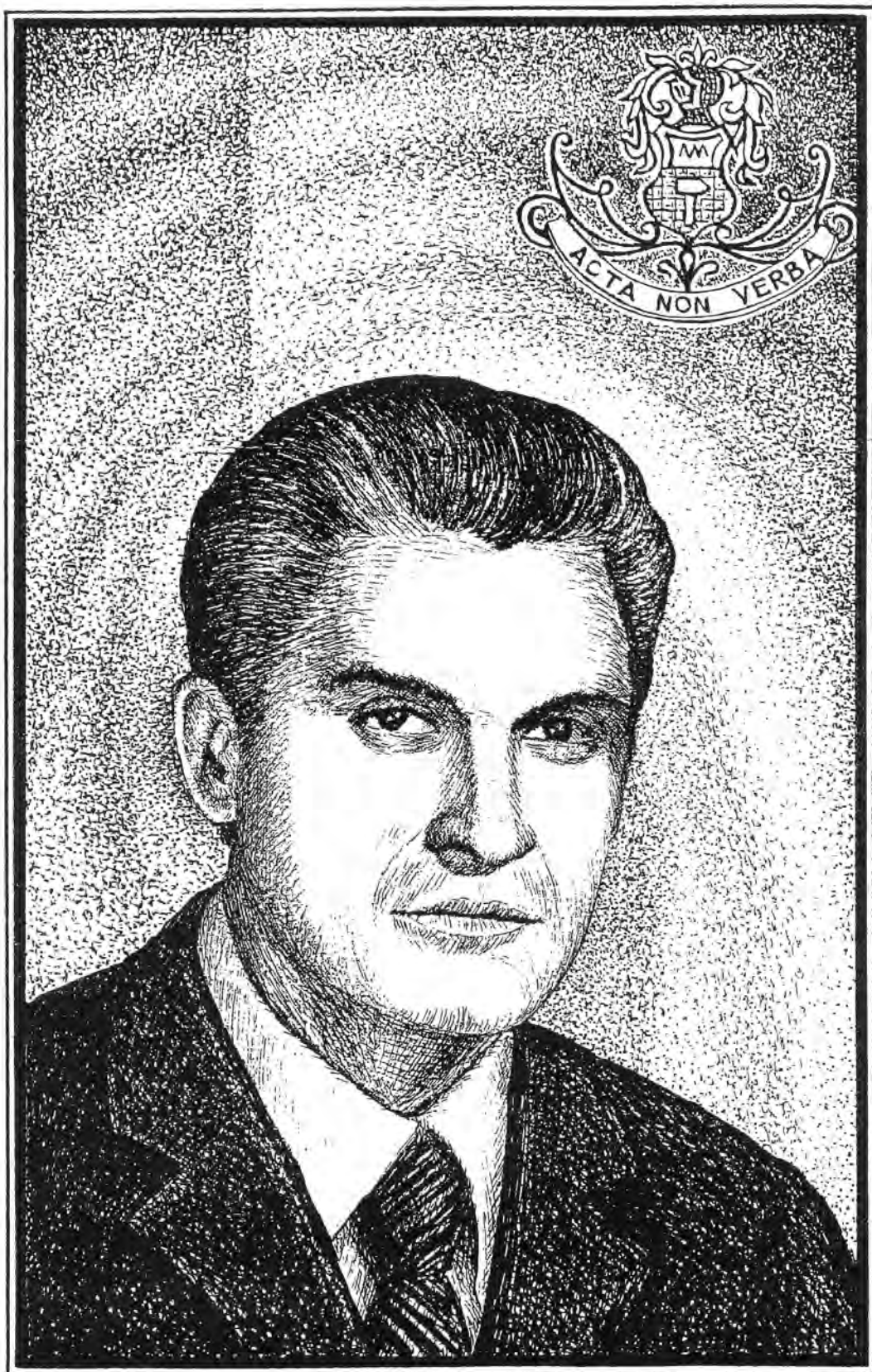

27

Виктор Хохонов уже с интереснейшей судьбой,
Школу он закончил с медалью золотой,
В училище Бауманском нашей столицы
Сумел знаний лишь отличных добиться.
Распределён на завод механический
В Невьянск – городок исторический.

А здесь шагал смело по ступенькам к успеху:
Инженер, мастер, начальник и в цехе,
Главный инженер и директор завода.
И все те напряжённые годы
Внимательным и справедливым оставался
И талантом, и волей отличался.

Вскоре с Ларисой Михайловной встретился тут,
Жена замечательна, делом живут.

48. Хохонов Виктор Васильевич – академик академии имени Демидовых, Почётный гражданин Невьянска

Работоспособность и ум их отмечают;
И в стране энтузиастов тех знают.

Хохонов имеет медали, ордена;
Труд его оценила так страна.
Известным стал в мире всём и на Урале,
Академиком его избрали
В Академии имени Демидовых.
Ценит Невьянск – лишь удивительных.
Башня шлёт с благодарностью им всем поклон
За сохранение с давних времён
В Невьянске древнем Демидовского наследия
И его умноженье во всех столетиях.
А оно всё обязательно останется.
В этом ведь и Хохонов старается.

Гражданин Почетный города родного
В центре всех событий стал всё ж снова.
Создан недавно здесь фонд благотворительный,
Его директором исполнительным
Всё тот же Виктор Васильевич назначен.
Желаем ему, фонду удачи!

28

Еорисихин – глава УСФ³² при ЮНЕСКО,
Он своё мнение высказал веско:
– В движении ЮНЕСКО Руси невянцев чтут,
Первопроходцами многих их зовут. –
В нём от Урала, Сибири без промедленья
По просьбе невянцев было решенье:
Учредить центр «Невянское наследие»,
Скоро ему – двадцатилетие.
Девиз Демидовых «Дела – не слова» берёт,
Культурный центр успешно дела ведёт.

Хохонова ныне в нём – координатор,
Интересных дел организатор;
Лариса Михайловна вечно оптимист,
Энергична, в труде специалист.
В центре контролирует чётко работу,
Проявляет о людях заботу.

Документацию и отчёты выдаёт
И хороший фотофонд тут создаёт;
Фотографирует и сама интересно.
И названа патриотом известным.
Ездит на конференции да семинары,
Пишет статьи вновь в газеты, журналы...

И всё ж успехи пришли к подопечным младым,
Вручают дипломы и премии им.
Нечкин Роман – ученик пятой школы, опять
За честь и Невьянска сумел постоять;
В ЮНЕСКО – стал среди лидеров лишь молодёжных,
Участник всех конференций надёжный.

В конференции Демидовской, как известно,
Отдано Карпухиной третье место.
В ЮНЕСКО, в Международной открытой там школе,
Есть и успехи Забириной Оли,
Среди абсолютных победителей она;
Опять помощь и наставницы видна...

В Международном всём юнесковском движеньи
И в конкурсах рисунков, сочинений
Невьянцы участие вновь принимают,
Иностранных гостей здесь встречают.
И Международный Демидовский маршрут
Для туристов открыт впервые тут.

Ларисы Михайловны поддержка и вниманье
Ведь видны во всех нелёгких начинаньях.
А в четвёртом году века конкурс проходил,
«Женщина года» – названье получил
Там, в Горнозаводском округе; в нём место второе
Лишь ей дано за достиженье большое.
В Академии имени Демидовых смело
Званья профессора достичь всё ж сумела.

И в деле любом энтузиастка горит,
Ещё многое она совершит!

29

Константина Чайковского знает наш район,
Учителем физики в первой школе он
Почти ведь пять десятков лет преподавал;
Авторитет огромный здесь снискал.
Успешно лет тридцать возглавлял горно.
Ему много наград, званий дано.

«Человек он талантливый, талантлив во всём», –
Пишет Фролова так о шефе своём.
Давно одарённый учитель прежде всего,
Ведь известны уже питомцы его.

В уроках всех физики – глубины содержания,
Гуманизм, также учёных почитанье.
А гордость за науку его вдохновляет
И любовь школьникам к ней прививает.
Он выпустил по физике сборник задач,
В нём нестандартность и много удач.

Отличник народного просвещения
Снискал почести, уважение.

Российским учителем Заслуженным знают
И на съезд учителей избирают.

И стал недавно корреспондентом газеты «Звезда»,
Заметки в ней его интересны всегда.
Шахматы – страсть, «Кандидат в Мастера» ныне в них.
Он в курсе событий любых мировых.

Является кумиром для многих друзей
И подтверждает то жизнью своей.
Интеллигенту присущи, пишу не скрывая,
В труде кругозор и культура большая.

Этот человек хоть заметный, но скромный
И порядочный, в дело влюблённый.
Библиотекой богатой обладает,
Так часто и много он читает.
А знания и опыт щедро отдаёт.
И никогда в беде не подведёт.

«...Роскошь – человеческое общение», –
Девиз яркий без сомнения,
Путеводною звездой учителю стал;
Сент-Экзюпери его написал.

В Невьянске Чайковский – Почётный гражданин.
Он женат и отличный семьянин.
Двух дочерей воспитали он и жена,
О внуках теперь забота одна.
Константин Вячеславович знает весь город,
Каждый его совет жителям дорог.

Но уже патриот Невьянска скончался.
В памяти он у многих остался...

30

возглавляет Назаров Невьянский район,
На должность большую был избран вновь он.
Район Назаров Степан Якимович знает,
Усилия все свои направляет
Прежде всего лишь на его процветание,
Работает всегда со старанием.
Промышленность успехов добивается,
И жизнь в районе улучшается.

Смог окончить техникум наш механический,
На заводе сумел ведь фактически
Стать мастером, после начальником цеха.
Учился в Свердловске с успехом,
Там окончил Высшую школу партийную.
У него вся работа активная.

И секретарём Горкома партии всё ж был,
Филиалом «Модуль» он руководил.
Подготавливать стал Невьянск свой к юбилею
Вместе с администрацией своею.
Участвует в Днях города и собраниях,
И в конференциях, заседаниях.
В газетах, журналах – его публикации,
Принимает порой делегации:
И заграничные, чаще из нашей страны.
Дела все Назарова людям видны.
За вклад в стройку храма здесь церковь ведь вручила
Ему Орден Святого Даниила.
Избран был председателем Думы Невьянской.
Видным всё ж стал в регионе Уральском.

31

ся Свердловская область Катаеву знает;
Первую школу уже возглавляет

49. Катаева Евгения Ивановна – Заслуженный учитель
России, директор Невьянской средней школы №1

Евгения Ивановна многие года,
Авторитет заслужила навсегда.

Имеет высшее давно образование;
И учит тут детей – лишь по призванию,
Искренне так их всех любит, понимает,
Способности многих развивает.
Реализует и программы все умело
И предана учительскому делу.
Передаёт она опыт свой большой;
Знают её смелой, волевой.
Обладает умом ясным, глубоким;
Человек культуры высокой.
Была раньше инспектором тут в гороно.
Пишет статьи и в газеты давно.

«Уроки нравственности всем преподали
И вечно ведь добро утверждали
Спиноза и Микеланджело, Лев Толстой...» –
Она написала в статье одной.
Также даёт уроки морали и добра,
И так отзывчива, искренна, щедра;
Не жалея сил, знаний и умения,
Дарит надежду, вдохновение.

Царят в коллективе всём школьном сплочённом,
На большие дела устремлённом,
Нравственность и дисциплина, пониманье.
Ещё уделяется вниманье
Ориентации лишь педагогической,
Внеклассным занятиям практическим.

Но верен всё ж традициям классическим
Весь коллектив школы учительский,

Хотя использует идеи новые,
Методики всегда образцовые.

И школа получила в Невьянске признание
Благодаря только многим стараньям.
Опыт тот оценил Тагильский пединститут
И его вскоре в области обретут.

Школа в конкурсах Всероссийских побеждала,
Даже лауреатом в них предстала;
«Школой года» лишь её не раз называли,
Статус гордый «Школа века» ей дали.
В этом ведь директор, школа стараются,
Достижений таких добиваются.

И Катаеву за мастерство уважают,
Творческий поиск давно отмечают.
В образовании школьном её работа
Отмечена орденом «Знак Почёта».
Заслуженный учитель России – она,
Так труд большой оценила страна.

32

Невьянске ведь Язев – Почётный гражданин
И судьбы своей яркой властелин.
Уральский характер, российский масштаб у него,
Достигает уверенно лишь своего.
Видным предпринимателем в России стал он
И как политик всё ж в стране оценён.

Работал шофёром, поступил в институт,
Его трудные дороги зовут.
И в отрядах студенческих он руководит.
В бедах спасёт и слабых защитит.

А в спорте, в труде, учёбе служит примером.
Институт окончил, стал инженером.
Там, в УПИ встретился с будущей женой своей,
Растят вместе счастливо троих детей.

И в городе секретном инженером был;
Но ведь его всюду простор манил.

Уехал на Север, в системе «Газпрома» там,
Лишь с диспетчера только, без связей сам
Стал он главным инженером «Тюменьтрансага».
В экстренных условиях тех ни разу
Валерий Афонасьевич всё ж не терялся,
Так и с задачами с риском справлялся.

Сильный, энергичный, способный и волевой.
Всегда первый лишь на работе любой.
Большую корпорацию вскоре создал
И ведь название «ЯВА» ей дал.

В Государственной Думе России вновь он,
Много раз избран и там утверждён.
В ней Язев ныне комитет возглавляет;
Запросам вниманье уделяет.
А им в Думу законы были внесены,
Быстро они уже в жизнь введены.

Уже предложил ведь много законов о недрах:
«Не должно в России богатой быть бедных.
Лишь людям богатства всей земли принадлежат,
Не считая на их добычу затрат.
Сверхприбыль сырьевых компаний надо изымать
И россиянам всем на благо направлять».

50. Язев Валерий Афонасьевич – заместитель Председателя
Госдумы России, Почётный гражданин Невьянска

А в меценатстве успехи значительные;
Он фонда два благотворительные
«Россия – наш дом» и «Фонд Язева» создал.
Приютам да больницам помогал
Спонсор спортивных больших соревнований,
Учёным – поддержка и вниманье.

Щедро и постоянно помогает церквям:
В Новоуральске ведь построили храм;
И реставрацию соборов продолжает.
Стипендии студентам вновь вручает.

В делегациях Руси, правительства он был,
Также по делам визиты наносил.
Уже во многих странах зарубежных бывал,
Себе надёжных партнёров там сыскал.

Кандидатом наук и академиком стал,
И статьи, книги написал, их издал.
Профессор, известный уже экономист;
Не раз в нашей стране – лучший лоббист³³.

На комплекс Невьянский с корпорации всей
Выделяет миллионы рублей
Он для старого Невьянского завода.
Сразу ощутима та забота.

Алексий Второй – Патриарх всея Руси,
За благие дела ему вручил
С благодарностью сам два ордена Святого
Сергия Родонежского. И снова
Язев, как всегда, лишь упорно трудится.
Его смелые планы сбудутся!

укарцев в городе – человек достойный,
Внимательный ко всем, строгий, скромный,
Талантлив, имеет характер волевой
И гордится нелёгкою судьбой.

Техника диплом он в Невьянске получил,
В институт Ленинградский поступил.
Было успешным его окончание,
Поехал в Невьянск, его желание
Конструкторскому делу себя посвятить,
Изобретать, создавать и творить.

Та жажда творить в институте родилась,
От научных светил передалась.
Начальник Коробейников много помогал,
В ученика и уверенность вселял.
Не только творца из него он воспитал,
Ему знания свои передавал;
Взрастил патриота и завода, и страны.
И Кукарцева труды оценены.

Лишь оборонные заказы выполнял,
Отличнейшим конструктором предстал.
Работал и не только за письменным столом,
Изобретений хороших став творцом.

И ему у станков приходилось стоять,
Новых изделий так много внедрять.

И жил он любым своим изобретением
На его пути всё претворения.
А своему призванью верен остался
И от больших постов отказался.

Ценили его директора все завода,
Проработал ведь там сорок три года.

И вспоминает порой о заводе родном,
Ещё о наставнике первом своём,
А это был Коробейников – строгий учитель,
Ему помогавший, в делах вдохновитель.

Родной техникум Кукарцев не забывает
И выпускников отличнейше знает.
Строго он здесь Госкомиссию возглавлял,
Многие годы дипломы вручал.
Сотни достойных есть у него учеников,
Примером своим воспитывал творцов.

Ветеран Евгений Васильевич тут женат;
Любит всех дочерей, также внукам рад.
Гражданин Почётный города Кукарцев,
Ведь снискал признание невянцев.

34

Отчизне Алексей Воробьёв видный спокон;
В Екатеринбурге живёт ныне же он.
Ведь для него и Невьянск наш давно стал родным –
Работает тут и по дням выходным.
Уделяет много вновь городу вниманья,
Здесь проводит планёрки, совещанья...

В созданном фонде «Старый Невьянский завод»
Бразды правления смело берёт.
И в воссозданьи собора – Воробьёва труд,
Являет большое всё старанье тут;
И в его честь колокол «Святой Алексей» отлит,
Громко на Преображенском храме звонит.

Гражданин Почётный в Невьянском районе ведь – он,
Так значительный вклад весь его оценён
В развитие Невьянска и района всего.
Но то всё только часть дел многих его.

Главой Правительства Свердловской области
Ведь в курсе дел был в каждой отрасли.
Для процветания края сделал немало
Большой патриот родного Урала.

35

Понравилась в газете заметка мне одна,
Об удивительной женщине она;
О Татьяне Паньшиной в ней повествованье.
Враз писать появилось желанье
Про все её необычные иконы,
Но в них отступила от канонов;
Ведь она бисером иконы вышивает,
Талант свой во всю силу раскрывает.

Началось же всё просто прозаически,
Выжить учителю практически
В наше трудное время стало так сложно.
Думает: «Что же сделать возможно?»
Давно вышивает, являет всё терпенье,
А творит лишь с завидным вдохновеньем.

Семья осталась без средств к существованью,
Задумались в ней о выживаньи.

Паньшина о помощи Бога просила
И молением себя вдохновила –
Только бисером все иконы вышивать,
Их лишь хорошим людям продавать.

Стала с церковным святым благословением,
С завидным воистину терпением
Свои дивные все творенья создавать,
Ярко талант дремавший раскрывать.

И мастерица так про свой труд говорит,
Когда иконы с любовью творит:
– В них нахожу для души успокоенье,
Нельзя ведь дерзать без настроенья. –
Но красками лики сперва рисовала,
Вышивать их с недавних пор стала.
Добрая она, со Святыми сострадает,
И из них доброту всяк излучает.
Сияет весь бисер на одеяньях Святых,
Переливы света и цвета на них.

А вышиванье – труд долгий, кропотливый,
Но всё ж с завершением счастливым.
Так в иконах с бисером призвание нашла
И коллекцию стараньем создала.
У Татьяны Николаевны – ученицы,
Знаю, что работами их гордится.

Ведь невьянцы смогли Дом иконы открыть,
Стала экскурсии в нём проводить.

Про школу иконописную вспоминает
И те все традиции развивает.
Бывало время, та школа процветала,
Признанья, успехов достигала;
Верится, она в Невьянске возродится,
Ведь народ к духовности стремится.
Паньшина место достойно займёт в школе сей
Иконою бисерной дивной своей.

6

лотников Борис с Невьянска родом, школу кончал
И свой город любит, край родной познавал.
Потом в Свердловске продолжил образование:
Закончил училище театральное
И Государственный университет Уральский.
В театрах работает земляк невянский.
Давно уже в разных фильмах снимается,
В них вновь талант его проявляется.
Книгу мемуаров о жизни, творчестве издал,
Про Невьянск и о башне строки написал.
И вклад огромный в искусство творца оценён,
Народным артистом России стал он.

37

ечхаев – человек в Невьянке всем известный,
Весь труд его – активный, интересный.
В Невьянском районе главным архитектором стал,
Он – творец, уверенно во власти предстал.

Александр Нечхаев в Орске родился,
Позже в школе средней учился.
Принят в Свердловский архитектурный институт
И стал ведь зодчим промышленным всё ж тут.
Сразу получил в Невьянск направление,
Показал здесь в деле умение;
А на заводе старом и опыт обретал,
И в эти годы успешно здесь создал
Для завода проект благоустройства непростой
Вместе с Мариною Адольфовной — женой.
Александр Витальевич дружно с ней, Мариной,
Вновь в заботах воспитывает сына.
Отгородить предложил башню вековую,
Снести всю котельную заводскую,
Которая башней любоваться мешает.
Он опорный план Невьянска решает.

Для реконструкции центра проект выдаёт,
И здесь вся работа успешно идёт.
И участвует в проектных делах немало,
Но при том потребностью дерзкой стало:
Реконструировать и Преображенский собор,
К заводу всё ж вынести от башни забор,
Комплекс исторический весь благоустроить,
К юбилею свой город подготовить.

В дар дал икону Иоанна Богослова сам,
Когда был освящён Преображенский храм.

Трудится лишь упорно, многое успевает.
Участки под застройку выделяет,
Выдаёт архитектурные задания,
Часто он ведёт согласования,
Также и меры по жалобам принимает,
Приёмку строений осуществляет,
Побед в конкурсах проектов добивается,
Авторским надзором занимается.
Проводит планёрки, встречи, заседания,
Не оставляет просьб без вниманья.
На стройках делом и словом зодчий помогает,
Ведь Невьянск, свой район прекрасно он знает.

38

ещё тут есть много интереснейших людей,
Город, район чтят их в истории своей.
Ведь земляки заслужили достойных похвал;
Должны их воспеть и Невьянск, и Урал.

Глава 13

НЕВЬЯНЦЫ - МОИ РОДНЯ И ДРУЗЬЯ

1

достиженья Невьянска дорогого,
Вечно так близкого, родного
Люди простые всё ж свой вклад вносили;
Среди них отец, матушка были.

Родня у нас была многочисленна,
К успехам также причислена.
А мы, их дети, чего-то добились,
И наши друзья отличились.

2

Об отце, матери я расскажу сначала.
О папе и сведений было мало.
Всё ж жизнь долгую матушка наша прожила,
Доброю и жизнерадостной была.
Можем видеть их молодых, красивых
На фотографиях всех старинных.

Родители нас к труду приучали,
А мы и шалить успевали.
Были у нас хозяйство, дома, огород;
Держали много лет птицу и скот.

3

Могу я о папе сказать мало так слов;
Отец – Фёдор Васильевич Козлов.

Ему ребёнком стать суждено сиротой,
Но не смирился всё ж с трудной судьбой.
И рано начал трудиться. Весёлым был он,
Энергией, силою не обделён.

Читать, писать научился лишь с желаньем,
Хотя не имел образования.
И отец даже и по-татарски говорил,
Его сосед-татарин научил.
Папа на баяне, гармошке мог играть
И народные песни напевать.

На однофамильца-бандита походил,
За что папа в тюрьму и угодил;
По примете руки оправдал его суд,
Сразу отца на заводе вновь ждут.

Вскоре на вечеринке под звуки баяна
Матушка наша влюбилась нежданно;
Это ведь наш папка её очаровал,
Хорошо на баяне он играл.
А только недолго отец, мать гуляли,
Они скромную свадьбу сыграли.

Нажили нужное всё упорным трудом,
Хозяйство вели, добротным был дом.
И у них родились шестеро детей,
Жили в большой семье дружной своей.
А по вечерам у нас гости бывали,
Веселились и пели, играли.
Тогда мой день рожденья интересным стал,
И веселился здесь стар и мал.
Вечер в разгаре, уже тут так много людей,
Но дядя Костюша пришёл попоздней.

Стал здороваться с улыбкой и задорно,
Кланяясь в большущей кепке чёрной.
Но намазал прежде он сажей козырёк
В этот же отмечаемый зубок;
Кланяясь, касался чуть кепкой лбов гостей
И ушёл, извинившись, поскорей.
Гости были все в саже, это увидали,
Стало смешно. Про то вновь вспоминали.

А папа по праздникам лошадь запрягал,
И в санях ребятишек он катал.
Лошадь Шилька ведь серая, в яблоках белых,
Слушалась рук лишь отцовских умелых.
Куталась в шубы детвора весёлая,
Им нравилась езда та скорая.

Только перед войной папа радио купил.
Слушать диковинку эту приходил
С улицы нашей всей к нам народ в большой дом,
Дивясь голосам всем в радио том.
Боязнь всё ж к нему – у тёти Тони нашей,
Выключать его не смела даже.
Но звук подушкой зачем-то затыкала,
Её же ухватом прижимала.

День Ангела папы отмечали мы летом,
И конечно, я не помню об этом,
Ребёнком был в те времена перед войной.
В семье нашей достаток и дом свой.
О том мне старшие сестры рассказали,
Так много из жизни вспоминали.

И вот наш папка на свой день рождения
С прекрасным тогда настроением

Вёз на лошади наше семейство всё в лес,
Были места лишь заветные здесь.
А денёчек весь был тёплый, совсем без дождя,
Много спелых ягод набрали шутя.

Хороши были очень эти времена,
Но наступила страшная война.
Молотов по радио о ней объявил,
Всё сурово так отец пояснил:
– Враг силён, годы войны будут трудны,
Крепко страну защищать все мы должны. –

Трудился папа на военном заводе
В тяжёлые для Родины годы.
Много лет в Невьянске отец сварщиком был,
За труд грамоты, почёт заслужил.

Папка поздно с работы приходил, уставал;
Был я тогда, в те времена очень мал.
Поэтому его стал смутно вспоминать,
Но начнут много мне напоминать
И разговоры о нём, фотографии;
Узнал и его биографию.
Помню, как с любовью гладил по головке,
На ноге меня качал он ловко.

А в цехе горячем он адски трудился,
Там простыл; заболел, с ног валился.
И отец наш лечился, боролся стойко,
Но никогда ведь не встал он с койки...

Мать вспоминала всегда прощанье с тоской,
Последний наказ отца был такой:

– Я прошу, дом один и корову продай
И обучаться детей отправляй. –

И ещё лет много его всё ж видел во сне.
Как-то я заболел, всё бредилось мне:
Вдруг показалось, рядом за мной идёт мой отец,
С ним к тётке Шуре зашли наконец;
Меня трясло, успокоиться совсем не мог
И ей так сказал, переступив порог:
– А вот мой папка в углу там у Вас.
Зовёт и даст мне конфетку сейчас. –

В двухтысячном году папе было б сто лет;
Но ведь его и на свете уж нет.
И всю жизнь он в Невьянске трудился и жил,
А до Победы лишь год не дожил.

4

Номню я свято о маме любимой моей,
Ей выпало много безрадостных дней.
Матушка жила в семье богатой, большой,
Но двух лет лишь стала вдруг сиротой.
Её отец Павел Мокроусов почил,
На заводе управляющим был.

А вдова его в Петрокаменске осталась,
Вскоре ей жизнь всё ж трудная досталась.
Из дома она выгнана с семьёю своей,
Их приютили у родных-богачей.

И повстречала парня хорошего мать,
С ним, мужем, стала семью создавать.
Умер рано отец наш, трудно всем стало;
На ноги мама нас поднимала.

Раньше была молода и стройна,
Но её старить ведь стали: война,
Ранняя слишком кончина мужа.
Всё же хозяин для нас был нужен.
Ей сердце и руку предлагал сосед,
Но сразу дочь Нина лишь сказала: – Нет. –
Мы имели хозяйство и огород,
А держали всё ж долго птицу и скот.

Древний наш завод брата комсоргом избрал;
И за отца тогда Гена нам стал.
Котлетки из мёрзлой картошки брат приносил;
С ним зимой я на дрова стайки пилил.
И во многом старался ему подражать,
Очень хотел сильным, словно брат, стать.
На велосипеде нас брат порою катал,
На баяне играть меня обучал.

Наш город после войны был суров;
На плечи мамы взвалились пять ртов.
Помогали во всём сыны, дочки,
Собирали в лесочке грибочки.
В сёлах на муку вещи меняла,
С нами ягоды вновь собирала.

Долго цветочницей лучшей в Невьянке была,
Почти и всю жизнь лишь цветам отдала.
И мы тоже все делать цветы научились,
Эти подспорья всем нам пригодились.
Хотя прошло уж много, много лет,
Но ведь я не забуду детства бед.

Запомнил оптимисткой маму мою,
Так влюблена в работу свою.

Она – искусственных цветов мастерица,
Могла этим, конечно, гордиться.
Сделала пальм, роз, астр, тюльпанов немало,
А в конкурсах цветов побеждала.

И мама однажды везла в горшках розы,
Удивительно было прохожим:
– И всё ж для чего, куда розы отвозишь?
Так ведь все ты цветы заморозишь. –
– Но не страшна розам холодная зима,
Из бумаги их сделала сама. –
Рассказала ведь эпизод сей забавный
Мне сестра моя Зина недавно.

«Мама, ты нас всех с детства к труду приучала,
К литературе любовь прививала.
Ты так много работала, мало спала,
На ноги нас, пятерых, подняла.
Имеем высшее мы образование,
За это тебе – наше признанье».

Помню, бедным всегда помогала
И последний кусок отдавала.
«Всегда проявляла ты к людям доброту,
Приютила девчонку-сироту.

Богатства, мама, ты не нажила
Сам знаю, только одним днём жила.
А новости тебе сразу были известны,
Ведь никогда не сидела на месте».

В Невьянске маму мою всегда уважали,
Её здесь попросту тётёй Валей все звали,
А также Павловной всё ж порой величали.

Я помню материнские руки,
Ведь вынесли они жизни муки.
«Ты, матушка, нас ими ласкала,
Готовила обеды, стирала.
И так прекрасно ты шила, вышивала,
А нас всех нарядно одевала».

Ездил к сыну, дочкам, внуку и внучкам,
Порою – и к хорошим подружкам.

Мама наизусть стихи в старости знала,
Вечерами нам прозу читала.
Была бодра, у нас не тужила никогда
И прошлое вспоминала иногда.

И как-то припомнилось матушке детство;
Потом стала красивой невестой.
К сиротке беды пришли, хватало ей дела;
Гимназию всё ж закончить сумела.
Избранника после она повстречала;
Тогда под гармошку его заплясала,
Красиво и душевно порой напевала.

А революция в Невьянске победила,
В Совете секретаршей мать служила.
Помнила, как власть менялась постоянно,
И как погиб герой наш Мартьянов;
Как в те времена Невьянск городом признали;
Земляки, она гордость ощущали.

И о многом ещё рассказала нам мать;
Всё ж тогда лучше жить стали опять.
Воспитателем в садике детском трудилась;
Стала цветочницей, этим гордилась.

На маскарадах ведь с мужем бывала,
Там часто призы получала.
Являла всю выдумку вновь в костюмах тех,
Опишу лишь один сюжет из всех.
Отец бодро в серенькой шинели, с ружьём
Ходил рядом с пограничным столбом.
Стройная мать, разместясь в картонный столб, шла,
На флаге столбика надпись была:
«Родины границы зорко охраняем».
Мы успехи мамы вспоминаем,
Фантазией на злобу дня отличалась,
А всё ж к тому же очень старалась.

Стихи, прозу прекрасно матушка знала,
Их вечерами много читала.
Доставала книги порой с полки небольшой.
Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Лев Толстой
Ведь ею с самого детства почитались,
И эта любовь нам прививалась.
Позже мы, я и сестрёнка младшая Нина,
Слушали сестёр Тамару и Зину.
Тогда было, наверно, мне восемь годочков,
Помнится нам «Капитанская дочка»,
Которую Зина на кухне читала,
Ещё жаренки печь успевала.

Когда мать с отцом уезжала, как бывало,
Нас Тамара понянчила немало.
Они ездили даже в места глухие,
Привозили ж вёдра, мешки большие
Часто с клюквой, брусникой на своей лошадке.
Сразу мочили всю бруснику в кадки,
Хранили клюкву всю в деревянном ларе
Под навесом сплошным во дворе.

Ягоды с нами мама собирала,
Когда у нас папочки не стало.
Собирали мы землянику и бруснику,
И малину, морошку, голубику.
Их матушка на базаре продавала
И одежду, крупы покупала.

Декоратором ведь в театре трудилась,
Этой работой очень гордилась.
У нас вспоминала мама порою,
Как для пьесы одной вдруг зимою
Зелёные берёзки нужны были ей;
И всё ж деревья срубили скорей,
В убранство из листьев бумажных их одели,
Как живые, на сцене зеленели.
Маме сёстры старшие мои помогали,
Так бесплатно посещать театр стали.

«С детства музыку ты изучала,
Пела и на гитаре играла».
Нас на фисгармонии стала учить,
В войну ведь её умудрилась купить.
И пожурил за это маму отец,
Вскоре смирился всё же он наконец.

Любовь прививала мне мама к искусству,
Не смог передать я словами те чувства.
Рисовал сам Пушкина портреты лет в семь;
И они ведь нравились родным моим всем.

С детства Карандашова -художника знал,
Даже он мне уроки рисунка давал.
Запомнил, как водила к нему меня мать,
Тогда стал мастерства там азы познавать.

А в школе написал учёных портреты,
Призы в ней получал я за стенгазеты.

Матушка в Москву меня возила не раз,
Многое в ней видел, помню всё, как сейчас.
Запомнил купола прекраснейших церквей,
Они все и поныне в памяти моей:
В солнечных лучах позолотой сверкают;
К творчеству зовут и к себе приглашают.
Как я благодарен маме за всё это:
За ученье, помощь и советы.

Помню, как бруснику мы с мамой собирали;
С ней рыбачили; землю вновь копали.
Бодро овощи с нами на грядках растила,
Даже в леса за грибами ходила.

Нам так помнится время, когда скончался Сталин,
Мамой был сделан венок, в Москву отправлен;
От Правительства ей телеграмму вручили
И в которой ведь там её благодарили,
Моей матушки так старанье оценили.

«Чтобы в трудное время нам выживать,
Решила ты два домишка продать».
И помнила мужа последний наказ:
Направила ведь на учёбу всех нас.
И так настойчивой в этом была.
Образование нам всё ж дала.

Жила в деревянной избушке одна,
Потом же с ней ютилась сестра Наташа;
Пришла всё ж к ней старость, скончалась она.
В живых осталась из сестёр мама наша.

«В том доме тебя навещали порой,
Ты долго была между нами связной».
Запомнил общительной маму всегда,
Чуть-чуть же навязчивой – лишь иногда.

Как же давно прошла эта пора.
Всё ж лет пятнадцать у нас пожила.
Жизнерадостной часто бывала,
В нас уверенность, бодрость вселяла.

«И по хозяйству нам помогала,
Жене моей ты не докучала.
Под присмотром твоим внучки были
И гулять с тобой дружно ходили.

Доброю феей ты им предстала
И рассказала, что испытала.
В нашей семье при поддержке твоей
Детям в уюте жилось веселей.

Делать цветы тебе разрешали,
Все мы покой твой не нарушали.
Ты на рынке цветы продавала,
А на деньги от них – разъезжала».

В синем море с нами загорала;
Всё ж родных, знакомых навещала.
Часто под музыку песни нам пела
И шоколадки украдкою ела.

Уезжала мама жить на юг к подружке
И в Артек стихи писала Ольге-внучке.
Нам про былую жизнь говорила,
Но никогда у нас не тужила.

51. Козлова Валентина Павловна – цветочница

И поехала к дочери от нас,
Ведь её что-то мучило в тот час.
Сказала, что мало осталось жить,
Совсем не хотела обузой быть.

При прощании тихо спросила:
– Можно к Вам мне приехать зимой? –
Этим мама меня огорчила.
Я сказал: – Возвращайся домой. –

Добрую мать проводил не без слёз;
Вновь её поезд под вечер повёз.
«И знал, и не ведал тогда,
Что уехала ты навсегда».

А на душе беспокойно опять;
Вспомнил с грустью обличье твоё.
Маму вновь я не сумел повидать –
Стала ведь исчезать в небытьё.

Но ещё два года прожила,
Хоть и рассудок стал уже подводить.
Не докучала, могла бодро ходить.
И спокойно, сидя умерла.

Копщик сумел у могилы сказать:
– Не торопитесь Вы гроб закрывать.
Её тут лишь последний путь сейчас
Пусть в памяти останется у Вас. –

Мы маму так давно схоронили,
В Быньгах, в сырой земельке, зарыли.
«И пока я на свете жить буду,
То, родная, тебя не забуду!»

Когда увижу где-то старушку,
Так и вспомню любимую мать.
«На полке помню хлеба горбушку,
Что ты в детстве дала пожевать.

На пианино я играю порой,
Песни пою опять, что пелись тобой.
Кровно близка ты мне в эти грёзы
И не могу ведь сдерживать слёзы».

Помнят в Невьянске о матушке моей;
Она старалась жить для людей.

5

давно все мы из дома разбрелись,
Семьями уже обзавелись.
А в них выросли дети, они растят – своих;
Правнуки, правнучки – у сестёр моих.
Реже стали мы друг у друга бывать;
Трудное время нынче опять.

В Невьянске есть могилы отца и родных;
Лишь иногда навещаем мы их.
В Быньгах и на могилке мамы бываем,
Так часто вновь её вспоминаем.

6

е так давно ведь умер горняк – брат мой;
В сырой земле лишь нашёл покой.

Под землёй Геннадий работал когда-то,
Знался долго с рудою богатой.
А уважение, почёт заслужил,
Способным инженером он был.

Изобретений брат сделал немало,
Вновь пользу в работе то дало.

Вспоминаю брата, его всех друзей,
Не все дожили до нынешних дней.
Ведь интересными ребята те были
И в горный институт поступили.
Институтом этим в Свердловске гордились,
Из него инженеры ценились.

Формы у студентов всех отменные:
Фуражки их – полувоенные;
И в чёрные с галстуком костюмы одеты,
Как золотые все, на них эполеты.

7

хороших друзей имел наш Геннадий.
Это – Ваулин, Ряков Аркадий,
Булатовы, Дудоров и Медовщиков,
Николай Юсов, также Пётр Панов,
Николай Овчинников, Матвеев, Бызов.
Помнят город и Урал земляков.

Ведь на Невьянском заводе потрудились,
Успехов в работе там добились.
Механический техникум в том помогал,
Многим хорошие знания дал;
Казанцевы и Турыгин преподавали,
Свой огромный опыт передавали.

У них и сестра Зина тоже училась,
В жизни наука та пригодилась.
С нею училась Зыкина Клара – подруга,
Сокурсник Клавы стал мужем из друга.

Отличный лётчик он – Серёдкин Вячеслав,
Закончил академию и став
Всё ж испытателем лишь самолётов новых
В условиях даже любых, суровых.
И поработал с женою за рубежом;
Погиб там в полёте дерзком своём.

Техникум тот закончили Виктор Злоказов,
Кирилл Ушков, Рубан Яков и сразу
Все в институт Ленинградский поступили,
Успешно ученье завершили.
Заводами в стране руководили,
За труд награды получили.

Умел Геннадий с друзьями и отдыхать,
Всё чаще о том стал я вспоминать.
Красивыми, статными были ребята,
В них влюблялись в Невьянске девчата.
И жизнь тогда после войны улучшалась,
А у нас молодёжь собиралась.
Это – друзья брата, подруги сестёр
Танцевали и создали свой хор.

Баяна, гитар, фисгармонии звуки
Всё лились, в доме не было скуки.
Несли к нам балалайки, бубны и контрабас;
И появлялся так у нас почти джаз.

Также и работать ребята умели,
Сделать лодку большую сумели.
И поплыли, все веселились да играли,
Лодку всё ж в баловстве раскачали.
Она опрокинулась от качки такой,
Очутились в воде все гурьбой.

Но там берег был совсем недалеко,
До него доплыли все легко.

Большой силою парни те отличались,
Гириями во дворе занимались.
Но был наш Геннадий своих друзей сильней;
И мне крепким хотелось стать скорей.

А в то время я учился лишь в классе восьмом,
Гириями занялся в подворье моём.
Меня молодого маме жалко стало,
Когда вскоре всё ж о том узнала.

И, чтоб я не надорвался, унесла тайком
Гири двухпудовые в соседний дом
К Маремьяне Евграфовне на хранение.
И осердился я без сомненья,
Всё же у бабули те гири отыскал,
С ними там заниматься продолжал,
Чтоб не расстраивать маму мою опять.
Она не узнала про то, видать.

Перенёс Геннадий много испытаний,
Тяжело мне от тех воспоминаний.
Как-то раз он шёл с другом Пановым домой
Вечером поздно осенней порой.
У дома напали на них хулиганы,
Нанесли здесь ножами им раны.
У брата их было побольше десяти,
Операцию смог перенести.
Врачи там не верили, что выживет он,
Но Геннадий ведь был крепок, силён.
Ещё, как говорят, в рубашке родился,
Да и за жизнь он отчаянно бился.

В комсомол меня в то время принимали
И потом в райкоме утверждали.
Секретарь мне задал тут один лишь вопрос:
– Как операцию брат перенёс? –

И долго проболел, но вылечился брат,
Но продолжать учиться был он рад.
Полгода на проект дипломный давали
И защищать уже его стали.
За два месяца Геннадий диплом завершил,
Даже на отлично всё ж в срок защитил.
И закончил с друзьями родной институт,
Их испытанья суровые ждут.

Долго брат в Красноярске работал и жил,
С Валеи-женой дочку Таню растил.
А на стройке секретной опыт обретал,
Смены начальником вскоре же стал там.
В рудниках смог ладить всё ж с заключёнными,
К высшей мере приговорёнными.

Во Львовщине на реконструкции тоннелей
Применял вновь большой опыт свой в деле.

На стройку Нурекской ГЭС направлен он был,
Там все знания свои применил.
В мире станет самой высокою эта ГЭС,
В странах не было прежде таких чудес.
И главным инженером назначен на ней.
Чуть не лишился вновь жизни своей.
Раз на машине с гостями высокими
Упал в пропасть страшно глубокую.
Чудом остался он один из всех живым,
Жена его усердием своим

И на ноги всё же сумела поднять.
А дороги зовут вдаль опять.
На Ставрополье шахты начальником стал,
Он там работы спокойной не знал
И на строительстве большого канала.
Начальником участка немало
Под Москвой, в Одинцово, работать пришлось,
Строить активно жильё довелось;
Талант изобретательства вновь проявил
И на заводе его применил.
Любил жену, дочь, зятя; а внуков обожал;
Бывал в Невьянске, его вновь вспоминал.

Под Москвою живёт вдова его Валя,
А Шукшиной в девичестве звали;
Валя в родне известного всем Шукшина,
И также в Сростках родилась она.
Много лет трудовых отдала медицине,
Внуков растить помогает и ныне.

8

Дмитрий Ваулин – самый лучший брата друг,
У них ведь дружба с детства, а не вдруг.
Помню, что Ваулин умный, волевой
И с Невьянска начал путь трудовой.
Также в Свердловске горным инженером он стал,
Путей лишь лёгких никогда не искал.
Ценили его в министерстве столицы,
Смог упорством успехов добиться.

Всегда Дмитрий неразлучным с Геннадием был,
В тех же городах с ним работал и жил.
И людям опыт, знания свои передал,
С женой двоих сыновей воспитал.

нженер Анатолий Дудоров – известный;
 Стала жизнь друга брата интересной.
 В войну техникум даже заканчивать дали,
 В Красную Армию вскоре забрали,
 В училище военное был определён,
 И защитил диплом в Молотове он.

Отслужил в далёком Порт-Артуре потом.
 Всё ж работал и в Невьянске родном.
 И в институт Свердловский горный поступает,
 Успешно в нём ученье завершает.

И в Красноярск на спецстройку распределён,
 А после в Приморье переведён
 Вновь на строительство объектов различных.
 Работал и на стройках столичных.
 И управленья крупные он возглавлял,
 А чин военный его – генерал.

Им всех введённых построек повсюду не счесть.
 В Башкирии улица есть в его честь.
 В Одинцово его вдова Вера проживала,
 Часто Невьянск свой родной вспоминала.

Должен я рассказать о родне всей его.
 Ведь Мартемьян это – прежде всего.
 Дудоров – он, отец семейства большого.
 О нём смотрю страницы все снова.
 Ушёл на Мировую Первую войну,
 Воевал, ранен в ногу, был в плену,
 Избран был в лагере членом комитета,
 Случилось в Пруссии всё это.

Всё ж в Россию, ставшую Советской, отбыл
И в ряды большевиков здесь вступил.

Дудоров долго, успешно совхоз возглавлял,
Хозяйством он лучшим в районе всё́м стал;
Называют «Мартьяшин совхоз» много ведь лет
Лишь в честь главы за его авторитет;
Хозяин порой тут, в Забельном, строгим бывал
И заботу о людях вновь проявлял.

Мать семейства Мария – жена Мартемьяна,
В школе учила детей неустанно.
И она успевала стихи сочинять,
Всю интересную жизнь вспоминать;
У неё в гостях сестра Тамара была,
А хозяйка та бодра, весела.

Дудоров здесь взрастил с ней, женою, детей:
Дочь Анну и четверых сыновей.
Они с семейством Наумовых дружили.
Тогда в Быньгах Дудоровы жили;
Мартемьян Акинтьевич в Совете власть взял.
Молвят, что Ленину письмо написал
О том лишь, чтоб в Быньгах не взрывали бы храм,
С Москвы «Охранную грамоту» там
Всё ж за подписью Ленина получили,
Ведь так Никольский храм сохранили.
И люди за Мартемьяна молятся в нём,
Давно он в Невьянске вечным спит сном.

Илья – сын старший пилотом летал,
Участвовал он в войне, жизнь отдал
За Отчизну в Югославии далёкой,
Где-то спит в могиле одинокой.

И участник войны Африкан – сын второй,
Стал он юристом, вернувшись домой.
Встретил девушку, красива эта Галя,
Вскоре и женою верной стала.
Недавно его в Невьянске схоронили,
С отцом старым рядом положили.

В семействе Владимир – сын самый молодой,
А учился с моей Зиной – сестрой,
В школе первой; и юриста диплом получил
И на юг страны поработать отбыл.
В Ключе Горячем, на Ставрополье, пожил;
И вдруг совсем молодым там почил.

В этой семье дочь учительница Анна
В Перми живёт ныне постоянно.

В большом семействе Мария – Аннушки мать,
В последнее время стала хворать;
Десятый десяток лет всё ж разменяла,
Здесь у дочери тихо скончалась.

10

Николай Овчинников – тоже друг брата,
Жил с семьёй в Ленинграде когда-то.
Сперва в Невьянске трудиться он начинал,
Потом инженером горным всё ж стал.

Меня Геннадий, Валя возили в Ленинград;
И встрече с ним ведь, конечно, был я рад,
А в гостях там жили мы у Николая.
И ещё так чётко вспоминаю,
Что часто в отчем доме картину изучал,
Её Овчинников нам нарисовал.

Какие ж судьбы других Геннадия друзей?
Бывают ли вновь на родине своей?

И вот Ряков вдруг написал мне недавно,
Весточку получить ведь приятно;
Весёлого Аркадия помню ясно,
Он на баяне играл прекрасно.
Живёт в Берёзовском, друзей вспоминает,
В Невьянске всех родных навещает.

И ещё мне о нём же стало известно:
Всё ж наделён судьбой интересной.
Русский, крещёный, веры православной,
Живёт лишь в заботах непрестанно.

Диплом техника в Невьянске получил,
На полигон военный отбыл,
Который находится в Нижнем Тагиле;
В напряженьи года проходили.
Потом работал в Невьянске он на заводе,
А жил у родителей в эти годы.

И закончил горный Свердловский институт,
А в Баку направление дают;
Метрополитен там строил Ряков упорно,
Грандиозным планам верил бесспорно.

Также в Севастополе опыт обретал,
Когда к морю тоннели пролагал.
Сразу в Закарпатье отличился всё ж деле,
Ремонтируя и строя тоннели;
Здесь он был начальником тоннельных работ.
Его только лишь Урал вновь зовёт.

В Берёзовском объект построил внушительный,
Сдал тот завод конструкций строительных.

Передавал в Монголии опыт свой большой.
В Свердловске принят был в трест «Уралмашстрой»,
В других учреждениях трудился он там;
Горком партии направил на БАМ;
Халатности такой, как здесь, больше не встречал —
Ведь тут никто ни за что не отвечал.
В командировке всё ж там год потрудился,
В Берёзовский потом возвратился.
Завод прецизионных сплавов³⁴ возводил,
Вновь свой богатый опыт применил;
Заместителем директора стал на стройке,
Всё же показал здесь характер стойкий.
И Аркадий Алексеевич на огород
Через весь завод свой конструкций идёт,
Голову так высоко вновь поднимает,
Ведь стройку завода вспоминает...

Распродавать сумели все заводы по частям
Рвачи, пройдохи, не работавшие там.
Даже бы во сне такое он увидеть не смог;
Кровь закипала, к горлу подступал вдруг комок...
Друзей фотографии, письма Ряков мне шлёт —
Опять прошлое предо мной предстаёт.

Всегда он верит в лучшее, активно живёт,
Ему на пенсии немало забот.
Дочери, сыну и внукам помогает,
Ему по хозяйству дел хватает.

Его родители там, вблизи Режа, жили,
Своё Соколово вечно любили.

Они, Алексей Фомич и Анна Петровна,
Ведь трудились много, жили пристойно.
Но их раскулачила Советская власть,
Алексею всё ж работа нашлась.
В Невьянске трудился он мастером цеха
На цементном заводе с успехом.

Милиция ночью не раз забирала,
Под него, видать, дело копала.
Но директор Бобошин его защищал,
Отзыв хороший давал, вызволял.
Похоронен в Невьянске Ряков Алексей
Средь лишь родных да близких всех людей.

Домохозяйкою мать Ряковых была,
До старости глубокой прожила.
И воспитала с мужем четверых детей,
Заботы, многих дел хватало ей.

У них Александра-старшая дочь – патриот,
Ведь ушла врачом добровольно на фронт.
В войну долгую тяготы все испытала,
С партией только судьбу, жизнь связала.
Всё ж с войны вернулась контуженной домой,
А трудилась в больнице городской,
Она там завлабораторией была
Успешно в ней работу всю вела.
Потом в Свердловске с мужем трудилась и жила;
Совсем недавно старушкой умерла.

В семье дочь средняя Галя была продавцом,
В Невьянске она давно вечным спит сном.
Там же осталась дочь у неё молодой,
Живёт в Екатеринбурге с семьёй.

Маргарита – младшая дочь в семействе большом,
А живёт испокон в Невьянске родном.
Здесь Рита закончила школу медсестёр,
Она сорок с лихвою лет с тех пор
В клинике лишь лаборантом потрудилась,
Своею работою гордилась.
И суровое время войны захватила,
Льготы имеет как труженик тыла.
Других испытаний ведь выпало немало;
И с супругом дочь Лену воспитала,
А та дочку Катюшу ныне с мужем растит,
В мэрию по утрам на службу спешит.

12

Булатовым – другом Геннадия, я знаком;
И мне пишет сестра Тамара о нём;
Он – Борис Иванович, трудолюбивый,
Мудрый, честный, способный, правдивый.

О моём брате Геннадии мне рассказал,
Его ведь приятелем верным считал;
Помогал ему: лес рубил, траву косил.
Вместе с ним и на рыбалку ходил.
Участвовал и в технических забавах,
Где среди всех Геннадий, как бывало,
Был застрельщиком, многим в души заложил
К технике страсть, настойчиво внушил,
Что относиться надобно к ней серьёзно,
Тогда успехов достичь возможно.

Булатов пишет, что Невьянск и родные,
И техникум, друзья дорогие
Внесли всё ж в характер, поступки вечный след,
Удалось избежать с ним многих бед.

И, конечно же, в жизни этот след неплохой,
Ибо всегда и на работе любой
И в любом ведь месте ему доверяли,
Отличали, затем «выдвигали».
Пришли в Алапаевске вскоре успехи:
Он – начальник в мартеновском цехе,
А в горкоме партии был секретарём
И на многие годы стал потом
Экономистом главным в городе впервой.
Писал тогда в газете городской;
Его статей так много о работе непростой,
А голос в них правдивый и передовой.
Их все читали люди, всё ведь понимали,
Но власть всю там чиновники держали,
И порой «технари», все продажные насквозь;
Сдвинуть на новое их не удалось...

Дел заметных свершил, как считает, так мало,
Летопись даже бы не пострадала
Без его спорного жизнеописанья;
В потомках своих видит признание.
Детей, внуков и правнуков всех обожает,
Много вниманья им уделяет.
Гордится ими, живёт на свете не зря он,
Любовью родных, вниманьем окружён.

Больше я захотел о Булатовых знать,
Об интересной семье рассказать;
Мне писал Борис Иванович о себе,
О семействе всём, о его судьбе.
Родичи его интересными были,
Во всех детях своих заложили
Трудолюбие, также характер волевой
И отдавали всегда всё им с лихвой.

Но даже полную свободу им давали,
За это их все дети уважали.

Иван Николаевич в семействе – отец,
Умён, весел и на выдумки спец.
Невинным давно в тридцатых годах осуждён,
На жену оставил детишек всех он;
Прасковье Васильевне трудно бывало,
Но их всех четверых воспитала.

Она так здоровье своё подорвала,
Пятьдесят лет неполных прожила.
Застраивал муж у неё Невьянск, Кировград,
Там возвёл много зданий, как говорят;
И приобрёл на строительстве опыт большой...
Схоронен в Невьянске он рядом с женой.

Там же покоится Лида с роднёй своей,
В семействе всём старшая из детей.

А Валентин в семье – средний из всех сыновей,
Учился с Тамарой, сестрою моею
В Невьянской средней школе первой в те года
(Ведь я знаком был в детстве с ним тогда).
И высшее у него образование.
Обучать детей – это призванье;
Учитель правдивый и строгий, внимательный
И талантливый, в деле старательный;
Черченью, рисованью много лет обучал.
Авторитетом видным в школах предстал.
Хороший художник, отличный музыкант.
А в твореньях явил яркий талант;
Известен, им созданный, портрет Бажова,
О том помнят ведь во многих школах.

По натуре романтик, товарищ лишь верный;
Смелый, весёлый, всегда откровенный.
Человек энергичный и с чистой душой;
Очень трагично свершил путь земной.

В семье младший сын Геннадий полковником стал,
Много самолётов любых испытал.
Генеральские должности он занимал,
А своё дело до тонкостей знал.
Живёт в Рязани, заслужил там признание
За смелость и талант, и старанье.
Судьбою гордится, бодр и не стареет
И семью прекрасную имеет.

13

Сестра моя Тамара Наумова в Быньгах
Детей учила и снова же в делах.
Но ведь прежде с Невьянска дороги в даль зовут;
Кончила в Нижнем Тагиле институт.
В Быньги направляется, учителем стала,
Там избранника судьбы повстречала.
Он – Михаил Васильевич, Тамары супруг,
Умён, добился всех успехов не вдруг.
И против фашистов стрелок-радист воевал,
Инвалидом в войну жестокую стал.
Как математик известность сполна заслужил,
А в школе Быньговской директором был.
Он строгий, но и справедливый, порой шутил;
Вел строительство школы, её открыл.

Математиком лишь лучшим Невьянск его знал,
На олимпиадах ведь там побеждал.
И возглавлял не одну школу невянскую.
Награду ему американскую

Лишь за боевые дела присвоили,
Вручив орден Святой Виктории.
Есть многие награды и нашей страны,
За дела ратные, за труд все даны.
Тамара, с ней и Миша детей воспитали;
Те – Оля, Коля семейства создали...
Уйму тягот, волнений Михаил пережил.
На своей родине, в Быньгах, он почил...

К Тамаре в Невьянском районе без сомненья
Давно также большое уваженье.
В Совет ветеранов войны, труда района
От Бынёг ведь она вошла законно;
И в ветеранском Совете педагогов
Трудиться приходится ей много.
У моей сестры внуки, внучки, правнуки есть;
Ведь не стареет и её дел не счесть.

Николая с сыном Витей уже нет на свете,
Жутко так случились трагедии эти.
Надорвали здоровье Тамаре страданья,
Но к ней теперь вновь пришли испытанья.
А недавно её вдруг машина сшибает,
Тяжко болеет, сознанье теряет.
В Екатеринбурге у дочки Оли живёт,
И с постели сестра моя не встаёт...

14

Нисала ведь как-то мне Тамара из Бынёг,
Что всё ж приезжала ней подруга на денёк;
Овчинникова Оня – это; дерзка, мудра,
Талантлива, творит упорно, к людям добра.
Ей Невьянск родной; в Екатеринбурге жить стала.
Шьёт себе костюмов лишь элегантных немало.

Но препятствия встречает на своём пути,
Энергично продолжает вновь вперёд идти.
Характером сильным сполна наделена,
Спокон педагог замечательный она.

Мне Анисья Сергеевна то написала,
Что поныне волнует её, волновало.
Домоводство для души преподавала,
Оно делом жизни бурной всей предстало.
Ведь полюбила давно рукоделие,
С учениками своими изделия,
Костюмы и одежду стала создавать,
Об этом рефераты просит их писать.

Детский клуб «Рукодельница» здесь возглавляет,
В нём таланты всем детям раскрыть помогает;
Шьёт с ними костюмы для музеев и школ,
На выставках прочно и успех к ней пришёл.

Костюма историей давно занялась,
Упорством коллекция её разрослась;
Всё создавала старательно, по крохам.
Это – костюмы по стилям и эпохам;
И в величину натуральную сшитые;
Видно ведь на «Барби» все моды забытые,
В интерьерах различных эпох разместили;
Есть костюмы народов губерний России;
Одежды автономных республик страны,
Советских всех народов так полно даны;
И одеянья народов шара земного.
Ездить спешит по Свердловской области снова,
Костюмы во многих местах показала;
Сказали о них так прекрасно немало.

Была работа её колоссальная.
Достигла в крае Уральском признания.
Написали ведь во многих газетах о ней;
Всё она с учениками творит для людей.

15

сестре моей Зине Бородиной,
В нашей семье самой боевой,
Хочу слова все душевные сказать.
Энергией может подбодрять.
Она отзывчива, щедра, справедлива,
Бодра и добра, трудолюбива.
А стали встречаться мы с ней иногда,
Но ведём переписку всегда.
В Невьянске техникум она кончала,
Позднее инженером стала.
Работать в Касли на завод направляется,
Городок тот на озере нравится.
И статного парня тогда повстречала,
С ним краса-дева Зина гуляла.
Он – Василий Александрович мужем ей стал;
Смело и успехов в труде достигал.

Растили там Зина с Васей дочь Людмилу,
Вечерами время находила,
Чтоб из Каслей учиться поехать в Кыштым;
Диплом достался трудом лишь большим.
Квалификацию Зина повышала,
Диплом вела, лекции читала.
И по работе успешно продвигалась,
Общественной жизнью занималась...

Давно в гостях у них частенько мы бывали,
Рыбачили, купались, загорали.

За ягодой, грибами ходили в леса;
А природа вокруг – чудеса.
Катал нас Василий на лодке моторной
Вечерами по глади озёрной.

Вася замом директора был на заводе,
Славно трудился здесь многие годы.
Медалями и орденами наградили,
Так его все заслуги оценили.
Василий болезни на ногах переносил...
А зимою на рыбалке он почил...

И для семьи трудное время настало,
Ей теперь выживать предстояло.
Зина – инвалид, но веры в жизнь не теряет,
Воспитать и правнуков помогает.
Всю поддержку её ощущали родные,
Часто ценили дела те благие...
Сестра тяжело и долго болела. Скончалась...
В памяти близких навечно осталась...

16

Тут – о Нине Долговой, младшей сестрице моей,
Много так лет отдавшей работе своей.
В Железногорске она с мужем Славой живёт;
К нам редко приезжает, письма всё ж шлёт.

И ведь Нина смогла на работе трудной
Там отработать стаж льготный нужный
Машинисткой холодильных любых установок.
После – архивариус в здании новом,
Хотя могла же уже совсем не трудиться.
Она вечерами стала учиться

И закончила курсы в учкомбинате,
А предложили ей тогда кстати
Даже в большом УРСе заведовать архивом.
Потрудилась в крае так красивом –
Древнем Красноярском – могучем, привольном.
Заслужила свой отдых спокойный.

Супруг Слава техника диплом получил
И трудиться в рудниках приступил
В условиях сложных, под землёй, горняком,
Мастерства добился в деле своём.
Пенсионер, но работать продолжает;
А трубку курить не забывает...

Слава, Нина вынесли много страданий, бед...
Мы в печали – уже их на свете нет...

17

не знал я бабушек, дедушек моих,
Но немного слышал всё ж о них.
А видел их интересных и солидных
Лишь на фотографиях старинных.

Силушкой Савва – прадед наш обладал
И так легко подковы сгибал.
Был Василий – мой дед, и силен, и удал;
В драках кулачных всегда побеждал.
Вдруг вскоре погиб от несчастного случая;
Ведь одни вдова, дети намучались...

Евдокия – она, бабушкой нам была,
Как-то раз, убитая горем, шла.
И на руках она держала Манюшку-дочку,
А за подол цеплялись сыночки.

Сын старший Ваня станет лихим молодцом,
А Федя – младший сын, нашим отцом.

Но бабушка вдруг за что-то зацепилась,
Наклонилась, быстро изумилась;
Оказался в мешочке ведь слиток золотой,
Для утешенья подброшен ей судьбой.
На него два дома купила всё ж вскоре,
Видно тут же большое подворье.

А Евдокия была ещё молодой,
Она навсегда осталась вдовой.
С папой, и с матушкой нашими жила,
Справедливою, набожной была.

И вспоминала детство, пожар пребольшой,
Про голод в Первой войне мировой.
Нас, внучат всех, понянчила, очень любила.
Перед последней войною почила...

Управляющим на заводе был дед Павел;
Но ведь так рано этот свет оставил.
Наша мама осталась лишь двух лет сиротой,
Самая младшая в семье всей большой.

18

Знаю, Александр Селянкин – дядюшка мой,
Жизнь свою связал с жестокой судьбой.
Как-то у них ночью воцарился вдруг страх,
Когда приехали в чёрных плащах,
В чёрных цилиндрах люди, дядю подняли,
О цели их приезда молчали,
Но приказали быстрее одеваться,
Не дали с родными попрощаться.

Он репрессирован в тридцатые годы,
Погиб в лагере, как враг народа.
Реабилитирован всё же после войны.
И кому ж оправдания ныне нужны?

А остались вдовушке четверо детей:
Миша, Юра, Володя и Сергей;
И после войны как-то яму копали,
В ней на клад так нежданно напали.
Большой кувшин, где серебряные монеты,
Был найден в той яме для туалета.
В трудное время кока Оля помогла –
Нам тех рублей серебряных дала.

И начальником стал на вокзале Кировград
Миша Селянкин – двоюродный мой брат;
С детства даже запомнил я, как Михаил
Всё ж патефон большой, новый купил.
Это в те времена диковинкой было,
Слушать родня его приходила.
Хозяин бережно пластинку сам доставал
И ручку патефона гордо так брал.
Слушали песню старую все с замираньем,
Послушать чаще вновь – было желанье.

И на поездах кочегаром трудился,
На машиниста всё ж обучился;
Через Невьянск Михаил составы водил
И шесть дочерей с женою взрастил...

Мишу проводили в путь последний печальный
Паровозным гудком громким прощальным...
Запомнил весёлым его, катал даже нас
Он на тепловозе новом не раз...

Живёт на Дальнем Востоке, так говорят,
Селянкин Володя – сродный мой брат.

А третий брат двоюродный Селянкин Сергей
В запретной зоне жил с семьёю своей.
Его мать у него же под Свердловском жила.
Покой на кладбище Невьянска нашла...

19

Вспоминается дядя Николай Смирнов
И напишу о нём немного слов.
Деловым был и денег займы не давал,
И никогда ведь сам не занимал.
Делал прекрасно гармошки да баяны,
Заказы бывали постоянны;

Мастером лучшим в Невьянске считался;
Баян мне в наследство достался.

Наш дядя Коля построил дом хороший.
Он встретился с девушкой пригожей;
Но за него Манюшу не отдавали,
Ушла убегом, не удержали;
Папе тётушка Маня – сестрица родная,
В юности – дерзкая да удалая.
И домохозяйкой была многие годы,
Потрудилася в войну на заводе.
Набожна и скромна, не очень речиста;
В избе всегда ведь убрано, чисто.

Единственная дочь-красавица Галя,
Вся в мать, за Павла замуж сбежала.
И жила с ним, военным, в Нижнем Тагиле,
Благословенье всё ж получили;

У них есть две дочери, двое внучат больших.
Но нет что-то давненько вестей от них.

20

Наш дядя – Ваня Козлов, мне же – кокай³⁵ родной,
Запомнился он всем нам силой большой.
Видел, как поработал землекопом простым,
Дядя в то время стал уже пожилым.
Но в труде ведь порой молодым не уступал,
Камни ручищами, словно пух, кидал.

Слышал я, что дядя Ваня младым был горяч,
Весел, смел, к тому же ещё и силач.
Заведовал складом, трудился рабочим,
Но и стал до гуляний охочим.
Попытался затем на гармошке играть,
Трудно учёба давалась, видать;
И со злостью гармошку изрубил топором,
В пламени печки он её сжѐг потом.

Тѣтя Шура, его жена, помнится тихой;
Долго трудилась в артели портнихой.
У мамы моей цветы делать училась,
Их в войну продавала, кормилась.

Работящей, набожной тѣтю Шуру я знал,
Слабый голос её так твёрдо звучал.
Старообрядка – дядюшки Ивана жена,
Была Замоткиной в девицах она.
Василий Замоткин – человек известный;
И родня нам, тут сказать уместно.
Тѣтя Шура и он – сродные сестра да брат;
Знают их род издревле, ведь так твердят.

От первого мужа дочку она родила;
А его ж война молодым сгубила.

Вышла замуж за Нечкина Валерьяна
Тётушки Шуры дочь-краса Анна.
С ней Нечкин сына Геру да дочь Свету растил;
Писал, что горным инженером он был.

А Гера работал на Невьянском заводе
С напряжением сил многие годы.
Уже взрастила взрослого сына Света;
Живёт она ведь на юге где-то.

Жизнь интересна у тётюшки Шуры была;
Тихонько в преклонных годах умерла.
На кладбище старообрядском схоронили,
Ведь так с мужем Иваном разлучили.
А на православном погосте схоронен он,
Хоронить же всё ж рядом – нельзя спокон.

Совсем мало в Невьянске осталось родных,
Нечкин Георгий – здесь один из них.
Внуком нашей тётеньке Шуре приходится
И на пенсии ныне находится.

Повидаться доводится мне с ним не часто.
Помню, что родственник поёт прекрасно;
У него спорится и любое дело,
Всегда за него берётся смело.

Учился в Невьянске, диплом ведь техника есть,
Так давно с женой Ниной встретился здесь.
И уже Георгий с ней воспитал сыновей.
Он достиг успехов в работе своей.

Гера в отделе и замом начальника стал,
Лет много труда лишь заводу отдал.
Они внуков, живущих в Реже, обожают,
Весточки часто от них получают.

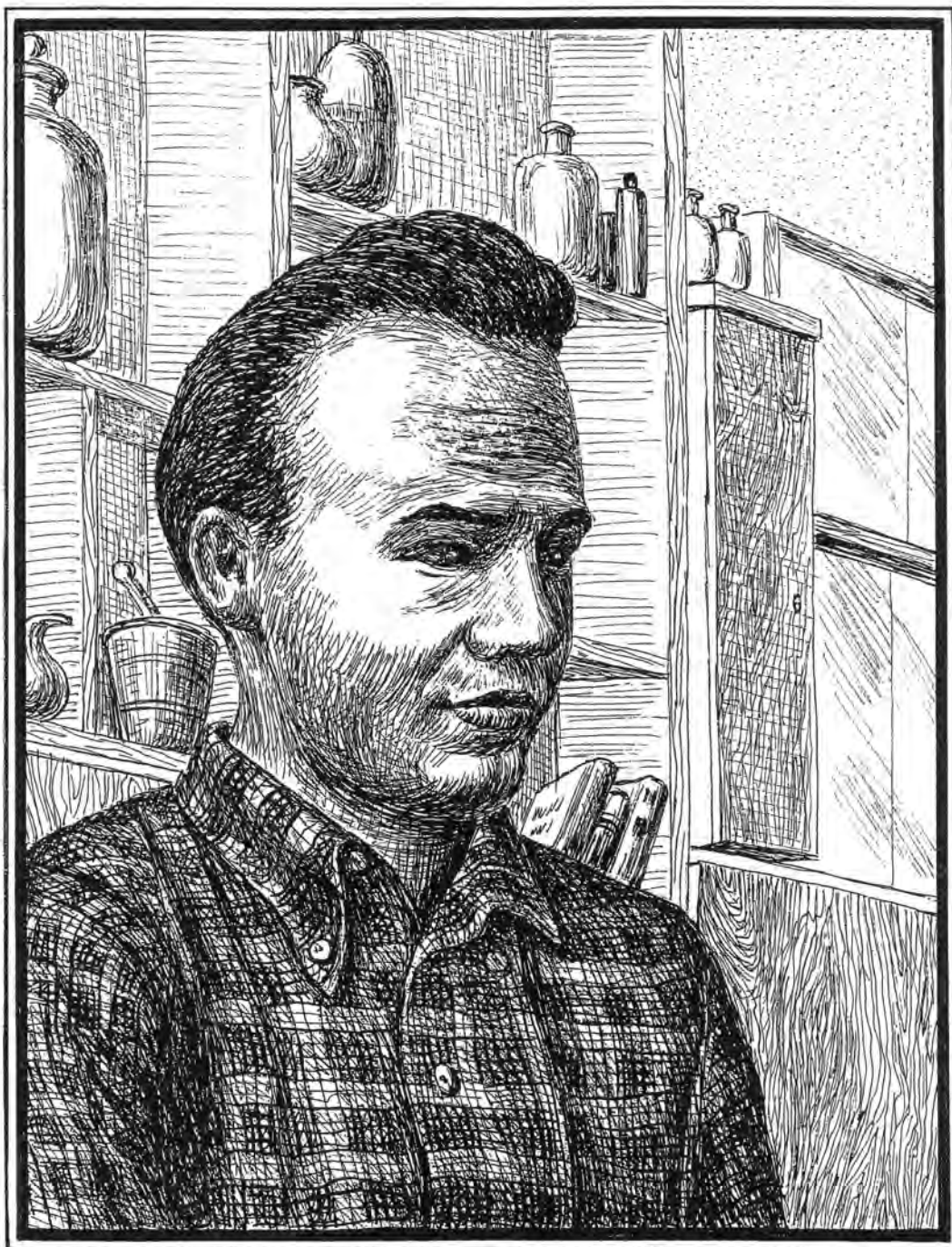
21

пёсиком Дружком я по лесу гуляю,
Вновь Невьянск мой родной вспоминаю.
И записать всё в стихах стараюсь скорей
О жизни в Невьянске и про друзей.
Какие же у них всех судьбы сложились?
Чего невянцы наши добились?

С далёкого детства друг – Юсов Евгений;
Он работал в метрополитене.
А на нём был в Свердловске главным инженером,
Смело трудился, знаясь с большим делом.
Юсов забил колышек первый при постройке,
А работал уверенно и стойко.
Рудникам много сил, уменья отдавал,
Свердловск второю родиной назвал.
Образование – высшее и среднее.
Болесть стал во времечко последнее.

В Геленджике живёт Юсов с Ириной-женой.
Но пишем, звоним друг другу порой.
Меня с женой Аллой в гости они приглашали,
На юг вновь ездить уже мне врачи запрещали,
Но наши дочери, внуки у них отдыхали.

Друг Татауров стал в школе медалистом,
Спортсменом и лучшим шахматистом.
Закончил затем институт политехнический.
Кандидатом наук стал, он стоически

52. Татауров Геннадий Павлович – учёный

И диссертацию свою уже завершал,
Но доктором из-за болезни не стал.
Он, Геннадий, в Перми ведь так долго трудился,
Рано в науке успехов добился.

Вырастил и воспитал с женой двух дочерей,
Которым теперь Иваново родней.
И давненько стал наш Гена у них поживать.
Но где он сейчас? Не могу то узнать.

И Киткины-братья уже преуспели,
У них опыт большой в горном деле.
Денис был на многих месторождениях руд,
Там познал тяжёлый, упорнейший труд.
Также в Свердловске потом работать он стал,
Под трассу метро грунты осушал.

Киткины оба в Невьянске родились,
Затем в школах средних учились.
Техникум, институт они там кончали;
А в Екатеринбурге после жить стали.
Они – Денис и Николай, энергичны,
Настойчивы, умны и практичны...
Был прикован долго к постели Денис-старшой...
Коля, Денис в могилах нашли покой...

И со мной в школе учился Лобзов Сергей,
Живёт в Волгограде с семьёю своей.
Всё ж институт в Свердловске закончил, стал врачом,
Достиг успехов он в деле непростом.
И переписку вёл я часто с ним много лет.
Но ведь от него ныне писем нет.

Юрий Мызников закончил горный институт.
Ныне снова же его дороги вдаль зовут.
Смело, гордо посвятил он родине свой труд.
Вёл разведку золота, руд различных сполна,
О его достижениях знает страна.

И в Алжире жил, работал, арабов учил,
Там месторождение ртути открыл.
Мой друг Юра часто бывал в Невьянске родном,
И всегда вспоминал он о нём.
А жил с семьёю года в Нижнем Тагиле;
На пенсию его проводили.
Был бодр и весел, недавно звонил мне не раз.
В иной мир ушёл вскоре Юра от нас...

22

обо мне всё ж узнай, читатель, немного.
Но не осуждай за это так строго.

В Невьянске, в первой школе, ученье завершил,
И я тогда в Комсомол там же вступил.
Горный техникум в Нижнем Тагиле кончал,
По стопам брата в работе шагал.
Потрудиться в Кустанайской степи—на целине,
Всё же довелось добровольно и мне.

Вскоре призвали в армию, три года отслужил.
Потом при конкурсе большом поступил
В Уральский политехнический институт,
Учился на зодчего шесть лет тут.
Занимались всегда с упорством, вдохновеньем,
Верили мы в своё предназначенье.

Ведь знания основательные дали
Нам в школе архитектурной на Урале³⁶;
Зодчих знаменитой школы в Удмуртии чтут,
Есть выпускники в Ижевске; здесь – жили, живут;

Это – Мифтахов Анвор, Игорь Керсантинов,
Дмитрий Калабин, Антипова Алевтина,
Таня Фатеева, Геннадий Пономарёв
И Добровицкий Александр, Саша Шубенков,
Ещё Лоскутов Виталий да Ившина Лия,
Чугуевская Елена, Руслан Нургалиев,
Аверьянова Эльвира, Макаров Сергей
И Овечкины Елена, муж её Алексей,
Недзвецкая Лариса, Казаринова Ирина,
Лариса Сисюк, Курочкин Виктор, Степанюк Нина,
Ира Лошкарёва, Сурнин Сергей, Гуревич Вова,
Яковлева Роза... Продлить сей список смог бы снова...

Прибыл я в Ижевск, в институт «Ипромашпром»,
Встретил деву-красавицу лишь в нём;
И окончила УПИ, теплотехник – Алла,
Верною женою она мне стала.

Её отец кончил ВУЗ тот в начале войны;
Добровольцем встал на защиту страны
Он, Павел Абраменко, вместе с группой своей.
Всегда храбрость являл в боях среди морей.

И с Аллой вырастили Катю, Аню – дочек своих,
По два образованья высших ныне у них.
У Кати растёт сын Данила – третьеклассник,
Сын у Ани Володя – выпускник-старшеклассник.
Но мало так родных осталось у Аллы моей,
Среди них сестрица Таня и Паша-сын с ней;
И стала бабушкой Абраменко Татьяна,
В Челябинске живёт лишь постоянно.

В Союз архитекторов СССР я вступил,
Так он творческий труд мой давно оценил.

В институте крупном «Удмуртгражданпроект»,
Где проектировал двадцать пять лет,
Став всё ж главным архитектором проектов,
Множество различнейших объектов.
Шахов Иван – мой ученик, директор в нём,
Решителен и твёрд в труде своём;
Знания в институте механическом он взял,
Где семнадцать лет ведь я преподавал
По совместительству, чаще же по вечерам;
На пять лет доцентом избрали всё ж там.

Назначен главспецем экспертизы Госстроя.
В срок на отдых здесь ушёл, что не скрою.
И я уже пенсионер, ветеран труда,
А занят ведь и делом всегда.
Неведома мне теперь, как прежде, скука.
Написал стихи для Вовы-внука.
А в коляске внучонка Данилку катал,
«Баюшки-бай» я ему напевал.
стихи написал.

Вновь дополнения в книгу «Невьянск...» завершаю,
В ней также и рисовать продолжаю.
Описание жизни Микеланджело веду,
Всю поэму завершу в этом году.
печатаю её со стараньем.

дом многие годы,
Тот теремок не достроил на огороде,
От искры сгорел при жаркой погоде.
Усадьбу обживаю да грядки копаю
И по хозяйству жене помогаю.
За грибами в лес иногда выбираюсь с ней
И веду переписку с роднёй своей...

Друзей старых всех чаще стал я вспоминать,
Мне так хотелось бы их повидать.
И всё ж Юсова, Киткиных давно лишь навестил,
Прошлое в памяти вновь с ними воскресил.
К нам кандидат наук Паша Килин приезжал,
Он книгу, статьи в журналы написал.

Вспомнил я техникум, там учёбу и друзей,
Давненько уже ведь нет от них вестей.
И Вы где же, ирбитский Толян Пономарёв,
Нестеров Коля и Сашенька Гонцов,
Букреев Толя – наш староста группы, нам верен;
А из Алапаевска Лёша Аверин,
С Невьянска родом ведь Юрин Юрий – наш комсорг;
Саша Хасанов; Виктор Юшков – профорг?

И вспоминаю армейских друзей всех моих.
Где ж Петя Саккулин и Вова Белых?

Об институте-УПИ вспоминаю опять,
Я так ведь хотел архитектором стать.
А поступили мы только при конкурсе большом,
Учёба давалась упорным лишь трудом.
И обучались в группе: младых двое штатских –
Веснин Володя и Сашенька Спасский,
Отслужившие солдаты да трое моряков –
Вещиков, ещё Добровицкий и Старков.
Также с нами учились и девы – три грации,
Им, как трём древним Богиням, овации.
Те – Недзвецкая Лора, Семеновская Рита,
Валя Обухова поздней именита,
Заслуженный строитель Московской области.
Все мы сияли порой от гордости,

Что с душой познавали основы искусства;
И в нас кипели высокие чувства.

Но мала стипендия и халтурки искали,
Мы на базах порой работать всё ж стали;
Разгружали вагоны и красили крыши...
А ведь в науках стремились всё выше.

Сашенька Спасский – наш статный красавец молодой,
Тогда был в компании нашей душой.
А учился с нами в далёкие годы
И рассказывал нам анекдоты.
Как-то раз возвращался под вечер домой,
В сквере вдруг крик услышал пред собой.
Хулиганы девушку тут избивали,
А прохожие только молчали.
За девушку смело Саша заступался;
Но ножом был ранен... и скончался...

И не все сумели закончить институт;
Снова многих дороги вдаль зовут...

Друзья мои с институтской скамьи, Вы где же?
Разъехались... Слышу о Вас всё реже...

Добровицкий Александр в Ижевске ведь творит;
Родом из Кургана, ныне – инвалид.
Лауреат Госпремии Удмуртии он,
Успех так зодчего здесь был оценён.
Заслуженным архитектором Удмуртии стал
И вновь тут теперь почитанье снискал.
Но одолели болезни всё ж его.
Схоронили мы друга своего...

Собин, Фёдоров – из Верхнего Тагила,
Зодчества стезя их захватила.
В Снежинске к работе Собин Александр приступил,
А поздней в «Свердловскгражданпроект» он отбыл.
И ведь начальник тут в архитектурной мастерской;
Берёт в «Уралжелдорпроекте» пост большой,
И главным архитектором института здесь стал.
Дипломы, грамоты за свой труд получал.
Порой Саша мне вновь звонит, раньше письма писал.
Фёдоров Валентин всё ж ко мне приезжал;
В Марий Эл давно Фёдоров был распределён,
В мастерской ГАПом, начальником стал он.
Потом в Сургуте и мастерской руководил;
В Йошкар-Оле даже бизнес свой открыл.

А из Николаева Ефремов Николай
Посетил вновь наш Уральский седой край.
Не старится, ныне спорт не забывает,
Нас, своих старых друзей, навещает.
У меня с ним недолгою встреча была,
Ведь его дальше позвали дела.

Прежде в Снежинске Георгий Катугин творил,
Главным архитектором города был.
В Свердловске, в «Уралгипрохиме», трудиться стал
И почёт, уважение там снискал.
И главный архитектор его многие годы,
А проектировал тут зданья, заводы.
Эти все объекты в стране, в загранице;
И Урал видным зодчим гордится.

Показал себя живописцем прекрасным,
Он участник на выставках разных.

И ведь интересного столько друг наш свершил.
Но ушёл вдруг из жизни в расцвете сил...

В Екатеринбурге творят, живут, вестимо,
И Гаврилин, Веснин, Назаров Дима.

А Виктор Петрович Старков – с семьи рабочей,
Педагог и профессор, скульптор, зодчий
В Уральской архитектурной академии;
И получал в конкурсах он премии.
Его, студента, ведь не зря мы все величали;
И нас преподаватели – поддержали.

Поныне Виктор Петрович в работе всегда,
Создал горельеф на плотине пруда,
Монументы солдатам, не пришедшим с войны;
И в метро автора скульптуры видны.

А Владимир Высочанский в группе старостой был,
Волей и упорством сразу нас покори́л.
Занят зодчеством, увлёкся и стихами, силён;
Главный архитектор Пермской области он.
И Почётным архитектором России ведь стал,
Вскоре уваженье на Урале снискал.
А ведь я прежде порой переписку вёл с ним,
Но всё же теперь мы друг другу звоним.
стихотворством своим.

Кузнецов Валерий ученье в УПИ завершил
И с отличием красный диплом получил.
Он на Украину едет без сожалений,
Там успешным хочет стать без сомнений.
И становится главным архитектором Черкасс.
Пишет, что был и за границей он не раз.

Постоноговы Юрий, Евгений – близнецы,
Мастера по туризму и в деле – молодцы;
Юрий Иванович – профессор и автор книг;
Женя-брат в графике, рисунке высот достиг.
Прежде кончали училища военные,
Там дали им знания отменные;
И на самолётах, и на вертолётах летали.
Институт всё ж в Нижнем Тагиле кончали.
А братья ведь на худграфе сполна обучались;
Рисунком, скульптурой потом занимались.
В Екатеринбурге – Юрий; Евгений – в Реже;
И там же они известность снискали уже.

Встретил в Москве как-то раз Виктора Унжакова,
На съезде архитекторов страны – снова.
Всё такой же ведь, как прежде был, худой и умён;
Главным архитектором Сургута стал он.
А в Ханты-Мансийском всём округе зодчего чтут,
Он теперь – архитектор Заслуженный тут.
После Заслуженным архитектором России стал,
Повсюду уважение и успех снискал.

И преуспевает Вещиков Юрий в Кургане,
Уделил искусствам там много стараний.
Портреты в спорте Мастеров Зауралья создал;
В Кургане родном зодчих Союз возглавлял.
И в Союзе художников ЮНЕСКО состоит,
В архитектуре лишь успешно он творит...
Но очень тяжело Юра наш болел много лет.
На белом свете друга нашего нет...

Зодчий Васильев Валерий в Калуге жил,
Искусством был занят, стихи творил.

И первый поэтический свой сборник издал,
Карикатуры хорошо рисовал.

Наш Вологжанин Гена поэмы написал,
Из-за больных глаз учиться перестал.

Ко мне в Ижевск Шмаков, Дубровский приезжали,
О своих достижениях рассказали,
Они прежде занимались зодчеством в Казани.
Шмаков Александр родился, жил в Кургане;
Толя Дубровский родом с Коркино (тоже Урал),
Трудиться после ВУЗа в Казани он стал,
С Ефремовым, Шмаковым в Кишинёве вновь дерзал,
В жизнь проекты лишь интересные внедрял.
В Екатеринбурге живёт, работает опять.
Так хочу о друзьях побольше всё ж узнать.

Слышал, что Устинова, Шмакова нет в живых;
И скорблю я о старых друзьях моих...

А в Ижевске также есть у меня друзья,
Но всё реже с ними встречаюсь я.
Все при деле, звонить порой забываем;
Да и внучат растить помогаем.

Давно Маркелов Вова и я роспись создали
В монтажном техникуме в актовом зале.
В художестве, зодчестве, скульптуре преуспел,
Играл на гитаре и прекрасно, с душой пел.
С Володей вместе работал ведь я в «Ипромаше».
Скорбим об убитом ножом друге нашем...

В древней Москве Николай Митрошин стал зодчим,
Вернулся творить в любимый край отчий.

Архитектором главным в «Ипромаше» предстал,
Долго в Удмуртии Госстрой возглавлял.

Уже тогда с ним выполнял я проекты,
С надзором авторским ходил на объекты.
Митрошин хорошо рисовал, стихи написал,
А их своим всем родным, друзьям посвящал.
И архитектором Почётным Удмуртии стал;
Черчению, рисованию в ИжМИ обучал.
Ведь за дела ратные, трудовые вручали
Ему грамоты, ордена и медали.
Но на пенсии сторожом работать пришлось,
Чтобы хоть сносно напоследок жилось.
Наш друг всё же так недавно почил вечным сном...
Многие в Удмуртии помнят о нём...

В ВУЗе получил Владимир Белоногов диплом,
Поработал в Воткинске, в Ижевске потом.
Стал технологом, главным инженером проектов,
Разработал много различных объектов.

Зодчие Мифтахов, Керсантинов, Пономарёв
Разработали проекты для городов:
Парки, микрорайоны, жилые районы,
Кинотеатры, дворцы, стадионы
И спортзалы, бассейны, тир стрелковые,
Школы, сады, дома образцовые...
Известны стали... Но нет уже друзей в живых...
Удмуртия помнит о творцах своих...

Саша Нахимов – архитектор, весь в работе;
О дочери есть у него заботы.
С ним друга Рудольфа Лагунова вспоминаем,
На могиле его, зодчего, бываем...

Друзья Алеханов, Заматов снятся порой.
И они ведь ушли на вечный покой...

Есть друзья Вася Шепелев, Коленька Шишков
И Лёва Болтин, и Толя Моздаков.
Они работали много лет вместе со мной;
Но только звоним всё ж друг другу порой...

Вновь о многом ещё размышлять продолжаю...
Всё же главу я писать завершаю.

23

Книгу написал с душою про многих родных,
Про друзей Геннадия и про моих.
Надеюсь, что снова будет продолженье,
Ведь растут за нами поколения.

БАШНЯ НЕВЬЯНСКАЯ, ЖИВИ В ВЕКАХ

1

Настала пора книгу мне завершать,
Ещё немного ведь осталось сказать.
Пишу заключительные строки
О башне мне близкой и далёкой.

Башня стоит всё ж прочно, горделиво.
При восходящем солнце – так красива!
В ночном небе зловец силуэт иногда
И в ту пору мрачна в отраженьи пруда.
Жутко становится вдруг порой,
Когда слышен в ночи колокольный бой.

Но башня тайн не раскрывает
И все их свято в веках сохраняет.
Судьбой своею не радуется,
По злему року, быть может, падает.

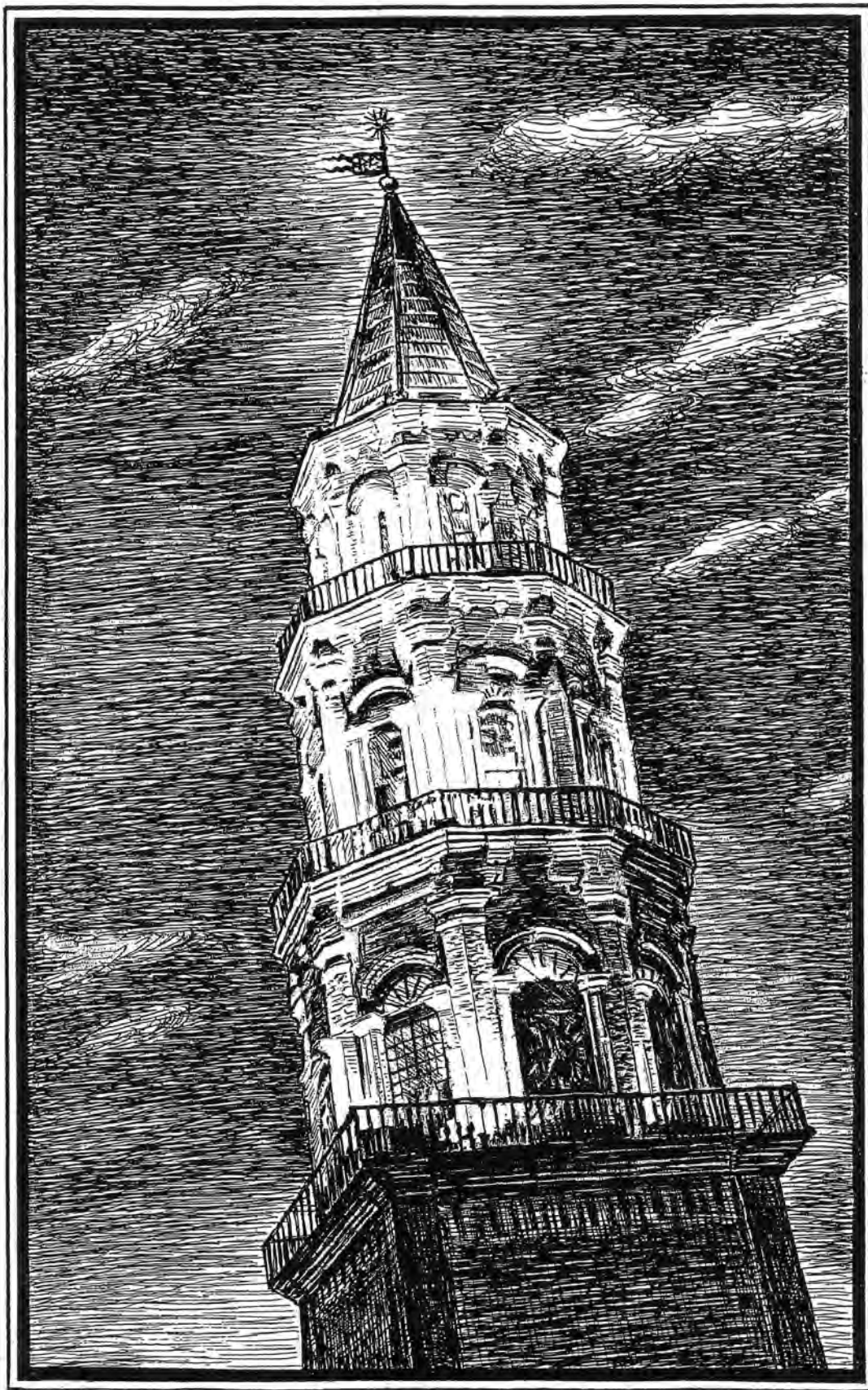

2

Наклонных же башен в мире не строили,
То известно стало в истории.

Но всё ж были из этого исключенья.
Для усиления впечатленья,
Например, в Болонье две башни создали,
Сразу разный наклон им придали.

Абу-Даби Капитал – здание наклонное,
Дерзко так специально возведённое.

53. Невьянская падающая башня

Тридцать пять метров сего небоскрёба наклон,
Рекорд этот в мире всём не превзойдён.
Красиво и оригинальнейшее оно
В Арабских Эмиратах размещено.

Не так уж много в мире башен лишь наклонных,
А чаще ведь давно сооружённых.
Дали неким же из них всё ж наклон значительный:
И отсталость техники всей строительной,
Ошибки в расчётах, затем – в возведении,
Высота преобладающая строений
И площадь малая основания,
Стихиями испытания.

Но было не всем суждено устоять,
Об упавших уже – не узнать.
И лишь какие-то башни выпрямляли,
Другие – в наклоне закрепляли.

И вот они на планете башни наклонные,
Такими все на века закреплённые:
В Готланде (Швеция), в Эмсе (Германия),
В Сен-Морице; да в Дельфте (Голландия);
Колокольни Суздаля, башни – Казанская
И на Среднем Урале Невьянская...

Есть ещё башни и в вечном падении,
О них говорят с сожалением.

Но Пизанской башне повезло без сомненья,
Много лет будет жить это творенье.
Реконструкция многие годы продлилась,
Но лишь недавно сполна завершилась.
В ней больше четырёх метров отклоненье
Ведь смогли перераспределением

Нагрузок под фундамент, пригрузкой свинцом
Чуть-чуть уменьшить и только потом
Приняла всё ж башня древняя первых гостей
В день, когда в Невьянске прошёл юбилей.
Но смог недавно о Пизанской башне читать,
И стала ведь она клониться опять.

И так поразит великолепьем всем своим
В Самарканде вновь мечеть Биби-Ханым.
Видел я, была полуразрушена она,
Реконструкция уже проведена.

«Ласточкино гнездо» в Крыму укрепили,
Там со скалой фундамент сцепили.

Наклонились башни: в Ульме (Германия),
В Белфасте (та – в Великобритании);

Падают: колонна в Катманду (Непал это);
В Ираке да Иране минареты.

Но башен, входящих в землю вертикально,
Совсем мало, все монументальны.
Так Теодорика могила в Ровенне
Опускается вниз равномерно.

Часовне Арич в Армении много веков
Суждено качаться от сильных ветров.
Качается вместе со скалою огромной,
Но прочна так, что считают надёжной.
А минареты качаются в Иране,
Все в городе древнем Исфахане.

В Москве, в Останкино, башня качается,
Расчётами то допускается.

У башен ведь есть и неопасный наклон,
Колокольням Москвы свойственен он.
Это – церковь «На Кулишках» и храм Никольский,
Также знаменитый собор Покровский.

3

Башня в Невьянске изогнутой считается,
Обмерами точно подтверждается.

Наклонилась при постройке четверика.
Всё же её выпрямили слегка,
Когда восьмерики, шатер возводились;
Но кривизна при том появилась.
И всё же наклон башни сохраняется,
Со времён давних замечается.
В Советское время расширяли завод,
Появилось так много хлопот.

Всё ж реконструкцию завода провели,
Строения Демидовых снесли.
Одна лишь башня осталась от тех времён,
Её облепили со всех сторон
Нелепые трубы и сооруженья;
Плохим стало башни обозренье.
Сторонников её снести было немало,
Ведь производству, быть может, мешала.

Даже предрекали башни падение,
Но напрасны те опасения.
Она, без сомнения, лишь прочно стоит,
Вся история о том говорит.
Всё ж таки за три века не упала,
Её стихия испытала.

4

Истина о башне отдаляется,
А её жизнь продолжается,
К трём столетиям приближается,
Но споры о ней разгораются.
Обрастает всё больше она преданьями,
Былями, сказами и сказаньями,
Также легендами и воспоминаньями,
Загадками, сказками и тайнами.
Время, прошедшее так неумолимо,
Её и с Пизанскою породило.

И ярусами в небо, вверх, устремилась,
Но за века уже наклонилась
Старинная башня на два с лишним метра;
А падение это заметно.

Но история нашей башни богаче;
Ведь предстоит решить всё ж задачи:
Её все загадки, тайны людям открыть,
Достоверно всё о ней известить.

5

Имятник спокон в Невьянске уникальный,
Перенёс он столько всех страданий.
И хотя многое о нём неизвестно,
Но занял лишь достойное место.

И создаёт даже мрачное впечатленье
Труда подневольного то творенье;
Находиться так боязно у башни подчас,
Словно громада её давит на нас.
Ощущенье, что она здесь вот-вот упадёт –
Тяжко дышать, выступает вдруг пот.

Но радость и людям приносит вновь она,
Когда солнцем опять освещена.
Ведь так ярка на фоне небес голубых,
Тревожна лишь – в облаках грозových.

*«И ты встречаешь каждого поклоном,
И песнею даришь, и перезвоном», –*
Журналист Игнатъева так написала,
Башне много стихов посвящала.

Башней мир восторгается множество лет,
Строгий, красивый её силуэт.
Когда, как бы в зеркале, в глади пруда видна,
Стройней, выше кажется всё ж она.

Дожди, слякоть и мрачное настроение
Портят порой о ней впечатление.
Башня в пасмурные дни монументальна,
Сказочна, безмерно так печальна.

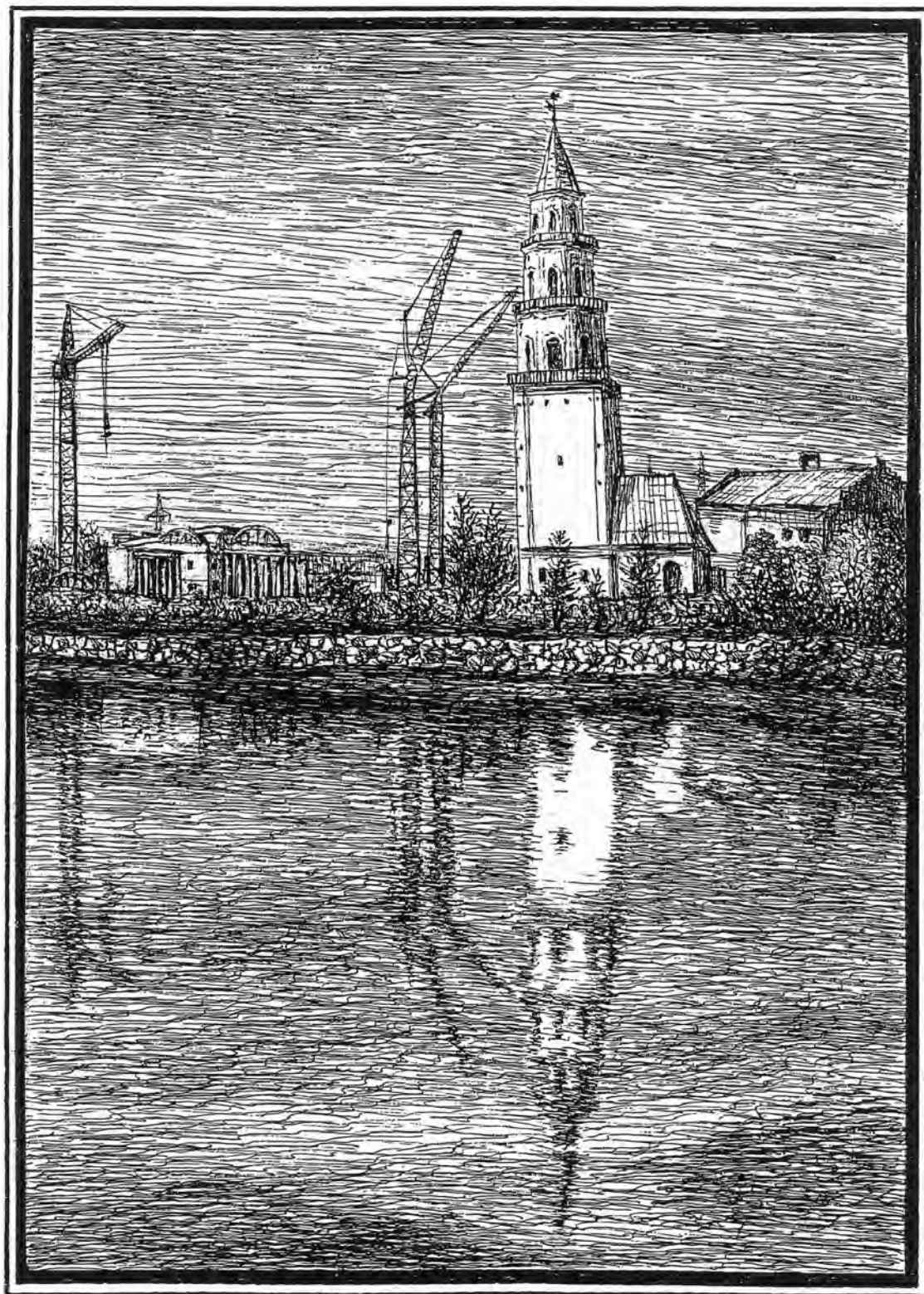
6

Изменчива, словно бы живая,
Та башня древняя и сторожевая.
Всё борется со стихиями:
Со снегом, бурей и стужей, с ливнями.
Может весёлой и хмурой быть,
Видеть, слышать и в памяти всё хранить.

7

Башня видела всюду многое:
Как толпой рабочие шли дорогою
И в рудниках людей гноили;
Как в домнах из руды чугун варили,
Ковали оружие для побед;
И как леса вырубали так много лет;

54. Невьянская башня и Свято-Преображенский собор в 2001 году

Может быть, чеканили монету,
Мастеров тех затопили вдруг за это;
И к цепям ведь работных ковали,
Даже со скелетом девицу венчали;
Как все горы руды разбирались;
Рождались люди и выжить старались,
Но погостом их жизни кончались;
Как над крепостными всегда издевались,
Избивались все непокорные;
Как обживали земли просторные;
Как Демидовы здесь процветали,
Россию делами в веках прославляли.

Замечала башня голод и застой,
И засуху, вьюгу, не один пожар большой;

Завода, посёлка возрожденье,
Торговлю бойкую, рост тут населенья;
И Советскую власть повидала,
Строительство новое всё примечала;
Видела, что не всё гладко идёт.
Было всё ж, несомненно, движенье вперёд.

Видела башня в Невьянске вновь юбилей,
И здесь проходил он несколько дней.
Город помнит ведь триста лет истории всей,
На торжество то принял много гостей.

Артисты известные тут выступали.
И цветы, и подарки вручали.
Вспомнили про подвиги былые,
Снова верят, что дела все заводские
Всё решительней начнут проводиться,
Успехов вновь здесь смогут добиться.

Быстро промышленность темпы набирает,
Теперь и зарплата возрастает.

В городе ведь заметны рост населения,
Кварталов, улиц преображенье.
Горд Невьянск гербом, флагом и гимном своими,
Новыми знаками в город въездными.

Никите Демидову – слуге верному,
И царю русскому Петру Первому
Грюнберг памятник тот посвящает, он открыт,
Из чугуна «Уралмашем» был отлит.
Невьянск – колыбель металлургии Урала,
А в России всей первою предстала.
И на Планете город наш славу снискал,
Он в мире лучший металл выпускал.

Башня видела эти все достиженья,
Может быть, у неё есть сомненья
В том, что триумф у Невьянска повторится.
Но город к заветному стремится.
Новые, смелые планы сбываются,
В труде ведь невьянцы стараются.

8

слышала башня, как били крепостных,
Каторжан, детей, беглых, приписных;
Их стоны так жуткие и протяжные,
А собак лай и вой – ужасные;
Пальбу из пушек в честь побед всех внушительных,
Успехов лишь новейших, значительных.

Слыхала башня: гудок трудиться всех звал,
Восставших набат к борьбе призывал;

55. Памятник Петру Первому и Никите Демидову
в Невьянске. Скульптор К. Грюнберг

И как куранты вели счёт свершениям;
Рабочих и крестьян волнения;
Как спокон железо доброе ковали,
Срочно на обозах отправляли
И сплавляли по рекам непокорным
Только к заказчикам достойным.

Слушала, как вдруг пенились пруд, река,
Раскаты грома издалека,
Всюду печаль и старинное пенье,
Всё реже веселья мгновенья.

И слышала башня: оркестр духовой,
Провожавший вновь воинов в бой;
И как на фронт оружие отправляли,
Но даже строить не прекращали;
Как днём, в ночи станки на заводе гремели,
Машины мчались, телеги скрипели;
И как в военное время люди рыдали,
А в праздник Победы – все ликовали.

Слышит башня торжества да гулянья,
Школьные звонки, расставанья,
Радость малышей и птичек щебетанье,
На плотине древней вод журчанье.

9

Башня знает, как завод зарождался,
Как посёлок в нём появлялся;
Помнит первые всех строителей артели,
Зданья, что сохранить здесь не сумели.

Вспоминает муки своего возведенья
Над рабочими повсюду глумленья;

Весь Демидовых род и их правление,
Больших планов осуществление;
Родного Невьянска процветание,
Пугачёвское восстание.

И помнит успехи завода гигантские,
Серебро, медь и золото невяньские;
Сундуки, что когда то всюду известные,
Древние все иконы чудесные;
Взлёты, падения она вспоминает,
Невяньска металл добрый знает.

Ведь помнит башня: Октябрьский переворот
И как же всё ж городом стал завод;
Всюду белых, красных, зелёных атаки,
Голод, холод и жизнь в полумраке;
И родного края восстановление,
Жатву, строек здесь оживленьё;
Как седой Урал победу ковал,
Родины нашей мощь умножал.

Помнит все времена послевоенные,
Планы отчизны вдохновенные,
Всюду смелое их осуществление,
Нынешней жизни улучшение.

Знает башня: Советский Союз распался,
А перестройки этап начался,
Как стали теперь жить в Руси обновлённой
И на лучшее лишь устремлённой.
Может, настанут славные вновь времена,
Ведь в том старается наша страна.
Наверно, не зря правители меняются
И уже чего-то добиваются.

ремя прочно башню в веках испытало
И ещё красивее предстала.

Она так много тайн поныне хранит,
Но всё же всегда до сих пор молчит.

А башня в Невьянске – есть чудо Урала,
Давно символом города стала.
Люди Планеты всей вечно о ней знают,
Невьянскую башню посещают.

Этот памятник древний недавно опять
Здесь удалось всё ж мне увидеть
Под осень и только после юбилея;
Живёт наша башня, не старея.

На неё по лестницам крутым поднялись,
Ветер дул, и облака неслись.
Показалось мне, что плыву вместе с ними
Я в далёкие горные сини.

Но в этот раз город наш родной не узнал;
Помолодел, красивее он стал.
Проявили тут невянцы старание,
Всюду видны новые здания.
Купола собора на солнце сверкают,
Пруд, река серебром отливают.
Комплекс исторический, как на ладони,
Слышны башни, церковей перезвоны.

В застройке город весь преобразается,
В век новый смело устремляется.

Ветерок вновь прохладный ныне подбодряет,
И золотая осень наступает.

– Но это не осень ведь, башня, в жизни твоей,
Жить продолжишь в веках для многих людей. –

11

Башня – жемчужина в зодчестве всём мировом,
Блестает спокон в моём граде родном.

Но жемчужина – лишь камень драгоценный,
Только ведь в оправе всей – бесценна.
Так для башни – жемчужины большой величавой,
Стали давно оригинальной оправой:
Уцелевшие храмы, церкви, соборы,
Лавки купцов, хоромы, конторы...

Это – Подвинцева в камне усадьба прочна,
Создана здесь в стиле барокко она,
Из металла дымники, решётки, сливы
Сделали нарядней дом красивый.

А дома Мередина-Нечкина роскошны,
Даже их в стиль модерн все вписать можно
С элементами барокко и классицизма.
Зданий, так похожих на те, отчизна
Много в Петербурге, Москве сооружала.
На Урале ж таких – строилось мало.

Особняк древний Дождева-купца стареет,
Но всё ж красив, стиль классицизм имеет;
Дом двухэтажный с воротами и оградой,
С большим уцелевшим фруктовым садом.

Дом Карпова Ивана (а теперь почта в нём)
Так интересен в украшении своём.
Сей дом в стиле необарокко и красивый,
Пышный, вычурный и неповторимый.

И жилые дома тут купцов: Третьякова,
Носова, Власова и Короткова
Ныне остаются в Невьянской истории.
Их давно все со вкусом построили.

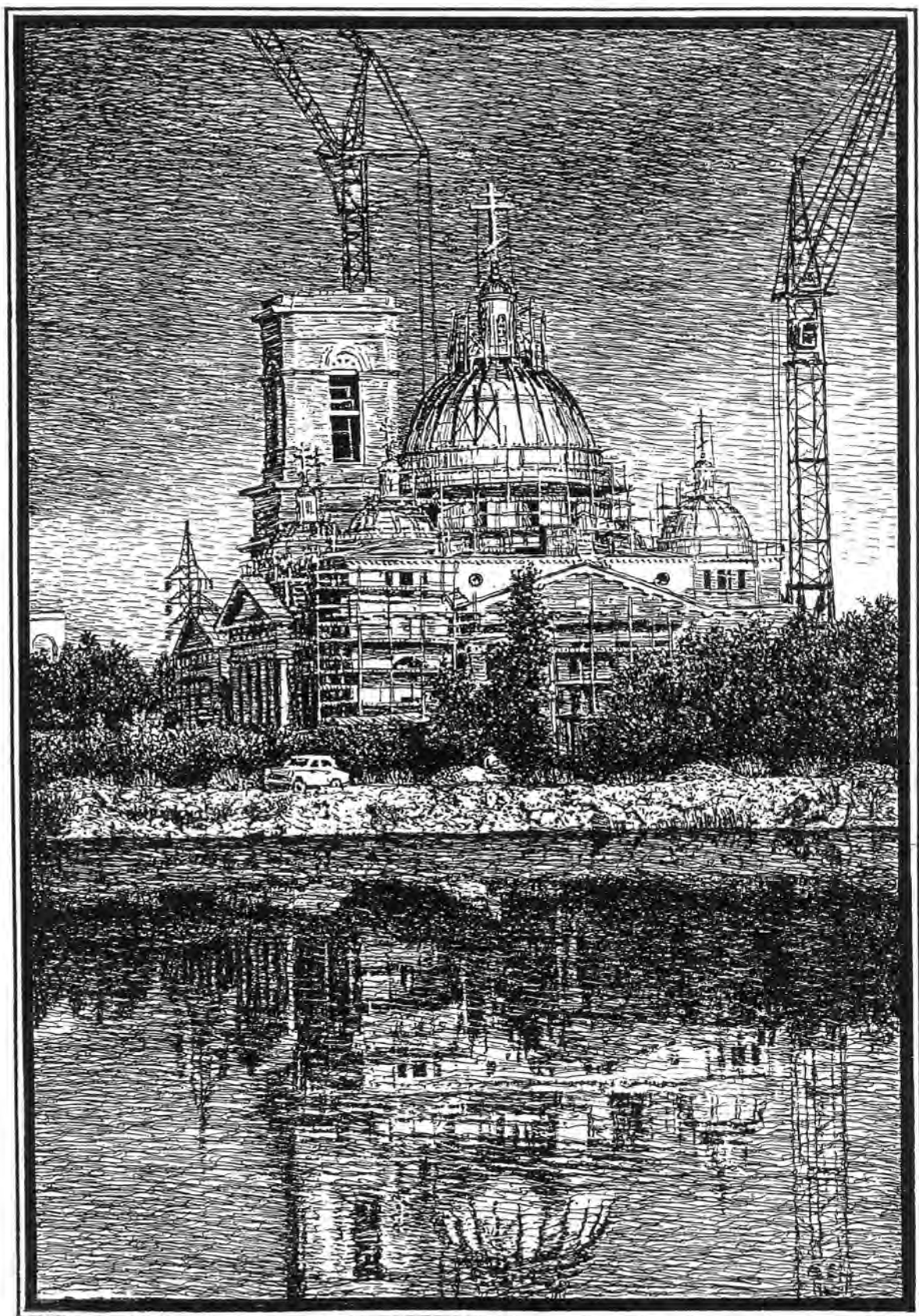
А гимназия женская в центре размещена
(Школа в ней номер один – в наши времена);
В стиле модерн то здание: окна большие,
Лепнины нет, все детали простые.

Но государством все памятники старины
Лишь плохо, сомнительно защищены.
И под этой защитой разрушаются,
Так-то их жизни прекращаются.

А есть ещё интересные здания,
Они заслужили внимания.
Их мало со счастливой судьбой с давних пор,
Тому пример Преображенский собор.

Викентий – Архиепископ и Верхотурский,
И также теперь – Екатеринбургский,
Молебен дал в Спасо-Преображенском храме,
Ознакомился здесь он всё ж с делами,
Смотрел, как реставрацию собора ведут,
И сказал пастве: – Его скоро сдадут.
Ведь тут Среднеуральское управление
Строит с завиднейшим вдохновением. –

Стал собор среди красивейших на Урале.
Пишут, на него краном поднимали
Летним, незабываемым, солнечным днём
Позолочёные купол с крестом.

56. Спасо-Преображенский собор в Невьянске,

реконструкция, 2002 год

У солнца вокруг ореол явился вдруг,
То был чёткий и тёмно-серый круг.
И на его фоне искры засверкали,
Враз они людей околдовали.

Конечно, Бог благословил дело святое,
Событие здесь, в городе, большое.
Этот чудесный собор³⁷ в Невьянске стал ныне
Навечно главнейшей чтимой святыней.
Колокольню храма недавно возвели,
А строители тут не подвели.
Поднят на колокольню сию шпиль с крестом,
Эта конструкция весит шесть тонн,
Она высотой восемнадцать метров.
Колокольню далеко заметно.
И о ней на Урале, в Сибири знают,
Самой высокой все там называют.

Колокольне той стоять неодинок
Рядом с башней древней и высокой.
С башней Демидовых в спор вступила опять;
Он вечно будет длиться, видать.

12

От время мне завершать поэму настало,
Сказал о Невьянске, башне немало.
И летопись про Невьянск записана мной,
Есть страницы про Урал наш седой.
Поведал здесь о знаменитых уральцах,
А затем – об известных невянцах.
Подробно очень Демидовский род описал,
Он славу Уралу, России ковал.

Написал о природе любимого края,
Ныне так часто его вспоминая.

Я рассказал о маме, отце, всех родных
И о друзьях старых верных моих.

Но в книге многое ещё не смог записать.
Смогу ли воплотить задумки опять?

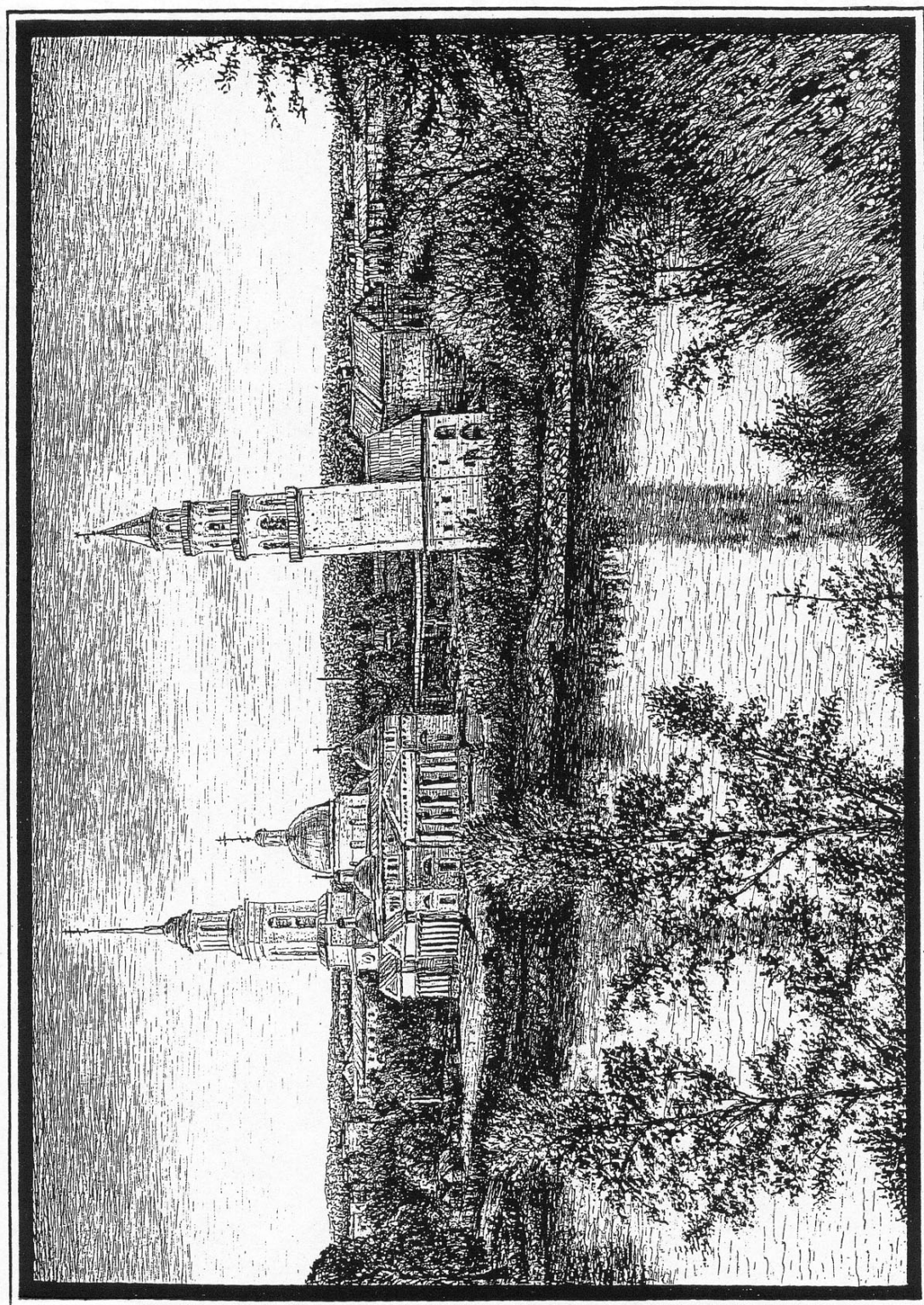
В памяти прошлое, детства, юности годы,
Пруд, башня и школа, площадь, заводы.

Башня так близкая, но и далёкая,
Жила ведь во время жестокое.
И видела взлёты Невьянска родного.
А когда же услышит всё ж снова
Стройные ритмы всех достижений, побед?
И даст ли на тайны нам свой ответ?

Но больше пока вопросов она задаёт,
Чем своих ответов на них всем даёт.
У каждого о башне своё лишь мнение,
Но есть вопросы, боязнь, сомнения.

Почему её возвели на Урале?
В память храмы, дворцы воздвигали.
Видать, башню замыслили, как монумент,
Мощь воплощает её силуэт.
И каменной она была возведена,
Что запрещали ведь в те времена.
Среди деревянной застройки стояла
И своё всё величие знала.

Невьянская башня сквозь века показала
Власть Демидовых – «царей» всех Урала;
Дали всем потомкам в камне завещание,
В нём легенды, тайны и сказания.

57. Спасо-Преображенский собор и Невьянская башня в 2003 году

За много вёрст эта старинная башня видна,
И стала давно доминантой она;
На века в градостроительном отношеньи –
Главное поныне сооруженье.

Башня в небо и космос устремляется,
Символом взлёта ввысь считается.
Это и Невьянска подъём, возвышенье
И России вперёд продвиженье.

Монумент сей навстречу ветру устремлён.
Нужен, видать, для этого наклон?
Или склонилась в признаньи успехов людей,
А также от жизни столь долгой своей?
Иль злодеяния все людские склонили,
Когда в ней подвалы вмиг затопили?

Часы на башне вечности отсчёт ведут,
Века куранты её громко бьют.
Под ударами судьбы всё ж устояла,
Это ведь и время доказало.

Встретила башня нарядной здесь юбилей,
И стала она ещё красивей;
Люди об этом величии знают,
Посмотреть на неё приезжают.

– Башня Невьянская древняя, в вечности живи!
Все тайны открой, на дела благослови.
Поведай всё про столетия былые
И судьбы людские роковые.
Расскажи нам про взлёты и падения,
И летописные свершения.

58. Невьянская наклонная башня

Всегда архитектурой строгой поражай
И лишь на поиск зодчих вдохновляй.

Город свой с высоты ты порой изучай,
Колоколами людей подбодряй.
И отсчитывай истории мгновенья,
Знают пусть тебя все поколенья.
Ты от жизненных будней не склоняйся,
Но будь всё краше и мужайся.

А Невьянск – город свой родной, прославляй,
Былую мощь его возрождай.
Наша башня, в дальних веках не теряйся.
Гордой, нужной всегда оставайся! –

1997 – 2001, 2003 – 2005, 2009 – 2014 гг.

Ижевск, Невьянск, Быньги.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Козлов Виктор Фёдорович, автопортрет	3
2. Невьянская башня в 1965 году	9
3. Памятник Петру I и Никите Демидову в Невьянске. Скульптор А. Надтока	11
4. Город Магнитогорск	34
5. Река Чусовая	39
6. Проспект Ленина в Екатеринбурге	42
7. Александро-Невский собор в Ижевске. Архитекторы А. Захаров, С. Дудин. Проект реконструкции С. Макаров, И. Лошкарёва	45
8. Город Оренбург. Спуск к реке Урал от памятника Чкалову	46
9. Южно-Уральская ГРЭС в Челябинской области. Архитектор И. Манц, инженер С. Ракита	48
10. Татищев Василий Никитич – основатель Екатеринбурга	55
11. Чайковский Пётр Ильич – великий русский композитор	57
12. Бажов Павел Петрович – автор сказов «Малахитовая шкатулка»	59
13. Жуков Георгий Константинович – маршал, четырежды Герой Советского Союза	61
14. Калашников Михаил Тимофеевич – создатель автоматов АК, генерал, дважды Герой Социалистического Труда, Герой России	62
15. Река Нейва	70
16. Озеро Таватуй в Свердловской области	72
17. Демидов Никита Демидович – родоначальник знаменитой династии	82
18. Пётр Великий – император России	84
19. Демидов Акинфий Никитич – «некоронованный царь» Урала	116
20. Невьянский завод Акинфия Демидова в 1735 году	118

21. Демидов Прокофий Акинфиевич – владелец Невьянских заводов	142
22. Демидов Никита Акинфиевич – владелец Нижнетагильских заводов	156
23. Каменные Палатки в Свердловской области	196
24. Северный Урал	199
25. Невьянский пруд	229
26. Храм Николы Чудотворца в с. Быньги	243
27. Невьянский завод середины 19 века (фрагмент)	253
28. Свято-Троицкий церковь в Невьянске. Построена в 1856 году	255
29. Дворец культуры машиностроителей в Невьянске	289
30. Женская гимназия (ныне средняя школа № 1) в Невьянске	307
31. Здание администрации муниципального образования «Невьянский район» (мэрия)	310
32. Заводоуправление Невьянского механического завода	311
33. Здание первого Невьянского Совета рабочих и солдатских депутатов (бывший дом купца Дождева)	312
34. Здание железнодорожного вокзала в Невьянске	313
35. Жилой дом в центре Невьянска	314
36. Мартьянов Николай Петрович – первый комиссар просвещения Невьянского Совета	342
37. Петелин Александр Иванович – вице-адмирал, Герой Советского Союза	345
38. Костоусов Виктор Фёдорович – Герой Советского Союза	346
39. Бунин Сергей Алексеевич – директор Невьянского механического завода в 1939 – 1945 годах	348
40. Бобкова Антонина Ивановна – Почётный гражданин Невьянска	350
41. Иванова Глафира Павловна – Заслуженный учитель России	352
42. Слюсарь Маргарита Александровна – Почётный гражданин Невьянска	354

43. Балмашнов Виктор Алексеевич – Герой Социалистического Труда	357
44. Дом кузнеца Кириллова в с. Кунара Невьянского района	359
45. Замоткин Василий Александрович – краевед, Почётный гражданин Невьянска	361
46. Надтока Алексей Ефремович – учитель, скульптор, художник	363
47. Жданов Яков Акинтьевич – художник керамического завода в Нижних Таволгах	365
48. Хохонов Виктор Васильевич – академик академии имени Демидовых, Почётный гражданин Невьянска	369
49. Катаева Евгения Ивановна – Заслуженный учитель России, директор Невьянской средней школы №1	375
50. Язев Валерий Афонасьевич – заместитель Председателя Госдумы России, почётный гражданин Невьянска	379
51. Козлова Валентина Павловна – цветочница	397
52. Татауров Геннадий Павлович – учёный	425
53. Невьянская падающая башня	437
54. Невьянская башня и Спасо-Преображенский собор в 2001 году	442
55. Памятник Петру Первому и Никите Демидову в Невьянске. Скульптор К. Грюнберг	445
56. Спасо-Преображенский собор в Невьянске, реконструкция, 2002 год	451
57. Спасо-Преображенский собор и Невьянская башня в 2003 году	453
58. Невьянская наклонная башня	455

Примечания

² **Исторический сквер.** Размещён в центре города, у реки Исеть и плотины, который включает музейно-архитектурный комплекс. Авторы этого проекта архитекторы Н. С. Алфёров, А. Э. Коротковский, А. В. Овечкин, Г. И. Дубровин, В. А. Пискунов, Л. П. Винокурова и сотрудники института «Свердловск-гражданпроект».

³ **УПИ** – Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова (ныне Уральский Государственный технический университет им. Бориса Николаевича Ельцина – УГТУ).

⁴ **Регулярный план** – геометрически правильный план (прямоугольный, квадратный и др.).

⁵ **Алебарда** – старинное оружие – фигурный топорик с длинным древком.

⁶ **Мортира** – короткоствольное артиллерийское орудие.

⁷ **Четверик** – в русской и украинской архитектуре (преимущественно в 17 – 18 веках) четырёхгранное в плане сооружение или его часть.

⁸ **Восьмерик** – в русской и украинской архитектуре (преимущественно в 17 – 18 веках) восьмиугольное в плане сооружение или его часть.

⁹ **Балюстрада** – перила из фигурных столбиков.

¹⁰ **Тяга** (в архитектуре) – профилированный выступ, членящий стену по горизонтали.

¹¹ **Связи** (в строительных конструкциях) – элементы каркаса здания или сооружения, обеспечивающие их пространственную жёсткость, а также устойчивость основных (несущих) конструкций.

¹² **Кронштейн** – консольная опорная деталь, выступает из стены или прикреплена к стене для поддержания какой-либо части здания или деталей.

¹³ **Поясок** (пояс) – декоративная выступающая горизонтальная полоса на фасаде здания.

¹⁴ **Пилястра** – плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения по поверхности стены или столба.

¹⁵ **Профиля** (обломы архитектурные) – протяжённые архитектурно-пластические детали, различающиеся по профилю (поперечному сечению) прямолинейные (полка) и криволинейные (вал, гусёк, каблучок и т.д.).

¹⁶ **Баба** (техническое) – ударная часть молотов, копров и машин, работающих ударом.

¹⁷ **Подать** (подати) – в России до середины 19 века название различных денежных налогов с феодально-зависимого населения.

¹⁸ **Действительный советник статский** – в России гражданский чин четвёртого класса, давал потомственное дворянство. Лица, его имеющие, занимали высокие должности (директор департамента, губернатор).

¹⁹ **Камергер** – придворное звание старшего ранга (выше камерюнкера) в Российской империи (с 18 века). Отличительный знак – ключ на голубой ленте.

²⁰ **Егермейстер** – в Российской империи придворный чин третьего класса. Изначально был связан с организацией царской кой охоты.

²¹ **Музей Питти** – палаццо Питти. Здесь находятся подлинный памятник Николаю Демидову работы Бертоллини и портрет Матильды Бонапарт Демидовой кисти Шефера.

²² **Заводы Невьянские.** Они в начале 18 века назывались Верхотурскими железными заводами, т.к. были в Верхотурском уезде.

²³ **Фузея** – кремнёвое ружьё, заменившее мушкет, в 17 – 19 веках – на вооружении иностранных и русских армий.

²⁴ **Пенька** – грубое прядильное волокно из конопли.

²⁵ **Пушечный приказ** – в Русском государстве 17– 18 веков учреждение, ведающее пушечным производством.

²⁶ **Братина** (братина) – русский шаровидный сосуд 16 – 17 веков для питья на братинных пирах («на всю братию») из дерева, меди, серебра, золота.

²⁷ **Заплот** – забор, деревянная сплошная ограда, из досок или брёвен.

²⁸ **Дача** – участок земли под лесом (лесная дача).

²⁹ **«Морозка»** – жемчуг с необычайно красивой поверхностью, как «мороженой».

³⁰ **Посессионное право** – в России в 18 веке передача государством в условное владение частным лицам для работы на их промышленных предприятиях государственных крестьян, а также земель, недр и лесов для промышленного использования.

³¹ **Перфоратор** – машина ударного действия (обычно пневматическая) для бурения горных пород; бурильный молоток.

³² **УСФ** – Урало-Сибирская Федерация.

³³ **Лоббист** – человек, принадлежащий к лобби – группе представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику.

³⁴ **Прецизионные сплавы** – металлические сплавы с особыми физическими свойствами (магнитными, электрическими, тепловыми, упругими) или редким сочетанием свойств. Применяются главным образом для изготовления точных приборов, а также в бытовой технике (в телевизорах, часах и т. д.).

³⁵ **Кокай** (крестный; крестный отец) – у христиан: участвующий в обряде крещения кого-нибудь в роли восприемника (человека, принимающего на руки ребёнка из купели – сосуда в форме большой чаши, куда окунали ребёнка).

³⁶ **Архитектурная школа Урала** существует с 1947 года, тогда была открыта архитектурная специальность в Уральском индустриальном институте (в 1948 году снова переименован в Уральский политехнический институт) в г. Свердловске; ныне он стал в Екатеринбурге Уральским государственным техническим университетом им. Б. Н. Ельцина. Профессор К. Т. Бабыкин – основоположник архитектурного образования на Урале. В 1967 году на базе строительного факультета УПИ стараниями Н.С.Алфёрова, В.Г.Десятого, А.Э.Коротковского, Г.И.Белянкина, В.А.Пискунова создан филиал Московского архитектурного института, реорганизованный в 1972 году в Свердловский архитектурный институт (первый ректор его член-корреспондент АХ СССР, Народный архитектор СССР Н. С. Алфёров), с 1992 года ВУЗ стал Уральской государственной архитектурно-художественной академией. В 2003 году Уральский государственный технический университет (бивший УПИ) отметил 50-летие первого выпуска инженеров-архитекторов, об этом собы-

тии профессор Ю. И. Постоногов написал книгу. Недавно УГТУ-УПИ возобновил подготовку архитекторов с инженерной закалкой. Главный архитектор Невьянского района А. В. Нечхаев, архитектор в Невьянске М. А. Нечхаева – выпускники Свердловского архитектурного института.

³⁷ **Собор** – Спасо-Преображенский собор. 16 августа 2003 года в солнечное субботнее утро раздался колокольный звон, возвестивший об освящении возведённого вновь Спасо-Преображенского собора. Освящал его архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. На возведение храма с колокольной потребовалось 3 года напряжённой работы многих коллективов. Главный архитектор проекта и автор проекта собора В. И. Симиненко.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
От автора	5
Глава 1. С башней Невьянской встретился вновь	7
Глава 2. Седой Урал	27
Глава 3. Знаменитые люди Урала	52
Глава 4. Основание Невьянска	67
Глава 5. Никита Демидов в Невьянске	77
Глава 6. Акинфий Демидов и возведение Невьянской башни	95
Глава 7. Сыновья Акинфия Демидова	121
Глава 8. Последние наследники Демидовых	160
Глава 9. Что Демидовы миру дали?	185
Глава 10. Красива природа Урала	195
Глава 11. История Невьянска Часть 1. Восемнадцатый век	205
Часть 2. Деятнадцатый век	245
Часть 3. Двадцатый век	265
Часть 4. Двадцать первый век	304
Глава 12. Видные люди Невьянска и района	339
Глава 13. Невьянцы – мои родня и друзья	386
Глава 14. Башня Невьянская, живи в веках	436
Список иллюстраций	458
Примечания	461
Содержание	465

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы о книге и пожелания присылать
по адресу:

426053, г. Ижевск, Удмуртская Республика,

А/Я 628;

тел. дом. (3412) 71-37-38;

сот. 8.951.205.07.38.

Козлову Виктору Фёдоровичу.

Виктор Фёдорович Козлов

НЕВЬЯНСК И ТАЙНЫ ПАДАЮЩЕЙ БАШНИ

Историческая поэма

Оформление книги, форзацы, иллюстрации,
компьютерная вёрстка, печать, переплёт, обложка
выполнены автором книги В. Ф. Козловым

Издано 09.09.2014.
Формат А5. 468 стр. Бумага ксероксная,
офсетная; обложка картонная с ламинированием.
Тираж 15 экземпляров.

Удмуртское отделение Союза архитекторов
России; «Дом архитектора». Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. Советская, 16. Тел. раб. (3412) 78-27-22.

